

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 20

АННА КАРЕНИНА

ЧЕРНОВЫЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

Лев Николаевич Толстой
Полное собрание сочинений.
Том 20. Анна Каренина.
Черновые редакции и варианты
Серия «Весь Толстой в один клик»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6562283

Содержание

Лев Николаевич	6
Предисловие к электронному изданию	8
АННА КАРЕНИНА	14
ПРЕДИСЛОВИЕ К ДВАДЦАТОМУ ТОМУ.	15
РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ.	17
АННА КАРЕНИНА. ЧЕРНОВЫЕ РЕДАКЦИИ	21
И ВАРИАНТЫ	
ПЛАНЫ И ЗАМЕТКИ К «АННЕ	21
КАРЕНИНОЙ».	
* № 1 (рук. № 1).	21
* № 2 (рук. № 1).	24
* № 3 (рук. № 1).	25
* № 4 (рук. № 1).	28
* № 5 (рук. № 1).	31
* № 6 (рук. № 1).	32
* № 7 (рук. № 1).	33
* № 8 (рук. № 1).	33
* № 9 (рук. № 1).	34
* № 10 (рук. № 1).	34
* № 11 (рук. № 38).	35
* № 12 (рук. № 96).	36
* № 13 (рук. № 101).	37
ВАРИАНТЫ К «АННЕ КАРЕНИНОЙ»	39

** № 1 (рук. №2).	39
* № 2 (рук. № 3).	50
* № 3 (рук. № 4).	57
* № 4 (рук. № 5).	98
* № 5 (рук. № 6).	107
<Часть I. Глава I.>	107
АННА КАРЕНИНА	107
ЧАСТЬ I	107
* № 6 (рук. № 7).	159
<АННА КАРЕНИНА.	159
* № 7 (рук. № 8).	171
АННА КАРЕНИНА.	171
* № 8 (рук. № 17).	183
[305]ДВА БРАКА.	183
* № 9 (рук. №. 9).	190
* № 10 (рук. № 16).	222
* № 11 (рук. № 16).	233
* № 12 (рук. № 103).	236
* № 13 (рук. № 12).	237
* № 14 (рук. № 17).	238
* № 15 (рук. № 17).	239
* № 16 (рук. № 103).	245
* № 17 (рук. № 21).	268
№ 18 (рук. № 17).	274
* № 19 (рук. № 13).	274
* № 20 (рук. № 17).	291

* № 21 (рук. № 17).	292
* № 22 (рук. № 17).	294
* № 23 (рук. № 17).	295
* № 24 (рук. № 103)	296
* № 25 (рук. № 14).	299
* № 26 (рук. № 15).	314
* № 27 (рук. № 15).	316
* № 28 (рук. № 103).	319
* № 29 (кор. №109).	334
* № 30 (рук. № 103).	343
* № 31 (рук. № 16).	351
* № 32 (рук. № 21).	364
* № 33 (рук. № 22).	365
* № 34 (рук. № 26).	368
* № 35 (рук. № 18).	370
* № 36 (рук. № 24).	375
* № 37 (рук. № 19).	384
* № 38 (рук. № 22).	403
* № 39 (рук. № 31).	404
* № 40 (рук. № 27).	405

Конец ознакомительного фрагмента.	411
-----------------------------------	-----

**Лев Николаевич
Толстой
Полное собрание сочинений.
Том 20. Анна Каренина.
Черновые редакции и варианты**

Государственное издательство
«Художественная литература»
Москва – 1939

Электронное издание осуществлено в рамках краудсорсингового проекта [«Весь Толстой в один клик»](#)

Организаторы: [Государственный музей Л.Н. Толстого](#)
[Музей-усадьба «Ясная Поляна»](#)
[Компания АБВУУ](#)

Подготовлено на основе электронной копии 20-го тома Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого, предоставленной [Российской государственной библиотекой](#)

Электронное издание 90-томного собрания сочинений Л.Н. Толстого доступно на портале www.tolstoy.ru

*Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам
info@tolstoy.ru*

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928—1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л.Н.Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и *координации* Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л.Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией ABBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы ABBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры *тома и отдельные произведения* публикуются в

электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л.Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

L É O N T O L S T O Ï

O E U V R E S C O M P L È T E S

SOUS LA RÉDACTION GÉNÉRALE

de V. TCHERTKOFF

AVEC LA COLLABORATION DU COMITÉ DE RÉDACTION:

K. CHOKHOR-TROTSKY. N. GOUDZY. N. GOUSSEFF, A. GROUSINSKY,

N. PIKSANOFF, N. RODIONOFF. P. SAKOULINE. V. SRESNEWSKY,

et M. TSIATLOVSKY

SANCTIONNÉE PAR LA COMMISSION DE RÉDACTION D'ÉTAT:
V. BONTCH-BROUÏÉVITCH, J. LOUPPOL et M. SAVELIEFF

PREMIÈRE SÉRIE
O E U V R E S

TOME
20

Л. Н.

ПОЛНО

Перепечатка разрешается безвозмездно.

—

Reproduction libre pour tous les pays

АННА КАРЕНИНА

РЕДАКТОР

Н. К. ГУДЗИЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ДВАДЦАТОМУ ТОМУ.

Черновые материалы к «Анне Карениной», публикуемые в настоящем томе, сохранились в значительной своей части, но, к сожалению, не полностью. Так, прежде всего, утрачено около половины наборной рукописи; утрачены и некоторые рукописные тексты – промежуточные между ранними черновыми набросками романа и текстом наборной рукописи. Возможно, что существовали, помимо сохранившихся планов, и такие, которые до нас не дошли. В самом незначительном количестве сохранились корректуры романа, особенно корректуры текста, печатавшегося в журнале «Русский вестник».

Почти все черновые материалы, относящиеся к «Анне Карениной», публикуются впервые. Публикация их, как правило, делается в порядке развития сюжета, применительно к окончательному тексту романа.

С самого начала работы над рукописями и корректурами «Анны Карениной» редактору оказывал помощь В. П. Гончаров. Кроме того, в переписке вариантов редактору помогали М. В. Булыгин, С. А. Стахович и В. В. Шершенев. Указатель собственных имен составлен В. С. Мишиным.

Н. Гудзий.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Толстого, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв во всех, без каких-либо исключений, случаях, когда в воспроизводимом тексте Толстого стоит большая буква.

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого (произведения, окончательно не отделанные, неоконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила:

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого», «тетенька» и «тетинька»).

Слова, не написанные явно по рассеянности, дополняются в прямых скобках.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это ударение не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючок вниз, вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в гла-

гольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «к-ый» вместо «который» и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ] лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводится.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] или [2 неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не огова-

ривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся не в сноске и ставятся в ломаных < > скобках, но в отдельных случаях допускается воспроизведение и отдельных зачеркнутых слов в ломаных скобках в тексте, а не в сноске.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое воспроизводится курсивом. Дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации соблюдаются следующие правила: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного написания); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях – с оговоркой в сноске: *Абзац редактора.*

Примечания и переводы иностранных слов и выражений,

принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [ ] скобках.

Пометы: *, **, ***, **** в оглавлении томов, на шмуцтитлах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после смерти Толстого, *** – что не вошло ни в одно из собраний сочинений Толстого и **** – что печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

АННА КАРЕНИНА. ЧЕРНОВЫЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

ПЛАНЫ И ЗАМЕТКИ К «АННЕ КАРЕНИНОЙ».

* № 1 (рук. № 1).

Прологъ. Она выходитъ за мужъ подь счастл[ивыми] auspices.¹ Она ѣдетъ <встрѣчать> утѣшать невѣстку и встрѣчаетъ Гагина.

1 часть.

1 глава. Гости собирались въ концѣ зимы, ждали Кар[ениныхъ] и говорили про нихъ. Она пріѣхала и неприлично вела себя съ Гагин[ымъ].

2 глава. Объясненіе съ мужемъ. Она упрекаетъ за прежнее равнодушіе. «Поздно»

3 глава. <Въ артели> Гагинъ изъ манежа собирается ѣхать на свиданье. Его мать и братъ совѣтуютъ ему, онъ ѣдетъ къ ней. <Вечеръ у нея. Мужъ.>

---

¹ [предзнаменованиями.]

4-я глава. Обѣдъ у Карен[иныхъ] съ Гагинымъ. Мужъ, разговоръ съ братомъ. Ст[епанъ] Арк[адычъ] успокоиваетъ и на счетъ нѣмецк[ой] партіи и на счетъ жены.

5-я глава. Скачки – падаетъ.

6 глава. Она бѣжитъ къ нему, объявляетъ о беременности, объясненіе съ мужемъ.

2 часть.

1 глава. Сидятъ любовники, и онъ умоляетъ разорвать съ муж[емъ]. Она отдѣл[ывается], говоритъ, что умру.

2 глава. Мужъ въ Москвѣ, С[тепанъ] А[ркадычъ] затаскиваетъ къ себѣ, уѣзжаетъ въ клубъ, разговоръ съ его женою. Семья С[тепана] А[ркадыча]. Несчастье А[лексѣя] А[лександровича], говоритъ, что выхода нѣтъ, надо нести крестъ.

<3 глава. Читаетъ всѣ романы, изучаетъ вопросъ. Все невозможно. Ёдетъ къ Троицѣ, встрѣча съ нигилистомъ, его утѣшеніе. Говѣтъ. Телеграма. Я умираю, прошу прощенье. Пріѣзжай.

3 глава. Ея сонъ опять. Ея ужасъ <– дьяволь>. Его пропусти и сына.

4 глава. Роды, оба ревуть. – Благополучно.

5-я глава. Поддерживаетъ въ себѣ христ[іанское] чувство, опускаетъ [ш]торки,² и все напоминаетъ, страдаетъ. Они шепчутся³ о томъ, что это невозможно.

6-я глава. Ст[епанъ] Арк[адычъ] предлагаетъ разводъ.

---

² Первая буква в этом слове оторвана.

³ Далее – одно слово на оторванной части листа.

Послѣдняя тщетная [?], онъ соглашается и уѣзжаетъ.>

<3-я часть.>

6 глава. Ст[епанъ] Арк[адьичъ] устраиваетъ по просьбѣ Г[агина] и Н[ана], и А[лексѣй] А[лександровичъ] соглашается подставить др[угую] щеку.

3 часть.

1 глава. Въ обществѣ хохотъ. Хотятъ соболѣзнованье. Онъ пріѣзжаетъ; но дома рыдаетъ.

2 глава. <Отпоръ> въ обществѣ, никто не пріѣзжаетъ <кромѣ дряни, она блеснуть. Сцена его ей.

3 глава. Онъ отсѣкнулся, сынъ къ матери, и онъ бьется, какъ бабочка.

4-я глава. У нее нигилисты. Онъ уѣзжаетъ> ихъ ругаетъ. <Она ревнуетъ. Такъ надо ѣхать въ деревню.

5-я глава. Онъ въ клубѣ играетъ. Они въ деревнѣ, ничего, кромѣ живот[ныхъ] отн[ошеній]; устроили жизнь къ чему? Онъ уѣзжаетъ. Такъ и я ѣду.

6-я глава. Установилось; онъ въ свѣтѣ, она дома, ея отчаяніе.

4-я часть.

1 глава. А[лексѣй] А[лександровичъ] шляется, какъ несчастный, и умираетъ. Его братья. Ст[епанъ] Арк[адьичъ] Видитъ ее и чувствуетъ, что она несчастлива, желалъ бы помочь ей. Одно – христ[іанская] любовь. Она отталкиваетъ. Сплетница экономка. Ледъ таетъ. Она жалѣетъ и раскаивается.

2-я глава. Онъ веселъ, пріѣзжаетъ. Болтунъ возбуждаетъ

ея ревность. А дома несчастливъ. На войну нельзя.

3-я глава Афронть отъ Кн. М. на дѣтяхъ. Болтунъ, ревность, débâcle⁴ чувства. Праздная [?] [*1 неразобр.*], еще сонъ.

4-я глава. Приѣзжаетъ А[лексѣй] А[лександровичъ].> Съ Гаг[инымъ] страшная сцена. Я не виновата.

5-я глава. Она уходитъ изъ дома и бросается.

6-я глава. Оба мужа, братъ.

Эпилогъ. А[лексѣй] А[лександровичъ] воспитываетъ <дѣтей> сына.> Гагинъ въ Ташкентѣ.⁵

* № 2 (рук. № 1).

1 Она отврат[ительная] женщ[ина].

2 Ищетъ только его [?].

3 Свѣтъ потухъ. За[чѣмъ]⁶ я не умерла.

Жестъ закрытія руками отъ стыда

Распроважно. А[лексѣй] А[лександровичъ] объясняется и говоритъ плишель, и хочется смѣяться и жалко.

Очень важное. Гимнастъ, гордь, приличень и вдругъ передъ ея лаской раскись.

Еще важнѣе. После 6 недѣль онъ соблазняетъ ее. Она –

---

⁴ [крушение]

⁵ На полях написано: [1] Церковь, служба, утѣшеніе. [2] О чемъ ни заговорятъ нигилисты – дѣти, состояніе – все приводится къ неяснымъ положеніямъ. [3] Сцена съ матерью.

⁶ Предположительное окончание слова приходилось на оторванный и утраченный край листа.

уйди, уйди. Нѣтъ, конечно. Но будетъ дурно, и улыбнулся.
Лучше бы я умерла.
Богу молитесь, батюшка!
Они думаютъ, что онъ можетъ переносить это, и онъ ужъ
[1 неразобр.]
Онъ ошибся, не разочтя на жизнь, и въ отчаяніи.
За обѣ[домъ?]
Вставлены зубы у А[лексѣя] Александровича].

Анна Каренина
Мщеніе мое
Соломонъ [?]
Алабинъ
К[нязь] Удашевъ
Ордынцевъ
К[нязь] Щербатскій
Острожскій
Исаенковъ
Базыкинъ
Жидковъ
Орѣховъ
Вереницынъ
Липоваловъ

* № 3 (рук. № 1).

Ссора Об[лонского] съ женой. Левинъ, предложеніе, Анна мирить. Балъ и отѣздъ въ П[етер]б[ургъ].

2.

Вечеръ въ П[етер]б[ургъ], объясненіе. Сцена съ мужемъ. Доктора отправляютъ загр[аницу]. Тяга въ деревню.

3.

Свершилось. Покося. Встрѣча въ каретѣ. Обида [?] мужа. Скачки. Объясненіе съ мужемъ.

4.

Ал[ексѣй] Ал[ександровичъ] ѣдетъ разводиться. Обѣдъ у Обл[онскаго]. Нигилисты въ Петерб[ургъ], роды, прощеніе.

5.

Сватѣба К[ити] и Левина и разрѣшеніе судьбы Вр[онскаго] и Кар[ениной].

6.

Въ деревнѣ женатый. Охота. Поѣздка Долли. Житіе Анны съ Вронскимъ. Маркевичъ, разсказъ о Петерб[ургскомъ] житіѣ.

7.

Въ Москвѣ, роды Кити. Житіе Анны. Сцена за нигилистовъ. Переѣздъ въ Петербурга, свиданье съ мужемъ и сыномъ и смерть ребенка.

<7.

Ложа, блескъ, афронтъ. Сцена ей. Смерть ребенка. Не причемъ жить. Переѣздъ Обл[онскаго] съ женой въ Петерб[ургъ] и Левиныхъ.>

8.

Свиданіє съ сыномъ и мужемъ. На дачѣ. Ревность къ Кити. Мать. Смерть.>

8.

Левины и Алабины въ Москвѣ. Приѣзжаетъ Вронскій къ матери. Онъ у Левина. Анна, <мученья> <смерть ребенка> мученья ревности. Мать, смерть.

<1. У Удашева. 2. Ссора, ревность: 3. У Удашевыхъ. Ничего, кромѣ чувств[енности]. Надо ѣхать въ Петерб[ургъ]>. 4-я часть.

1.

А[лексѣй] А[лександровичъ] въ министерствѣ, въ свѣтѣ, видитъ жену въ Лѣтн[емъ] саду. Мальчикъ, сестра.

2.

<Афронть въ> Лѣтн[ій] садъ, блескъ. Афронть – коляска или ложа, блескъ. Сцена Уд[ашева] ей.

3.

Орд[ынцевъ] въ Петербургъ для старика отца въ параличѣ. Счастье оч[ень] столкн[улось] съ сумбуромъ. Не боятся уже встрѣчъ съ Уд[ашевымъ]. Анна. Клубъ, Уд[ашевъ] играетъ.> Отсѣкнулись *оба мужа*.

4.

Алабинъ въ Петербургѣ. Удашевъ играетъ съ Грабе, приѣзжаетъ домой – нигилисты. Сцена.

5.

Мать, ѣдетъ> Анна мучает[ся], ѣдетъ объясняться съ ма-

терью. Искушеніе съ Грабе.

6.

Свиданіе съ сыномъ и мужемъ, ревность къ Уд[ашеву].

7.

<Смерть.> Собирается на смерть изъ дома.

8.

Ордынцевы и Алабинъ узнають подробности и А[лексѣй]
А[лександровичъ].

9.

Эпилогъ.

*** № 4 (рук. № 1).**

1 часть.

1 гл. Ст[епанъ] Арк[адычъ] встаетъ и объясняется съ женой.

2 гл. С[тепанъ] А[ркадычъ] видится съ Орд[ынцевымъ]. Орд[ынцевъ] исполненъ жизни. Куча предпріятій.

3 гл. Въ Зоолог[ическомъ] с[аду] Орд[ынцевъ] съ быкомъ и коньки съ К[ити].

4 гл. Обѣдъ <и объясненія о женитьбѣ> втроемъ. Ст[епанъ] Арк[адычъ] заѣзжаетъ <домой> къ тещѣ, примиреніе. Я винов[ать], что хо[тите?]

5 гл. <Вечеръ у Щерб[ацкихъ]. Орд[ынцевъ] навралъ, напуталь.>

6 гл. <И уѣхалъ въ деревню.>

7 гл. <Примиренье съ Д[олли].>

8 гл. Приѣздъ А[нны] К[арениной]. На жел[ѣзной] дорогѣ.

9 гл. Всѣхъ обворажив[аетъ].

10 гл. Балъ у Губерн[атора] и отѣздъ въ Пет[ербургъ] съ Уд[ашевымъ].⁷

<2 часть.>

1 гл. Вечеръ въ Пет[ербургѣ] весною.

2 гл. Лживое объяснен[іе] съ мужемъ.

3 гл. Положеніе мужа въ свѣтъ.

4 гл. <Въ артели Удаш[евъ] и свид[аніе].> – Покосъ, баба, путаница.

5 гл. <Скачки, паденіе.> – Сосѣди. Сближеніе <и поѣздки на скачки>.

6 гл. <Свиданіе съ нимъ.> – <Удаш[евъ] въ артели. Спасенье.>

7 гл. <Признаніе мужу.> – <Скачки, паденіе. Поѣздка въ Петербургъ.> У[дашевъ], Ст[епанъ] Арк[адьичъ].

8 гл. <Покосъ, баба, народъ, путаница.> – <Свиданье с ней.> Скачки, паден[іе].

9 гл. <Сосѣди К., сближеніе, баба.> – <Признанье мужу.> Свид[аніе] съ н[имъ].

10 гл. <Спасенье, сближенье.> – Признанье мужу.

3 часть.

1 гл. Въ Петерб[ургѣ] встрѣч[аетъ] мужа. Объяснен[іе]

---

⁷ Рядом с текстом плана 1-й части написано и обведено кружком: Любовь идетъ сама по себѣ.

между любо[вниками?].

2 гл. А[лексѣй] А[лександровичъ] въ Москву.

3 гл. Адвокатъ.

4 гл. Духовникъ.

5 гл. А[лексѣй] А[лександровичъ] съ Д[олли].

6 гл. Обѣдъ.

7 гл. Телегр[амма] и отъѣздъ въ Пет[ербургъ].

III часть.

8 гл. Роды.

9 гл. <Отношенія> Крот[ость] А[лексѣя] А[лександровича].

10 гл. Возобновило любовь.

<4 часть.

1 гл. Ст[епанъ] Арк[адьичъ] устраиваетъ разв[одъ].

2 глава. Любовникъ устраива[етъ] тоже и бракъ.

3-я глава.>

4-я часть.

<1 гл. Бракъ Орд[ынцева] съ Кити. Ст[епанъ] Арк[адьичъ] пос[аженный] отецъ.>

2 гл. Ст[епанъ] Арк[адьичъ] устраиваетъ разводъ.

3 гл. Люб[овники] объясняютъ и о томъ же.

4 гл. Бракъ Уд[ашева] съ Анной.

5 гл. Жизнь А[лексѣя] А[лександровича] въ Петерб[ургъ].

IV часть.

<6 гл.> Какъ жилъ Орд[ынцевъ].

<7 гл.> Варить варенье, разговоръ..

<8 гл.> Приѣздъ Ст[епана] Аркадьича] и охота.

<9 гл.> Поѣздка Долли.

<10 гл.> Сцена между К[ити] и О[рдынцевымъ] и между Уд[ашевымъ] и А[нной].

5 часть.

1 гл. А[лексѣй] А[лександровичъ] живетъ съ сыномъ.

2 гл. Встрѣча съ жен[ой] на Нев[скомъ].

3 гл. Удашевы, ихъ среда и жи[знь].

4 гл. Театръ – и [*1 неразобр.*] на б[ольшой?] сцен[ѣ].

5 гл. Смерть ребенка в Мо[сквѣ].

6 гл. Нигилисты, любовь Граб[е].

7 гл. Объясненіе съ матерью и отчаянно от [?]

8 гл. <Кити живетъ и хочетъ ли [?]>

9 гл. Узнаетъ о мнимой невѣрности и бросается.

10 гл. Ст[епанъ] Арк[адьичъ] рыдаетъ.

Эпилогъ.

* № 5 (рук. № 1).

Не спалъ всю ночь, счастливъ и страшно, съ лакеемъ говорить. Съ Стивой. Всѣхъ заговорилъ. Какъ могутъ они спать.

Завтра – черезъ недѣлю. Вы съ ума сошли, но рада.

Нордстонъ, и та сіяла. Она прямо бросилась къ нему <обняла его>, отдалась ему, рѣшительно, близко, близко къ нему.

Кн[язь] А[лександръ] Д[митричъ] обнималъ Княгиню и

лабунился къ ней. Высыпала прислуга.

Глупъ ужасно. Конфеты дѣлають. Стива прелесть.

Все будетъ иначе, чѣмъ у другихъ.

Въ театръ. Пьеса.

Постоянно забываетъ, что онъ не она.

Она признанье — онъ. Ей тяжело, но простила.

Всѣ знаютъ всѣ озабочены.

*** № 6 (рук. № 1).**

Она гордится имъ на скачкѣ, весела.

Возвратившись къ чаю, она не дьявольское, а просто
безумно счастлива.

Онъ предлагаетъ денегъ на дачѣ.

Нѣтъ, кажется. Да!

Краснѣть.

Женихъ толстый, пьяный и невѣста хоро[ша].

Платье изъ Парижа.

Новый флигельад[ъютантъ] пѣтушится [?].

Въ отставку рѣшительно.

Уѣзжаетъ на ревизію и объясняется.

Ст[епанъ] Арк[адьичъ] жалѣеть. И она злится, онъ не лю-
бить.

* № 7 (рук. № 1).

Кити ужасно жалѣеть, что должна отказать Левину. И ей совѣстно призн[аться], что она не отказ[ала] бы, если бы не было Удашева.

Съ Ст[епаномъ] Ар[кадьичемъ] за обѣдомъ о братѣ Николаѣ.

Съ Кити на конькахъ о мачихѣ.

Съ братомъ о братѣ Никол[аѣ].

Долли, характ[еръ].

От[ецъ] Кн[язь] сердито смотритъ на заманиванье.

<Д[олли] слабая, кислая немног[о].>

* № 8 (рук. №.1).

Вр[онскій] о земледѣліи.

Общество земледѣлія.

Встрѣчаетъ на улицахъ, всѣ скачутъ.

Ст[епанъ] Арк[адьичъ] говоритъ про натянутость и ужасъ положенія Ан[ны].

«Надо быть спокойнымъ».

Онъ бросается оправдаться, защититъ, помочь. И тоже.

Досада на нее, на Бога.

Желаніе удрать и назадъ.

Иверская.

*** № 9 (рук. № 1).**

1) Начать съ дѣйствія, <уничто[жить]> перенести въ конецъ о разговорахъ.

Чувство униженія, когда совралъ.

2) Вронской подсѣлъ за обѣдомъ.

3) Сцена Вр[онскаго] съ Анной. «Тебѣ упрямство, а если бы ты зналъ, что мнѣ».

<Онъ ужаснулся.> Она поняла, и онъ опять освободился.

4) Отвращеніе къ ребенку, ничего веселаго, и ужасно жалко. —

Сельскохозяйственные.

Увидавъ Анну, Кити мелка.

Дома мелка.

При родахъ раскаяніе.

3 дня побѣда.

*** № 10 (рук. № 1).**

Эпилогъ.

Кити бѣжала навстрѣчу.

С[ергѣй] И[вановичъ] доказываетъ православіе.

Пчельникъ.

Грудной чай, мочала.

Тѣнь. Лопухи.

Гудѣніе пчель, полнота.

Смотрить въ окно на звѣзды. — Астрономія, прямое восхождение не мѣшаетъ.

Молитва о спасеніи.

Только признаніе власти.

Одно добро не имѣетъ причины и послѣдствій.

Непроницаемая броня: Да души то ужъ никакой.

А она рада, что онъ испугался.

Ливень идетъ.

*** № 11 (рук. №38).**

Во снѣ, просыпается. Неужели это правда? Все кончено?

Покось <не убираетъ>, народъ, <баба>.

Напуталь, не с[о]враль.

Недостаточно — ѣдетъ <въ Москву. Разгов[оръ] съ Ал[абинымъ]. Ты правъ. Работа умственная къ сосѣдямъ.

Нечаянное сближеніе. И свобода уже тяжела.

Надѣялся васъ видѣть въ Москвѣ.

3) Сѣно и открываетъ мужу.

4) Въ Москвѣ и роды.

5) Въ деревнѣ оба.

Римъ. Ордынцевъ и Кити.

Долинъ Иванскій, и онъ одинъ.

3 часть.

Въ деревнѣ у Долли.

Она смирилась и знает свое несчастье.

Покось и зарей въ каретѣ.

– Вы приѣдете? – Нѣтъ.

Толки про связь Анны.

Встрѣтилъ въ каретѣ.⁸

* № 12 (рук. № 96).

<Обѣдъ, разговоръ о прогрессѣ.>

<Разговоръ передъ обѣдомъ.> Я должна сказать, кто и кто у насъ. Думаютъ, что я хочу доказать. Я ничего не хочу, не знаю.

Щурится.

Не рожать.

Имя Анночка.

Переписка съ Алексѣемъ Александровичемъ.

Онъ тебѣ не говорилъ про свои общественныя обязанности.

Тяж[ело], грустно, хочется домой.

Обидно Д[олли] за Кн[ягиню] Варвару.

---

⁸ На этом же листе выписки по-французски (из книги Ларошфуко «*Maximes*»):[1] La jalousie se nourrit dans les doutes. Elle devient furieuse ou elle finit sitôt qu'on passe du doute à la certitude.[2] Il n'y a guère de gens qui ne soient honteux de s'être aimés lorsqu'ils ne s'aiment plus.[3] Il y a des gens qui n'auraient jamais été amoureux, s'ils n'ayaient jamais entendu parler de l'amour.[4] Il est aussi facile de se tromper soi même sans s'en apercevoir qu'il est difficile de tromper les autres sans qu'ils s'en aperçoivent.[5] Le caprice de notre humeur est encore plus bizarre que celui de la fortune.

Анна знаетъ Архитект[уру].

Помѣщикъ говорить о сословіи, какъ о дубѣ.

Вронской на выборахъ.

Свіяжскій.

Записка отъ нея. Приѣзжаетъ домой. Морфинъ. И ужъ она знаетъ, что онъ тяготится ею. То пусть тяготится, но будетъ тутъ. Утромъ поѣздка на бѣга.

*** № 13 (рук. № 101).**

Слав[янский] вопросъ занимать всѣхъ. А[лексѣй] А[лександровичъ]. Л[идія] И[вановна] бросила общ[ество] христ[іанское]. Редактор[ы] безъ газетъ. Мин[истры] безъ минист[ерствъ]. Полков[одцы] безъ армій. С[ергѣй] И[вановичъ] ѣдетъ грустный. Книгу избрали. Слав[янский] вопросъ предвосхитилъ. Ёдетъ съ Катав[асовымъ] отдохнуть. Проводы на станціи. Гр[афиня] Вр[онская] провожаетъ сына. Разговорила съ С[ергѣемъ] И[вановичемъ], рассказ[ываетъ] о первомъ врем[ени]. Вр[онскій] угрюмый. Жизнь моя мнѣ не нужна, такъ отдать ее за дѣло.

—

Хозяйство Левина продолжало занимать его, безъ плана, съ сознаніемъ долга, самопожертвованія. Одно — неясность больше и больше мучала его, во всемъ искалъ, унизился [?]. Разговоръ съ мельникомъ. Легъ, трава узломъ. Не для нужды, только не дурно, со всѣми вмѣстѣ, какъ дѣти... *Запѣло въ*

душнѣ.

Пришелъ домой. Разговоръ съ Катавасовымъ о религіи, съ С[ергѣемъ] И[вановичемъ] о слав[янскомъ] вопросѣ; разрушилось.

Гроза. Бѣжить за Митей съ Кити. <Кити съ Долли говорить о полити[кѣ] [?], Стива, любовь>. И такъ важно, что думается о разрушеніи. Вечеромъ въ тишинѣ опять взгляды отворачиваются.

Ахъ, какъ хорошо. Онъ узнаетъ. Еще любовь, другая только, забота, трудъ безъ радости.

Катавас[овъ] особая порода.

Думая матерьялистично, только стоитъ думать до конца, и придешь къ худшей безсмыслицѣ.

Левинъ видѣлъ Анну на столѣ и Вронскаго съ поднятой панталонной, безъ шапки.

Грѣхъ, объясненіе зла и смерти.

Грудница.

Тоска весеняя [?]

Любовь.

Спасень.

Узнаетъ.

Гроза.

С[ергѣй] И[вановичъ], книга; безъ дѣла скучаетъ.

Катавасовъ разстроилъ его вѣрованіе. Возстанавливается въ тишинѣ ночи.

ВАРИАНТЫ К «АННЕ КАРЕНИНОЙ»

** № 1 (рук. №2).

МОЛОДЕЦ—БАБА.

1.

Гости послѣ⁹ оперы съѣзжались къ молодой Княгинѣ¹⁰ Врасской. Княгиня Мика, какъ ея звали въ свѣтѣ, только успѣла, пріѣхавъ изъ театра, снять шубку¹¹ передъ окруженнымъ цвѣтами зеркаломъ въ ярко освѣщенной передней; еще она отцѣпляла маленькой ручкой въ перчаткѣ упрямо зацѣпившееся кружево за крючокъ шубки, когда изъ подъ лѣстницы показалось въ накинutomъ на высокую прическу красномъ башлыкѣ красивое личико Нелли, и слышалось военное легкое бряцаніе шпоръ и сабли ея мужа, и показалась вся сіяющая плѣшивая приглаженная голова и усатое лицо ея мужа.

Княгиня Мика разорвала, сдернувъ, перчатку и все-таки не выпростала и разорвала кружево. <Она> улыбкой встрѣтила

---

⁹ Зачеркнуто: театра

¹⁰ Зач.: <Кареловой> М[икѣ]

¹¹ Слово: шубку по ошибке зачеркнуто вместе с последующими словами: въ ярко освѣщенной, блестящей

гостей, которыхъ она только что видѣла въ театрѣ.

— Сейчасъ вытащу мужа изъ его кабинета и пришлю къ вамъ, — проговорила она и скрылась за тяжелой портьерой. — Чай въ большой гостиной, — сказала она толстому дворецкому, прошедшему за нее, — и Князя просить.

Пока Княгиня Мика въ уборной съ помощью встрѣтившей ея франтихи горничной розовыми пальчиками, напудренными лебяжьимъ пухомъ, какъ бы ощупывала свое лицо и шею и потомъ стирала эту пудру и горничная ловкими быстрыми пальцами и гребнемъ потрогивала ее прическу, давая ей прежнюю свѣжесть, и пока Нелли съ мужемъ въ передней снимали шубы, передавая ихъ¹² [на руки] слѣдившихъ за каждымъ ихъ движеніемъ ожидавшихъ двухъ въ чулкахъ и башмакахъ лакеевъ, ужъ входная большая стеклянная дверь нѣсколько разъ беззвучно отворилась швейцаромъ, впуская новыхъ гостей.

Почти въ одно и тоже время хозяйка съ освѣженными лицомъ и прической вышла изъ одной двери и гости изъ другой въ большую темную отъ обажуровъ гостиную, и естественно все общество сгруппировалось около круглаго стола съ серебрянымъ самоваромъ.

Разговоръ, какъ и всегда въ первые минуты сбора, дробился на привѣтственные рѣчи, на предложеніе чая, шутки, замѣчанія объ оперѣ, пѣвцахъ и пѣвицахъ, какъ будто отъис-

---

¹² Слово: ихъ по ошибке зачеркнуто вместе с последующими словами: беззвучно, почтительно

кивая предметъ и не позволяя быть болѣе завлекательнымъ, пока еще продолжали входить гости.

– Ахъ, пожалуйста, не будемъ говорить объ Нильсонъ. Я только и слышу это имя и одно и тоже о ней и все такое, что должно быть ново, но что уже сдѣлалось старо.

– А Китти будетъ? Отчего я давно ее не вижу?

– Она общалась; но ты знаешь, какъ можно рассчитывать на душу въ кринолинѣ, – отвѣчала хозяйка. – Да и потомъ мнѣ кажется, что у ней есть что то на сердцѣ. Боюсь не съ Ана ли что нибудь.

– Ана такъ мила!

– О да. Могу я вамъ предложить чашку чая, – обращалась она къ Генералу. – А вотъ и Serge.

– Расскажите мнѣ что нибудь злое и веселое, – говорила извѣстная умница фрейлина молодому Дипломату.

– Говорять, что злое и смѣшное несовмѣстимо, но я попробую, если вы мнѣ дадите тему.

Хозяинъ, молодой человѣкъ съ умнымъ и истомленнымъ лицомъ, вышелъ изъ боковой двери и здоровывается съ гостями.

– Какъ вамъ понравилась¹³ Нильсонъ, Графиня? – говоритъ онъ, неслышно подойдя по мягкому ковру к полной красивой дамѣ въ черномъ бархатномъ платьѣ.

– Какъ можно такъ пугать, – отвѣчаетъ дама, перегибаясь къ нему съ своимъ вѣромъ и подавая ему руку въ перчат-

---

¹³ Зачеркнуто: Трави[ата]

кѣ, которую она не снимаетъ, потому что рука ея некрасива. — Не говорите, пожалуйста, про оперу со мной. Вы думаете, что вы спускаетесь до меня, а я этаго вамъ не позволяю. Я хочу спуститься до васъ, до вашихъ гравюръ. Разскажите мнѣ, какіе новыя сокровища вы нашли на толкучемъ...

Совершенно незамѣтно столъ устанавливается всѣмъ, что нужно для чая, гости размѣстились всѣ у круглаго стола. Мушоны обходятъ не слышно кресла дамъ и берутъ изъ рукъ хозяйки прозрачныя дымящіяся паромъ чашки чая. Хозяйка стоитъ съ рукой съ отставленнымъ розовымъ мезинчикомъ на серебряномъ кранѣ и выглядываетъ изъ самовара на гостей и на двери и даетъ знаки въ тѣни стоящимъ 2-мъ лакеямъ. Разговоръ изъ отрубковъ фразъ начинаетъ устанавливаться въ разныхъ группахъ и, для того чтобы сдѣлаться общимъ и завлекательнымъ, разумѣется, избираетъ своимъ предметомъ лица всѣмъ извѣстныя, и, разумѣется, объ этихъ лицахъ говорятъ зло, иначе говорить было бы нечего, такъ какъ счастливые народы не имѣютъ исторіи.

Такого рода разговоръ установился въ ближайшемъ уголкѣ къ хозяйкѣ, и теперь этотъ разговоръ имѣетъ двойную прелесть, такъ какъ тѣ, о которыхъ злословятъ, друзья хозяйки и должны пріѣхать нынѣшній вечеръ; говорятъ о молодой¹⁴ Анастасѣ (Ана¹⁵ Гагина, какъ ее зовутъ въ свѣтѣ) и о ея мужѣ. Молодой дипломатъ самъ избралъ эту тему, когда

---

¹⁴ *Зачеркнуто:* Анѣ

¹⁵ *Зач.*: <Пушкино> Бернова

упомянули о томъ, что Пушкины общались быть сегодня, но не могли приѣхать рано, потому что у Алексѣя Александровича какой то комитетъ, а она всегда ѣздитъ только съ мужемъ.

– Я часто думаль, – сказала дипломать, – что, какъ говорятъ, народы имѣють то правительство, котораго они заслуживають, такъ и жены имѣють именно тѣхъ мужей, которыхъ онѣ заслуживають, и Ан[астасья?] Аркадьевна¹⁶ Каренина вполне заслуживаетъ своего мужа.

– Знаете ли, что, говоря это, вы, для меня по крайней мѣрѣ, дѣлаете похвалу ей.

– Я этаго и хочу.

– Только какъ онъ можетъ спокойно спать съ такой женой. И съ всякимъ другимъ мужемъ она бы была героиней стариннаго романа.

– Она знаетъ, что мужъ ея замѣчательный человекъ, и¹⁷ она удовлетворяется. Она примѣрная жена.

– Была.

– Я никогда не могла понять, Княгиня, – сказала фрейлина, что въ немъ замѣчательнаго. Если бы мнѣ всѣ это не твердили, я бы просто приняла его за дурачка. И съ такимъ мужемъ не быть героиней романа – заслуга.

– Онъ смѣшонъ.

– Стало быть, не для нея, – сказала хозяйка. – Замѣтили

---

¹⁶ *Зач.*: Пушкина

¹⁷ *Зач.*: лелѣть его

вы, какъ она похорошѣла. Она положительно *не* хороша, но если бы я была мужчиной, я бы съ ума сходила отъ нея, – сказала она, какъ всегда женщины [говорять?] это, ожидая возраженія.

Но какъ ни незамѣтно это было, дипломатъ замѣтилъ это, и, чтобъ подразнить ее, тѣмъ болѣе что это была и правда, онъ сказалъ:

– О да! Послѣднее время она расцвѣла. Теперь или никогда для нея настало время быть героиней романа.

– Типунъ вамъ на языкъ, – сказала хозяйка.

Хозяйка говорила, но ни на минуту не теряла взгляда на входную дверь.

– Здравствуйте,¹⁸ Михаилъ Аркадьичъ, – сказала она,¹⁹ встрѣчая²⁰ входившаго сіяющаго цвѣтомъ лица, бакенбардами и бѣлизной жилета и рубашки молодцоватаго Облонскаго.

– А сестра ваша Анна будетъ? – прибавила она громко, чтобы разговоръ о ней замолкъ при ея братѣ. – Приѣдетъ она?

– Не знаю, Княгиня. Я у нее не былъ.

И Степанъ Аркадьичъ, знакомый со всѣми женщинами и на ты со всѣми мужчинами, добродушно раскланивался, улы-

---

¹⁸ Зачеркнуто: Степанъ

¹⁹ Зач.: особенно громко, – а что

²⁰ Зач.: улыбкой молодого полного румянаго съ прекрасными красными губами прямо дер[жавшагося] добродушнаго молодого человѣка, который входилъ, высоко неся бѣлую грудь въ открытомъ до невозможн[ости] жилетѣ.– А ваша сестра <Ана Пушкина> М-me Карени[на]

баясь и отвѣчая на вопросы.

– Откуда я? Чтожъ дѣлать? Надо признаваться. Изъ Буффовъ. La Comtesse de Rudolstadt²¹ прелесть. Я знаю, что это стыдно, но въ оперѣ я сплю, а въ Буффахъ досиживаю до послѣдняго конца и всласть. Нынче..

– Пожалуйста, не рассказывайте про эти ужасы.

– Ну, не буду, чтоже дѣлать, мы Москвичи еще не полированы и терпѣть не можемъ скучать.

Дама въ бархатномъ платьѣ подозвала къ себѣ Степана Аркадыча.

– Ну что ваша жена? Какъ я любила ее. Расскажите мнѣ про нее.

– Да ничего, Графиня. Вся въ хлопотахъ, въ дѣтяхъ, въ классахъ, вы знаете.

– Говорятъ, вы дурной мужъ, – сказала дама тѣмъ шутливымъ тономъ, которымъ она говорила объ гравюрахъ съ хозяиномъ.

²²Михаиль Аркадычъ²³ разсмѣялся. Если отъ того, что я не люблю скучать, то да. Эхъ, Графиня, всѣ мы одинаки. Она не жалуется.

– Ну, а что ваша прелестная свояченица Кити?

– Она очень больна, уѣхала за границу.

Степанъ Аркадычъ оглянулся, и лицо его еще больше

---

²¹ [Графиня Рудольштадт]

²² Зач.: Степанъ

²³ Зач.: на мгновенье нахмурился, но сейчас же

просіяло.

– Вотъ кого не видалъ все время, что я здѣсь, – сказалъ онъ, увидавъ входившаго²⁴ Вронскаго.

– Виновать, Графиня, – сказалъ Степанъ Аркадьичъ и, поднявшись, пошелъ къ вошедшему.

Твердое, выразительное лицо²⁵ Гагина съ свѣже выбритой, но синѣющей отъ силы растительности бородой просіяло, открывъ сплошные, правильнаго полукруга здоровенные зубы.

– Отчего тебя²⁶ нигдѣ не видно?

– Я зналъ, что ты здѣсь, хотѣлъ къ тебѣ заѣхать.

– Да, я дома, ты бы заѣхалъ. Однако какъ ты оплѣшивѣлъ, – сказалъ Степанъ Аркадьичъ, глядя на его почти голую прекрасной формы голову и короткіе черные, курчавившіеся на затылкѣ, волосы.

– Что дѣлать? Живешь.

– Ну, завтра обѣдать вмѣстѣ. Мнѣ сестра про тебя говорила.

– Да, я былъ у ней.

²⁷Вронскій замолчалъ, оглядываясь на дверь. Степанъ Аркадьичъ посмотрѣлъ на него.

– Что ты оглядываешься? Ну, такъ завтра обѣдать у Дюссо

---

²⁴ *Зачеркнуто:* невысокаго роста коренастаго военнаго, молодаго, но почти плѣшиваго и съ серьгой въ ухѣ

²⁵ *Зач.*: Вронскаго.

²⁶ *В рукописи:* тебѣ

²⁷ *Зачеркнуто:* Гагинъ

въ 6 часовъ.

— Однако я еще съ хозяйкой двухъ словъ не сказалъ, — и Вронскій пошелъ къ хозяйкѣ съ пріятными, такъ рѣдко встрѣчающимися въ свѣтѣ пріемами скромности, учтивости, совершеннаго спокойствія и достоинства.

Но и хозяйка, говоря съ нимъ, замѣтила, что онъ нынче былъ не въ своей тарелкѣ. Онъ безпрестанно оглядывался на дверь и ронялъ нить разговора. Хозяйка въ его лицѣ, какъ въ зеркалѣ, увидала, что теперь вошло то лицо, которое онъ ждалъ. Это²⁸ была Нана Каренина впереди своего мужа.

Дѣйствительно, они были пара: онъ прилизанный, бѣлый, пухлый и весь въ морщинахъ; она некрасивая съ²⁹ низкимъ лбомъ, короткимъ, почти вздернутымъ носомъ и слишкомъ толстая. Толстая такъ, что еще немного, и она стала бы уродлива. Если бы только не огромныя черныя рѣсницы, украшавшія ея сѣрые глаза, черныя огромныя волосы, красившія лобъ, и не стройность стана и граціозность движеній, какъ у брата, и крошечныя ручки и ножки, она была бы дурна. Но, несмотря на некрасивость лица, было что-то въ добродушіи улыбки красныхъ губъ,³⁰ такъ что она могла нравиться.³¹

---

²⁸ *Зач.*: былъ А. А. <Гагинъ> Каренинъ съ женою.

²⁹ *Зач.*: маленькимъ

³⁰ *Зач.*: за что

³¹ *Против этих строк и ниже на полях написано:* [1] Кидается, не зная куда пристать. [2] Ей легко свѣтское, что др[угимъ] трудно. На жалкое *plaisant[erie?]* посмотре[ть?] съ недоумѣніемъ и, главное, глаза. [3] Сдержанная энергія движеній.

Хозяйка мгновенно сообразила вмѣстѣ нездоровье³² Мاري, сестры Каренина, и удаленіе ея послѣднее время отъ свѣта. Толки толстой дамы о томъ, что³³ Вронскій, какъ тѣнь, вездѣ за³⁴ Анной и его пріѣздъ нынче, когда онъ не былъ званъ,³⁵ связало всѣ эти замѣчанія.³⁶

«Неужели это правда?» думала она.

— Хотите чая? Очень рада васъ видѣть. Вы, я думаю, со всѣми знакомы. А вотъ и Анна, — сказала она самымъ небрежнымъ тономъ, но глаза ея слѣдили за выраженіемъ лица Вронскаго, и ей завидно стало за то³⁷ чувство и радости и страха, которое выразилось на лицѣ Вронскаго при входѣ Анны.

Анна своимъ обычнымъ твердымъ и необыкновенно легкимъ шагомъ, показывающимъ непривычную въ свѣтскихъ женщинахъ физическую силу, прошла тѣ нѣсколько шаговъ, которые отдѣляли ее отъ хозяйки, и при взглядѣ на Врон-

---

³² *Зачеркнуто:* Кити

³³ *Зач.:* Гагинъ

³⁴ *Зач.:* Нана

³⁵ *Зач.:* его безпокойство и оглядыванье и, главное, послѣднее, что прив[ело]

³⁶ *Зач.:* Это было лицо Нана, <ея взглядъ на Гагина.> Никто не могъ спорить съ молодымъ человѣкомъ, назвавшимъ ее некрасивой, въ то время какъ она вошла въ комнату и, еще больше сощуливъ свои и такъ небольшіе узкіе глаза (такъ что видны были только густые черные рѣсницы), вглядывалась въ лица. Низкій, очень низкій лобъ, маленькіе глаза, <толстыя,> неправильныя губы и носъ <некрасивой формы>. <Но когда> Она сдѣлала тѣ нѣсколько шаговъ, которые отдѣляли ее отъ хозяйки,

³⁷ *В рукописи после этого: что*

скаго, блеснувъ сѣрыми глазами, улыбнулась свѣтлой доброй улыбкой. Она крѣпко пожала протянутыя руки своей крошечной сильной кистью³⁸ и быстро сѣла.³⁹ И когда она заговорила своимъ яснымъ, отчетливымъ, безъ одной недоговорки или картавленья голосомъ, всегда чрезвычайно пріятнымъ, но иногда густымъ и какъ бы воркующимъ, нельзя было, глядя на ея удивительныя не костлявыя и не толстыя мраморныя плечи, локти и грудь, на⁴⁰ оконечности, ловкую силу движеній и простоту и ясность пріемовъ, не признать въ ней, несмотря на некрасивую небольшую⁴¹ голову, нельзя было не признать ее привлекательною. На поклонъ⁴² Вронскаго она отвѣчала только наклоненіемъ⁴³ головы,⁴⁴ но слегка покраснѣла и обратилась къ хозяйкѣ:

– Алексѣй не могъ раньше пріѣхать, а я дожидалась его и очень жалѣю.

Она смотрѣла на⁴⁵ входившаго мужа. Онъ съ тѣмъ наклоненіемъ головы, которое указываетъ на умственное напря-

---

³⁸ *Зачеркнуто:* привѣщенной къ полнымъ, необыкновенно круглымъ локтямъ,

³⁹ *На полях против этих слов написано:* Дамы пасъ. Мужчины всѣ глядятъ на нее.

⁴⁰ *Зачеркнуто:* тончайшія

⁴¹ *Зач.*: съ огромными волосами

⁴² *Зач.*: Гагина

⁴³ *Зач.*: головки

⁴⁴ *Зач.*: и, блеснувъ на него долгимъ взглядомъ из-за черной рамки рѣсницъ,

⁴⁵ *Зачеркнуто:* жалкую, некрасивую, сутуловатую, маленькую фигуру мужа – не стараго бритого бѣлаго, бѣлокураго мужчину

женіе, подходилъ лѣнливѣмъ шагомъ къ хозяйкѣ.⁴⁶

Алексѣй Александровичъ не пользовался⁴⁷ общимъ всѣмъ людямъ удобствомъ серьезнаго отношенія къ себѣ ближнихъ. Алексѣй Александровичъ, кромѣ того, сверхъ общаго всѣмъ занятымъ мыслью людямъ, имѣлъ еще для свѣта несчастіе носить на своемъ лицѣ слишкомъ ясно вывѣску сердечной доброты и невинности. Онъ часто улыбался улыбкой, морщившей углы его глазъ, и потому еще болѣе имѣлъ видъ ученаго чудака или дурачка, смотря по степени ума тѣхъ, кто судилъ о немъ.

Алексѣй Александровичъ былъ человѣкъ страстно занятый своимъ дѣломъ и потому разсѣянный и не блестящій въ обществѣ. То сужденіе, которое высказала о немъ толстая дама, было очень естественно.

*** № 2 (рук. № 3).**

<2-я часть.>

I.

---

⁴⁶ *Зач.*: мямля что-то непонятное. Алексѣй Александровичъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, преданныхъ страстно умственному труду, но открытыхъ ко всѣмъ <наслажд[еніямъ]> благамъ міра людей и специалистовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ тонкихъ и умныхъ наблюдателей, но которыхъ, благодаря ихъ внѣшнему труженническому виду, ихъ случайной разсѣянности, такъ охотно подводятъ подъ одну общую категорію дѣльныхъ и занятыхъ ученыхъ людей или чудаковъ или даже дурачковъ и которые потому рѣдко пользуются

⁴⁷ *В рукописи дальшее слово: тѣмъ, по контексту связанное с зачеркнутым текстом и, видимо по рассеянности, здесь Толстым не зачеркнутое.*

⁴⁸Пріѣхавъ изъ оперы, хозяйка только успѣла въ уборной опудрить свое худое, тонкое лицо и⁴⁹ худошавую шею и грудь, стереть эту пудру, подобрать выбившуюся прядь волосъ, приказать чай въ большой гостиной и вызвать мужа изъ кабинета, какъ ужъ одна за другой стали подъѣзжать кареты,⁵⁰ и гости, дамы, мущины, выходили на широкій подъѣздъ, и огромный швейцаръ беззвучно отворялъ огромную стеклянную дверь, пропуская мимо себя пріѣзжавшихъ. Это былъ небольшой избранный кружокъ петербургскаго общества, случайно собравшійся пить чай послѣ оперы у Княгини⁵¹ Тверской, прозванной въ свѣтѣ Княгиней⁵² Нана.⁵³

Почти въ одно и тоже время хозяйка съ освѣженной прической и лицомъ вышла изъ одной двери и гости изъ другой въ большую гостиную съ темными стѣнами, глубокими пушистыми коврами и ярко освѣщеннымъ столомъ, блестящимъ бѣлизною скатерти, серебрянаго самовара и чайнаго прибора. Хозяйка сѣла за самоваръ, сняла перчатки и, отставивъ розовый мезинчикъ, повертывала кранъ, подставивъ

---

⁴⁸ *Зачеркнуто:* <Гости послѣ оперы собирались у Княгини Врасской.> Пріѣхавъ изъ оперы, Княгиня Мика, какъ ее звали въ свѣтѣ,

⁴⁹ *Зач.:* жилистую

⁵⁰ *Зач.:* къ ихъ огромному дому и высаживать <гостей> съ помощью лакеевъ свой грузъ

⁵¹ *Зачеркнуто:* Врасской

⁵² *Зач.:* Мика

⁵³ *На полях вкось вписано:* Борьба. Онъ говорить: «что вы со мной сдѣлали». Она говорить: «простите меня и оставьте».

чайникъ, и, передвигая стулья и кресла съ помощью незамѣтныхъ въ тѣни лакеевъ, общество собралось у самовара и на противоположномъ концѣ, около красивой дамы въ черномъ бархатѣ и съ черными рѣзкими бровями. Разговоръ, какъ и всегда въ первыя минуты, дробился, перебиваемый привѣтствіями, предложеніемъ чая, шутками, какъ бы отыскивая, на чемъ остановиться.

– Она необыкновенно хороша, какъ актриса; видно что она изучила Каульбаха, – говорилъ дипломатъ.

– Ахъ, пожалуйста, не будемъ говорить про Нильсонъ. Про нее нельзя сказать ничего новаго, – сказала толстая бѣлокурая дама, вся бѣлая, безъ бровей и безъ глазъ.

– Вамъ будетъ покойнѣе на этомъ креслѣ, – перебила хозяйка.

– Расскажите мнѣ что-нибудь⁵⁴ забавное, – говорилъ женскій голосъ.

– Но вы не велѣли говорить ничего злаго. Говорятъ, что злое и смѣшное несовмѣстимы, но я попробую. Дайте тему.⁵⁵

– Какъ вамъ понравилась Нильсонъ, Графиня? – сказалъ хозяинъ, подходя къ толстой и⁵⁶ бѣлокурой дамѣ.

– Ахъ, можно ли такъ подкрадываться. Какъ вы меня испугали, – отвѣчала она, подавая ему руку въ перчаткѣ, кото-

---

⁵⁴ Зачеркнуто: злое и смѣшное

⁵⁵ На полях вкось сверху вписано: Двѣ дамы царствуютъ: безбровая бойкая и черная красавица, молча и обиженная, злая.

⁵⁶ Зачеркнуто: красной

рую она не снимала, зная что рука красна.⁵⁷ – Не говорите, пожалуйста, про оперу со мной. Вы ничего не понимаете въ оперѣ. Лучше я спущусь до васъ и буду говорить съ вами про ваши маіолики и гравюры. Ну, что за сокровища вы купили послѣдній разъ на толкучкѣ? Они, какъ ихъ зовутъ, – эти, знаете, богачи банкиры Шпигельцы – они насъ звали съ мужемъ, и мнѣ сказывали, что соусъ стоилъ 1000 рублей; надо было ихъ позвать, и я сдѣлала соусъ на 85 копѣекъ, и всѣ были очень довольны. Я не могу дѣлать 1000 рублевыхъ соусовъ.

– Нѣтъ, моя милая, мнѣ со сливками, – говорила дама⁵⁸ безъ шиньона, въ старомъ шелковомъ платьѣ.

– Вы удивительны. Она прелесть.

Наконецъ разговоръ установился, какъ ни пытались хозяйка и гости дать ему какой-нибудь новый оборотъ, установился, выбравъ изъ 3-хъ неизбѣжныхъ путей – театр – опера, послѣдняя новость общественная и злословіе. Разговоръ около чернобровой дамы установился о пріѣздѣ въ Петербургъ короля, а около хозяйки на обсужденіи четы Карениныхъ.

– А⁵⁹ Мари не пріѣдетъ? – спросила толстая дама у хозяйки.

– Я звала ее и брата ее. Онъ обѣщался съ женой, а она

---

⁵⁷ *Зач.*: и сморщенна

⁵⁸ *Зачеркнуто*: вся въ кружевахъ и бриліантахъ

⁵⁹ *Зач.*: Кити

пишетъ, что она нездорова.

— Вѣрно, душевная болѣзнь. Душа въ кринолинѣ, — повторила она то, что кто то сказалъ о⁶⁰ Мари, извѣстной умницы, старой дѣвушкѣ и сестрѣ⁶¹ Алексѣя Александровича Каренина.

— Я видѣла ее вчера, — сказала толстая дама. — Я боюсь, не съ⁶² Анной ли у нее что нибудь.⁶³ Анна очень перемѣнилась со своей Московской поѣздки. Въ ней есть что то странное.

— Только некрасивыя женщины могутъ возбуждать такія страсти, — вступила въ разговоръ прямая съ римскимъ профилемъ дама.⁶⁴ — Алексѣй Вронскій сдѣлался ея тѣнью.

— Вы увидите, что⁶⁵ Анна дурно кончить, — сказала толстая дама.

— Ахъ, типунъ вамъ на языкъ.

— Мнѣ его жалко, — подхватила прямая дама. — Онъ такой замѣчательный человѣкъ. Мужъ говорить, что это такой государственный человѣкъ, какихъ мало въ Европѣ.

— И мнѣ тоже говорить мужъ, но я не вѣрю. Если бы мужа наши не говорили, мы бы видѣли то, что есть, а по правдѣ,

---

⁶⁰ *Зач.*: Кити

⁶¹ *Зач.*: <еще болѣе> <Каренина> извѣстнаго дѣльца и умницы Михаила

⁶² *Зач.*: Нана

⁶³ *Зач.*: Нана была жена Каренина, Анастасья Аркадьевна. — Есть что то странное въ Нана.

⁶⁴ *Зач.*: Алексѣй Гагинъ

⁶⁵ *Зач.*: Нана

не сердись,⁶⁶ Нана, Алексѣй Александровичъ по мнѣ просто глупъ. Я шепотомъ говорю это. Но неправда ли, какъ все ясно дѣлается. Прежде, когда мнѣ велѣли находить его умнымъ, я все искала и находила, что я сама глупа, не вижу его ума, а какъ только я сказала главное слово – *онъ глупъ*, но шопотомъ, все такъ ясно стало, не правда ли?

Обѣ засмѣялись, чувствуя, что это была правда.

– Ахъ, полно,⁶⁷ ты нынче очень зла, но и его я скорѣе отдамъ тебѣ, а не ее. Она такая славная, милая. Ну, что же ей дѣлать, если Алексѣй⁶⁸ Вронскій влюбленъ въ нее и какъ тѣнь ходитъ за ней.

– Да, но за нами съ тобой никто не ходитъ, а ты хороша, а она дурна.

– Вы знаете М-ме Каренинъ, – сказала хозяйка, обращаясь къ молодому человѣку, подходившему къ ней. – Рѣшите нашъ споръ – женщины, говорятъ, не знаютъ толку въ женской красотѣ. М-ме Кар[енинъ] хороша или дурна?

– Я не имѣлъ чести быть представленъ М-ме К[арениной], но видѣлъ ее въ театрѣ, она положительно дурна.

– Если она будетъ нынче, то я васъ представлю, и вы скажете, что она положительно хороша.⁶⁹

---

⁶⁶ Зач.: Мика

⁶⁷ Зачеркнуто: Мари,

⁶⁸ Зач.: Гагинъ

⁶⁹ Зач.: Генераль вслушивался въ разговоръ.

– Это про⁷⁰ Каренину говорятъ, что она положительно дурна? – сказалъ молодой Генераль, вслушивавшійся въ разговоръ.

И онъ улыбнулся, какъ улыбнулся бы человѣкъ, услышавшій, что солнце не свѣтитъ.

Около самовара и хозяйки между тѣмъ, точно также колебавшись нѣсколько времени между тремя неизбежными тѣмами: послѣдняя общественная новость, театръ и осужденіе ближняго, тоже, попавъ на послѣднюю, пріятно и твердо установился.

– Вы слышали – и Мальтищева – не дочь, а мать – шьетъ себѣ костюмъ *diable rose*.⁷¹

– Не можетъ быть?! Нѣтъ, это прелестно.

– Я удивляюсь, какъ съ ея умомъ, – она вѣдь не глупа, – не видѣтъ *ridicule* этаго.⁷²

Каждый имѣлъ что сказать, и разговоръ весело трещалъ, какъ разгорѣвшійся костеръ.

Мужъ Княгини Бетси, добродушный толстякъ, страстный собиратель гравюръ, узнавъ, что у жены гости, зашелъ передъ клубомъ въ гостиную. Онъ

---

⁷⁰ *Зач.*: Нана

⁷¹ [розового чорта.]

⁷² [как это смешно.]

* № 3 (рук. № 4).

I.

Молодая хозяйка, только что, запыхавшись, взбѣжала по лѣстницѣ и еще не успѣла снять соболью шубку и отдать приказанья дворецкому о большомъ чаѣ для гостей въ большой гостиной, какъ ужъ дверь отворилась и вошелъ генераль съ молодой женой, и ужъ другая карета загремѣла у подъѣзда.⁷³ Хозяйка только улыбкой встрѣтила гостей (она ихъ видѣла сейчасъ только въ оперѣ и позвала къ себѣ) и, поспѣшно отцѣпивъ⁷⁴ крошечной ручкой въ перчаткѣ кружево отъ крючка шубы, скрылась за тяжелой портьерой.

— Сейчасъ оторву мужа отъ его гравюръ и пришлю къ вамъ, — проговорила хозяйка изъ за портьеры и бѣжить въ уборную оправить волосы, попудрить рисовымъ порошкомъ и обтереть душистымъ уксусомъ.

Генераль съ блестящими золотомъ эполетами, а жена его [съ] обнаженными плечами управлялась передъ зеркалами между цвѣтовъ. Два беззвучные лакея слѣдили за каждымъ ихъ движеніемъ, ожидая мгновенія отворить двери въ зало. За генераломъ вошелъ близорукой дипломатъ съ измученнымъ лицомъ, и пока они говорили, проходя черезъ зало, хозяйка, ужъ вытащивъ мужа изъ кабинета, шумя платьемъ,

---

⁷³ *Зачеркнуто:* — Сейчасъ. Извините меня.

⁷⁴ *Зач.:* неловкой

шла на встрѣчу гостей въ большей гостиной по глубокому ковру. Въ обдуманномъ, не яркомъ свѣтѣ гостиной собралось общество.

– Пожалуйста, не будемъ говорить объ⁷⁵ Віардо. Я съита Віардою. Кити общала пріѣхать. Надѣюсь, что не обманетъ. Садитесь сюда поближе ко мнѣ, князь. Я такъ давно не слышала вашей желчи.⁷⁶

– Нѣтъ, я смирился ужъ давно. Я весь вышелъ.

– Какже не оставить про запасъ для друзей?

– Въ ней много пластическаго, – говорили съ другой стороны.

– Я не люблю это слово.

– Могу я вамъ предложить чашку чая?

По мягкому ковру обходятъ кресла и подходятъ къ хозяйкѣ за чаемъ. Хозяйка, поднявши розовый мизинчикъ, поворачиваетъ кранъ серебрянаго самовара и передаетъ китайскія прозрачныя чашки.

– Здравствуйте, княгиня, – говоритъ слабый голосъ изъ за спины гостыи. Это хозяинъ вышелъ из кабинета. – Какъ вамъ понравилась опера – Травіата, кажется? Ахъ, нѣтъ, Донъ Жуанъ.

– Вы меня испугали. Какъ можно такъ подкрадываться.

---

⁷⁵ Зач.: Нильсонъ

⁷⁶ Рядом на полях написано: <Застѣнчива.><Необыкновенно неприлично.>Онъ смѣшонъ. Она насмѣшлива. Сестра Леонида Дмитрича страдаетъ и оттого, что дѣти тоже, что онъ.

Здравствуйте.

Она ставитъ чашку, чтобъ подать ему тонкую съ розовыми пальчиками руку.

— Не говорите, пожалуйста, про оперу, вы ее не понимаете.

Хозяинъ здоровывается съ гостями и садится въ дальнемъ отъ жены углу стола. Разговоръ не умолкаетъ. Говорятъ [о] Ставровичъ и его женѣ и, разумѣется, говорятъ зло, иначе и не могло бы это быть предметомъ веселаго и умнаго разговора.

— Кто то сказалъ, — говоритъ⁷⁷ адъютантъ, — что народъ имѣетъ всегда то правительство, которое онъ заслуживаетъ; мнѣ кажется, и женщины всегда имѣютъ того мужа, котораго онѣ заслуживаютъ. Нашъ общій другъ Михаилъ Михайловичъ Ставровичъ есть мужъ, котораго заслуживаетъ его красавица жена.

— О! Какая теорія! Отчего же не мужъ имѣетъ жену, какую...

— Я не говорю. Но госпожа Ставровичъ слишкомъ хороша, чтобъ у нее былъ мужъ, способный любить...

— Да и съ слабымъ здоровьемъ.

— Я одного не понимаю, — въ сторону сказала одна дама, — отчего М-ме Ставровичъ вездѣ принимаютъ. У ней ничего нѣтъ — ни имени, ни *tenue*,⁷⁸ за которое бы можно было прощать.

---

⁷⁷ *Зачеркнуто*: дипломатъ

⁷⁸ [манеры держать себя,]

– Да ей есть что прощать. Или будетъ.

– Но прежде чѣмъ рѣшать вопросъ о прощеніи обществу, принято, чтобъ прощаль или не прощаль мужъ, а онъ, кажется, и не видитъ, чтобы было что нибудь à pardonner.⁷⁹

– Ее принимаютъ оттого, что она соль нашего прѣснаго общества.

– Она дурно кончить, и мнѣ просто жаль ее.

– Она дурно кончила – сдѣлалась такая обыкновенная фраза.

– Но милѣе всего онъ. Эта тишина, кротость, эта наивность. Эта ласковость къ друзьямъ его жены.

– Милая Софи. – Одна дама показала на дѣвушку, у которой уши не были завѣшаны золотомъ.

– Эта ласковость къ друзьямъ его жены, – повторила дама, – онъ долженъ быть очень добръ. Но если бъ мужъ и вы всѣ, господа, не говорили мнѣ, что онъ дѣльный человѣкъ (дѣльный это какое то кабалистическое слово у мужчинъ), я бы просто сказала, что онъ глупъ.

– Здравствуйте, Леонидъ Дмитричъ, – сказала хозяйка, кивая изъ за самовара, и поспѣшила прибавить громко подчеркнуто: – а что, ваша сестра М-ме Ставровичъ будетъ?

Разговоръ о Ставровичъ затихъ при ея братѣ.

– Откуда вы, Леонидъ Дмитричъ? вѣрно, изъ⁸⁰ буффъ?

– Вы знаете, что это неприлично, но чтоже дѣлать, опера

---

⁷⁹ [прощать.]

⁸⁰ *Зачеркнуто*: Французскаго театра

мнѣ скучно, а это весело. И я досиживаю до конца. Нынче...

– Пожалуйста, не рассказывайте...

Но хозяйка не могла не улыбнуться, подчиняясь улыбкѣ искренней, веселой открытаго, красиваго съ кра т. г. и б. в. з.⁸¹ лица Леонида Дмитрича.

– Я знаю, что это дурной вкусъ. Что дѣлать...

И Леонидъ Дмитричъ, прямо нося свою широкую грудь въ морскомъ мундирѣ, подошелъ къ хозяину и усѣлся съ нимъ, тотчасъ же вступивъ въ новый разговоръ.

– А ваша жена? – спросила хозяйка.

– Все по старому, что то тамъ въ дѣтской, въ классной, какія то важные хлопоты.

Немного погода вошли и Ставровичи,⁸² Татьяна Сергѣевна въ желтомъ съ чернымъ кружевомъ платьѣ, въ вѣнкѣ и обнаженная больше всѣхъ.

Было вмѣстѣ что то вызывающее, дерзкое въ ея одеждѣ и быстрой походкѣ и что то простое и смирное въ ея красиво-мъ румянномъ лицѣ съ большими черными глазами и такими же губами и такой же улыбкой, какъ у брата.⁸³

– Наконецъ и вы, – сказала хозяйка, – гдѣ вы были?

– Мы заѣхали домой, мнѣ надо было написать записку⁸⁴

---

⁸¹ Так в подлиннике. Расшифровать значение этих букв не удалось.

⁸² Зачеркнуто: Ан[на]

⁸³ На полях против этого абзаца написано: Застѣнчива. Скромна.

⁸⁴ Зачеркнуто: <Кура[кину]> <Корсаку> <Неволи[ну?]> Воля[нскому?] или Вольс[кому?]

Балашеву. Онъ будетъ у васъ.

«Этаго не доставало», подумала хозяйка.⁸⁵

– Михайль Михайловичъ, хотите чаю?

Лицо Михаила Михайловича, бѣлое, бритое, пухлое и сморщенное, морщилось въ улыбку, которая была бы притворна, еслибъ она не была такъ добродушна, и началъ мямлить что то, чего не поняла хозяйка, и на всякій случай подала ему чаю. Онъ акуратно разложилъ салфеточку и, оправивъ свой бѣлый галстукъ и снявъ одну перчатку, сталъ всхлипывая отхлебывать.⁸⁶ Чай былъ горячъ, и онъ поднялъ голову и собрался говорить. Говорили объ Офенбахѣ, что все таки есть прекрасные мотивы. Михайль Михайловичъ долго собирался сказать свое слово, пропуская время, и наконецъ сказалъ, что Офенбахъ, по его мнѣнію относится къ музыкѣ, какъ M-r Jabot относится къ живописи, но онъ сказалъ это такъ не во время, что никто не слыхалъ его. Онъ замолкъ, сморщившись въ добрую улыбку, и опять сталъ пить чай.

Жена его между тѣмъ, облокотившись обнаженной рукой на бархатъ кресла и согнувшись такъ, что плечо ее вышло изъ платья, говорила съ дипломатомъ громко, свободно, весело о такихъ вещахъ, о которыхъ никому бы не пришло въ голову говорить въ гостиной.⁸⁷

---

⁸⁵ *Зач.:* – Не знаю, – сказала она.

⁸⁶ *Рядом на полях написано:* <Что то противное и слабое>

⁸⁷ *Ниже поперек текста написано:* Разговор искренній, шуточный, насмѣш-

– Здѣсь говорили, – сказалъ дипломатъ, – что всякая жена имѣетъ мужа, котораго заслуживаетъ. Думаете вы это?

– Что это значить, – сказала она, – мужа, котораго заслуживаетъ? Что же можно заслуживать въ дѣвушкахъ? Мы всѣ одинакія, всѣ хотимъ выдти замужъ и боимся сказать это, всѣ влюбляемся въ перваго мушину, который попадется, и всѣ видимъ, что за него нельзя выйти.

– И разъ ошибившись, думаемъ, что надо выдти не за того, въ кого влюбились, – подсказалъ дипломатъ.

– Вотъ именно.

Она засмѣялась громко и весело, перегнувшись къ столу, и, снявъ перчат[ки], взяла чашку.

– Ну а потомъ?

– Потомъ? потомъ, – сказала она задумчиво. Онъ смотрѣлъ улыбаясь, и нѣсколько глазъ обратилось на нее. – Потомъ я вамъ расскажу, черезъ 10 лѣтъ.

– Пожалуйста, не забудьте.

– Нѣтъ, не забуду, вотъ вамъ слово, – и она съ своей не принятой свободой подала ему руку и⁸⁸ тотчасъ же⁸⁹ обратилась къ Генералу. – Когда же вы пріѣдете къ намъ обѣдать? – И,⁹⁰ нагнувъ голову, она взяла въ зубы ожерелье чер-

---

ливый и блестящій, умный. *Рядом на полях пометка:* <Нечаянно повстрѣчались [?], и всѣ ужаснулись, какъ пропустили.>

⁸⁸ *Зачеркнуто:* вставъ

⁸⁹ *Зач.*: отошла къ другому столу и сѣла за альбомы.

⁹⁰ *Зач.*: оттянувъ

наго жемчуга и стала водить имъ, глядя изъ подлюбья.

Въ 12-мъ часу взошелъ Балашевъ. Его невысокая коренастая фигурка всегда обращала на себя вниманіе, хотѣлъ или не хотѣлъ онъ этаго. Онъ, поздоровавшись съ хозяйкой, не скрываясь искалъ глазами и, найдя, поговоривъ что нужно было, подошелъ къ ней. Она передъ этимъ встала, выпустивъ ожерелье изъ губъ, и прошла къ столу въ углѣ, гдѣ были альбомы. Когда онъ сталъ рядомъ, они были почти одного роста. Она тонкая и нѣжная, онъ черный и грубый. По странному семейному преданію всѣ Балашевы носили серебряную курческую серьгу въ лѣвомъ ухѣ и всѣ были плѣшивы. И Иванъ Балашевъ, несмотря на 25 лѣтъ, былъ уже плѣшивъ, но на затылкѣ курчавились черные волосы, и борода, хотя свѣже выбритая, синѣла по щекамъ и подбородку. Съ совершенной свободой свѣтскаго человѣка онъ подошелъ къ ней, сѣлъ, облокотившись надъ альбом[ами], и сталъ говорить, не спуская глазъ съ ея разгорѣвшагося лица. Хозяйка была слишкомъ свѣтская женщина, чтобъ не скрыть неприличности ихъ уединеннаго разговора. Она подходила къ столу, за ней другіе, и вышло незамѣтно. Можно было начась сходить, и вышло бы хорошо. Отъ этаго то многіе, чувствуя себя изящными въ ея гостиной, удивлялись, чувствуя себя снова мужиками внѣ ея гостиной.

Такъ до тѣхъ поръ, пока всѣ стали разѣзжаться, просидѣли вдвоемъ Татьяна и Балашевъ. Михайлъ Михайловичъ ни разу не взглянулъ на нихъ. Онъ говорилъ о миссіи – это за-

нимало его – и, уѣхавъ раньше другихъ, только сказалъ:

– Я пришлю карету, мой другъ.

Татьяна вздрогнула, хотѣла что то сказать: – Ми... —, но Михаилъ Михайловичъ ужъ шель къ двери. Но зналъ, что сущность несчастія совершилась.

Съ этаго дня Татьяна Сергѣевна не получала ни одного приглашенья на балы и вечера большого свѣта.

II.⁹¹

Прошло 3 мѣсяца.⁹²

Стояло безночное Петербургское лѣто, всѣ жили по деревнямъ, на дачахъ и на водахъ за границей. Михаилъ Михайловичъ оставался въ Петербургѣ по дѣламъ своей службы избраннаго имъ любимаго занятія миссіи на востокѣ. Онъ жилъ въ Петербургѣ и на дачѣ въ Царскомъ, гдѣ жила его жена. Михаилъ Михайловичъ все рѣже и рѣже бывалъ послѣднее время на дачѣ и все больше и больше погружался въ работу, выдумывая ее для себя, несмотря на то, что домашній докторъ находилъ его положеніе здоровья опаснымъ и настоятельно совѣтовалъ ѣхать въ Пирмонтъ. Докторъ Гофманъ былъ другъ Михаила Михайловича. Онъ любилъ, несмотря на все занятое время, засиживаться у Ставровича.

---

⁹¹ Поперек начала текста II главы написано: <Не нужно.>. Кити за границу. Ордынцевъ покосъ убираетъ, его сватаютъ, не можетъ – ненависть къ Удашеву. Рядом на полях: <Я выстрадалъ.> Ему говорятъ. Онъ смѣшался и при родахъ. Отнялъ руки. Скачки. Яхта. <На водахъ.> Въ Швейцаріи. На водахъ Михаилъ Михайловичъ и Ордынцевъ и Кити. Михаилъ Михайловичъ ѣдетъ домой.

⁹² Зачеркнуто: Ужъ наступила безночная весна Петербурга.

— Я еще понимаю наших барынь, онѣ любятъ становиться къ намъ, докторамъ, въ положеніе дѣтей — чтобъ мы приказывали, а имъ бы можно не послушаться, скушать яблочко, но вы знаете о себѣ столько же, сколько я. Неправильное отдѣленіе желчи — образованіе камней, отъ того раздраженіе нервной системы, оттого общее ослабленіе и большое разстройство, *circulus viciosus*,⁹³ и выходъ одинъ — измѣнить наши усложненные привычки въ простыя. Ну, поѣзжайте въ Царское, поѣзжайте на скачки. Держите пари, пройдите верстъ 5, посмотрите...

— Ахъ да, скачки, — сказалъ Михаилъ Михайловичъ. — Нѣтъ, ужъ я въ другой разъ, а нынче дѣло есть.

— Ахъ, чудакъ.

— Нѣтъ, право, докторъ, — мямля проговорилъ Михаилъ Михайловичъ, — не хочется. Вотъ дайте срокъ, я къ осѣни отпрошусь у Государя въ отпускъ и съѣзжу въ деревню и въ Москву. Вы знаете, что при Покровскомъ монастырѣ открыта школа миссіонеровъ. Очень, очень замѣчательная.

Въ передней зазвѣнѣлъ звонокъ, и только что входилъ Директоръ, старый пріятель Михаила Михайловича, въ передней раздался другой звонокъ. Директоръ, стально-сѣдой сухой человѣкъ, заѣхалъ только затѣмъ, чтобы представить Англичанина миссіонера, пріѣхавшаго изъ Индіи, и второй звонокъ былъ миссіонеръ. Михаилъ Михайловичъ принялъ того и другаго и сейчасъ же вступилъ съ Англичаниномъ въ

---

⁹³ [заколдованный кругъ,] В подлиннике: *circulum viciosum*

оживленную бесѣду. Директоръ вышелъ вмѣстѣ съ докторомъ. Докторъ и Директоръ остановились на крыльцѣ, дожидаясь кучера извозищьею коляски Директора, который торопливо отвязывалъ только что подвязанные торбы.

— Такъ нехорошо? — сказалъ Директоръ.

— Очень, — отвѣчалъ докторъ. — Если бы спокойствіе душевное, я бы ручался за него.

— Да, спокойствіе, — сказалъ директоръ. — Я тоже ѣздилъ въ Карлсбадъ, и ничего, оттого что я не спокоенъ душою.

— Ну да, иногда еще можно, а гдѣжь Михаилу Михайловичу взять спокойствіе съ его женушкой.⁹⁴

Докторъ молчалъ, глядя впередъ на извозчика, поспѣшно запахивающаго и засовывающаго мѣшокъ съ овсомъ подъ сидѣнье.⁹⁵

— Да, да, не по немъ жена, — сказалъ Директоръ.⁹⁶

— Вы, вѣрно, на дачу, — сказалъ Докторъ.

— Да, до свиданья. Захаръ, подавай.

И оба разѣхались. Директоръ ѣхалъ и съ удовольствіемъ думалъ о томъ, какъ хорошо устроиваетъ судьба, что не все дается одному. Пускай Михаилъ Михайловичъ моложе его, имѣетъ доклады у Государя и тонъ, что онъ пренебрегаетъ почестями, хотя черезъ двѣ получилъ Владимира, за то въ

---

⁹⁴ *Далее поперек текста до конца главы написано:* Не нужно.

⁹⁵ *Зачеркнуто:* — Правда, что она беременна?

⁹⁶ *Зач.:* — Да, это правда, — также сухо сказалъ Докторъ. — Послѣ 6 лѣтъ. Какъ странно.

семейной жизни онъ упалъ такъ низко.

Докторъ думалъ, какъ ужасно устроила судьба жизнь такого золотого человѣка, какъ Михаилъ Михайловичъ. Надо было ему⁹⁷ это дьявольское навожденіе – женитьбы и такой женитьбы. Какъ будто для того только, чтобъ втоптать его въ грязь передъ такими людьми, какъ этотъ директоръ.

III.⁹⁸

Иванъ Балашевъ обѣдалъ въ артели своего полка раньше обыкновеннаго. Онъ сидѣлъ въ растегнутомъ надъ бѣлымъ жилетомъ сюртукъ, облокотившись обѣими руками на столъ, и, ожидая заказаннаго обѣда, читалъ на тарелкѣ французскій романъ.

– Ко мнѣ чтобъ Кордъ сейчасъ пришелъ сюда, – сказалъ онъ слугѣ.

Когда ему подали супъ въ серебряной мисочкѣ, онъ вылилъ себѣ на тарелку. Онъ доѣдалъ супъ, когда въ столовую вошли офицерикъ и статскій.

Балашевъ взглянулъ на нихъ и отвернулся опять, будто не видя.

– Что, подкрѣпляешься на работу, – сказалъ офицеръ, садясь подлѣ него.

– Ты видишь.

– А вы не боитесь потяжелѣть, – сказалъ толстый, пухлый

---

⁹⁷ Зач.: жену

⁹⁸ Против начала текста III главы поперек текста написано: <Его пріятель Ордынцевъ.>

штатскій, сядясь подлѣ молодаго офицера.

– Что? – сердито сказалъ Балашевъ?

– Не боитесь потяжелѣть?

– Человѣкъ, подай мой хересъ, – сказалъ Балашевъ не отвѣчая штатскому.

Штатскій спросилъ у офицера, будетъ ли онъ пить, и, улыбно глядя на него, просилъ его выбрать.

Твердые шаги слышались въ залѣ, вошелъ молодчина Ротмистръ и ударилъ по плечу Балашева.

– Такъ умно, [*1 неразобр.*]. Я за тебя держу съ Голицыны-мъ.

Вошедшій точно также сухо отнесся къ штатскому и офицеру, какъ и Балашевъ. Но Балашевъ весело улыбнулся Ротмистру.

– Что же ты вчера дѣлалъ? – спросилъ онъ.

– Проигралъ пустяки.

– Пойдемъ,⁹⁹ я кончилъ, – сказалъ Балашевъ.

И, вставъ, они пошли къ двери. Ротмистръ громко, не стѣсняясь, сказалъ:

– Эта гадина какъ мнѣ надоѣла. И мальчишка жалокъ мнѣ. Да. Я больше не буду ѣсть. Ни шампанскаго, ничего.

Въ бильярдной никого не было еще, они сѣли рядомъ. Ротмистръ выгналъ маркера.

Кордъ Англичанинъ пришелъ и на вопросъ Балашева о томъ, какъ лошадь Тіну, получилъ отвѣтъ, что весела и ѣсть

---

⁹⁹ Зачеркнуто: въ билиардную. Туда вели принести

кормь, какъ слѣдуетъ ѣсть честной лошади.

— Я приду, когда вести, — сказалъ Балашевъ и отправился къ себѣ, чтобъ переодѣться во все чистое и узкое для скачки. Ротмистръ пошелъ съ нимъ и легъ, задравъ ноги на кровать, пока Балашевъ одѣвался. Товарищъ сожитель Балашева Несвицкой спалъ. Онъ кутилъ всю прошлую ночь. Онъ проснулся.

— Твой братъ былъ здѣсь, — сказалъ онъ Балашеву. — Разбудиль меня, чортъ его возьми, сказалъ, что придетъ опять. Это кто тутъ? Грабе? Послушай, Грабе. Чтобы выпить послѣ перепоя? Такая горечь, что...

— Водки лучше всего. Терещенко, водки барину и огурецъ.

Балашевъ вышелъ въ подштанникахъ, натягивая въ шагу.

— Ты думаешь, это пустяки. Нѣтъ, здѣсь надо, чтобъ было узко и плотно, совсѣмъ другое, вотъ славно. — Онъ поднималъ ноги. — Новые дай сапоги.

Онъ почти одѣлся, когда пришелъ братъ, такой же плѣшивый, съ серьгой, коренастый и курчавый.

— Мнѣ поговорить надо съ тобой.

— Знаю, — сказалъ Иванъ Балашевъ, покраснѣвъ вдругъ.

— Ну, секреты, такъ мы уйдемъ.

— Не секреты. Если онъ хочетъ, я при нихъ скажу.

— Не хочу, потому что знаю все, что скажешь, и совершенно напрасно.

— Да и мы всѣ знаемъ, — сказалъ выходя изъ за перегородки въ красномъ одѣялѣ Несвицкій.

– Ну, такъ что думаютъ *тамъ*, мнѣ все равно. А ты знаешь лучше меня, что въ этихъ дѣлахъ никого не слушаютъ люди, а не червяки. Ну и все. И пожалуйста, не говори, особенно тамъ.

Всѣ знали, что рѣчь была о томъ, что¹⁰⁰ тотъ, при комъ состоялъ старшій братъ Балашева, былъ недоволенъ тѣмъ, что Балашевъ компрометировалъ Ставровичъ.

– Я только одно говорю, – сказалъ старшій братъ, – что эта неопредѣленность нехороша. Уѣзжай въ Ташкентъ, за границу, съ кѣмъ хочешь, но не...¹⁰¹.

– Это все равно, какъ я сяду на лошадь, объѣду кругъ, и ты меня будешь учить, какъ ѣхать. Я чувствую лучше тебя.

– И не мѣшай, онъ доѣдетъ, – закричалъ Несвицкій. – Послушайте, кто же со мной выпьетъ? Такъ водки, Грабе. Противно. Пей. Потомъ пойдемъ смотрѣть, какъ его обскачутъ, и выпьемъ съ горя.

– Ну, однако прощайте, пора, – сказалъ Иванъ Балашевъ, взглянувъ на отцовскій старинный брегетъ, и застегнулъ куртку.

– Постой, ты волоса обстриги.

– Ну, хорошо.

Иванъ Балашевъ надвинулъ прямо съ затылка на лысину

---

¹⁰⁰ *Зачеркнуто:* при дворѣ одно лицо

¹⁰¹ *Рядом и ниже на полях написано:* Рассказъ, какъ всю ночь пили, и погребальный маршъ. Вошелъ Потуловъ. «Вотъ мой другъ. Этотъ меня пойметъ». «Давай зельтерской съ лимономъ и потомъ шампанскаго».

свою фуражку и вышла, разминаясь ногами.

Онъ зашелъ въ конюшню, похолоилъ Тину, которая, вздохнувъ тяжело при его входѣ въ стойло, покосилась на него своимъ большимъ глазомъ и, отворотивъ лѣвое заднее копыто, свихнула задъ на одну сторону. «Копыто то, – подумалъ Иван Балашевъ. – Гибкость»! Онъ подошелъ еще ближе, перекинулъ прядь волосъ съ гривы, перевалившуюся на право, и провелъ рукой по острому глянцевиному загривку и по крупу подъ попоной.

– All right,¹⁰² – повторилъ Кордъ скучая.

Иванъ Балашевъ вскочилъ въ коляску и поѣхалъ къ Татьянѣ Ставровичъ.

Она была больна и скучна. Въ первый разъ беременность ея давала себя чувствовать.

IV.¹⁰³

Онъ вѣбжалъ въ дачу и, обойдя входную дверь, прошелъ

---

¹⁰² [– Всѣ в порядке,]

¹⁰³ *В начале главы поперек текста написано: Не нужно. Рядом на полях: <Въ Москвѣ. Нигилизмъ не помогаетъ.> Подѣбжалъ къ ней и не думая о ней. Онъ поѣхалъ мимо дачи. Она высунулась изъ окна съ сестрой. «Я обѣщался заѣхать, сказать – пора. Вы обѣщали дать мнѣ на счастье». «Возьмите мою коляску, Lise, поѣдемъ». Ей хотѣлось сказать наединѣ. Она быстро солгала. «Нѣтъ, я пойду пѣшкомъ. Ахъ, подите мой ящикъ отоприте». Онъ ловокъ руками. «Постойте, я принесу». Изъ за двери она закричала: «Подите сюда скорѣе»... Онъ вѣбжалъ, и не успѣла еще войти, какъ онъ поцѣловалъ ее губы и зубы и успѣлъ сказать: «Я проведу всю ночь въ саду, буду ждать» «Хорошо, жди непремѣнно, непремѣнно». Свернулся. Вошла сестра и все поняла и рѣшила сказать мужу. Роль ея стала невозможна.*

въ садъ и съ саду, тихо ступая по песку, крадучись вошелъ въ балконную дверь. Онъ зналъ, что мужа нѣтъ дома, и хотѣлъ удивить ее.

Наканунъ онъ говорилъ ей, что не заѣдетъ, чтобъ не развлекаться, потому что не можетъ думать ни о чемъ, кромѣ скачки. Но онъ не выдержалъ и на минуту передъ скачками, гдѣ онъ зналъ, что увидить ее въ толпѣ, забѣжалъ къ ней. Онъ шелъ во всю ногу, чтобъ не бренчать шпорами, ступая по отлогимъ ступенямъ терасы, ожидая найти въ внутренни-хъ комнатахъ, но, оглянувшись, чтобъ увидать, не видитъ ли его кто, онъ¹⁰⁴ увидалъ ее. Она сидѣла въ углу терасы между цвѣтами у балюстрады въ лиловой шелковой собранной кофтѣ, накинутой на плечи, голова была причесана. Но она сидѣла, прижавъ голову къ лейкѣ, стоявшей на перилахъ балкона. Онъ подкрался къ ней. Она открыла глаза, вскрикнула и закрыла голову платкомъ, такъ, чтобъ онъ не видалъ ея лица. Но онъ видѣлъ и понялъ, что подъ платкомъ были слезы.

— Ахъ, что ты сдѣлалъ..... Ахъ зачѣмъ... Ахъ, — и она зарыдала.....

— Что съ тобой? Что ты?

— Я беременна, ты испугалъ меня. Я.. беременна.

Онъ оглянулся, покраснѣлъ отъ стыда, что онъ оглядывается, и сталъ поднимать платокъ. Она удерживала его, дѣлая ширмы изъ рукъ. Въ концѣ [?] улицѣ¹⁰⁵ сіяли мокрыя отъ

---

¹⁰⁴ В подлиннике: но

¹⁰⁵ Так в подлиннике.

слезь, но нѣжныя, потерянно счастливыя глаза, улыбаясь.

Онъ всунуль лицо въ улицу.¹⁰⁶ Она прижала его щеки и поцѣловала его.

– Таня, я обѣщался не говорить, но это нельзя. Это надо кончить. Брось мужа. Онъ знаетъ, и теперь мнѣ все равно, но ты сама готовишь себѣ мученья.

– Я? Онъ ничего не знаетъ и не понимаетъ. Онъ глупъ и золь. Еслибъ онъ понималъ что нибудь, развѣ бы онъ остав-
лялъ меня?

Она говорила быстро, не поспѣвая договаривать. Иванъ Балашевъ слушалъ ее съ лицомъ грустнымъ, какъ будто это настроеніе ея было давно знакомо ему, и онъ зналъ, что оно непреодолимо. «Ахъ, еслибъ онъ былъ глупъ, золь, – думалъ Балашевъ. – А онъ уменъ и добръ».

– Ну, не будемъ.

Но она продолжала.

– И чтоже ты хочешь, чтобъ я сдѣлала, что я могу сдѣлать? Сдѣлаться твоей *maîtresse*,¹⁰⁷ осрамить себя, его, погубить тебя. И зачѣмъ? Оставь, все будетъ хорошо. Развѣ можно по-чинить? Я лгала, буду лгать. Я погибшая женщина. Я умру родами, я знаю, я умру. Ну, не буду говорить. И нынче. Пу-
стяки. – Она вдругъ остановилась, будто прислушиваясь или вспоминая. – Да, да, ужъ пора ѣхать. Вотъ тебѣ на счастье. – Она поцѣловала его въ оба глаза. – Только не смотри на ме-

---

¹⁰⁶ Так в подлиннике.

¹⁰⁷ [любовницей.]

ня, а смотри на дорогу и на препятствіяхъ не горячи Тани, а спокойнѣе. Я за тебя держу три пари. Ступай.

Она подала ему руку и вышла. Онъ вздохнулъ и пошелъ къ коляскѣ. Но какъ только онъ выѣхалъ изъ переулковъ дачъ, онъ уже не думалъ о ней. Скачки съ бесѣдкой, съ флагомъ, съ подѣзжающими колясками, съ лошадьми, провожаемыми въ кругъ, открылись ему, онъ забылъ все, кромѣ предстоящаго.

V.

День разгулялся совершенно ко времени скачекъ, солнце ярко блестѣло, и послѣдняя туча залегла на севѣрѣ.¹⁰⁸

Балашевъ пробѣжалъ мимо толпы знакомыхъ, кланяясь не впадѣ и слыша, что въ толпѣ на него показывали какъ на одного изъ скачущихъ и на самого надежнаго скакуна. Онъ пошелъ къ своей Танѣ, которую водилъ конюхъ и у которой стоялъ Кордъ, и входя разговаривалъ. По дорогѣ онъ наткнулся на главнаго соперника Нельсона Голицына. Его вели въ сѣдлѣ два конюха въ красныхъ картузахъ. Невольно замѣтилъ Балашевъ его спину, задъ, ноги, копыта. «Вся надежда на ѣзду противъ этой лошади», подумалъ Балашевъ и побѣжалъ къ своей.

Передъ его подходомъ лошадь остановили. Высокій, прямой статскій съ сѣдыми усами осматривалъ лошадь. Подлѣ

---

¹⁰⁸ Рядом на полях написано: Анну не принимаютъ. «Мнѣ вправо». Онъ встрѣтилъ Степана Аркадыча на скачкахъ, объявляетъ Аннѣ о устраиваемомъ бракѣ Кити с Левинымъ. Дальше поперек следующей страницы написано: Скачки, другихъ

него стоялъ маленькій, худой, хромой. Маленькій хромой, въ то самое время, какъ Балашевъ подходилъ, проговорилъ:

– Слово нѣтъ, лошадь суха и ладна, но не она придетъ.

– Это отчего?

– Скучна. Не въ духѣ.

Они замолчали.¹⁰⁹ Сѣдой въ высокой шляпѣ обернулся къ Балашеву:

– Поздравляю, мой милый. Прекрасная лошадь, я подержу за тебя.

– Лошадь то хороша. Каковъ ѣздокъ будетъ? – сказалъ Балашевъ улыбаясь.

Высокій штатскій окинулъ взглядомъ сбитую коренастую фигурку Балашева и веселое твердое лицо и одобрительно улыбнулся.

Въ толпѣ зашевелилось, зашевелились жандармы. Народъ побѣждалъ къ бесѣдкѣ.

– Великій Князь, Государь пріѣхалъ, – слышались голоса.

Балашевъ побѣждалъ къ бесѣдкѣ. У вѣсовъ толпилось человекъ 20 офицеровъ. Три изъ нихъ, Г[олицынъ], М[илютинъ] и З., были пріятели Балашева, изъ одного съ нимъ петербургскаго круга. И одинъ изъ нихъ, маленькій худенькій М[илютинъ], съ подслѣповатыми сладкими глазками, былъ кромѣ того, что и вообще несимпатичный ему человекъ,¹¹⁰

---

¹⁰⁹ *Зачеркнуто:* когда подошелъ Балашевъ. Старый

¹¹⁰ *Зач.*: несмотря на высшій тонъ, то, что принадлежавши къ высшему свѣту,

быть соперникъ самый опасный; отличный ѣздокъ, легкій по вѣсу и на лошади кровной, въ¹¹¹ Италіи [?] взявшей 2 приза и недавно привезенной.

Остальные были мало извѣстные въ Петербургскомъ свѣтѣ гвардейскіе кавалеристы, армейцы, гусары, уланы и одинъ казакъ. Были юноши еще безъ усовъ, мальчики, одинъ гусаръ совсѣмъ мальчикъ съ дѣтскимъ лицомъ, складный, красивый, напрасно старавшійся принять видъ строго серьезный, особенно обращать на себя вниманіе. Балашевъ съ знакомыми, и въ томъ числѣ съ М[илютинымъ], поздоровывался по своему обыкновенію просто,¹¹² одинаково крѣпко пожимая руку и глядя въ глаза. М[илютинъ], какъ всегда, былъ ненатураленъ, твердо смѣялся, выставляя свои длинные зубы.

— Для чего вѣшать? — сказалъ кто-то. — Все равно надо нести что есть въ каждомъ.

— Для славы Господа. Записывайте: 4 пуда 5 фунтовъ, — и уже немолодой конюхъ Гренадеръ [?] слѣзъ съ вѣсовъ.

— 3 пуда 8 фунтовъ, 4 пуда 1 фунтъ. Пишите прямо 3,2, — сказалъ М[илютинъ].

— Нельзя. Надо повѣрить...

Въ Балашевъ было 5 пудовъ.

мальчикъ гордый и съ отѣнкомъ учености и новой либеральности. Кромѣ того, онъ

¹¹¹ Зачеркнуто: Англіи

¹¹² Зач.: радушно

– Вотъ не ждалъ бы, что вы такъ тяжелы.

– Да, не сбавляетъ.

– Ну, господа, скорѣе. Государь ѣдетъ.

По лугу, на которомъ кое гдѣ разнощики [*1 неразобр.*], разсыпались бѣгушія фигуры къ своимъ лошадямъ. Балашевъ подошелъ къ Тіну. Кордъ давалъ послѣднія наставленія.

– Одно, не смотрите на другихъ, не думайте о нихъ. Не обгоняйте. Передъ препятствіями не удерживайте и не посылайте. Давайте ей выбирать самой, какъ онъ хочетъ приступить. Труднѣе всѣхъ для васъ канавы, не давайте ей прыгать въ даль.

Балашевъ засунулъ палецъ подъ подпруги. Она, прижавъ уши, оглянулась.

– All right, – улыбаясь сказалъ Англичанинъ.

Балашевъ былъ немного блѣденъ, какъ онъ могъ съ его смуглымъ лицомъ.

– Ну, садитесь.

Балашевъ оглянулся. Кое кто сидѣлъ, кто заносилъ ноги, кто вертѣлся около недающихъ садиться. Балашевъ вложилъ ногу и гибко приподнялъ тѣло. Сѣдло закрипѣло новой кожей, и лошадь подняла заднюю ногу и потянула голову въ поводья. Въ одинъ и тотъ же моментъ поводья улеглись въ перчатку, Кордъ пустилъ, и лошадь тронулась вытягивающимъ шагомъ. Какъ только Балашевъ подѣхалъ къ кругу и звонку и мимо его проѣхали двое, лошадь подтянулась и подняла

шею, загорячилась и, несмотря на ласки, не успокоивалась, то съ той, то съ другой стороны стараясь обмануть сѣдока и вытянуть поводья. Мимо его галопомъ проѣхалъ Милютинъ на 5 вершковомъ гнѣдомъ жеребцѣ и осадилъ его у звонка. Таня выкинула лѣвую ногу и сдѣлала два прыжка, прежде чѣмъ, сердясь, не перешла на тряскую рысь, подкидывая сѣдока.

Порывы, [*1 неразобр.*], повороты назадъ, затишье, звонокъ, и Балашевъ пустилъ свою лошадь въ самый моментъ звонка. Казачій офицеръ на сѣрой лошаdkѣ проскакалъ не слышно мимо его, за нимъ легко вскидывая, но тяжело отбивая задними ногами, проплылъ М[илютинъ]. Таня влегла въ поводья и близилась къ хвосту М[илютина]. Первое препятствіе былъ барьеръ. М[илютинъ] былъ впереди и, почти не перемѣняя аллюра, перешелъ барьеръ и пошелъ дальше. Съ казачьимъ офицеромъ Балашевъ подскакивали вмѣстѣ. Таня рванулась и близко слишкомъ поднялась, стукнула задней ногой. Балашевъ пустилъ поводья, прислушиваясь къ такту скачки, не ушиблась ли она. Она только прибавила хода. Онъ опять сталъ сдерживать. Второе препятствіе была рѣка. Одинъ упалъ въ ней. Балашевъ подержалъ влѣво, не посылалъ, но онъ почувствовалъ въ головѣ лошади, въ ушахъ нерѣшительность; онъ чуть приложилъ шенкеля и щелкнулъ языкомъ. «Нѣтъ, я не боюсь», какъ бы сказала лошадь, рванулась въ воду. Одинъ, другой прыжокъ по водѣ. На третьемъ она заторопилась, два нетактные прыжка въ воду, но послѣдній

прыжокъ такъ подкинулъ задъ, что, видно было, она шутя выпростала ноги изъ тины и вынесла на сухое. М[илютинъ] былъ тамъ сзади. Но не упалъ. Балашевъ слышалъ приближающіеся ровные поскоки его жеребца. Балашевъ оглянулся: сухая чернѣющая отъ капель пота голова жеребца, его тонкій храпъ съ прозрачными красными на *[1 неразобр.]* ноздрями близилась къ крупу его лошади, и М[илютинъ] улыбался ненатурально.

Балашеву непріятно было видѣть М[илютина] съ его улыбкой; онъ не сдержалъ Тани. Она только что начинала потѣть на плечахъ. Онъ даже, забывъ увѣщанія Корда, послалъ ее. «Такъ нужно наддать, – какъ будто сказала Тани. – О, еще много могу», еще ровнѣе, плавнѣе, неслышнѣе стали ея усилія, и она отдѣлилась отъ М[илютина]. Впереди было самое трудное препятствіе: стѣнка и канава за нею. Противъ этого препятствія стояла кучка народа, Балашевъ ихъ большинство своихъ пріятелей,¹¹³ М. О., товарищи Гр. и Н. и нѣсколько дамъ. Балашевъ уже былъ въ томъ состояніи ѣзды, когда перестаешь думать о себѣ и лошади отдѣльно,

---

¹¹³ Так в подлиннике. Далее поперек текста написано: Она сидитъ въ коляскѣ. Толпа молодежи около. Она откинулась назадъ <и застонала. «Лизъ, я домой».> Всѣ замолчали. <Она отѣхала.> Корней. Блѣдна, вскочила и опять назадъ. «Подите узнайте, что онъ». Его посадили въ коляску и повезли. Пришелъ, сказалъ. «Это ужасно. Я поѣду домой. <Корней, поѣзжай.»><Маша> написала записку. Я хочу тебя видѣть и сейчасъ приду къ тебѣ». «Маша! доставь». Анна Каренина ходила, ломала цвѣты. «Я бы былъ, но мнѣ не велятъ – съ задняго крыльца въ 9-ть я буду одинъ». «О, какъ я счастливъ». «Я это знала». «Я знаю какъ я люблю тебя». Вдругъ дурно. «Я беременна». «Это нельзя. Не омрачай[?]».

когда не чувствуешь движеній лошади, а сознаешь эти движенія какъ свои собственныя и потому не сомнѣваешься въ нихъ. Хочешь перескочить этотъ валь и перескочишь. Ни правилъ, ни совѣтовъ Корда онъ не помнилъ, да и не нужны ему были. Онъ чувствовалъ за лошадь и всякое движеніе ее зналъ и зналъ, что препятствіе это онъ перескочить такъ же легко, какъ съѣзъ на сѣдло. Кучка людей у препятствія была, его пріятель Гр. выше всѣхъ головой стоялъ въ серединѣ и любовался пріателемъ Балашевымъ. Онъ всегда любовался, утѣшаясь имъ послѣ мушекъ, окружавшихъ его. Теперь онъ любовался имъ больше чѣмъ когда нибудь. Онъ своими зоркими глазами издали видѣлъ его лицо и фигуру и лошадь и глазами дружбы сливался съ нимъ и, также какъ и Балашевъ, зналъ, что онъ перескочить лихое препятствіе. Но когда артилеристъ знаетъ, что выстрѣлитъ пушка по [1 неразобр.], которую онъ ударяетъ, онъ всетаки дрогнетъ при выстрѣлѣ, такъ и теперь онъ и они всѣ съ замираньемъ смотрѣли на приближающуюся качающуюся голову лошади, приглядывающей къ предстоящему препятствію, и на нагнутую впередъ широкую фигуру Балашева и на его блѣдное, не веселое лицо и блестящіе, устремленные впередъ и мелькнувшіе на нихъ глаза.

«Лихо ѣдетъ». — «Погоди». — «Молчите, господа». Таня какъ разъ размѣряла мѣсто и поднялась съ математически вѣрной точки, чтобы дать прыжокъ. Лица всѣхъ просіяли въ тоже мгновеніе, они поняли, что она на той сторонѣ, и точно

мелькнула поднятая голова и грудь и разъ и два вскинутый задъ, и не успѣли заднія ноги попасть на землю, какъ уже переднія поднялись, и лошадь и сѣдокъ, впередъ предугадавший всѣ движенія и неотдѣлявшійся отъ сѣдла, уже скакали дальше. «Лихо, браво, Балашевъ», проговорили зрители, но уже смотрѣли на М[илютину], который подскакивалъ къ препятствію. На лицѣ Балашева мелькнула радостная улыбка, но онъ не оглядывался. Впереди и сейчасъ было маленькое препятствіе — канава съ водой въ 2 аршина. У этаго препятствія стояла дама въ лиловомъ платьѣ, другая въ сѣромъ и два господина. Балашеву не нужно было узнавать даму, онъ съ самаго начала скачекъ зналъ, что она тамъ, въ той сторонѣ, и физически почувствовалъ приближеніе къ ней. Татьяна Сергѣевна пришла съ золовкой и Б. Д. къ этому препятствію именно потому, что она не могла быть спокойна въ бесѣдкѣ, и у большаго препятствія она не могла быть. Ея пугало, волновало это препятствіе. Она, хотя и ѣздокъ, какъ женщина, не могла понять, какъ возможно перепрыгнуть это препятствіе на лошади. Но она остановилась дальше, но и оттуда смотрѣла на страшное препятствіе. Она видѣла сонъ, и сонъ этотъ предвѣщалъ ей несчастіе. Когда онъ подъѣзжалъ къ валу (она давно въ бинокль узнала его впереди всѣхъ), она схватилась рукой за сестру, перебирая ея, сжимая нервными пальцами. Потомъ откинула бинокль и хотѣла броситься [?], но опять схватила бинокль, и въ ту минуту какъ она иска-

ла его въ трубу, онъ ужъ былъ на этой сторонѣ.¹¹⁴ «Нѣтъ сомнѣнья, что Балашевъ выиграетъ». — «Не говорите, М[илютинъ] хорошо ѣдетъ. Онъ сдерживаетъ. Много шансовъ». — «Нѣтъ, хорошъ этотъ». — «Ахъ, опять упаль». Пока это говорили, Балашевъ приближался, такъ что лицо его видно было, и глаза ихъ встрѣтились. Балашевъ не думалъ о канавѣ, и, дѣйствительно, нечего было думать. Онъ только послалъ лошадь. Она поднялась, но немножко рано. Такъ чтобъ миновать канаву, ей надо бы прыгнуть не 2, а 3 аршина, но это ничего не значило ей, она знала это и онъ вмѣстѣ. Они думали только о томъ, какъ скакать дальше. Вдругъ Балашевъ почувствовалъ въ то мгновеніе, какъ перескочилъ, что задъ лошади не поддалъ его, но опустился неловко (нога задняя попала на край берега и, отворотивъ дернину, осунулась). Но это было мгновенье. Какъ бы разсердившись на эту непріятность и пренебрегая ею, лошадь перенесла всю силу на другую заднюю ногу и бросила, увѣренная въ упругости задней лѣвой, весь передъ впередъ. Но бокомъ ли стала нога, слишкомъ ли понадѣялась на силу ноги лошадь, невѣрно ли стала нога, нога не выдержала, передъ поднялся, задъ подкосился, и лошадь съ сѣдокомъ рухнула назадъ на самый берегъ канавы. Одно мгновенье, и Балашевъ выпросталъ ногу, вскочилъ и блѣдный, съ трясущейся челюстью, потянулъ лошадь, она забилась, поднялась, зашаталась и упала. М[илютинъ] съ бѣлыми зубами перелетѣлъ черезъ канаву и исчезъ. К[аза-

---

¹¹⁴ *Зачеркнуто:* «Очень хорошо ѣдетъ».

чій] Офицеръ ерзонулъ черезъ, еще 3-й. Балашевъ схватился за голову. «АА!» проговорилъ онъ и съ бѣшенствомъ ударилъ каблукомъ въ бокъ лошадь. Она забилась и оглянулась на него. Уже бѣжали народъ и Кордъ. Татьяна Сергѣевна подошла тоже.

– Что вы?

Онъ не отвѣчалъ. Кордъ говорилъ, что лошадь сломала спину. Ее оттаскивали. И его ощупывали. Онъ сморщился, когда его тронули за бокъ. Онъ¹¹⁵ сказалъ Татьянѣ Сергѣевнѣ:

– Я не ушибся, благодарю васъ, – и пошелъ прочь, но она видѣла, какъ его поддерживалъ докторъ и какъ подъ руки посадили въ дрожки.

VI.¹¹⁶

Не одна Татьяна Сергѣевна зажимуривалась при видѣ скакуновъ, подходившихъ къ препятствіямъ. Государь зажимуривался всякій разъ, какъ офицеръ подходилъ къ препятствію. И когда оказалось, что изъ 17 человѣкъ упало и убилося 12, Государь недовольный уѣхалъ и сказалъ, что онъ не

---

¹¹⁵ *Зач.:* быстро

¹¹⁶ *На поляхъ рядомъ с начальными строками главы написано:* Мужъ пріѣхалъ, она реветъ блѣдная. Ее не пустили къ любовнику и признается. Михайлъ Михайловичъ пріѣхалъ и не нашелъ ее. Сестра говоритъ, что не можетъ говорить. Она лжетъ, объясненіе о беременности. Отъѣздъ Михаила Михайловича въ Москву. Роды. Прощеніе. Леонидъ Дмитричъ затащилъ къ себѣ обѣдать. Его жена – разговоръ съ кузиной. Поѣдемъ <домой> въ Петербургъ. Нигилисты утѣшаютъ. Михайлъ Михайловичъ горячится. Онъ уѣзжаетъ <въ деревню> въ Петербургъ. На комитетѣ. Приходитъ домой и отравляет[ся?].

хотѣлъ этаго и такихъ скачекъ, что ломать шеи не позволить впередъ. Это же мнѣніе и прежде слышалось, хотя и смутно, въ толпѣ, но теперь вдругъ громко высказалось.

Михаиль Михайловичъ пріѣхалъ таки на скачку, не столько для того, чтобы послѣдовать совѣту Доктора, но для того, чтобы разрѣшить мучавшія его сомнѣнія, которымъ онъ не смѣлъ, но не могъ не вѣрить. Онъ рѣшился говорить съ женой, послѣдній разъ, и съ сестрою, съ божественной Кити, которая такъ любила, жалѣла его, но которая должна же понять, что прошло же время жалѣть, что сомнѣнія даже хуже его горя, если есть чтонибудь въ мірѣ хуже того горя, котораго онъ боялся. Въ домѣ на дачѣ, разумѣется, никого не было. И Михаилъ Михайловичъ, отпустивъ извозчика, рѣшилъ пойти пѣшкомъ, слѣдуя совѣту Доктора. Онъ заложилъ за спину руки съ зонтикомъ и пошелъ, опустивъ голову, съ трудомъ отрываясь отъ своихъ мыслей, чтобы вспоминать на перекресткахъ, какое изъ направленій надо выбирать. Онъ пришелъ къ скачкамъ, когда уже водили потныхъ лошадей, коляски разѣзжались. Всѣ были недовольны, нѣкоторые взволнованы. М[илютинъ] побѣдитель весело впрыгнулъ въ коляску къ матери. У разѣзда столкнулся съ Голицыной и сестрой.

— Bravo, Михаилъ Михайловичъ. Неужели ты пѣшкомъ? Но что это съ вами? Должно быть, усталъ.

Онъ въ самомъ дѣлѣ отъ непривычнаго движенія [*неразобр.*] въ то время былъ какъ сумашедшій, такъ раздра-

женъ нервами, чувствовалъ полный упадокъ силъ и непреодолимую рѣшительность.

— А Таня гдѣ?

Сестра покраснѣла, а Голицына стала говорить съ стоявшими подлѣ о паденіи Балашева. Михайль Михайловичъ, какъ всегда при имени Балашева, слышалъ все, что его касалось, и въ то же время говорилъ съ сестрой. Она пошла съ Н. къ канавѣ. Она хотѣла пріѣхать домой одна. Сестра лгала: она видѣла въ бинокль, что Татьяна Сергѣевна пошла вслѣдъ за паденіемъ Балашева къ своей коляскѣ и знала, какъ бы она сама видѣла, что Татьяна Сергѣевна поѣхала къ нему. Михайль Михайловичъ тоже понялъ это, услыхавъ, что Балашевъ сломалъ ребро. Онъ спросилъ, съ кѣмъ она пошла. Съ Н. Не хочетъ ли онъ взять мѣсто въ коляскѣ Г[олицыной]? Его довезутъ.

— Нѣтъ, благодарю, я пройдуся.

Онъ съ тѣмъ официальнымъ пріемомъ внѣшнихъ справокъ рѣшился основательно узнать, гдѣ его жена. Найти Н., спросить его, спросить кучера. Зачѣмъ онъ это дѣлалъ, онъ не зналъ. Онъ зналъ, что это ни къ чему не поведетъ, зналъ и чувствовалъ всю унижительность роли мужа, ищащаго свою жену, которая ушла. «Какъ лошадь или собака ушла», подумалъ онъ. Но онъ холодно односторонне рѣшилъ это и пошелъ. Н. тотчасъ же попался ему.

— А, Михайль Михайловичъ.

— Вы видѣли мою жену?

– Да, мы стояли вмѣстѣ, когда Балашевъ упалъ и все это попадало. Это ужасно. Можно ли такъ глупо!

– А потомъ?

– Она поѣхала домой, кажется. Я понимаю, что для М-те Ставровичъ это, да и всякую женщину съ нервами. Я мужчина, да и то нервы. Это гладиаторство. Недостаетъ цирка съ львами.

Это была фраза, которую сказалъ кто то, и всѣ радовались, повторяли. Михаилъ Михайловичъ взялъ и поѣхалъ домой. Жены не было. Кити сидѣла одна, и лицо ее скрывало что то подъ неестественнымъ оживленіемъ.

Михаилъ Михайловичъ подошелъ къ столу, сѣлъ, поставилъ локти, сдвинувъ чашку, которую подхватила Кити, положилъ голову въ руки и¹¹⁷ началъ вздохъ, но остановился. Онъ открылъ лицо.

– Кити, – чтожъ, рѣшительно это такъ?

– Мишель, я думаю, что я не должна ни понимать тебя, ни отвѣчать тебѣ. Если я могу свою жизнь отдать для тебя, ты знаешь, что я это сдѣлаю; но не спрашивай меня ни о чемъ. Если я нужна, вели мнѣ дѣлать.

– Да, ты нужна, чтобъ вывести меня изъ сомнѣнья. – Онъ глядѣлъ на нее и понялъ ея выраженіе при словѣ *сомнѣнія*. – Да и сомнѣній нѣтъ, ты хочешь сказать. Все таки ты нужна, чтобъ вывести меня изъ сомнѣнія. Такъ жить нельзя.¹¹⁸

---

¹¹⁷ Зачеркнуто: тяжело

¹¹⁸ Зачеркнуто: Ты привыкла у меня спрашивать, отъ меня учиться жизни.

Я несчастное, невинное наказанное дитя. Мнѣ рыдать хочется, мнѣ хочется, чтобъ меня жалѣли. Чтобъ научили, что мнѣ дѣлать. Правда ли это? Неужели это правда? И что мнѣ дѣлать?

— Я ничего не знаю, я ничего не могу сказать. Я знаю, что ты несчастливъ, а что я...

— Какъ несчастливъ?

— Я не знаю какъ, я вижу и ищу помочь.

Въ это время зазвучали колеса, раздавливающія мелкой щебень, и фыркнула подъ самымъ окномъ одна изъ лошадей остановившагося экипажа. Она вбѣжала прямая, румяная и опять больше чѣмъ когда нибудь съ тѣмъ дьявольскимъ блескомъ въ глазахъ, съ тѣмъ блескомъ, который говорилъ, что хотя въ душѣ то чувство, которое она имѣла, преступленья нѣтъ и нѣтъ ничего, чтобы остановило. Она поняла мгновенно, что говорили о ней. Враждебное блеснуло въ ея взглядѣ, въ ней, въ доброй, ни одной искры жалости къ этимъ 2 прекраснымъ (она знала это) и несчастнымъ отъ нея 2-мъ людямъ.

— И ты здѣсь? Когда ты пріѣхалъ? Я не ждала тебя. А я была на скачкѣ и потомъ отъ ужаса при этихъ паденьяхъ уѣхала.

— Гдѣ ты была?

— У.... у Лизы, — сказала она, видимо радуясь своей способности лжи, — она не могла ѣхать, она больна, я ей все раз-

сказала.

И какъ бы радуясь и гордясь своей способностью (неизвѣстной доселѣ) лжи, она, вызывая, прибавила:¹¹⁹

– Мнѣ говорили, что убился Иванъ Петровичъ Балашевъ, очень убился. Ну, я пойду раздѣнусь. Ты ночуешь?

– Не знаю, мнѣ очень рано завтра надо.

Когда она вышла, Кити сказала:

– М[ишель], я не могу ничего сказать, позволь мнѣ обдумать, и я завтра напишу тебѣ.

Онъ не слушалъ ее:

– Да, да, завтра.

Сестра поняла.

– Ты хочешь говорить съ ней?

– Да, я хочу.

Онъ смотрѣлъ неподвижно на самоваръ и именно думалъ о томъ, что онъ скажетъ ей. Она вошла въ блузкѣ спокойная, домашняя. Сестра вышла. Она испугалась.

– Куда ты?

Но Кити ушла.

– Я приду сейчасъ.

Она стала пить чай съ аппетитомъ, много ѣла. Опять дьяволь!

¹²⁰– Анна, – сказалъ Михайлъ Михайловичъ, – думаешь ли ты.. ду... думаешь ли ты, что мы можемъ такъ оставаться?

---

¹¹⁹ Зам.: – Мнѣ говорили, что убился Г., и Б. очень убился.

¹²⁰ Зачеркнуто: – Таня

– Отчего? – Она вынула сухарикъ изъ чая. – Что ты въ Петербургѣ, а я здѣсь? Переѣзжай сюда, возьми отпускъ.

Она улыбающимися, насмѣшливыми глазами смотрѣла на него.

– Таня, ты ничего не имѣешь сказать мнѣ особеннаго?

– Я? – съ наивнымъ удивленіемъ сказала она и задумалась, вспоминая, не имѣетъ ли она что сказать. – Ничего, только то, что мнѣ тебя жаль, что ты одинъ.

Она подошла и поцѣловала его въ лобъ. И тоже сіяющее, счастливое, спокойное, дьявольское лицо, выраженіе, которое, очевидно, не имѣло корней въ разумѣ, въ душѣ.

– А ну, такъ хорошо, – сказалъ онъ и невольно, самъ не зная какъ, подчинился ея вліянію простоты, и они поговорили о новостяхъ, о денежныхъ дѣлахъ.

Только одинъ разъ, когда онъ передалъ ей чашку и сказалъ: «еще пожалуйста», она вдругъ безъ причины покраснѣла такъ, что слезы выступили на глаза, и опустила лицо. Кити пришла, и вечеръ прошелъ обыкновенно.

Она проводила его на крыльцо и когда въ мѣсячномъ свѣтѣ по безночному свѣту садился въ коляску, она сказала своимъ груднымъ голосомъ:

– Какъ жаль, что ты уѣзжаешь, – и прибѣжала къ коляскѣ и кинула ему пледъ на ноги. Но когда коляска отъѣхала, онъ зналъ, что она, оставшись у крыльца, страдала ужасно.

На другой день Михаилъ Михайловичъ получилъ письмо отъ Кити. Она писала: «Я молилась и просила просвѣщенія

свыше. Я знаю, что мы обязаны сказать правду. Да, Татьяна невѣрна тебѣ, и это я узнала противъ воли. Это знаетъ весь городъ. Что тебѣ дѣлать? Я не знаю. Знаю одно, что Христово ученіе будетъ руководить т[обой].

Твоя Кити».

Съ тѣхъ поръ Михаилъ Михайловичъ не видалъ жены и скоро уѣхалъ изъ Петербурга.¹²¹

VII. О беременности. Онъ глупъ, насмѣшливость.

VIII. Михаилъ Михайловичъ въ Москвѣ. Леонидъ Дмитричъ затащилъ обѣдать.

Его жена. Разговоръ о невѣрности мужа. Дѣти похожи на отца.

IX. Въ вагонѣ разговоръ съ нигилистомъ.

X. Роды, прощаетъ.

XI.¹²²

Михаилъ Михайловичъ ходилъ по залѣ: «шшш», говорилъ онъ на шумѣвшихъ слугъ. Иванъ Петровичъ легъ отдохнуть послѣ 3-хъ бессонныхъ ночей въ кабинетъ. Чувство успокоенія поддерживалось въ Михаилѣ Михайловичѣ только христіанской дѣятельностью. Онъ пошелъ въ министерство, и

---

¹²¹ В подлиннике: въ Петербургъ. Рядом, поперекъ полей написано: «Да я его люблю, дѣлай что хочешь». Поздно. Ей надо идти на свиданье. Свѣтлая ночь. Принесъ [?] зап[иску] [1 неразобр.]

¹²² Вверху листа приписано: Тяжесть прощенія – нельзя. Разводъ. Противъ текста XI главы на поляхъ приписано: «Все это очень просто, – говорилъ Степанъ Аркадьичъ, – а пот[ому] не оч[ень] пр[осто], н. п., нѣтъ, не тр[удно], не уж[асно], но невозможно».

тамъ, внѣ дома, ему было мучительно. Никто не могъ понимать его тайны. Хуже того — ее понимали, но навыворотъ. Онъ мучался внѣ дома, только дома онъ былъ покоенъ. Сужденія слугъ онъ презиралъ. Но не такъ думали Иванъ Балашевъ и Татьяна.

— Чтоже, это вѣчно будетъ такъ? — говорилъ Балашевъ. — Я не могу переносить его.

— Отчего? Его это радуетъ? Впрочемъ дѣлай какъ хочешь.

— Дѣлай, разумѣется, нуженъ разводъ.

— Но какъ же мнѣ сказать ему? Я скажу: «Мишель, ты такъ не можешь жить!» Онъ поблѣднѣлъ. «Ты простишь, будь великодушенъ, дай разводъ». — «Да, да, но какъ?» — «Я пришлю тебѣ адвоката». — «Ахъ да, хорошо».

Подробности процедуры для развода, униженіе ихъ — ужаснуло его. Но христіанское чувство — это была та щека, которую надо подставить. Онъ подставилъ ее. Черезъ годъ Михаилъ Михайловичъ жилъ по старому, работая тоже; но значеніе его уничтожилось.

ХІІ.

Хотѣли мусировать доброту христіанства его, но это не вышло: здравый смыслъ общества судилъ иначе, онъ былъ посмѣшищемъ. Онъ зналъ это, но не это мучало его. Его мучала необходимость сближенія съ прежней женой. Онъ не могъ забыть ее ни на минуту, онъ чувствовалъ себя привязаннымъ къ ней, какъ преступникъ къ столбу. Да и сближенія невольно вытекали черезъ дѣтей. Она смѣялась надъ нимъ,

но смѣхъ этотъ не смѣшонъ былъ. Балашевъ вышелъ въ отставку и не зналъ, что съ собой дѣлать. Онъ былъ заграницей, жилъ въ Москвѣ, въ Петербургѣ, только не жилъ въ деревнѣ, гдѣ только ему можно и должно было жить. Ихъ обоихъ свѣтъ притягивалъ какъ ночныхъ бабочекъ. Они искали – умно, тонко, осторожно – признанія себя такими же, какъ другія. Но именно отъ тѣхъ то, отъ кого имъ нужно было это признаніе, они не находили его. То, что свободно мыслящіе люди дурнаго тона ѣздили къ нимъ и принимали ихъ, не только не радовало ихъ, но огорчало. Эти одинокіе знакомые очевиднѣе всего доказывали, что никто не хочетъ знать ихъ, что они должны удовлетворять себѣ одни. Пускай эти люди, которые принимали ихъ, считали себя лучше той такъ называемой пошлой свѣтской среды, но имъ не нужно было одобренія этихъ добродѣтельныхъ свободомыслящихъ людей, а нужно было одобрение такъ называемаго пошлаго свѣта, куда ихъ не принимали. Балашевъ бывалъ въ клубѣ – игралъ. Ему говорили:

– А, Балашевъ, здорово, какъ поживаешь? Поѣдемъ туда, сюда. Иди въ половину.

Но никто слова не говорилъ о его женѣ. Съ нимъ обращались какъ съ холостымъ. Дамы еще хуже. Его принимали очень мило; но жены его не было для нихъ, и онъ самъ былъ человѣкъ слишкомъ хорошаго тона, чтобы попытаться заговорить о женѣ и получить тонкое оскорбленіе, за которое нельзя и отвѣтить. Онъ не могъ не ѣздить въ клубы, въ

свѣтъ, и жена ревновала, мучалась, хотѣла ѣхать въ театръ, въ концертъ и мучалась еще больше. Она была умна и ловка и, чтобъ спасти себя отъ одиночества, придумывала и пыталась разные выходы. Она пробовала блистать красотой и нарядомъ и привлекать молодыхъ людей, блестящихъ мужчинъ, но это становилось похоже, она поняла на что, когда взглянула на его лице послѣ гулянья, на которомъ она въ коляскѣ съ вѣромъ стояла недалеко отъ Гр. Кур., окруженная толпой. Она пробовала другой самый обычный выходъ – построить себѣ высоту, съ которой бы презирать тѣхъ, которые ее презирали; но способъ постройки этой контръ батареи всегда одинъ и тотъ же. И какъ только она задумала это, какъ около нее уже стали собираться дурно воспитанные¹²³ писатели, музыканты, живописцы, которые не умѣли благодарить за чай, когда она имъ подавала его.

Онъ слишкомъ былъ твердо хорошій, искренній человекъ, чтобъ промѣнять свою гордость, основанную на старомъ родѣ честныхъ и образованныхъ людей, на человѣчно-мъ воспитаніи, на честности и прямо-тѣ, на этотъ пузырь гордости какого то выдуманнаго новаго либерализма. Его вѣрное чутье тотчасъ показало ему ложь этаго утѣшенія, и онъ слишкомъ глубоко презиралъ ихъ. Оставались дѣти, ихъ было двое. Но и дѣти росли одни. Никакія Англичанки и наряды не могли имъ дать той среды дядей, тетокъ, крестной матери, подругъ, товарищей, которую имѣлъ онъ въ своемъ

---

¹²³ *Зачеркнуто:* артисты музыканты,

дѣтствѣ. Оставалось чтоже? Чтоже оставалось въ этой связи, названной бракомъ? Оставались одни животныя отношенія и роскошь жизни, имѣющія смыслъ у лоретокъ, потому что всѣ любятъ эту роскошь, и не имѣющія здѣсь смысла. Оставались голыя животныя отношенія, и другихъ не было и быть не могло. Но еще и этаго мало, оставался привидѣніе Михаилъ Михайловичъ, который самъ или котораго судьба всегда наталкивала на нихъ, Михаилъ Михайловичъ, осунувшійся, сгорбленный старикъ, напрасно старавшійся выразить сіяніе счастья жертвы въ своемъ сморщенномъ лицѣ. И ихъ лица становились мрачнѣе и старше по днямъ, а не по годамъ. Одно, что держало ихъ вмѣстѣ, были ж[ивотныя] о[тношенія]. Они знали это, и она дрожала потерять его, тѣмъ болѣе что видѣла, что онъ тяготился жизнью. Онъ *отстыкнулся*. Война. Онъ не могъ покинуть ее. Жену онъ бы оста[вилъ], но ее нельзя было.

Не права ли была она, когда говорила, что не нужно было развода, что можно было оставаться такъ жить? Да, тысячу разъ права.

Въ то время какъ они такъ жили, жизнь Михаила Михайловича становилась часъ отъ часу тяжелѣе.¹²⁴ Только теперь отзывалось ему все значеніе того, что онъ сдѣлалъ. Одинокая комната его была ужасна. <Одинъ разъ онъ пошелъ въ комитетъ миссіи. Говорили о ревности и убійствѣ женъ. Михаилъ Михайловичъ всталъ медленно и поѣхалъ къ оружей-

---

¹²⁴ *Зачеркнуто*: Какъ шутка,

нику, зарядилъ пистолетъ и поѣхалъ къ¹²⁵ ней.>¹²⁶

Одинъ разъ Татьяна Сергѣевна сидѣла одна и ждала Балашева, мучаясь ревностью. Онъ былъ¹²⁷ въ театрѣ. Дѣти легли спать. Она сидѣла, перебирая всю свою жизнь. Вдругъ ясно увидала, что она погубила 2-хъ людей добрыхъ, хорошихъ. Она вспомнила выходы – лоретка – нигилистка – мать (нельзя), спокойствіе – нельзя. Одно осталось – жить и наслаждаться.¹²⁸ Другъ Балашева. Отчего не отдаться, не бѣжать, сжечь жизнь. Чѣмъ заболѣлъ, тѣмъ и лѣчись.

Человѣкъ пришелъ доложить, что пріѣхалъ Михаилъ Михайловичъ.

– Кто?

– Михаилъ Михайловичъ желаютъ васъ видѣть на минутку.

– Проси.

Сидить у лампы темная, лицо¹²⁹ испуганное, непричесанная.

– Я... вы я... вамъ...

Она хотѣла помочь. Онъ высказался.

– Я не для себя пришелъ. Вы несчастливы. Да, больше чѣмъ когда нибудь. Мой другъ, послушайте меня. Связь наша

---

¹²⁵ *Зач.*: себѣ

¹²⁶ *Зач.*: – Я не могу жить.

¹²⁷ *Зач.*: на балѣ

¹²⁸ *Зач.*: Офицеръ

¹²⁹ *Зач.*: доброе

не прервана. Я видѣлъ, что это нельзя. Я половина, я мучаюсь, и теперь вдвойнѣ. Я сдѣлалъ дурно. Я долженъ былъ простить и прогнать, но не надсмѣяться надъ таинствомъ, и всѣ мы наказаны. Я пришелъ сказать: есть одно спасенье. Спаситель. Я утѣшаюсь имъ. Если бы вы повѣрили, поняли, вамъ бы легко нести. Что вы сдѣлаете, Онъ самъ вамъ укажетъ. Но вѣрьте, что безъ религіи, безъ надеждъ на то, чего мы не понимаемъ, и жить нельзя. Надо жертвовать собой для него, и тогда счастье въ насъ; живите для другихъ, забудьте себя — для кого — вы сами узнаете — для дѣтей, для него, и вы будете счастливы. Когда вы рожали, простить васъ была самая счастливая минута жизни. Когда вдругъ просіяло у меня въ душѣ... — Онъ заплакалъ. — Я бы желалъ, чтобы вы испытали это счастье. Прощайте, я уйду. Кто-то.

Это былъ онъ. Увидавъ Михаила Михайловича, поблѣднѣлъ. Михаилъ Михайловичъ ушелъ.

— Что это значить!

— Это ужасно. Онъ пришелъ, думая, что я несчастна, какъ духовникъ.

— Очень мило.

— Послушай, Иванъ, ты напрасно.

— Нѣтъ, это ложь, фальшь, да и что ждать.

— Иванъ, не говори.

— Нѣтъ, невыносимо, невыносимо.

— Ну постой, ты не будешь дольше мучаться.

Она ушла. Онъ сѣлъ въ столовой, выпилъ вина, съ свѣчей

пошелъ къ ней, ея не было. Записка: «будь счастливъ. Я сумашедшая».

Она ушла. Черезъ день нашли¹³⁰ подъ рельсами тѣло.

Балашевъ уѣхалъ въ Ташкентъ, отдавъ дѣтей сестрѣ. Михаилъ Михайловичъ продолжалъ служить.¹³¹

* № 4 (рук. № 5).

NN

Старушка Княгиня Марья Давыдовна Гагина, пріѣхавъ съ сыномъ въ свой¹³² московскій домъ, прошла къ себѣ на половину убратъся и переодѣтъся и велѣла сыну приходить къ кофею.

— Чьи же это оборванные чемоданы у тебя? — спросила она, когда они проходили черезъ сѣни.

— А это мой милый Нерадовъ — Костя. Онъ пріѣхалъ изъ деревни и у меня остановился. Вы ничего не имѣете противъ этого, матушка?

— Разумѣется, ничего, — тонко улыбаясь, сказала старушка, — только можно бы ему почище имѣть чемоданы. Что же

---

¹³⁰ *Зачеркнуто:* въ Невѣ ея

¹³¹ *Ниже поперекъ страницы написано:* Слезъ. Ей приходило прежде въ мысль: еслибъ онъ умеръ, да теперь не поможетъ и ни ему, ни Алексѣю. Она объ себѣ вспомнила. Ахъ, вотъ кому? Въ 1 веч. Служаешь и не слышишь крест [?] Перестали смѣяться, когда связь. Михаилъ Михайловичъ рассказываетъ свою исторію М-те С. и плачетъ. Она говоритъ: «я съ нынѣшняго вечера не своя». Онъ не истасканъ.

¹³² *Зачеркнуто:* огромный

онъ дѣлаетъ? Все не поступилъ на службу?

— Нѣтъ, онъ¹³³ земствомъ хочетъ заниматься. А хозяйство бросилъ.

— Который это счетъ у него планъ? Каждый день новенькое.

— Да онъ все таки отличный человѣкъ, и сердце.

— Что, онъ все такой же грязный?

— Я не знаю. Онъ не грязный, онъ только деревенскій житель, — отвѣчалъ сынъ, тоже улыбаясь тому постоянному тону пренебреженья, съ которымъ его мать относилась всегда къ его¹³⁴ изъ всѣхъ людей болѣе любимому человѣку, Константину Нерадову.

— Такъ приходи же черезъ часикъ, поговоримъ.

Гагинъ прошелъ на свою половину.

Неужели спать Константинъ Николаевичъ? — спросилъ онъ лакея.

— Нѣтъ, не спать, — прокричалъ голосъ изъ за занавѣса спальни.

И стройный широкій атлетъ съ лохматой русой¹³⁵ головой и¹³⁶ рѣдкой черноватой бородой и блестящими голубыми глазами, смотрѣвшими изъ широкаго толстоносаго лица,

---

¹³³ *Зачеркнуто:* теперь пишетъ сочиненіе, и какой то новый планъ у него объ улучшеніи и быта мужиковъ.

¹³⁴ *Зач.:* искреннему другу

¹³⁵ *Зач.:* бородой

¹³⁶ *Зач.:* рыжеватой

выскочилъ изъ за перегородки и началъ плясать, прыгать черезъ стулья и кресла и, опираясь на плечи Гагина, подпрыгивать такъ, что казалось – вотъ вотъ онъ вспрыгнетъ ногами на его эполеты.

– Убирайся! Перестань, Костя! Что съ тобой? —говорилъ Гагинъ, и чуть замѣтная улыбка, но за то тѣмъ болѣе цѣн[ная?] и красившая его строгое лицо, виднѣлась подъ усами.¹³⁷

– Чему я радъ? Вотъ чему. Первое, что у меня тутъ, – онъ показаль, какъ маленькую тыкву, огромную, развитую гимнастикой мышцу верхняго плеча, – разъ. Второе, что у меня тутъ, – онъ ударилъ себя по лбу, – третье, что у меня. – Онъ побѣждалъ за перегородку и вынесъ тетрадку исписанной бумаги. – Это я вчера началъ и теперь все пойдетъ, пойдетъ, пойдетъ. Вотъ видишь, – онъ сдвинулъ два кресла, разъ, два, три, съ мѣста съ гимнастическимъ приѣмомъ съ сжатыми кулаками взялъ размахъ и перелетѣлъ черезъ оба кресла. Гагинъ засмѣялся и, доставъ папиросу, сѣлъ на диванъ.

– Ну, однако одѣнись и все тебѣ расскажу.

Гагинъ сѣлъ задумавшись, что съ нимъ часто бывало, но теперь что-то очень, видно, занимало его мысль; онъ какъ остановилъ глаза на углѣ ковра, висѣвшаго со стола, такъ и не двигалъ ихъ. А ротъ его улыбался, и онъ покачивалъ головой.

– Знаешь, я тамъ встрѣтилъ сестру Алабина, она замѣчательно мила, да, – но «замѣчательно» говорилъ онъ съ таки-

---

¹³⁷ Рядом поперек полей написано: Ордынцевъ незнакомъ, въ поддевки, дикарь. «Такъ зови на свадьбу. Она мила».

мъ убѣжденіемъ эгоизма, что нельзя было не вѣрить.

— Гагинъ, — слышался послѣ долгаго и громкаго плесканья голосъ изъ за занавѣса. — Какой я однако эгоистъ. Я и не спрошу. Приѣхала Княгиня? Все хорошо?

— Приѣхала, все благополучно.

— За что она меня не любитъ?

— За то, что ты не такой, какъ всѣ люди. Ей надо для тебя отводить особый ящикъ въ головѣ; а у нея всѣ давно заняты.

Нерадовъ высунулся изъ за занавѣса только затѣмъ, чтобы видѣть, съ какимъ выраженіемъ Гагинъ сказалъ это, и, оставшись доволенъ этимъ выраженіемъ, онъ опять ушелъ за занавѣсъ и скоро вышелъ одѣтый въ очень новый сертукъ и панталоны, въ которыхъ ему несовсѣмъ ловко было, такъ какъ онъ, всегда живя въ деревнѣ, носилъ тамъ русскую рубашку и поддевку.

— Ну вотъ видишь ли, — сказалъ онъ, садясь противъ него. — Да чаю, — сказалъ онъ на вопросъ человѣка, что прикажутъ, — вотъ видишь ли, я вчера просидѣлъ весь вечеръ дома, и нашла тоска, изъ тоски сдѣлалась тревога, изъ тревоги цѣлый рядъ мыслей о себѣ. Дѣятельности прямой земской, такой, какой я хотѣлъ посвятить себя, въ Россіи еще не можетъ быть, а дѣятельность одна — разрабатывать Русскую мысль.

— Какже, а ты говорилъ, что только одна и возможна дѣятельность.

— Да мало ли что, но вотъ видишь, нужно самому учить-

ся, docendo discimus,¹³⁸ и для этаго надо жить въ спокойной средѣ, чтобы не дѣло самое, а сперва пріемъ для дѣла, да я не могу разсказать: ну, дѣло въ томъ, что я нынче ѣду въ деревню и вернусь только съ готовой книгой. А знаешь, Каренина необыкновенно мила. Ты ее знаешь?

— Ну, а выставка? — спросилъ Гагинъ о телятахъ своей выкормки, которыхъ привелъ на выставку Нерадовъ и которыми былъ страстно занятъ.

— Это все вздоръ, телята мои хороши; но это не мое дѣло.

— Вотъ какъ! Одно только нехорошо — это что мы не увидимся нынче: мнѣ надо обѣдать съ матушкой. А вотъ что, завтра поѣзжай. Мы пообѣдаемъ вмѣстѣ, и съ Богомъ.

— Нѣтъ, не могу, — задумчиво сказалъ Нерадовъ. Онъ, видно, думалъ о другомъ.¹³⁹

— Да вѣдь нынче, — и Нерадовъ покраснѣлъ, вдругъ началъ говорить съ видимымъ желаніемъ, говорить какъ о самой простой вещи, — да вѣдь нынче мы общались Щербацкимъ пріѣхать на катокъ.

— Ты поѣдешь?

Гагинъ задумался. Онъ не замѣтилъ ни краски, бросившейся въ лицо Нерадова, ни пристыженнаго выраженія его лица, когда онъ началъ говорить о Щербацкой, какъ онъ во-

---

¹³⁸ [уча учимся,]

¹³⁹ *Зачеркнуто:* — Да, сходить нынче <на коньки> въ Зоологическій садъ, потомъ къ Цимерману.— А у Щербацкихъ будешь? — спросилъ Гагинъ.— Нѣтъ, у нихъ ужъ завтра.— Такъ стало быть, будемъ обѣдать. Ну хорошо. Однако пора идти къ матушкѣ.

обще не замѣчалъ тонкости выраженія.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, — я не думаю ѣхать, мнѣ надо оставаться съ матушкой. Да я и не общалъ.

— Не общалъ, но они ждутъ, что ты будешь, — сказалъ Нерадовъ, быстро вскочивъ. — Ну, прощай, можетъ быть, не увидимся больше. Смотри же, напиши мнѣ, если будетъ большая перемѣна въ твоей жизни, — сказалъ онъ.

— Напишу. Да я поѣду на проѣздку посмотрѣть Грознаго и зайду. Какъ же, мы не увидимся?

— Да дѣла пропасть. Вотъ еще завтра надо къ Стаюнину.

— Такъ какъ же ты ѣдешь? Стало быть, общаемъ завтра.

— Ну да, общаемъ, разумѣется, — сказалъ Нерадовъ также рѣшительно, какъ рѣшительно онъ минуту тому назадъ сказалъ, что нынче ѣдетъ. Онъ схватилъ баранью шапку и выбѣжалъ. Вслѣдъ за нимъ, акуратно сложивъ вещи, Гагинъ пошелъ къ матери.

Старушка была чиста и элегантна, когда она вышла изъ вагона, но теперь она была какъ портретъ, покрытый лакомъ; все блестѣло на ней; и лиловое платье, и такой же бантъ, и перстни на сморщенныхъ бѣлыхъ ручкахъ, и сѣдые букли, не блестѣли только каріе строгіе глаза, такіе же, какъ у сына. Она подвинула сама кресло, гдѣ долженъ былъ сѣсть сынъ и, видимо, хотѣла обставить какъ можно радостнѣе тотъ пріятный и важный разговоръ, который предполагала съ сыномъ. Нѣтъ для старушки матери, отстающей отъ жизни, важнѣе и волнительнѣе разговора, какъ разговоръ о женитьбѣ сы-

на: ждётся и радость новая, и потеря старой радости, и радость жертвы своей ревности для блага сына и, главное, для продолженія рода, для счастья видѣть внучатъ. Такой разговоръ предстоялъ Княгинѣ Марьѣ Давыдовнѣ. Алеша, какъ она звала его, писалъ ей въ послѣднемъ письмѣ: «вы давно желали, чтобъ я женился. Теперь я близокъ къ исполненію вашего желанія и былъ бы счастливъ, если бы вы были теперь здѣсь, чтобы я могъ обо всемъ переговорить съ вами». Въ день полученія письма она послала ему телеграмму, что ѣдетъ отъ старшаго сына, у котораго она гостила.

— Ну, моя душа, вотъ и я, и говори мнѣ. Я тебѣ облегчу дѣло. Я догадалась, это Кити.

— Я видѣлъ, что вы догадались. Ну, что вы скажете, мама?

— Ахъ, моя душа! Что мнѣ сказать? Это такъ страшно. Но вотъ мой отвѣтъ.

Она подняла свои глаза къ образу, подняла сухую руку, перекрестивъ, прижала его голову къ бархатной кофтѣ и поцѣловала его въ рѣдкіе черные на верхней части головы волосы.

— Благодарю васъ, матушка, и за то, что вы пріѣхали ко мнѣ, и за то, что¹⁴⁰ вы бы одобрили мой выборъ.

— Какъ¹⁴¹ бы? Что это значить, — сказала она строго.

— Мама,¹⁴² только то, что ничего не говорите ни имъ, ни

---

¹⁴⁰ *Зачеркнуто:* если бы я рѣшилъ,

¹⁴¹ *Зач.*: если

¹⁴² *Зач.*: это такъ странно, ради Бога

кому, позвольте мнѣ самому все сдѣлать,...¹⁴³ Я очень радъ, что вы тутъ. Но я люблю самъ свои дѣла дѣлать.

– Ну, – она подумала, – хорошо, но помни, мой другъ,¹⁴⁴ что какъ противны кокетки, которыя играютъ мущинами, такъ противны мущины, играющія дѣвушками.¹⁴⁵

– О повѣрьте, что я такъ былъ остороженъ.

– Ну, хорошо. Скажу правду, я могла желать лучше. Но на то и состояніе, чтобы выбирать не по имѣнью, а по сердцу. И родъ ихъ старый, хорошій, и отецъ, старый Князь, отличный былъ человекъ. Если онъ проигралъ все, то потому, что былъ честенъ, а она примѣрная мать, и Долли прекрасная вышла. Ну, расскажи, что ты дѣлаешь, что твои рысаки.

– Ничего, тамап, послѣ завтра бѣгъ. Грозный очень хорошъ.

– Ну ты 2-хъ зайцевъ сразу. А знаешь, я тебѣ скажу, ты загадалъ: если Грозный возьметъ призь...

– Я сдѣлаю предложеніе. Почему вы угадали?

– А развѣ ты не мой сынъ?

---

¹⁴³ *Зач.:* но мнѣ нужно переработать это въ себѣ, и тогда

¹⁴⁴ *Зач.:* что откладывать нечего, я стара

¹⁴⁵ *Рядом на полях написано:* Разсужденіе о томъ, что дѣлать.

Bohke

W

Первая страница рукописи четвертого по порядку начала
«Анны Карениной»

Размер подлинника

* № 5 (рук. № 6).

<Часть I. Глава I.>

*<Одно и тоже дѣло женитьба для однихъ есть
забава, для другихъ мудренѣйшее дѣло на свѣтъ.>*

АННА КАРЕНИНА РОМАНЪ.

Отмищеніе Мое.

ЧАСТЬ I Глава I.¹⁴⁶

*Женитьба для однихъ <есть> труднѣйшее и
важнѣйшее дѣло жизни, для другихъ — легкое*

---

¹⁴⁶ Рядом поперек страницы написано: Широкий ящикъ груди для легкихъ и маленькая нога и легкая походка.

Степанъ Аркадьичъ Алабинъ былъ въ самомъ ужасномъ положеніи: онъ, по мѣсту, занимаемому имъ въ Москвѣ, извѣстный всей Москвѣ и родня по себѣ и женѣ почти всему московскому обществу, онъ, отецъ 4-хъ дѣтей, уже съ просѣдью въ головѣ и бакенбардахъ, вдругъ вслѣдствіи открывшейся интриги съ гувернанткой въ своемъ домѣ вдругъ сдѣлался предметомъ разговора всѣхъ. Жена его, кроткая, милая Дарья Александровна, урожденная Щербацкая, не вѣрившая въ зло на свѣтѣ, въ первый разъ поняла, что мужъ никогда не былъ и не намѣренъ былъ ей быть вѣренъ, и въ припадкѣ отчаянія и ревности бросила его и переѣхала съ дѣтьми къ своей матери. На бѣду тутъ же должники пристали къ Степану Аркадьичу, и онъ видѣлъ, что, не продавши женина имѣнья, нельзя поправить дѣлъ.

Положеніе было ужасное, но Степанъ Аркадьичъ ни на минуту не приходилъ въ отчаянье и не переставалъ быть такъ же прямъ, румянъ и также всегда пріятель, добродушенъ, важенъ въ своемъ чиновничествѣ [?], какимъ онъ всегда былъ. Кредиторамъ онъ обѣщалъ отдать черезъ 6 мѣсяцевъ и успѣлъ занять деньги, и къ женѣ онъ ѣздилъ каждый день и уговаривалъ не дѣлать позора семьи для дѣтей. Жена была почти убѣждена вернуться къ нему, или по крайней мѣрѣ онъ былъ убѣжденъ, что она возвратится рано или поздно. И

¹⁴⁷ Рядом поперекъ полей написано: Красавцевъ, Лабазинъ

потому Степанъ Аркадьичъ былъ также добродушень и весель, какъ и всегда, хотя въ рѣдкія минуты и рассказывалъ своимъ близкимъ друзьямъ свое горе.

Въ Москвѣ была выставка скота. Зоологическій садъ былъ полонъ народа.¹⁴⁸ Сіяя¹⁴⁹ раскраснѣвшимъ лицомъ, съ румяными полными губами, въ глянцовитой шляпѣ, надѣтой немного съ боку на кудрявые рѣдкіе русые волосы и съ сливающимися съ сѣдой остью бобра красивыми съ просѣдью бакенбардами,¹⁵⁰ онъ шелъ подъ руку съ нарядной дамой и, раскланиваясь безпрестанно встрѣчавшимся знакомымъ, нагибаясь надъ дамой, заставлялъ ее смѣяться, можетъ быть, слишкомъ легкимъ, подъ вліяніемъ выпитаго за завтракомъ вина, шуткамъ. Такой же веселый и румяный и такихъ же лѣтъ, только поменьше ростомъ и некрасивый, извѣстный прожившій кутила¹⁵¹ Лабазинъ прихрамывая шелъ съ ними рядомъ и принималъ участіе въ разговорѣ.¹⁵²

— Право, онъ ослабъ, — говорилъ Степанъ Аркадьичъ о комъ то, что выходило очень смѣшно, и дама смѣялась.

Подойдя къ одному изъ тѣхъ наполняющихъ садъ рѣзныхъ квази русскихъ домиковъ, Алабинъ отстранилъ плечомъ

---

¹⁴⁸ *Зачеркнуто:* Иней висѣлъ

¹⁴⁹ *Зач.:* <румянымъ, красивымъ> открытымъ, пріятнымъ

¹⁵⁰ *Зач.:* подошелъ извѣстный всему Московскому свѣту Степанъ Аркадьичъ Алабинъ, членъ суда

¹⁵¹ *Зач.:* Красавцевъ

¹⁵² *Зач.:* — Ну теперь я серьезень, какъ судья, архирей. Идемъ. И львы, и тигры, и коровы, и бараны

совавшагося навстрѣчу молодаго челоуѣка и прошель съ да-
мой мимо сторожа, наряженнаго въ обшитый галуномъ каф-
танъ и уже привыкшаго къ своему наряду и мрачно пропус-
кающаго публику въ коровникъ.

— Посмотримъ, посмотримъ коровъ, это по твоей части,¹⁵³
Лабазовъ.

¹⁵⁴Лабазовъ не пилъ ничего кромѣ воды и имѣлъ отвра-
щеніе къ молоку.

Для веселыхъ людей всякая шутка хороша, и всѣ трое ве-
село засмѣялись. Въ тѣни и запахъ коровника¹⁵⁵ они остано-
вились, посмотрѣли огромную чернопѣгую корову, которая,
не смотря на то что была на выставкѣ, спокойно стоя на трехъ
ногахъ и вытянувъ впередъ заднюю, лизала ее своимъ шеро-
ховатымъ языкомъ; потомъ подошли къ другому стойлу, въ
которомъ лежала на соломѣ красная корова, которую, тыкая
ногой въ гладкой задъ, старался поднять помѣщикъ въ кар-
тузъ и енотовой шубѣ;¹⁵⁶ и хотѣли уже выходить, когда дама
обратила вниманіе на поворотъ на высокаго чернаго¹⁵⁷ мо-
лодца барина, съ поразительнымъ выраженіемъ силы, свѣже-
сти и энергіи, который съ мужикомъ вымѣривалъ тесемкой

---

¹⁵³ *Зач.: Красавцевъ*

¹⁵⁴ *Зач.: Красавцевъ*

¹⁵⁵ *Такъ в подлиннике.*

¹⁵⁶ *Зачеркнуто:* потомъ прошли нѣсколько стойлъ, не глядя и разговаривая о
пріятномъ запахѣ коровъ

¹⁵⁷ *Зач.: краса[вца?]*

грудь и длину коровы.

— Что это они дѣлають? — сказала дама. — И посмотрите, какой молодець. Вѣрно не Русской?

Алабинъ посмотрѣлъ на не Русскаго молодца, и лицо его, всегда выражавшее удовольствіе и веселость, просіяло такъ, какъ будто онъ былъ нахмурень.

— Ордынцевъ! Сережа! — закричалъ онъ черному молодцу. — Давно ли? А вотъ Наталья Семеновна. Позволь тебя представить. Наталья Семеновна, мой пріятель, и другъ, и скотоводъ, и агрономъ, и гимнастъ, и силачъ Сергѣй Ордынцевъ. Наталья Семеновна только что говорила: «Какой красавецъ, вѣрно не Русскій?» А ты самый Русскій, что Руссе и найти нельзя.

— Совсѣмъ я не то говорила, — сказала дама. — Я сказала...

— Да ничего, онъ не обидится..

Ордынцевъ дѣйствительно, казалось, не обидѣлся; но онъ съ одного взгляда понялъ, какого рода была дама Наталія Семеновна, и, несмотря на ея безупречный скромно элегантнѣйшій туалетъ, слегка приподнялъ передъ ней¹⁵⁸ баранью шапку и съ сухостью, въ которой было почти отвращеніе, взглянулъ на нее и обратился къ Алабину.

— Я выставлю телку и быка. Я только вчера изъ деревни. А это Боброва корова, лучшее животное на выставкѣ. Смотри, что за задъ. Я хочу смѣрить.

Онъ отвернулся отъ Алабина и опять обратился къ свое-

---

¹⁵⁸ Зачеркнуто: фуражку

му мужику. Ордынцевъ былъ пріятель Алабина, хотя и 12 годами моложе его (Алабинъ былъ пріятелемъ еще съ его отцомъ). Кромѣ того Ордынцевъ былъ влюбленъ въ Княжну Щербатскую, своячению Алабина, и¹⁵⁹ ждали ужъ давно, что онъ сдѣлаетъ предложеніе; и потому¹⁶⁰ Ордынцевъ ушелъ отъ Алабина въ стойло и сталъ перемѣрять съ мужикомъ то, что онъ уже мѣрять. Онъ — Ордынцевъ — человѣкъ чистой и строгой нравственности — не могъ понять этаго теперешняго появленія Алабина въ зоологическомъ саду подѣ хмѣлькомъ подѣ руку съ хорошенькой Анной Семеновной. Вчера, тотчасъ послѣ его пріѣзда въ Москву, знакомый рассказывалъ ему, что Алабины, мужъ съ женой, разошлись, что Дарья Александровна, жена Алабина, открыла его связь и переписку съ гувернанткой, бывшей въ домѣ, и что они разѣѣжаются или уже разѣѣхались. Ордынцевъ зналъ Алабина коротко и, несмотря на совершенно противоположные ему безнравственные привычки Алабина, любилъ его, какъ и всѣ, кто зналъ Алабина, любили его. Но послѣднее извѣстіе объ гадкой исторіи съ гувернанткой, о полномъ разрывѣ съ Дарьей Александровной, женой, съ сестрой Катерины Александровны или Кити, какъ ее звали въ свѣтѣ, той самой, на которой желалъ и надѣялся жениться Ордынцевъ, и теперешняя встрѣча подѣ руку съ Натальей Семеновной заставили Ордынцева, сдѣлавъ усиліе надѣ собой, сухо отвернуться. Но

---

¹⁵⁹ *Зач.*: теперь подѣ предлогомъ выставки пріѣхалъ въ Москву, чтобы сдѣлать

¹⁶⁰ *Зач.*: онъ бы долженъ былъ обрадоваться этой встрѣчѣ, но, напротивъ,

Алабинъ не понималъ или не хотѣлъ понимать тона, принятаго пріятелемъ.

– Коровы – это все прекрасно. Но отъ этаго, что ты влюбленъ въ своихъ коровъ, это не резонъ такъ бѣгать отъ друзей. Я и женѣ скажу и Кити, что ты здѣсь, и пріѣзжай вечеромъ къ Щербацкимъ непременно. И мы будемъ.

– Ты говоришь – нынче вечеромъ? – переспросилъ Ордынцевъ, глядя ему въ глаза.¹⁶¹

– Ну да.¹⁶² Нѣтъ, пожалуйста, душа моя, пріѣзжай, и Долли будетъ рада, и я уже останусь дома для тебя.¹⁶³

Алабинъ остановился въ нерѣшительности. Идти ли дальше или остаться?

– Однако до свиданья, Наталья Семеновна, – сказалъ онъ вдругъ, передавая свою даму на руку¹⁶⁴ Лабазину¹⁶⁵ и взявъ подъ руку Ордынцева. – Пойдемъ поговоримъ, – сказалъ

---

¹⁶¹ *Зачеркнуто:* – И Дарья Александровна будетъ дома?

¹⁶² *Зач.:* Ты окоровился совершенно.

¹⁶³ *Зач.:* – Непремѣнно буду. Нынче? – сказалъ Ордынцевъ и прошелъ нѣсколькихъ шаговъ, разговаривая съ Алабинымъ. «Ничего не понимаю, – сказалъ онъ самъ себѣ, возвращаясь домой. – А это судьба. Надо ѣхать». И какъ только онъ подумалъ о томъ, что предстоитъ ему, кровь бросилась ему въ лицо, и онъ привычнымъ жестомъ сталъ тереть себе лобъ и брови.

¹⁶⁴ *Рядом и ниже на полях написано:* [1] <Алабинъ оставляетъ даму и рассказываетъ. «Я несчастный человѣкъ. Пріѣзжай».> [2] <Ордынцевъ съ мужикомъ совѣтуется.> [3] <На вечерѣ говорить, какъ онъ живетъ въ деревнѣ> [4] <Въ горѣ уѣзжаетъ къ телятамъ.> [5] <Анна говоритъ: «Я мирить не могу, но покайся. Я бы убила».> [6] «Пойдемъ, наши тамъ». Ордынцевъ вспыхнулъ. Они пошли.

¹⁶⁵ *Зачеркнуто:* Красавцеву

онъ, и лицо его вдругъ измѣнилось. Виноватая улыбка выразилась на его добромъ, красивомъ лицѣ. — Ты, вѣрно, слышалъ про наши...

— Да, слышалъ.

— Ну пойдемъ, пойдемъ поговоримъ.

Они вышли на уединенную дорожку.

— Ты понимаешь, что я не имѣю никакого права на объясненія, — сказалъ Ордынцевъ.

— Да, я знаю, но ты такой пуристъ, и твой отецъ былъ, я знаю. Ну вотъ видишь ли, мой другъ. Я рѣшительно погибшій человѣкъ. Я не стою своей жены. Она — ангелъ. Но когда ты будешь женатъ, ты поймешь. Я увлекся. А главное, я самъ сдѣлалъ глупость. Этого никогда не надо дѣлать. Я ей признался во всемъ. Ну и кончено. Я теперь виноватый. И женщины никогда не прощаютъ этого. Но понимаешь, когда дѣти, на это нельзя такъ легко смотрѣть. Она хотѣла развѣхаться. Насилу мы спасли ее отъ срама. И теперь я надѣюсь, что все обойдется. Ужасно, ужасно было. Но главное то, что бываетъ же увлеченіе. И вѣдь это такая прелесть была, — сказалъ онъ съ робкой улыбкой, — и я погубилъ и ту и другую. Это ужасно!

— Да, но по крайней мѣрѣ теперь все кончено? — спросилъ Ордынцевъ.

— Да, и кончено и нѣтъ. Ты пріѣзжай непременно. Она тебя очень любить и будетъ рада тебя видѣть.

— Ты знаешь, я не могу понять этихъ увлеченій.

– Знаю, что жена правду говорить, что твой главный порокъ – гордость. Вотъ женись.

– И по мнѣ бракъ, разрушенный невѣрностью¹⁶⁶ съ той или съ другой стороны, – продолжалъ громко и отчетливо Ордынцевъ съ своей привычкой ясно и немного длинно выражаться, – бракъ разрушенный не можетъ быть починенъ.

– Ты не женатъ, и ты судить не можешь. Это совсѣмъ не то, что ты воображаешь.

– Отъ этаго, можетъ быть, я никогда не женюсь, но если женюсь, то я строго исполню долгъ и буду требовать исполненія.

– Такъ ты пріѣзжай непременно, Кити будетъ, – сказалъ Алабинъ, глядя на часы и невольно отвѣчая этимъ на слова Ордынцева о бракѣ. – А мнѣ надо обѣдать у старика Щипкова.

И Степанъ Аркадычъ, опять выпрямивъ грудь и принявъ свое веселое, беззаботное выраженіе, растегнувъ пальто, чтобы освѣжиться отъ прилива къ головѣ, вызваннаго объясненіемъ, пошелъ легкой и красивой походкой маленькихъ ногъ къ выходу сада, гдѣ ждала его помѣсячная извозицья карета.¹⁶⁷

Въ одномъ изъ такихъ домиковъ стоялъ Ленинъ передъ стойломъ, надъ которымъ на доскѣ было написано: тел-

---

¹⁶⁶ *Зачеркнуто:* продолжалъ Ордынцевъ, какъ будто его и не перебивали

¹⁶⁷ *Зач.:* Оставшись одинъ, Ордынцевъ вернулся къ коровамъ, еще разъ сравнивая, остановился

ка Русскаго завода¹⁶⁸ Николая Константиновича Ордынцева, и любовался ею, сравнивая ее съ другимъ знаменитымъ выводителемъ завода Бабина. Чернопѣгая телка, загнувъ голову, чесала себѣ задней головой¹⁶⁹ за ухомъ.

«Нѣтъ хороша», думалъ онъ. Ленинъ зналъ свою телку до малѣйшихъ подробностей. Годъ и два мѣсяца онъ видѣлъ ее каждый почти день, зналъ ее отца, мать: узнавалъ въ ней черты материнской, отцовской породы, черты выкормки. Теперь, сравнительно съ другими выставленными телками, она упала нисколько въ его глазахъ. (Онъ думалъ одно время, что она будетъ лучшая телка на выставкѣ), но все-таки онъ высоко цѣнилъ ее. Немножко только онъ желалъ бы ее пониже на ногахъ, и когда она стояла, какъ теперь, въ глубокой постылкѣ, этотъ недостатокъ былъ незамѣтенъ, да немножко посуше въ переду и пошире костью въ заду; но этотъ недостатокъ, онъ надѣялся, выправится при первомъ тѣлѣ. Голова короткая и породистая, подбрюдокъ какъ атласный мѣшокъ, глазъ большой и въ бѣломъ ободкѣ были все таки прекрасны. Такъ онъ думалъ, косясь на свою телку и прислушиваясь къ тому, что говорили посѣтителы. Большинство посѣтителей были совершенно равнодушные,¹⁷⁰ другое большее большинство были осуждатели. И каждый, думая, что говорить новенькое, всѣ говорили одно и тоже, имянно: и что выставлать у на-

---

¹⁶⁸ *Зач.:* Константина

¹⁶⁹ *Так в подлиннике.*

¹⁷⁰ *Зачеркнуто:* какъ Алабинъ

съ въ Россіи, привезутъ изъ за границы и выставятъ: вотъ моль какихъ намъ нужно бы имѣть коровъ, но мы не имѣемъ. А у насъ все Тасканской породы, какъ шутилъ одинъ помѣщикъ, т. е. таскать надо подъ гору, оттого тасканская. Большинство проходило, читало надпись телки, глядѣли на телки и или ничего не говорили или говорили: «телушка какъ телушка, отчего же она Русской породы. Красная помѣсь Тирольской». Рѣдкіе останавливались, спрашивали, и тогда Ордынцевскій молодой мужикъ Елистратъ, страстный охотникъ, пріохоченный бариномъ, рассказывалъ, что телкѣ годъ 2 мѣсяца и живаго вѣсу 13 пудовъ, и выведена она не подъ матерью и т. д.¹⁷¹

Иногда вмѣшивался и самъ хозяинъ и съ увлеченіемъ объяснялъ всю свою теорію вывода скота, основанную на новѣйшихъ научныхъ изслѣдованіяхъ. Такъ онъ вступилъ въ такое объясненіе съ молодымъ богачемъ купцомъ, который съ женой остановился противъ телки и сталъ спрашивать. Купецъ былъ охотникъ и тоже выразилъ сомнѣнье, что телка не русская. Ордынцевъ вступилъ съ нимъ въ разговоръ, безпрестанно перебивая купца и стараясь внушить ему во первыхъ то, что надо условиться, что понимать подъ Русской скотиной. Не заморскую скотину, но ту скотину, которая вывелась въ Россіи, также какъ то, что въ Англіи считается кровной лошадыю; во вторыхъ, онъ старался внушить купцу, что для

---

¹⁷¹ *Зач.*: Вернувшись въ коровникъ послѣ разговора съ Алабинымъ, Ордынцевъ засталъ группу противъ своей телки.

вывода скота не нужно брать хорошо выкормленную въ теплѣ и угодьяхъ скотину и изъ лучшихъ условій переводить ее въ худшія, а напротивъ; въ третьихъ, онъ старался внушить купцу, хотя и невольно, но очень замѣтно, что дѣло о ко-ровахъ и способъ вывода знаетъ одинъ онъ, Ордынцевъ, а что всѣ, и въ томъ числѣ купецъ, глупы и ничего не понима-ютъ. Онъ говорилъ хотя и умно и хорошо, но многословно и дерзко; но купецъ, несмотря на то что былъ образованный, почтенный человѣкъ и зналъ не хуже Ордынцева толкъ въ скотпнѣ и научныя разсужденія о скотѣ, слушалъ Ордынце-ва, не оскорбляясь его тономъ. Тотъ же самый дерзкій, само-увѣренный тонъ, который имѣлъ привычку принимать почти со всѣми Ордынцевъ, въ другомъ человѣкѣ, менѣе свѣжемъ, красивомъ и, главное, энергичномъ, былъ бы оскорбителенъ, но Ордынцевъ такъ очевидно страстно былъ увлеченъ тѣмъ, что говорилъ, что купецъ сначала пробовалъ отвѣчать, но, всякій разъ перебиваемый словами *нѣтъ позвольте*, выслу-шавъ цѣлую лекцію и остался доволенъ. Оставшись опять одинъ послѣ ухода купца, Ордынцевъ подошелъ къ своему мужику и помощнику Елистрату и съ нимъ заговорилъ о ко-ровахъ.

— Ну какія же тебѣ лучше всѣхъ понравились?

— Да и чернопѣгая хороша. Только на мой обычай я бѣ же-ну заложилъ, а того сѣдаго бычка купилъ бы, — сказалъ Ели-стратъ. — Охъ — ладенъ. Кабы его да къ нашей Павѣ, да это — мы бы такихъ вывели, ... — закончилъ онъ, просіявъ улыбкой.

– Правда, правда.¹⁷² Я куплю. Ну поѣдемъ, я тебя довезу объѣдать.

И Ордынцевъ съ мужикомъ пошелъ по дорожкамъ къ выходу, продолжая разговаривать съ мужикомъ съ большимъ увлеченіемъ, чѣмъ можно бы было предполагать, и которое умный Елистратъ справедливо относилъ къ тому, что баринъ хочетъ показать, что онъ имъ не гнушается.

Около выхода Ордынцева догналъ бѣжавшій съ коньками замотанными худощавый молодой человѣкъ съ длиннымъ горбатымъ носомъ.

– Давно ли, Ордынцевъ? – сказала по французски молодой человѣкъ, ударяя его по плечу.

– Вчера пріѣхалъ, привезъ скотину свою на выставку.

– Ну а что гимнастика? Бросили? Приходите завтра, поработаемъ.

– Нѣтъ, не бросилъ, но некогда. Въ деревнѣ я поддерживаюсь верховой ѣздой. Верстъ 15 каждый день и гири.

Ордынцевъ отвѣчалъ и говорилъ по французски замѣчательно изящнымъ языкомъ и выговоромъ и не такъ, какъ его собесѣдникъ, перемѣшивая Русскій съ Французскимъ. Замѣтенъ былъ нѣкоторый педантизмъ въ томъ, что онъ, разъ рѣшивъ, что глупо мѣшать два языка, отчетливо и ясно говорилъ на томъ или другомъ.

---

¹⁷² *Ниже на поляхъ вследъ за этимъ вписано: «Ты посмотри задъ», и онъ сталъ мѣрять. Въ это время въ дверь вошелъ Степанъ Аркадьичъ съ знаменитымъ прожившимъ кутилой Безобразовымъ. У Безобразова на рукѣ была франтиха дама. Вокругъ нихъ стояло сіяніе веселаго хорошаго завтрака.*

Молодой человекъ пощупалъ его руку выше локтя. И тотчасъ же при этомъ жестѣ Ордынцевъ напряжилъ мускулы.

— О! О! ничего не ослабла. Что же, всѣ 5 пудовъ?

— Поднимаю или вѣшу?

— И то и другое.

— Поднимаю тоже, но вѣсу я въ себѣ сбавилъ, а то сталъ толстѣть.

— Это кто же съ вами?

— Это мой товарищъ по скотоводству, замѣчательный человекъ.

Но молодому человеку, видно, не интересенъ былъ замѣчательный мужикъ, онъ пожалъ руку Ордынцеву.

— Пріѣзжайте завтра, весь классъ васъ будетъ ждать. Старая гвардія — и Келеръ ходитъ, — и пробѣжалъ впередъ. — Ахъ да, — закричалъ онъ оборачиваясь, — были вы у Алабиныхъ?

— Нѣтъ еще.

— Говорятъ, они разъѣзжаются.

— Нѣтъ, это неправда.

— Вѣдь надо что нибудь выдумать.

— До свиданья.¹⁷³

—

Вернувшись въ свой № въ новой гостиницѣ на Петровкѣ, Ордынцевъ увидаль, что онъ опоздалъ къ обѣду къ теткѣ, да

---

¹⁷³ Против этих слов и ниже поперек поля написано: [1] После обѣда чувство недовольства, у того все назади, у этаго впереди. [2] Обѣдъ. Шампанское развязываетъ языки. «Моя жена удивительная женщина». Ордынцевъ не гастрономъ, каша лучше, но бумажникъ полонъ.

и ему не хотѣлось никуда идти. Несмотря на все увлеченіе, съ которымъ онъ занимался выставкой и успѣхомъ своей телки, съ той минуты, какъ онъ встрѣтилъ Алабина и тотъ взялъ съ него обѣщаніе пріѣхать вечеромъ къ нему и сказалъ ему, что Китти Щербацкая тамъ будетъ, новое чувство поднялось въ душѣ молодого человѣка, и, споря съ купцомъ и совѣтуясь съ Елистратомъ и соображая покупку сѣдаго бычка, мысль о Китти и о предстоящемъ свиданіи съ нею ни на минуту не покидала его. Привычка занятія поддерживала его въ прежней колеѣ, какъ данное движеніе несетъ корабль еще по прежнему направленію, а уже парусъ надулся въ другую сторону. Онъ услалъ Елистрата обѣдать, велѣлъ подать себѣ обѣдать въ номеръ и радъ былъ, что остался одинъ, чтобы обдумать предстоящее. Ему было 26 лѣтъ, и, какъ человѣкъ исключительно чистой нравственности, онъ чувствовалъ болѣе чѣмъ другой, какъ нехорошо человѣку единому быть. Уже давно женщины дѣйствовали на него такъ, что онъ или чувствовалъ къ нимъ восторги, ничѣмъ не оправдываемые, или отвращеніе и ужасъ. Отца и матери у него не было. Онъ былъ уже 5 годъ по выходѣ изъ университета и по смерти отца въ одно и тоже время полнымъ хозяиномъ себя, своего имѣнія и еще опекуномъ меньшаго брата. Состояніе у него было среднее,¹⁷⁴ независимость для одного, 10, 12 тысячъ дохода на его долю; но у нея, у Кити Щербацкой, почти ничего не было. Но объ этомъ онъ не позволялъ себѣ думать. Что то бы-

---

¹⁷⁴ *Зачеркнуто: почти*

ло унизительное для его гордости думать, что деньги могут мѣшать выбору его жизни. «Для другихъ 12 тысячъ мало, но для меня, — думалъ онъ, — это другое. Впервыхъ, жизнь моя семейная будетъ совсѣмъ не похожая на всѣ жизни, какія я вижу. Будетъ другое. Потомъ, еслибъ нужно сдѣлать деньги, я сдѣлаю. Но подчинится ли она моимъ требованіямъ? Она хороша, среда ея глупая московская свѣтская. Правда, она особенное существо.¹⁷⁵ Та самая особенная, какая нужна для моей особенной жизни. Но нѣтъ ли у ней прошедшаго, не была ли она влюблена? Если да, то кончено. Идти по слѣдамъ другаго я не могу. Но почему же я думаю? — Нѣтъ, но что то щемить мнѣ сердце и радуется, когда думаю. Что щемить? Одно — что я долженъ рѣшиться, да и нынче вечеромъ».

Онъ всталъ и сталъ ходить по комнатѣ, вспоминая ея прелестное бѣлокурое кроткое лицо и, главное, глаза, которые вопросительно выжидательно смотрѣли на него, это благородство осанки и искренность, доброту выраженья. Но все что то мучало его. Онъ не признавался себѣ даже въ томъ, что мучало его. Его мучала мысль объ невыносимомъ оскорбленіи отказа, въ возможность котораго онъ ставилъ себя.

Онъ вспоминалъ ея улыбки при разговорѣ съ нимъ, тѣ улыбки, которыя говорили, что она знаетъ его любовь и радуется ей. Онъ вспоминалъ, главное, то отношеніе къ себѣ ея

---

¹⁷⁵ *Против этих слов и ниже на полях написано: Жениться хорошо, не жениться тоже хорошо. Дѣла пропасть.*

сестры, ея матери, какъ будто ужъ ждали отъ него, что вотъ вотъ онъ сдѣлаетъ предложеніе. Вспоминаль, что была даже, несмотря на ихъ страхъ какъ бы заманивать его, была неловкость, что очевидно въ послѣднюю зиму дѣло дошло до того, что онъ долженъ былъ сдѣлать предложеніе въ мнѣніи свѣта. Его ужъ не звали, когда звали другихъ, и онъ не обижался. «Да, да, – говорилъ онъ себѣ. – Нынче это кончится».

Елистрать, пообѣдавъ, вошелъ въ номеръ.

– Ну ужъ кушанье, – сказалъ онъ, – и не знаешь, какъ его ѣсть то. Хороша Москва, да дорога. Чтоже, сходить къ Прижову посватать бычка?

Ордынцевъ остановился передъ Елистратомъ, не отвѣчая и улыбаясь, сверху внизъ глядя на него.

– А знаешь, Елистрать Агеичъ, о чемъ я думаю. Что ты скажешь?

– Объ чемъ сказать то?

– Какъ ты скажешь, надо мнѣ жениться?

– И давно пора, – ни секунду немедля, какъ давно всѣмъ свѣтомъ рѣшенное дѣло, отвѣчалъ Елистрать. – Самое хорошее дѣло.

– Ты думаешь?

– Чего думать, Николай Константиновичъ. Тутъ и думать нечего. Возьмите барыню помирнѣе,¹⁷⁶ да чтобъ хозяйка была, совсѣмъ жизнь другую увидите.

Ордынцевъ засмѣялся ребяческимъ смѣхомъ и поднялъ и

---

¹⁷⁶ Зачеркнуто: потише

подкинуть Елистрата.

— Ну, ладно, подумаемъ.

И, отпустивъ Елистрата, Ордынцевъ неторопливо переодѣлъ свѣжую рубашку и¹⁷⁷ фракъ вмѣсто утренняго пиджака [?] и пошелъ, чтобы чѣмъ нибудь занять время, въ Хлѣбный переулокъ, гдѣ жили¹⁷⁸ Щербацкіе.

Никогда послѣ Ордынцевъ не забылъ этаго полчася, который онъ шелъ по слабо освѣщеннымъ улицамъ съ сердцемъ, замиравшимъ отъ страха и ожиданія огромной радости, не забылъ этой размягченности душевной, какъ будто наружу ничѣмъ не закрыто было его сердце; съ такой силой отзывались въ немъ всѣ впечатлѣнія. Переходъ черезъ Никитскую изъ Газетнаго въ темный Кисловскій переулокъ и слѣпая стѣна монастыря, мимо которой, свистя, что то несъ мальчикъ и извозчикъ ѣхалъ ему навстрѣчу въ саняхъ, почему то навсегда остался ему въ памяти. Ему прелестна была и веселость мальчика и прелестенъ видъ движущей[ся] лошади съ санями, бросающей тѣнь на стѣну, и прелестна мысль монастыря, тишины и доживанія жизни среди шумной, кишашей сложными интересами Москвы, и прелестнѣе всего его любовь къ себѣ, къ жизни, къ ней и способность пониманія и наслажденія всѣмъ прекраснымъ въ жизни.

Когда онъ позвонилъ у подъѣзда, гдѣ стояла карета и сани, онъ почувствовалъ, что не можетъ дышать отъ волненія

---

¹⁷⁷ Зам.: сертукъ

¹⁷⁸ Зам.: Алабины

счастія, и нарочно сталъ думать о непріятномъ, о безнравственности Алабина, съ тѣмъ чтобы разсердиться и этимъ сердцемъ успокоить свою размягченную душу

Глава V.

Князя Щербацкіе были когда [-то] очень богатые люди, но старый Князь¹⁷⁹ шутя проигралъ все свое и часть состоянія жены.¹⁸⁰ Ежели бы Княгиня¹⁸¹ рѣшительно не взяла въ свои руки остатки состоянія и, какъ ни противно это было ея характеру, не отказала Князю въ выдачѣ ему денегъ, онъ проигралъ бы все. «Если бы мнѣ несчастные 10, 15 тысячъ, я бы отыгралъ все», говорилъ себѣ князь, еще свѣжій 60 лѣтній человѣкъ.¹⁸² Въ то же почти время какъ Княгиня перестала давать деньги для игры мужу, случилась и смерть единственного любимаго сына. Смерть эта страшно поразила Князя и съ той поры, 12 лѣтъ тому назадъ, и съ той поры безъ дѣла, кромѣ номинальной службы при Императрицыныхъ учрежденіяхъ, безъ занятій, безъ интереса къ чему бы то ни было, съѣдаемый неудовлетворенной жаждой страсти, презирая и ненавидя все новое, нарастающее и живущее, несмотря на то что онъ пересталъ жить, непріятнымъ, тяжелымъ гостемъ жилъ въ домѣ. И если бы не умѣнье, нѣжность, любовь

---

¹⁷⁹ *Зач.*: жившій и теперь подѣ опекой своей жены,

¹⁸⁰ *Зач.*: Когда

¹⁸¹ *Зач.*: уже давно перестала давать ему деньги, старый игрокъ

¹⁸² *Зачеркнуто*: И это онъ говорилъ себѣ уже 15 лѣтъ и 15 лѣтъ безъ дѣла, безъ интереса къ чему бы то ни было

меньшой незамужней дочери Кити, которую одну какъ буд-то и любилъ, онъ былъ бы невыносимымъ членомъ семьи. Теперь Щербацкіе жили далеко небогато, но все-таки много выше средствъ.¹⁸³ Жизнь въ Москвѣ, гдѣ они проживали тысячъ 20, тогда какъ у нихъ было всего 10 тысячъ дохода, Княгиня считала необходимымъ для того, чтобы выдать замужъ послѣднюю дочь, которая была въ томъ¹⁸⁴ дѣвичьемъ возрастѣ 20 лѣтъ, когда теперь или никогда выдти замужъ. За Кити нельзя было бояться, чтобы она засидѣлась, — она была не только хороша, но такъ привлекательна, что нѣсколько предложеній уже были ей сдѣланы; но съ одной стороны, она не любила никого изъ тѣхъ, кто дѣлалъ предложеніе, съ другой стороны, мать знала, что Китти всегда скорѣе склонна отказаться, чѣмъ принять предложеніе[е] уже по тому только, чтобы не оставить мать одну съ отцомъ. Кромѣ того, на успѣхъ хорошаго замужества Китти имѣло дурное вліяніе замужество сестры. Умная мать знала, что меньшія сестры всегда преждевременно узнаютъ многія супружескія отношенія вслѣдствіи близости съ старшей замужней сестрой. И тутъ все, что узнала Китти, могло только отвратить ее отъ супружества и сдѣлать болѣе требовательной. Кромѣ того умная, опытная мать знала, что всегда почти, особенно въ семьѣ, гдѣ нѣтъ братьевъ, меньшая сестра выходитъ за мужъ въ кругу друзей мужа старшей сестры; а друзья Алабина, несмотря на

---

¹⁸³ *Против этих слов на полях написано: <Княгиня пухлая съ одышкой.>*

¹⁸⁴ *Зач.: лучшемъ*

его по связямъ и имени высшее положеніе въ обществѣ, были не¹⁸⁵ женихи, которыхъ бы желала мать для дочери. Это были большей частью веселые собесѣдники на пиру, но не желательные мужья для дочери.

И когда мать подумывала о томъ, что Китти можетъ не выдти замужъ, ей становилось особенно больно, не только потому, какъ вообще матерямъ грустно и обидно, что онѣ не сумѣли сбыть товаръ съ рукъ, но особенно больно потому, что она твердо знала, что товаръ ее перваго, самаго перваго достоинства; она знала про себя, что была отличная жена и мать, знала, что Долли, несмотря на несчастье въ супружествѣ, была образцовая жена и мать, и знала, что Китти будетъ такая же и еще лучше, съ придаткомъ особенной, ей свойственной прелести и граціи. Изъ¹⁸⁶ очевидныхъ искателей руки Китти теперь на кону были два: Левинъ, графъ Кубинъ. Для матери не могло быть никакого сравненія между Кубинымъ и Левинымъ. Матери не нравилось въ¹⁸⁷ Левинѣ и его молодость и его гордость, самоувѣренность, ни на чемъ не основанная, и его, по понятіямъ матери, дикая какая-то жизнь въ деревнѣ съ занятіями¹⁸⁸ скотиной, мужиками; не нравилось, и очень, то, что онъ, очевидно влюбленный уже

---

¹⁸⁵ *Зач.*: такіе

¹⁸⁶ *Зачеркнуто*: пріятелей Алабина одинъ Ордынцевъ, который казался матери возможнымъ, но и онъ ей скорѣе не нравился, и она боялась, чтобы дочь не привязалась къ нему.

¹⁸⁷ *Зач.*: Ордынцевъ

¹⁸⁸ *Зач.*: мужицкими школами

2-й годъ въ дочь, ѣздилъ въ домъ, говорилъ¹⁸⁹ про разныя глупости и чего то какъ будто ждалъ, высматривалъ, какъ будто боялся, не велика ли будетъ честь, если онъ сдѣлаетъ предложеніе, и не понималъ, что, ѣздя въ домъ, гдѣ дѣвушка невѣста, онъ долженъ былъ давно объясниться. Старый Князь, принимавшій мало участія въ семейныхъ дѣлахъ, въ этомъ дѣлѣ былъ противоположнаго мнѣнія съ женою. Онъ покровительствовалъ¹⁹⁰ Левину и желалъ брака Кити съ нимъ. Главнымъ качествомъ¹⁹¹ Левина онъ выставялъ передъ женою¹⁹² физическую свѣжесть, не истасканность. Но Княгиня по странной женской слабости не могла повѣрить, чтобы ее мужъ, во всемъ неправый, могъ бы быть правъ въ этомъ, и сердито и презрительно спорила съ нимъ, оскорбляясь даже тѣмъ, что физическую свѣжесть и силу можно ставить въ заслугу кому нибудь, кромѣ мужику. Она говорила, что эта физическая свѣжесть¹⁹³ и доказываетъ, что у него нѣтъ сердца. <Княгиня тѣмъ болѣе теперь была недовольна Ордынцевымъ, что въ послѣднее время, въ концѣ этой зимы,¹⁹⁴ на Московскихъ балахъ, изъ которыхъ ни одного не пропускала Кити, появился новый искатель, къ которому Княгиня

---

¹⁸⁹ *Зач.*: съ увлеченіемъ

¹⁹⁰ *Зач.*: Ордынцеву

¹⁹¹ *Зач.*: Ордынцева

¹⁹² *Зач.*: честность и

¹⁹³ *Зач.*: и противна въ немъ, что это

¹⁹⁴ *Зач.*: въ домѣ ихъ

была расположена всей душой.> Другой искатель¹⁹⁵ удовлетворялъ всѣмъ желаніямъ матери. Она каждое утро [и] вечеромъ молилась о томъ, чтобы это сдѣлалось.¹⁹⁶ Искатель этотъ былъ¹⁹⁷ Графъ Вроцкой, одинъ изъ двухъ братьевъ¹⁹⁸ Вроцкихъ, сыновей извѣстной въ Москвѣ¹⁹⁹ Графини Марьи Алексѣвны. Оба брата были очень богаты, прекраснаго семейства. Отецъ ихъ оставилъ память благороднаго Русскаго вельможи, оба прекрасно образованы, кончили курсъ²⁰⁰ въ высшемъ военномъ учебномъ заведеніи, оба первыми учениками, и оба служили въ гвардіи. Меньшій, Алексѣй, Кавалергардъ, жилъ въ отпускѣ²⁰¹ за границей и теперь, возвращаясь, проживъ въ Москвѣ два мѣсяца, встрѣтился на балѣ съ Кити и сталъ ѣздить въ домъ.²⁰²

Нельзя было сомнѣваться въ томъ, что означаютъ его посѣщенія. Вчера только разрушились послѣднія сомнѣнія матери о томъ, почему онъ не высказывается. Китти, все раз-

---

¹⁹⁵ *Зач.:* Графъ Кубанской

¹⁹⁶ *Зач.:* и отслужила тайно отъ дочери о томъ же молебень Иверской

¹⁹⁷ *Зачеркнуто:* <Кн. Иванъ Сер.> <Михаиль> Алексѣй Удашевъ

¹⁹⁸ *Зач.:* Удашевыхъ

¹⁹⁹ *Зач.:* Княгини

²⁰⁰ *Зам.:* кандидатами въ Московскомъ университетѣ,

²⁰¹ *Зач.:* для раздѣла съ братомъ и во время этаго отпуска, встрѣтившись на балѣ съ Китти, былъ представленъ и протанцоваль съ ней 4 мазурки <и два раза былъ въ домѣ> и ѣздилъ очень часто

²⁰² *Зач.:* Положеніе его въ домѣ стало таково, что онъ, видимо, уже не боялся <компрометировать> ѣздить каждый день и, зная его честную породу и природу,

сказывавшая матери, рассказала ей свой разговор съ нимъ.²⁰³ Говоря объ своихъ отношеніяхъ къ матери, онъ сказалъ, что они оба брата такъ привыкли подчиняться ей во всемъ, что²⁰⁴ они никогда не рѣшатся предпринять что нибудь важное, не посовѣтовавшись съ нею.

«И теперь я особенно жду, какъ особеннаго счастья, приѣзда матушки изъ Петербурга», сказалъ онъ. «И я перемѣнила разговоръ», рассказывала Китти. Мать заставила нѣсколько разъ повторить эти слова. И успокоилась. Она знала, что старуху Удашеву ждутъ со дня на день. Знала, что старуха будетъ рада выбору сына, но понимала, что онъ, боясь оскорбить ее, не дѣлаетъ предложеніе безъ ея согласія.

Какъ ни много горя было у старой Княгини отъ старшей дочери,²⁰⁵ собиравшейся оставить мужа, этотъ предстоящій бракъ радовалъ ее, и мысль о томъ, чтобы онъ разошелся, пугала ее. Она ничего прямо не совѣтовала дочери, не спрашивала ее, приметъ ли она или нѣтъ предложеніе, — она знала, что тутъ нельзя вмѣшиваться; но она боялась, что дочь,

---

²⁰³ *Зач.*: у фортепьяно

²⁰⁴ *Зач.*: иногда они становятся въ неловкое положеніе, не смѣя дать слово или обѣщать, или просить, умолять о чемъ нибудь, не имѣя на то согласіе матери. Это оскорбило бы ее. «И теперь я жду приѣзда матери какъ мессіи, — сказалъ онъ, — отъ нея зависитъ счастье моей жизни, и я знаю, что она счастлива будетъ моимъ счастіемъ».

²⁰⁵ *Зач.*: переѣхавшей къ ней съ дѣтьми и насилу согласившейся простить мужа и вернуться къ нему,

имѣвшая, какъ ей казалось, одно время чувство къ²⁰⁶ Леви-ну и подававшая надежды, изъ чувства излишней честности не отказала Удашеву. Поэтому²⁰⁷ она холодно встрѣтила Ордынцева и почти не звала его. Когда она осталась одна съ дочерью, Княгиня чуть не разразилась словами упрековъ и досады.

— Я очень, очень рада, — сказала Китти значительно. — Я очень рада, что онъ пріѣхалъ. <— И взглянула на мать, и потомъ, оставшись одна,²⁰⁸ она сказала ей, успокаивая ее: —> Я рада тому, что нынче все рѣшится.

— Но какъ?

— Какъ? — сказала она задумавшись. — Я знаю какъ; но позвольте мнѣ не сказать вамъ. Такъ страшно говорить про это.²⁰⁹

—

Когда Ордынцевъ вошелъ въ гостиную, въ ней сидѣли старая Княгиня, Дарья Александровна, Алабинъ, Удашевъ и Китти съ своимъ другомъ Графиней Нордстонъ. Ордынцевъ зналъ всѣхъ, кромѣ Удашева.

Онъ зналъ и круглый столъ, и тонъ общаго разговора и

---

²⁰⁶ Зач.: Ордынцеву

²⁰⁷ *Зачеркнуто:* когда Алабинъ заѣхалъ после обѣда къ нимъ и сообщилъ о встрѣчѣ съ Ордынцевымъ и приглашеніи вечеромъ

²⁰⁸ *После этого слова, очевидно по ошибке, не зачеркнутое:* матери

²⁰⁹ *Против этих строк на полях написано и зачеркнуто:* Какъ передъ сраженіемъ.

выраженіе лица Китти, то выраженіе²¹⁰ взволнованнаго, но сдержаннаго счастія, которое было на ея лицѣ. При входѣ его она невольно покраснѣла, какъ 13 лѣтняя дѣвочка, и съ улыбкой, которую онъ хорошо зналъ, ожидала, чтобы онъ поздорововался съ матерью и Графиней Нордстонъ, которая сидѣла ближе. Бывало, она съ той же улыбкой²¹¹ ожидала, чтобы онъ кончилъ здорововаться, и эта улыбка, внушая согласіе о томъ, что это нужно только для того, чтобы быть вмѣстѣ, радовала его; теперь было тоже; но въ то время какъ онъ здорововался съ матерью, она сказала что[-то], нагнувъ свою прелестную голову къ Удашеву. Этого слова было довольно, чтобы ему понять значеніе Удашева, и вмѣсто размягченнаго состоянія онъ вдругъ почувствовалъ себя озлобленнымъ весельемъ. Въ ту же минуту, хотя была неправда, что она знала, кого выберетъ до сихъ поръ, она узнала, что это былъ Удашевъ, и ей жалко стало Ордынцева. Онъ былъ веселъ, развязенъ, и при представленіи другъ другу Удашевъ и Ордынцевъ поняли, что они враги, но маленькій ростомъ, хотя и крѣпкій, Удашевъ сталъ утонченъ, учтивъ и презри-

---

²¹⁰ *Зачеркнуто:* тихаго

²¹¹ *Против этой части абзаца на полях написано:* Кити не знаетъ, кого выбрать. — Ордынцевъ силачъ оскорбленъ, безтактенъ. Удашевъ тихъ, слабъ физически и спокойно непоколебимъ. К[итти], М[ать] на сторонѣ Удашева, С[тарикъ?], Д[олли] и А[лабинъ] на сторонѣ Ордынцева. Уѣхалъ домой и плачетъ. «Я всѣмъ противенъ». Дома пристыжная отелилась. Приход[ять?] <луга> наниматься. Разговоръ, что дома дѣлають въ д[еревнѣ?] Приходитъ старикъ от[ецъ]. Д[олли?] переѣзжаетъ. Онъ можетъ плакать всегда.

теленъ, а силачъ Ордынцевъ неприлично и обидчиво озлобленъ. Гостиная раздѣлилась на два лагеря. На сторонѣ Удашева была мать, сама Кити и Графиня Нордстонъ, на сторонѣ Ордынцева только Китти, но скоро прибавился ему на помощь Алабинъ и старый Князь, и партія стала равна.

Разговоръ былъ поднять матерью о деревенской жизни, и Ордынцевъ сталъ рассказывать, какъ онъ живетъ.

– Какъ можно жить, – говорила Графиня Нордстонъ, – въ деревнѣ одному, не понимаю.²¹²

– Стива рассказывалъ, что вы выставили прекрасную корову, – сказала Княгиня.

– Онъ, кажется, и не посмотрѣлъ на нее, – улыбаясь отвѣчалъ Ордынцевъ. И стараясь перевести разговоръ съ себя на другихъ: – Вы много танцовали эту зиму, Катерина Александровна?

– Да, какъ обыкновенно. Мама, – сказала она, указывая

---

²¹² *Рядом на полях написано:* <Какъ только Ордынцевъ вошелъ въ этотъ вечеръ къ Щербакимъ, онъ съ первыхъ словъ понялъ, что мѣсто его занято. Онъ принявъ на себя веселый, развязный тонъ, но глаза его, голубые, глубокіе, имѣли растерянное выраженіе, и даже Кити было жалко его. Какъ пріятно бываетъ женщинѣ жалтъ о несчастіи челоѣка, несчастіи, сдѣланномъ ею самою. «Разумѣется, Гагинъ ни въ чемъ не виноватъ», подумалъ Ордынцевъ, и онъ былъ особенно любезенъ съ нимъ. Онъ только былъ неловокъ, самъ чувствовалъ это и потому становился еще болѣе неловокъ.> *Далее на полях написано:* Мнѣ необходима красота Говорить по Русски. Парабола. Гипербола. Я 1-й ученикъ. А[ристократъ?] Удашевъ, но все забылъ. Впрочемъ, дамамъ скучно. Разговоръ о столикахъ и о деревенской жизни. «Я устраиваю жизнь для себя и другихъ». Свысока смотреть на Графиню Нордстонъ. «Не могу видѣть этотъ тонъ; презирая, снисходить до насъ грѣшныхъ»,

глазами на Удашева, но мама не замѣтила, и она сама должна была представить: — Князь Удашевъ А[лексѣй] В[асильевичъ?], Ордынцевъ.

Удашевъ всталъ и съ свойственнымъ ему открытымъ добродушіемъ, улыбаясь, крѣпко пожалъ руку Ордынцеву.

— Очень радъ. Я слышалъ про васъ много по гимнастикѣ.

Ордынцевъ холодно, почти презрительно отнесся къ Удашеву.

— Да, можетъ быть, — и обратился къ Графинѣ Нордстонъ.

— Ну что, Графиня, ваши столики?

Ордынцевъ чувствовалъ Удашева врагомъ, и Кити не понравилось это, но больше всѣхъ Нордстонъ. Она предприняла вышутить Ордынцева, что она такъ хорошо умѣла.

— Знаю, вы презираете это. Но чтоже дѣлать, не всѣмъ дано такое спокойствіе. Вы расскажите лучше, какъ вы живете въ деревнѣ.

Онъ сталъ рассказывать.

— Я не понимаю.

— Нѣтъ, я не понимаю, какъ ѣздить по гостинымъ болтать.

— Ну, это неучтиво.

Удашевъ улыбнулся тоже. Ордынцевъ еще больше окрысился. Удашевъ, чтобъ говорить что нибудь, началъ о новой книгѣ. Ордынцевъ и тутъ перебилъ его, высказывая смѣло и безапелляціонно свое всѣмъ противоположное мнѣніе. Кити, собирая сборками лобъ, старалась противурѣчить, но Нордстонъ раздражала его, и онъ расходился. Всѣмъ было

непріятно, и онъ чувствовалъ себя причиною. Къ чаю вошелъ старый Князь, обнялъ его и сталъ поддакивать съ другой точки зрѣнія и началъ длинную исторію о безобразіи судовъ. Онъ долженъ былъ слушать старика из учтивости и вмѣстѣ съ тѣмъ видѣлъ, что всѣ рады освободиться отъ него и что у нихъ втроемъ пошелъ веселый small talk.²¹³ Онъ никогда не ставилъ себя въ такое неловкое положеніе, онъ дѣлалъ видъ, что слушаетъ старика; но слушалъ ихъ и когда говорили, то хотѣлъ втянуть ихъ въ разговоръ, но его какъ будто боялись.²¹⁴

Кити за чаемъ, вызванная Нордстонъ, высказала Удашеву свое мнѣніе объ Ордынцевѣ, что онъ молодъ и гордъ. Это она сдѣлала въ первый разъ и этимъ какъ будто дала знать Удашеву, что она его жертвуетъ ему. Она была такъ увлечена Удашевымъ, онъ былъ такъ вполне преданъ ей, такъ постоянно любовались ею его глаза, что губы ея не развивались, а, какъ кудри, сложились въ изогнутую линію, и на чистомъ лбу вскакивали шишки мысли, и глаза голубые свѣтились яркимъ свѣтомъ. Удашевъ говорилъ о пустякахъ, о послѣднемъ балѣ, о сплетняхъ о Патти, предлагалъ принести ложу и каждую минуту говорилъ себѣ: «да, это она, она, и я буду счастливъ съ нею». То, что она, очевидно, откинула

---

²¹³ [болтовня.]

²¹⁴ *Рядом и ниже на полях написано:* Я бы радъ съ ними жить, но они глупы ужъ очень. Какже не гордиться. Правда, Удашевъ, но тоже пустошь. Отецъ сдѣлалъ сцену. Говорили о предстоящемъ балѣ у Долгоруковыхъ.

Ордынцева, сблизило ихъ больше, чѣмъ все прежнее. Княгиня Нордстонъ сіяла и радовалась, и онъ и она чувствовали это. Когда Ордынцевъ наконецъ вырвался отъ старика и подошелъ къ столу, онъ замѣтилъ, что разговоръ замолкъ и онъ былъ лишній; какъ ни старалась Кити (шишка прыгала) разговорить, она не могла, и Долли предприняла его, но и сама впала въ ироническіе отзѣвы о мужѣ.²¹⁵

Ордынцевъ уже собирался уѣхать, какъ пріѣхалъ Стива, легко на своихъ маленькихъ ножкахъ неся свой широкій грудной ящикъ. Онъ весело поздоров[овался] со всѣми и точно также съ женою, поцѣловавъ ея руку.

— Куда же ты?

— Нѣтъ, мнѣ еще нужно, — солгалъ Ордынцевъ и весело вызываяще простился и вышелъ.

Ему никуда не нужно было. Ему нужно было только быть тутъ, гдѣ была Кити, но въ немъ не нуждались, и съ чувствомъ боли и стыда, но съ сіяющимъ лицомъ онъ вышелъ, сѣлъ на извощика и пріѣхалъ домой, легъ и заплакалъ.

«Отчего, отчего, — думалъ онъ, — я всѣмъ противень, тяжель? Не они виноваты, но я. Но въ чемъ же? Нѣтъ, я не виноватъ.²¹⁶ Но вѣдь я говорилъ уже себѣ; но безъ²¹⁷ нихъ я не могу жить. Вѣдь я пріѣхалъ. — И онъ представлялъ себѣ

---

²¹⁵ Рядом и ниже на полях написано: <Степанъ Аркадьичъ ничего не замѣтилъ, а дѣло было рѣшено>. <«Теперь я навсегда разсталась съ Ордынцевымъ».>

²¹⁶ Зачеркнуто: Виновата мерзость среды.

²¹⁷ Зач.: среды

его,²¹⁸ Вр[оцкаго], счастливаго, добраго, наивнаго и умнаго.²¹⁹ — Она должна выбрать его. А я? <Что такое?> Не можетъ быть, гордость! Что нибудь во мнѣ не такъ.²²⁰ Домой, домой, — былъ одинъ отвѣтъ. — Тамъ рѣшится», и онъ вспоминалъ матокъ, коровъ, постройку и сталъ успокаиваться. Брата дома не было.²²¹ Онъ послалъ телеграмму, чтобъ выѣхала лошадь, и легъ спать.

Утромъ его братъ не вставалъ, онъ выѣхалъ, къ вечеру пріѣхалъ. Дорогой, еще въ вагонѣ, онъ разговаривалъ съ сосѣдями о политикѣ, о книг[ахъ], о знакомыхъ, но когда онъ вышелъ на своей станціи, надѣлъ тулупъ, увидалъ криваго Игната и съ подвязаннымъ хвостомъ пристяжную безъ живота, интересы деревни обхватили его. И Игнатъ рассказывалъ про перевозъ гречи въ сушилку, осуждалъ прикащика. Работы шли, но медленнѣе, чѣмъ онъ ждалъ. Отелилась Пава. Дома съ фонаремъ еще онъ пошелъ смотрѣть Паву, пришелъ въ комнату съ облѣзлымъ поломъ, съ гвоздями. Няня въ куцавейкѣ, свой почеркъ на столѣ, и онъ почувствовалъ, что онъ пришелся, какъ ключъ къ замку, къ своему деревенскому житію, и утихъ, и пошла таже жизнь съ новаго жара. Постройки, сушилки, школа, мужики, свадьба работника, ско-

---

²¹⁸ *Зач.*: Удашева, маленькаго, сильнаго,

²¹⁹ *Зач.*: благороднаго и всегда яснаго, спокойнаго.

²²⁰ *Зач.*: Не враль ли Стива? Надо попробовать. Поѣду на балъ. Это послѣднее испытаніе. А можетъ быть, и правда.

²²¹ *Зач.*: а поѣздъ уходилъ ночью.

тина, телка, досады, радости и забота.

—

Когда вечеръ кончился и всѣ уѣхали и Кити пришла въ свою комнату, одно впечатлѣніе неотступно преслѣдовало ее. Это было его лицо съ насупленными бровями и мрачно, уныло смотрящими изъ подъ нихъ добрыми голубыми глазами, какъ онъ стоялъ, слушая рѣчи стараго Князя. И ей не только жалко его было, но стало жалко себя за то, что она его потеряла, потеряла на всегда, сколько она ни говорила себѣ, что она любила Вр[оцкаго] и любить его. Это была правда; но сколько она ни говорила себѣ это, ей такъ было жаль того, что она навѣрное потеряла, что она закрыла лицо руками и заплакала горячими слезами.

—

Въ тотъ же вечеръ, какъ хотя и не гласно, не выражено, но очевидно для всѣхъ рѣшилась судьба Кити и Удашева, когда Кити вернулась въ свою комнату съ несходящей улыбкой съ лица и въ восторгѣ страха и радости молилась и смѣялась и когда Удашевъ проѣхалъ мимо²²² Дюсо, гдѣ его ждали, не въ силахъ заѣхать и, заѣхавъ, пройдя, какъ чужой и царь, вышелъ оттуда, стряхивая прахъ ногъ, въ этотъ вечеръ было и объясненіе Степана Аркадьевича съ женою.²²³ Въ первый

---

²²² *Зачеркнуто:* Шевалье

²²³ *Рядом на полях написано:* <Объясненіе Стивы Алабина съ женойИзвѣстіе о пріѣздѣ Анны. Онъ можетъ плакать, когда хочетъ.Кити счастлива, все конечно.Алабинъ ѣдетъ встрѣчать. Удашевъ за матерью. Несчастье на желѣзной дороге>

разъ она склонилась на просьбы матери и сестры и рѣшилась выслушать мужа.

— Я знаю все, что будетъ, — сказала Долли иронически и зло сжимая губы, — будутъ увѣренія, что всѣ мушины такъ, что это не совсѣмъ такъ, какъ у него все бываетъ не совсѣмъ такъ; немного правда, немного неправда, — сказала она, передразнивая его съ злобой и знаніемъ, которое даетъ одна любовь. Но онъ меня не увѣритъ, и ужъ ему, — съ злостью, изуродовавшей ея тихое лицо, сказала она, — я не повѣрю. Я не могу любить человѣка, котораго презираю.

Но объясненіе было совсѣмъ не такое, какое ожидала Долли. Степанъ Аркадьичъ подошелъ къ ней съ робкимъ, дѣтскимъ, милымъ лицомъ, выглядывавшимъ между сѣдѣющими бакенбардами и изъ подъ краснѣющаго носа, и на первыя слова ея (она отвернувшись сказала съ злостью и страданіемъ въ голосъ: «Ну что можно говорить») — на первыя эти слова въ лицѣ его сдѣлалась судорога, и онъ зарыдалъ, цѣлуя ея руки. Она хотѣла плакать, но удержалась и скрыла.

На другой день она переѣхала домой съ уговоромъ, что она для приличія будетъ жить съ нимъ, но что между ними все кончено.

Степанъ Аркадьичъ былъ доволенъ: приличіе было соблюдено — жена переѣзжала къ матери на время перекраски дверей, другое — жена на виноватую просьбу его подписать купчую иронически согласилась. Третье — главное — устроить внутреннія отношенія по старому — это дѣло Степанъ

Аркадьичъ надѣялся устроить съ помощью любимой сестры Петербургской дамы Анны Аркадьевны Карениной, которой онъ писалъ въ Петербургъ и которая обѣщала пріѣхать погостить въ Москву къ невѣсткѣ.

—

Прошло 3 дня. Степанъ Аркадьичъ засѣдалъ весело въ судѣ, по панибратски лаская всѣхъ. Долли углубилась въ дѣтей. Удашевъ ѣздилъ каждый день къ Щербацкимъ, и всѣ знали, что онъ неизмѣнно женихъ. Онъ перешелъ уже ту неопредѣленную черту. Уже не боялись компрометировать ни онъ, ни она. Ордынцевъ сдѣлалъ чистку въ себѣ и домѣ и засѣлъ за политико-экономическую работу и готовился къ новымъ улучшеніямъ лѣта.

— Право, — говорила Долли, — я не знаю, гдѣ ее положить. И въ другое время я ей рада; но теперь... Столько хлопотъ съ дѣтьми. И что ей, Петербургской модной дамѣ, у насъ только...

— Ахъ полно, Долли, — сказалъ мужъ съ смиреніемъ.

— Да тебѣ полно, а мнѣ надо готовить и стѣснить дѣтей.

— Ну хочешь, я все сдѣлаю.

— Знаю я, скажешь Матвѣю сдѣлать чего нельзя и уѣдешь, а онъ все перепутаетъ.

— Совсѣмъ нѣтъ.

— Ну хорошо, сдѣлай. Я уже и рукъ не приложу.

Но кончилось тѣмъ, что, когда Степанъ Аркадьичъ поѣхалъ на желѣзную дорогу встрѣчать сестру вмѣстѣ съ Уда-

шевымъ, который съ этимъ же поѣздомъ ждалъ мать, Долли устроила комнату для золовки.

—

На дебаркадерѣ стояла рѣдкая толпа. Степанъ Аркадьичъ пріѣхаль встрѣчать сестру, Удашевъ мать. Онѣ въ одномъ поѣздѣ должны были пріѣхать изъ Москвы въ 8 часовъ вечера.

— Вы не знаете Анну? — съ удивленіемъ и упрекомъ говорилъ Степанъ Аркадьичъ.

— Знаю, давно на балѣ у посланника я былъ представленъ ей, но какъ было: знаете, двухъ словъ не сказалъ и теперь даже не посмѣю кланяться. Потомъ видѣлъ, она играла во Французской пьесѣ у Бѣлозерскихъ. Отлично играетъ.

— Она все отлично дѣлаетъ. Не могу удержаться, чтобы не хвалить сестру. Мужъ, сынъ, свѣтъ, удовольствія, добро, связи — все она успѣваетъ, во всемъ совершенство, и все просто, легко, безъ труда.

Удашевъ замолчалъ, какъ всегда молчать при такого рода похвалахъ.

— Она на долго въ Москву?²²⁴

— Недѣли двѣ, три. Чтоже, ужъ не опоздалъ?

Но вотъ побѣжалъ кто то, задрожалъ полъ, и съ гуломъ отворились двери. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, протежируемыхъ пропустили впередъ, и Степанъ Арка-

---

²²⁴ Рядом на полях написано: Обворожила мать. Дѣвушку выводить. А и такія бывають. Никогда не видала, какіе они? Совсѣмъ другіе.

дычь съ Удашевымъ въ числѣ ихъ.

Соскочилъ молодцоватый кондукторъ, свистя. Затолкались, вбѣгая въ вагоны, артельщики. И стали выходить по одному пассажиры. Сначала молодые военные – офицеръ медлительно и прямо, купчикъ быстро и юрко. И наконецъ толпа. Въ одномъ изъ вагоновъ 1-го класса противъ самихъ Удашева и Степана Аркадыча на крылечкѣ стояла невысокая дама въ черномъ платьѣ, держась правой рукой за колонну, въ лѣвой держа муфту и улыбалась глазами, глядя на Степана Аркадыча. Онъ смотрѣлъ въ другую сторону, ища ее глазами, а Удашевъ видѣлъ ее. Она улыбалась Степану Аркадычу, но улыбка ея освѣщала и²²⁵ жгла его. Въ дамѣ этой не было ничего необыкновеннаго, она была просто одѣта, но что то приковывало къ ней вниманіе.

²²⁶Гагинъ тотчасъ же догадался по сходству съ братомъ, что это была Каренина, и онъ видѣлъ, что Степанъ Аркадычъ ищетъ ее глазами не тамъ, гдѣ надо, но ему почему то весело было чувствовать ея улыбку и не хотѣлось указать Степану Аркадычу, гдѣ его сестра. Она поняла тоже, и улыбка ея приняла еще другое значеніе, но это продолжалось только мгновенье. Она отвернулась и сказала что то, обратившись въ дверь вагона.

– Вотъ здѣсь ваша сестра, – сказалъ Удашевъ, тронувъ рукою Степана Аркадыча.

---

²²⁵ *Зачеркнуто:* грѣла

²²⁶ *Зач.:* Удашевъ

И въ тоже время онъ въ окнѣ увидаль старушку въ лиловой шляпѣ съ сѣдыми буклями и свѣжимъ старушечьимъ лицомъ — эта была его мать. Опять дама вышла и громко сказала: — Стива, — обращаясь къ брату, и Удашевъ, хотя и видѣлъ мать, посмотрѣлъ, какъ просіяло еще болѣе лицо Карениной и она, дѣтски радуясь, обхватила рукою локтемъ за шею брата, быстрымъ движеніемъ притянула къ себѣ и крѣпко поцѣловала. Удашевъ улыбнулся радостно. «Какъ славно! Какая энергія! Какъ глупо», сказалъ самъ себѣ Удашевъ за то, что онъ мгновенно пропустилъ нѣжный устремленный на него взоръ матери.

— Получилъ телеграмму?

— Вы здоровы, хорошо доѣхали?

— Прекрасно, благодаря милой Аннѣ Аркадьевнѣ.

Они стояли почти рядомъ.

Анна Аркадьевна подошла еще ближе и, протянувъ старушкѣ маленькую руку безъ колець и безъ перчатки (все было необыкновенно просто въ лицѣ и въ одеждѣ Анны Аркадьевны), — Ну, вотъ вы встрѣтили сына, а я брата, и все прекрасно, — сказала она по французски. — И всѣ исторіи мои пришли къ концу, а то бы нечего ужъ рассказывать.

— Ну, нѣтъ милая, — сказала старушка, гадливо отстраняясь отъ проходившей дамы въ блестящей атласной шубкѣ, въ лиловомъ вуалѣ, до неестественно румяныхъ губъ, въ модныхъ лаковыхъ ботинкахъ съ кисточками. — Я бы съ вами объѣхала вокругъ свѣта и не соскучилась. Вы однѣ изъ тѣхъ

милыхъ женщинъ, съ которыми и поговорить и помолчать пріятно. О сынъ успокойтесь. Все будетъ хорошо, повѣрьте, – продолжала старушка, – и прекрасно, чтобъ вашъ мужъ поучился ходить за сыномъ. Здравствуйте, милый, – обратилась она къ Степану Аркадьичу, – ваши здоровы? Поцѣлуйте за меня Долли и Кити. – Кити, – сказала она, подчеркнувъ это слово и взглянувъ на сына. – Мой сынъ, – прибавила она представляя сына Аннѣ Аркадьевнѣ. – И какъ это вы умѣете быть незнакомы съ тѣми, съ кѣмъ надо. Ну, прощайте, прощайте, милая. Дайте поцѣловать ваше хорошенькое личико.

Анна Аркадьевна пожала руку Удашеву. Онъ ей напомнилъ свое знакомство.

– Какже, я помню. Ваша матушка слишкомъ добра. Я благодаря ей не видѣла времени. Надѣюсь васъ видѣть.

Она говорила это просто, мило, но въ глазахъ ея было больше чѣмъ обыкновенное вниманіе.²²⁷

Ея поразила вся фигура Удашева. И поразила пріятно. Она не помнила, видѣла ли она когда-нибудь такихъ маленькихъ, крѣпкихъ съ черной щеткой бороды, спокойныхъ и джентельменовъ. Что то особенное было въ немъ.

«А вотъ какіе бываютъ, – сказала она. – Онъ славный, долженъ быть. И что сдѣлалось съ нимъ?» Онъ вдругъ смѣшался и покраснѣлъ и заторопился искать дѣвушку матери.

Къ Аннѣ Аркадьевнѣ тоже подошла ея дѣвушка въ шляпѣ.

---

²²⁷ На полях против этих слов написано: И когда она говорила это, и въ его и въ ея глазахъ было что то очень дружеское и знакомое [?], какъ будто давно онъ

– Ну, Аннушка, ты уже устрой багажъ и прїѣзжай, – сказала она, доставая билетъ, и положила руку на руку брата.

– Послушай, любезный, вещи сестры, – сказали онъ слушающему, кивнувъ пальцемъ, и прошелъ съ ней.

Они уже стали отходить, какъ вдругъ толпа хлынула имъ на встрѣчу, и, какъ это бываетъ, ужась неизвѣстно о чемъ распространился на всѣхъ лицахъ.

– Что такое, что? Гдѣ бросился? Задавили?

Степанъ Аркадьичъ съ сестрой и Удашевъ одинъ сошлись вмѣстѣ у конца платформы, гдѣ жандармъ, кондукторъ и артельщикъ тащили что-то. Это²²⁸ былъ старый мужикъ въ сапогахъ.

Какой то чиновникъ рассказывалъ, что онъ самъ бросился, когда стали отводить поѣздъ.

– Ахъ, какой ужась! – проговорилъ Степанъ Аркадьичъ. – Пойдемъ.

Но Анна Аркадьевна не шла.

– Что? гдѣ?

Она увидала, и блѣдность, строгость разлилась по ея прелестному лицу. Она обратилась къ брату, но онъ не могъ отвѣчать. Онъ, какъ ребенокъ, готовъ былъ плакать и закрывалъ лицо руками. Она обратилась къ Удашеву, крѣпко, нервно взявъ его за локоть.

– Узнайте, кто, отчего?

---

²²⁸ *Зачеркнуто:* было тѣло молодаго человѣка въ пальто съ собачьимъ воротникомъ и лиловыхъ панталонахъ.

Удашевъ пробился въ толпу и принесъ ей извѣстіе, что²²⁹ это мужикъ, вѣроятно,²³⁰ пьяный, онъ отчищаль снѣгъ.

— Чтожь, умеръ?

— Умеръ. Вѣдь это мгновенная смерть.

— Мгновенная?

Странно, несмотря на силу впечатлѣнія отъ этой смерти, а можетъ быть, и вслѣдствіе ея, совсѣмъ другое чувство, независимое, чувство симпатіи и близости промелькнуло въ глазахъ у обоихъ.²³¹

— Благодарю васъ, — сказала она. — Ахъ, какъ ужасно, — и они опять разошлись.

— Это дурной знакъ, — сказала она, и, несмотря на веселость Степана Аркадыча, возвратившуюся къ нему тотчасъ послѣ того, какъ онъ потерялъ изъ вида трупъ, она была молчалива и грустна половину дороги. Только подъѣзжая къ дому, она вдругъ очнулась, отворила окно.

— Ну, оставимъ мертвымъ хоронить мертвыхъ. Ну, Стива, очень рада тебя видѣть и твоихъ, ну, Расскажи же мнѣ, что у васъ съ Долли?

Степанъ Аркадычъ сталъ рассказывать, стараясь быть великодушнымъ и осуждая себя, но тонъ его говорилъ, что онъ не можетъ винить себя.

---

²²⁹ *Зач.:* молодой человѣкъ

²³⁰ *Зач.:* помѣшанный, цѣлый день былъ на станціи и бросился.

²³¹ *Против этого абзаца на полях написано:* Гагинъ вдругъ разчувствовался. Она внимательно смотритъ на него. И далъ денегъ.

– Почему же ты думаешь, что я все могу сдѣлать? Я не могу, и, правду тебѣ сказать, Долли права.

– Да, но если бы Михаилъ Михайлычъ сдѣлалъ тебѣ невѣрность.

– Вопервыхъ, это немыслимо, а вовторыхъ, я бы... я бы не бросила²³² сына, да; но...

– Но ты, я знаю, устроишь.

– Я, вопервыхъ, ничего не знаю. Я ничего не буду говорить, пока Долли сама не начнетъ.

– Ну, я знаю, ты все сдѣлаешь,²³³ – сказалъ Степанъ Аркадьичъ, входя въ переднюю и переминаясь съ ноги на ногу.

Анна Аркадьевна только улыбнулась улыбкой, выражающей воспоминаніе о дѣтскихъ временахъ, о той же слабой чертѣ характера и любовь ко всему Степана Аркадьича, со всѣми его слабостями, и, скинувъ шубку, быстрыми, неслышными шагами вошла въ гостиную.

Когда Анна вошла въ комнату, Долли сидѣла въ маленькой гостиной, и сухіе съ толстыми костями пальцы ея, какъ у всѣхъ несчастныхъ [?] женщинъ, сердито, нервно вязали, въ то время какъ Таня, сидя подлѣ нея у круглаго стола, читала по французски.

Услыхавъ шумъ платья больше, чѣмъ чуть слышные быст-

---

²³² Зачеркнуто: его

²³³ Зач.: <Первая встрѣча.> <– Я пройду къ себѣ, ты лучше одна...> – Ну, такъ я поѣду въ присутствіе. В концѣ рукописи на полях карандашомъ написано: Разумъ. Ужъ не Ордынцевъ. Я теперь никогда не выйду. Отецъ понялъ, что Ордынцевъ пропалъ, и глупо придрался къ Гагину.

рые шаги, она оглянулась, и на измученномъ лицѣ ея выразилась улыбка однихъ губъ, одной учтивости; но свѣтъ глазъ, простой, искренній, не улыбающійся, но любящій взглядъ Анны Аркадьевны преодолѣлъ ея холодность.

— Какъ, ужъ пріѣхала? — Она встала. — Ну, я все таки рада тебѣ.

— За что жъ ты мнѣ не была бы рада, Долли?

— Нѣтъ, я рада, пойдемъ въ твою комнату.

— Нѣтъ, позволь никуда не ходить.

Она сняла шляпу и, зацѣпивъ за прядь волосъ, мотнувъ головой, отцѣпляла черные волосы. Дѣвочка, любясь и улыбаясь, смотрѣла на нее. «Вотъ такая я буду, когда вырасту большая», говорила она себѣ.

— Боже мой, Таня. Ровесница Сережи.

Ну, она сдержала что обѣщала. Она взяла ее за руки.

— Можно, можно мнѣ присядать?

Таня покраснѣлась и засмѣялась.

Мать услала дочь, и послѣ вопросовъ о ея мужѣ и сынѣ за кофеемъ начался разговоръ.

— Ну, разумѣется, я ни о чемъ не могу и не хочу говорить, прежде чѣмъ не узнаю все твое горе. Онъ говорилъ мнѣ.

Лицо Долли приняло сухое, ненавидящее выраженіе. Она посмотрѣла на Анну Аркадьевну съ ироническимъ выраженіемъ.

— Долли милая, я хотѣла говорить тебѣ за него, утѣшать. Но, душенька, я вижу, какъ ты страдаешь, и мнѣ просто жал-

ко, жалко тебя.

И на маленькихъ глазахъ съ огромными рѣсницами показались слезы. Она прижалась къ невѣсткѣ. Долли сейчасъ же дала цѣловать себя, но не плакала. Она сказала:

— По крайней мѣрѣ, ты понимаешь, что все, все потеряно послѣ этого, все пропало.

И какъ только она сказала это, она зарыдала. Анна Аркадьевна взяла ее руку и поцѣловала.

— Не думай, Долли, чтобы я, потому что онъ мой братъ, могла смотрѣть легко на это, не понимаю весь ужасъ твоего положенія. Но чтожъ дѣлать, чтожъ дѣлать? Онъ гадокъ, но онъ жалокъ. Это я сказала ему.

Она противурѣчила себѣ, но она говорила правду. Несмотря на то, что она ласкова была съ нимъ, онъ былъ невыносимо противень ей.

— Да, это ужасно. Что жъ говорить, — заговорила Долли. — Все кончено. И хуже всего то, ты пойми, что я не могу его бросить. Дѣти — я связана. А между прочимъ съ нимъ жить мнѣ мука. Именно потому мука, что я, что я все таки... Мнѣ совѣстно признаться, но я люблю свою любовь къ нему, люблю его.

И она разрыдалась.

— Долли, голубчикъ. Онъ говорилъ мнѣ, но я отъ тебя хочу слышать. Скажи мнѣ все.

И въ самомъ дѣлѣ случилось то, чего ожидала Анна Аркадьевна. Она какъ бы успокоилась, похолодѣла и съ злобой

начала говорить:

– Изволь! Ты знаешь, какъ я вышла замужъ. Я съ воспитаніемъ тамап нетолько была невинна, но я была глупа. Я ничего не знала. Говорять, я знаю, мужья рассказываютъ женамъ свою прежнюю жизнь, но Стива, – она поправила, – Степанъ Аркадьичъ ничего не сказалъ мнѣ. Ты не повѣришь, но я до сей поры думала, что я одна женщина, которую онъ зналъ. И тутъ эта гадкая женщина Н. стала мнѣ дѣлать намеки на то, что онъ мнѣ невѣренъ. Я слышала и не понимала, я понимала, что онъ ухаживаетъ за ней. Но тутъ вдругъ это письмо. Я сидѣла, занималась съ Петей. Она приходитъ и говорить: «вотъ вы не вѣрили, прочтите». Онъ пишетъ: «обожаемый другъ, я не могу пріѣхать нынче». Я разорвала, но помню все письмо. Я понимаю еще увлеченье, но эта подлость – лгать, обманывать, продолжать быть моимъ мужемъ вмѣстѣ съ нею. Это ужасно.

– Я все понимаю, и оправдывать его нѣтъ словъ и даже, правду сказать, простить его не могло быть и мысли, если бы это было годъ послѣ женитьбы, еслибъ у васъ не было дѣтей; но теперь, видя его положеніе, его раскаянье, я понимаю, что....

– Но есть ли раскаянье? – перебила Долли. – Если бы было, – перебила она съ²³⁴ жадностью.

Это есть, я его знаю, я вижу этотъ стыдъ и не могу, правду сказать, безъ жалости смотрѣть на него. Мы его обѣ знаемъ.

---

²³⁴ Зачеркнуто: радостью и

Онъ добръ, главное – честень, боится быть дурень, стыдится страсти, онъ гордъ и теперь такъ унижень. *Главное, что меня тронуло, – и тутъ Анна Аркадьевна угадала главное, что могло тронуть ее. – Его мучаютъ двѣ вещи:* то, что ему стыдно дѣтей – онъ говорилъ мнѣ это, – и то, что онъ, любя тебя – да, да, любя больше всего на свѣтѣ, сдѣлалъ тебѣ больно, убилъ тебя. «Нѣтъ, нѣтъ, она не простить», все говоритъ онъ. Ты знаешь его манеру.

И Анна Аркадьевна представила такъ живо манеру брата, что Долли, казалось, видѣла передъ собой своего мужа. Долли задумчиво смотрѣла мимо золовки, слушая ея слова, и въ губахъ выраженіе ея смягчилось.

– Да, я понимаю, что положеніе его ужасно, виноватому хуже, чѣмъ невинному, если онъ чувствуетъ, что отъ вины его – несчастія; но какже простить, какъ мнѣ опять быть его женою послѣ нея?²³⁵ Мнѣ жить съ нимъ теперь будетъ величайшая мука именно потому, что я любила его, какъ любила! что я люблю свою прошедшую любовь къ нему...

И рыданья прервали ея слова. Но какъ будто нарочно всякій разъ, какъ она смягчалась, она нарочно начинала говорить о томъ, что раздражало ее.

– Она вѣдь молода, вѣдь она красива, – начала она. – Ты понимаешь ли, Анна, что у меня моя молодость, красота взятъ кѣмъ? Имъ, дѣтьми. Я отслужила ему, и на этой службѣ ушло все мое, и ему теперь, разумѣется, свѣжее, пошлое

---

²³⁵ Зам.: Вѣдь они говорили

существо пріятнѣе. Они, вѣрно, говорили между собой обо мнѣ или, еще хуже, умалчивали, потому что не о чемъ говорить.

Опять ненавистью зажглись ея глаза.

— И послѣ этаго онъ будетъ говорить мнѣ. Чтожъ, я буду вѣрить ему? Никогда. Нѣтъ, ужъ кончено все, все, что составляло утѣшеніе, награду труда, мукъ. Нѣтъ, это ужасно. Ужасно то, что вдругъ душа моя перевернулась, и вмѣсто любви, нѣжности у меня къ нему одна злоба, да, злоба. Я бы убила его, ее...

Лицо Анны выражало такое страданіе, сочувствіе, что Долли смягчилась, увидавъ ее. Она помолчала.

— Но чтоже дѣлать, придумай. Я все передумала и ничего не вижу.

Анна ничего не придумывала и не могла придумать, но сердце ее прямо и готово отзывалось на каждое слово, на каждое выраженіе лица невѣстки. Она видѣла, что воспоминаніе о ней и въ особенности разговоръ о ней возбуждаютъ все болѣе и болѣе Долли и что надо дать ей наговориться.²³⁶ Теперь она наговорила, и надо было говорить, но что? Анна прямо отдалась голосу сердца,²³⁷ и то, что она говорила, нельзя было лучше придумать.

— Чтоже я могу говорить тебѣ, я, вполне счастливая²³⁸ же-

---

²³⁶ *Зачеркнуто:* и иначе самой говорить о ней и иначе дать понять ей.

²³⁷ *Зач.:* и стала говорить:

²³⁸ *Зач.:* спокойная за мужа, уважающая и уважаемая

на? Я скажу тебѣ одно, что мы всѣ слабы и поддаемся впечатлѣнію минуты.

— Ну, нѣтъ.

— Да я не въ томъ смыслѣ говорю. Когда онъ говорилъ мнѣ, я, признаюсь тебѣ, рѣшительно не понимала всего ужаса положенія. Я видѣла только то, что семья разстроена. Мнѣ это жалко было, и мнѣ его жалко было, но, поговоривъ съ тобой, я, какъ женщина, вижу другое: я вижу твои страданія, и мнѣ, не могу тебѣ сказать, какъ жалко тебя. Долли, другъ мой, но если можно простить, — прости. — И сама Анна заплакала. — Пстой, — она прервала ее, цѣлуя ея руку. — Я больше тебя, хоть и моложе, знаю свѣтъ. Я знаю этихъ людей, какъ Стива, какъ они смотрятъ на это. Ты говоришь, напимѣрь, что онъ съ ней говорилъ о тебѣ. Этого не было. Эти люди *vénèrent*²³⁹ свой домашній очагъ и жену и, какъ хорошій обѣдъ, позволяютъ себѣ удовольствіе женщины, но какъ то у нихъ эти женщины остаются въ презрѣніи и не мѣшаютъ семьѣ. Они какую то черту проводятъ непреходимую между семьей и этимъ.

— Да, но онъ цѣловаль ее...

— Долли, пстой, душенька. Я видѣла Стиву, когда онъ былъ влюбленъ въ тебя, я помню это время, когда онъ пріѣзжалъ ко мнѣ и плакалъ, и какая поэзія и высота была ты для него, и я знаю, что ты въ этомъ смыслѣ росла для него. Вѣдь мы смѣялись бывало надъ нимъ. «Долли — удивительная жен-

---

²³⁹ [уважают]

щина», а это увлечение не его души.²⁴⁰

— Но если это увлечение повторится?

— Оно не может, какъ я его понимаю.

— Да, но ты простила бы?

— Не знаю. Я не могу судить. Нѣтъ, могу, — сказала она, подумавъ, и, видимо, уловивъ мыслью положеніе и свѣсивъ его на внутреннихъ вѣсахъ, прибавила: — Нѣтъ, могу, могу. Нѣтъ, я простила бы. Я не была бы тою же, да, но простила бы, и такъ, что какъ будто этаго не было, совсѣмъ не было.

— Ну, разумѣется, — чуть улыбаясь, сказала Долли, — иначе бы это не было прощенье. Ну, пойдемъ, я тебя проведу въ твою комнату, — сказала она вставая. И по дорогѣ Долли обняла Анну. — Милая моя, какъ я рада, что ты пріѣхала, какъ я рада. Мнѣ легче, гораздо легче стало.

—

Весь день этотъ Анна провела дома, т. е. у Алабиныхъ, и съ радостью видѣла, что Стива обѣдалъ дома, что жена говорила съ нимъ, что послѣ обѣда у нихъ было объясненіе, послѣ котораго Степанъ Аркадьичъ вышелъ красный и мокрый, а Долли, какъ она всегда бывала, вышла холодная и насмѣшливая. Кити въ этотъ день обѣдала у сестры, и она тотчасъ же нетолько сблизилась съ Анной, но влюбилась въ нее, какъ способны влюбляться молодые дѣвушки въ²⁴¹ замужнихъ и старшихъ дамъ. Она такъ влюбилась въ нее въ этотъ

---

²⁴⁰ Зачеркнуто: гадость

²⁴¹ Зачеркнуто: очень красивыхъ

разъ (она прежде раза два видѣла ее), что сдѣлала ей свои признанія, переполнявшія ея сердце.

Въ то самое время, какъ Долли объяснялась съ Стивой въ его кабинетѣ, куда она нарочно пошла, Кити сидѣла съ Анной и тремя старшими дѣтьми въ маленькой гостиной. И оттого ли, что дѣти видѣли, какъ Кити полюбила Анну, или и имъ понравилась эта новая тетя, но у дѣтей сдѣлалось что то въ родѣ игры, состоящей въ томъ, чтобы какъ можно ближе сидѣть къ тетѣ и держать ее руку и конецъ оборки и ленты и играть ея кольцами. Всякая шутка, которую говорила тетя Анна, имѣла успѣхъ, и дѣти помирали со смѣху. Такъ они сидѣли въ гостиной до тѣхъ поръ, пока не подали чай и Англичанка не позвала дѣтей къ чаю.

Разговоръ шель о предстоящемъ балѣ у Генераль-Губернатора, на который Кити уговаривала Анну ѣхать.

— Ну, какже изъ за платья не ѣхать, — говорила она.

— У меня есть одно, и мы вамъ устроимъ съ М-me Zoe въ одинъ день.

— Да нельзя, мой дружокъ. Я толще васъ.

— Венеціанскія пришьемъ, я все сдѣлаю, только поѣдемъ.

— Да зачѣмъ вамъ хочется?

— Мнѣ хочется васъ видѣть на балѣ, гордиться вами. Одно можно бы мое бархатное перешить. Кружева отличныя, венеціанскія.

Но когда она позвала ихъ, Кити, оставшись одна съ Анной, невольно съ бала перешла на тѣ признанія, которыя на-

полняли ее со вчерашняго дня и которыя она чувствовала необходимость передать Аннѣ.

— Мнѣ этотъ балъ очень важенъ.

— О, какъ хорошо ваше время! милый другъ, — сказала Анна. — Помню и знаю этотъ синій туманъ. въ родѣ того, который на горахъ въ Швейцаріи. Этотъ туманъ, который покрываетъ все въ блаженное то время, когда вотъ-вотъ кончится молодость, и изъ этаго огромнаго круга, счастливаго, веселаго, дѣлается все уже и уже, и весело и жутко входить въ эту амфиладу, хотя она и свѣтлая и прекрасная.

— Да, да. Вы прошли черезъ это. Въ этомъ одно бываетъ тяжело — это знаете что? — Кити засмѣялась впередъ тому, что она скажетъ, — это то, что надо выбирать одну шляпу, а ихъ 2 и обѣ прекрасны, или даже одна прекрасная, другая тоже хорошая въ своемъ родѣ, а надо только одну.

— Когда я бывала въ дѣвушкахъ, я всегда бывала влюблена въ двухъ сразу, я и виноградъ не люблю ѣсть по одной ягодкѣ, а непременно двѣ сразу, — сказала она, такъ и дѣлая.

— Да, но выдти нельзя за двухъ сразу.

— Когда мнѣ было выходить замужъ, у меня было очень опредѣленно. Мужъ мой былъ такой особенный отъ всѣхъ.

— И у меня тоже. Ахъ, что я говорю!

— Я знаю, Стива мнѣ кое-что сказалъ, и поздравляю васъ, онъ мнѣ очень нравится, — сказала Анна, чувствуя, что она краснѣетъ, оттого что улыбки, которыми они обмѣнялись, совсѣмъ не должны были быть, совсѣмъ не нужны были.

– Но кто же другая шляпка, которую тоже хотѣлось бы взять? Нѣтъ, безъ шутокъ, я знаю, какъ это грустно бываетъ, и грустно потому, что нужно сдѣлать больно ему.

– Да, да, это²⁴² Левинъ; это другъ и товарищъ брата Евгенія покойника. Это очень, очень милый человѣкъ, но странный. Онъ давно уже ѣздилъ къ намъ, но онъ никогда ничего не говорилъ, и татап сердится, говорить, что ничего и не будетъ. Но мнѣ кажется, что онъ думалъ и думаетъ; но, знаете, онъ одинъ изъ не тронь меня, гордый и отъ того до болѣзненности скромный.

– Что же онъ дѣлаетъ?

– И это тоже.²⁴³ Онъ ничего не дѣлаетъ. Нигдѣ не кончилъ курсъ, но уменъ, поэтиченъ и музыкаленъ, и пишетъ, и хозяйинъ, и вѣчно то одно, то другое. Но онъ такъ милъ и такая чистота въ немъ, а между прочимъ, вы знаете, какъ это чувствуется. Я чувствовала, что вчера все между нами кончилось, и онъ понималъ это. Я по крайней мѣрѣ чувствую, что я могу быть за кѣмъ хотите замужемъ, но не за нимъ.

– Ну и Богъ съ нимъ, я его не знаю, но²⁴⁴ Вронскій мнѣ безъ шутокъ очень, очень нравится, и я знаю этотъ genre,²⁴⁵ очень рѣдкій и дорогой у насъ этихъ семей, строгихъ, чест-

---

²⁴² *Зачеркнуто:* Ордынцевъ

²⁴³ *Рядом на полях написано:* <Какъ она можетъ понимать любовь, когда она жена Михаила Михайловича.>

²⁴⁴ *Зачеркнуто:* Гагинъ

²⁴⁵ [род.]

ныхъ и аристократическихъ, я ѣхала вчера съ его матерью, и это ея любимецъ, и она всю дорогу пѣла мнѣ похвалы его. И храбръ, и правдивъ, и добръ, и уменъ, и ученъ, и скромень. Что, пріятно слушать?

— Да, пріятно, — задумчиво сказала Кити, и глаза ея свѣтились счастьемъ.

— Какъ вы думаете, можетъ это быть, чтобъ молодой человекъ не смѣлъ сдѣлать предложеніе безъ согласія матери?

— Очень, именно онъ. Это такая строгая семья. Она очень просила меня поѣхать къ ней, и я рада повидать старушку и завтра поѣду къ ней и расскажу вамъ. Однако, слава Богу, Долли долго у Стивы въ кабинетѣ.

— Слава Богу, — сказала Кити, перемѣняя разговоръ. — Я думаю, обойдется. Папа правду говорить: вы всѣ дуры, только умѣете ихъ разстроивать, а вотъ умная женщина сейчасъ видна, пріѣхала и устроила.

— Нѣтъ, я прежде, нѣтъ я! — кричали дѣти, окончивши чай и бѣжавши къ тетѣ Аннѣ.

— Ну такъ поѣдемъ на балъ?

— Право, не знаю.

— Только поручите мнѣ, я такъ устрою и не дорого. Я такъ и вижу васъ въ черномъ бархатѣ и лиловыхъ цвѣтахъ.

Въ первый разъ въ этотъ вечеръ Долли говорила съ Степаномъ Аркадьичемъ, наливши ему чая, и онъ шутилъ съ Анной и съ дѣтьми, видимо только боясь быть слишкомъ веселымъ, чтобы не показать, какъ ребенокъ, что онъ, будучи

прощень, забыть свою вину.²⁴⁶

* № 6 (рук. № 7).

<АННА КАРЕНИНА. РОМАНЪ.

Отмищеніе Мое.

Степанъ Аркадьичъ Алабинъ, несмотря на вчерашнюю сцену съ женой послѣ того, какъ открылась его невѣрность, несмотря на то, что вчера вечеромъ горничная жены Параша не пустила его въ спальню и объявила, что Дарья Александровна больна, не хочетъ его видѣть и приказала укладывать свои и дѣтскія вещи, съ тѣмъ чтобы переѣхать къ матери, несмотря на все это и на 41 годъ жизни, здоровая натура Степана Аркадьевича взяла свое, и онъ спалъ крѣпко до привычнаго часа 8 часовъ утра, когда ему было время ѣхать въ присутствіе.²⁴⁷

---

²⁴⁶ *Ниже поперек страницы написано: <Гагинъ по утру съ Ордынцевымъ.> <Стоюнинъ> <Ордынцевъ> <и обѣдъ.> Сбоку на полях написано: <Въ его взглядѣ вдругъ выраженіе покорности лягавой собаки, и она не можетъ сердиться.> Там же, ниже, но позднее, судя по почерку, написано: <Въ началѣ бала веселость, смѣлость обуяла Гагина.> <Въ концѣ встрѣчаются глазами. У нихъ уже есть прошедшее.> <Я уѣду, признаюсь. Я глупо вела себя. Я уѣду, и все кончится.><Гагинъ бодрый, твердъ и красавецъ.>*

²⁴⁷ *Зачеркнуто: суда*

— Ахъ! — вскрикнулъ онъ, когда проснулся и вспомнилъ все, что было. «Обойдется, пройдетъ», подумалъ онъ, спуская съ кровати²⁴⁸ бѣлая жирная, мускулистая²⁴⁹ стегны и отыскивая маленькими жилистыми ступнями шитыя женою и подаренныя къ прошлому рожденью на золотистомъ сафьянѣ щегольскія туфли. Надѣвъ щегольской халатъ работы французскаго портнаго, халатъ, который приписанъ былъ послѣдній разъ въ 80 рублей къ счету портнаго, чтобы составить ровно тысячу, Степанъ Аркадьичъ прошелся по комнатѣ, и, какъ ни не непріятно ему было на душѣ, легкая походка его сильныхъ ногъ, такъ легко носившихъ ожирѣвающее красивое тѣло и широкій грудной ящикъ, была также красива, и плечи держались также назадъ и грудь впередъ, и²⁵⁰ румяное лицо, когда онъ взглянулъ на себя въ большое зеркало, было также красиво, и русыя бакенбарды съ серебряной сѣдиной также красиво вились по сторонамъ щекъ и скулъ,²⁵¹ и волосы, несмотря на проведенную ночь, также курчавились по вискамъ и по плѣши красиво рѣдѣли на срединѣ головы.

²⁵²Вошелъ Матвѣй, лакей, старый другъ и товарищъ Степана Аркадьича, въ щегольскомъ пиджакѣ, съ золотой цѣ-

---

²⁴⁸ *Зач.:* сильныя

²⁴⁹ *Зач.:* ноги

²⁵⁰ *Зач.:* краснов[атое]

²⁵¹ *В подлиннике:* скулы

²⁵² *Зачеркнуто:* — Матвѣй! — крикнулъ онъ. — Цирульникъ тутъ?

почкой на жилетномъ карманѣ и съ ріпсе-pez на шнуркѣ. Такой же щеголь цирюльникъ почтительно и весело шелъ за нимъ съ своимъ клеенчатымъ сверткомъ и бѣлыми полотенцами и парящейся серебряной кружкой. Цирюльникъ привычными глянцеовито пухлыми руками раскладывалъ принадлежности на уложенномъ щеточками, бутылочками, коробочками съ серебряными съ вензелями крышечками и ручками, Матвѣй подалъ два письма на серебряномъ подносѣ и телеграмму. Отвѣтъ заплаченъ. И положивъ руки въ карманы и разставивъ твердо ноги въ мягкихъ сапогахъ, съ боку²⁵³ насмѣшливо, успокоительно и вмѣстѣ съ тѣмъ уныло смотрѣлъ на своего барина. «Денегъ нѣтъ, долговъ куча, съ барыней разстройка, а въ ее имѣньѣ надо лѣсъ продать, плохо.²⁵⁴ Ничего, сударь Степанъ Аркадьичъ, и я не оставлю барина, и обойдется, все обойдется и образуется», говорилъ его взгляды.

Одно письмо было изъ Петербурга²⁵⁵ отъ сестры Степана Аркадьича Анны Аркадьевны Карениной. Она писала, что мужъ уѣзжаетъ на ревизію и что ей скучно, несмотря на свѣтъ, скучно безъ мужа. Примутъ ли ее они къ себѣ? Она пріѣхала бы на недѣлю, и слухи и свѣтскія и шутки. «Вотъ женщина, – подумалъ Степанъ Аркадьичъ про сестру. – И вѣрная жена, и свѣтская женщина, и всегда весела и терпима.

---

²⁵³ *Зач.*: добродушно

²⁵⁴ *Зач.*: Но все пустое на свѣтъ, и все пройдетъ.

²⁵⁵ *Зач.*: служебное, другое отъ Лидіи Ивановны

Нѣтъ этаго какого то пуризма московскаго», подумаль онѣ. Другое письмо было отъ Лидіи Ивановны, той самой особы, которая была причиной разстройства съ женой. Она ничего не знала или не хотѣла знать и звала обѣдать сегодня въ Эрмитажъ²⁵⁶ и съѣхаться въ Зоологическомъ саду въ 3 часа послѣ присутствія. Потомъ былъ черныи ящикъ служебныхъ бумагъ въ видѣ гармоніи.

– Ну а изъ Присутствія? – сказалъ Степанъ Аркадьичъ, придерживая руку цирюльника.

– Гармонія полная, – отвѣчалъ Матвѣй, – прикажете принести?

Гармоніей жена Долли Александровна называла шутя огромный большой обитый кожей ящикъ, въ которомъ приносились служебныя бумаги.

– Нѣтъ, послѣ.

Дожидавшаяся рука цирюльника опять легко задвигалась въ кисти, сгребая щетину съ мыломъ и оставляя нѣжно-розовыя поляны. «Какъ нибудь обойдется», все спокойнѣе и спокойнѣе думаль Степанъ Аркадьичъ по мѣрѣ движенія впередъ своего туалета.> Два дѣтскія голоса – Степанъ Аркадьичъ узналь голоса Гриши, старшаго мальчика, и Тани, дѣвочки любимицы – слышались за дверями.

– Нѣтъ, ты не можешь? – кричала по англійски дѣвочка. Степанъ Аркадьичъ²⁵⁷ подошелъ къ двери и кликнуль:

---

²⁵⁶ *Зачеркнуто:* съ Васей Красавцевымъ

²⁵⁷ *Зач.:* остановился въ выравниваніи тонкой рубашки изъ подъ помочей

– Таня!

8-лѣтняя дѣвочка вбѣжала въ столовую, обняла отца и повисла ему на шеѣ, такъ что и такъ красная толстая шея его побагровѣла, и поцѣловала его въ²⁵⁸ душистое лицо. Дѣвочка любила этотъ легкій запахъ духовъ, распространявшійся, какъ отъ саше, отъ бакенбардъ отца и всегда соединявшійся съ впечатлѣніемъ ласки отца.

– Что мама?

– Мама давно встала.

«Значить, не спала всю ночь», подумаль Степанъ Аркадьичъ.

– Что, она весела?

Дѣвочка задумалась.

– Должно быть. Она не велѣла учиться, а велѣла идти гулять съ Мисъ²⁵⁹ Гуль и къ бабушкѣ.²⁶⁰

«Правду говоритъ Матвѣй, образуется. Великое слово – образуется, – подумаль Степанъ Аркадьичъ. – И что тутъ такого ужаснаго?²⁶¹ Вѣдь все тоже, что было, вѣдь что же новаго? Ахъ, какъ ее жалко, ахъ, какъ ее жалко».

– Ну иди, постой.

Онъ досталь со стола, гдѣ вчера поставиль; коробочку

---

²⁵⁸ *Зач.:* губы

²⁵⁹ *Зач.:* Теборъ

²⁶⁰ *Зач.:* «Обойдется, навѣрно обойдется».

²⁶¹ *Зачеркнуто:* Главное, отчего не могутъ всѣ жить, не сердиться, не ссориться.

конфетъ и дать ей двѣ, выбравъ ее любимыя – шоколадную и помадную. <Туалетъ его ужъ былъ конченъ, мундирные панталоны, жилетъ, часы съ кучей брелокъ и двумя цѣпочками въ обоихъ карманахъ и крестъ на шеѣ маленькій форменный, но нарочно заказанный. Степанъ Аркадьичъ говаривалъ, что нѣтъ ничего болѣе дурнаго тона, какъ крестъ на шеѣ, а вмѣстѣ есть манера его носить такъ, что ничего нѣтъ порядочнѣе, и онъ зналъ эту манеру, и изъ подъ его щегольски красиваго добраго и веселаго лица, изъ подъ его бакенбардъ на его рубашкѣ и бѣломъ галстукѣ съ крошечными золотыми запонками крестъ былъ хорошъ. Онъ этаго ничего не думалъ. Нѣсколько разъ прежде онъ думалъ это, но по привычкѣ долго постоялъ передъ зеркаломъ, стирая батистовымъ платкомъ излишніе духи съ бакенбардъ. «Обойдется, обойдется», подумалъ онъ, оправляя свѣжіе манжеты, окаймлявшіе бѣлые отдѣланныя руки. Онъ надѣлъ сертукъ, расправилъ плечи и, привычнымъ движеньемъ рассоставъ²⁶² по карманамъ спички, сигары, бумажникъ, кошелекъ, все щегольское, не блестящее, но элегантное, вышелъ²⁶³ въ столовую, легко ступая по ковру въ своихъ лайковыхъ, какъ перчатки, мягкихъ сапогахъ и потирая руки. Въ столовой стоялъ на кругломъ [?] столѣ серебряный приборъ съ кофеемъ на бѣлѣйшей, чуть крахмаленной скатерти. Тутъ, за кофеемъ, онъ проглядѣлъ кое какія бумаги, привычными

---

²⁶² В подлиннике: рассоваль

²⁶³ Зач.: чуть постукивая каблуками,

ловкими движеніями развертывая, перекладыва[вая], сдѣлалъ огромнымъ карандашомъ отмѣтки, тутже выдалъ на необходимое 50 рублей Матвѣю изъ 180, которые у него были въ бумажникѣ, и отказалъ долгъ, обѣщанный хозяину извозчику и прикащику изъ магазина. Все время онъ кушалъ кофей съ любимымъ своимъ калачомъ съ масломъ, такъ красиво жуя своими румяными сочными губами и аппетитно и спокойно, что казалось неприлично, чтобы у этаго человѣка могло быть горе и непріятности. Но горе было, и нѣтъ нѣтъ – онъ останавливался жевать и прислушивался, перебирая пальцами окружность бакенбардъ. За затворенными дверьми онъ слышалъ шаги жены.>²⁶⁴

– Готова карета?

– Подаетъ.

И дѣйствительно, каретныя лошади съ громомъ выдвинулись подъ окно.

– Дай портфель, – сказалъ онъ и, взявъ шляпу, остановился, вспоминая, не забылъ ли что.

И онъ вспомнилъ, что ничего не забылъ, кромѣ того, что хотѣлъ забыть, – про жену. «Ахъ да, – лицо его приняло тоскливое выраженіе, – не попробовать ли поговорить съ ней подъ предлогомъ пріѣзда Анны. Вѣдь когда нибудь нужно»,

---

²⁶⁴ Зам.: и останавливался жевать, чтобы прислушаться; другой разъ онъ слышалъ ея голосъ, приказывающій что то Англичанкѣ. Когда онъ всталъ отъ кофей съ пріятной теплотой въ тѣлѣ и поглядѣлъ въ окно на дворъ, освѣщенный солнцемъ, гдѣ карета чистая, блестящая на зимнемъ солнцѣ скрипѣла, подъѣзжая къ крыльцу, онъ рѣшительнѣе еще, чѣмъ прежде

сказаль онъ себѣ,²⁶⁵ вынулъ папиросу, закурилъ, пыхнулъ два раза, бросилъ въ перламутровую раковину-пепельницу и быстрыми шагами пошелъ къ дверямъ гостиной къ женѣ. Сухая женщина съ костлявыми руками, въ кофточкѣ и съ зачесанными косою рѣдкими волосами, быстро шла черезъ гостиную и, увидѣвъ его, остановилась.²⁶⁶ Ненависть, стыдъ, зависть выразилась на лицѣ жены; она сжала руки, и голова ея затряслась.

— Долли! — сказалъ онъ тихимъ, не робкимъ и пріятнымъ голосомъ. — Долли, — повторилъ онъ уже робко.

— Что вамъ нужно?

— Долли! Анна пріѣдетъ нынче.

— Ну чтожь мнѣ. Мнѣ ее не нужно.

— Но надо же...

— Зачѣмъ вы? Уйдите, уйдите, уйдите, все²⁶⁷ пронзительнѣе, непріятнѣе, неприличнѣе²⁶⁸ провизжала Долли Александровна, такъ, какъ будто крикъ этотъ былъ вызываемъ физической болью.

Кто бы теперь, взглянувъ на это худое, костлявое тѣло съ рѣзкими движеніями, на это измозченное съ нездоровымъ цвѣтомъ и покрытымъ морщинками лицо, узналъ ту Княжну Долли Щербацкую, которая 8 лѣтъ тому назадъ составля-

---

²⁶⁵ *Зачеркнуто:* обойдется

²⁶⁶ *Зач.:* Отвращеніе, злора, презрѣніе

²⁶⁷ *Зач.:* громче и громче

²⁶⁸ *Зач.:* кричала она

ла украшеніе московскихъ баловъ своей строгой фигуркой съ широкой высокой грудью, тонкой таліей и маленькой прелестной головкой на²⁶⁹ нѣжной шеѣ.

– Долли, – продолжалъ Степанъ Аркадьичъ, – что я могу сказать. Одно – прости. Прости.²⁷⁰ Вспомни, развѣ 8 лѣтъ жизни не могутъ искупить минуты увлеченія?

Она слушала до сихъ поръ съ злобой съ завистью, оглядывая нѣсколько разъ съ ногъ до головы его сіяющую свѣжестью и здоровьемъ фигуру, но она слушала, онъ видѣлъ, что она хотѣла, желала всей душой, чтобъ онъ нашелъ слова такіе, которые бы извинили его, и онъ не ошибался; но одно слово – *увлеченье* напомнило ей ту женщину; опять, какъ отъ физической боли, сморщилось изуродовалось ея лицо, и она закричала:

– Уйдите, уйдите. Развѣ вы не можете оставить меня одинъ день? Завтра я переѣзжаю.

– Долли!..

– Сжальтесь хотя надо мной, вы только мучаете меня, – и ей самой стало жалко себя, и она упала на диванъ и зарыдала.

Какъ электрической искрой, то же чувство жалости передалось ему. Сіяющее лицо его вдругъ расширилось, губы распухли, глаза налились слезами, и онъ заплакалъ.

– Долли! – говорилъ онъ, – вотъ я на колѣняхъ передъ тобой. Ради Бога, подумай, что ты дѣлаешь. Подумай о дѣтяхъ.

---

²⁶⁹ Зам.: бѣлой

²⁷⁰ Зам.: Развѣ не могутъ быть увлеченія?

Они не виноваты. Я виновать, и накажи меня, вели мнѣ, я... Ну чтожъ? Ну чтожъ дѣлать? – говорилъ онъ, разводя руками, – прости, прости.

– Простить. Чтожъ тутъ прощать? – сказала она, удерживая слезы, но съ мягкостью въ голосѣ, подавшей ему надежду. – Нѣтъ словъ, чтобы выразить то положеніе, въ которое вы и я поставлены. У насъ дѣти. Я помню это лучше васъ, нечего мнѣ напоминать. Ты помнишь дѣтей, чтобы играть съ ними.

Она, забывшись, сказала ему «ты», и онъ уже видѣлъ возможность прощенія и примиренія; но она продолжала:

– Разойтись теперь – это разстроить семью, заставить дѣтей стыдиться, не знать отца; поэтому все въ мірѣ я сдѣлала бы, чтобы избавить ихъ отъ этаго несчастья.

Она не смотрѣла на него, голосъ ея смягчался все болѣе и болѣе, и онъ только ждалъ того, чтобы она перестала говорить, чтобы обнять ее.

– Но развѣ это возможно, скажите, развѣ это возможно, – повторяла она, – послѣ того какъ мой мужъ, отецъ моихъ дѣтей, пишетъ письмо моей гувернанткѣ, гадкой дѣвчонкѣ. – Она стала смотрѣть на него, и голосъ ея сталъ пронзительнѣе и все поднимался выше и выше по мѣрѣ того, какъ она говорила. – Вы мнѣ гадки, противны,²⁷¹ – сказала она опять сухо и злобно. – Ваши слезы – вода, вы никогда не любили меня, вы могли уважать мать своихъ дѣтей. Дѣтямъ все лучше, чѣ-

---

²⁷¹ *Зачеркнуто:* Она открыла лицо

мъ жить съ развратнымъ отцомъ, чѣмъ видѣть мое презрѣніе къ вамъ и къ мерзкой дѣвчонкѣ. Живите съ ней.

Въ это время закричалъ грудной ребенокъ. Она прислушалась, лицо ея смягчилось, и она пошла къ нему.

— Если вы пойдете за мной, я позову дѣтей. Я уѣзжаю къ матери и уѣду, оставайтесь съ своей любовницей.

Она вышла. Степанъ Аркадьичъ остановился, опустивъ голову, и, глядя въ землю, тяжело вздохнулъ,²⁷² <перебирая концами пальцевъ окруженія бакенбардовъ. «И тривіально и гадко, точно Акимова въ Русской пьесѣ. Кажется, не слышали. Какъ это не имѣть чувства собственного достоинства».>

«Вѣдь любить же она ребенка, — подумалъ Степанъ Аркадьичъ, замѣтивъ смягченіе ея лица при крикѣ ребенка. — Вѣдь любить же она ребенка, моего ребенка, какъ же она можетъ ненавидѣть меня? Неужели образуется? Да, образуется. Но не понимаю, не понимаю какъ», сказалъ себѣ Степанъ Аркадьичъ и вышелъ изъ гостиной, отирая слезы.²⁷³ «Одно

---

²⁷² *Зачеркнуто:* «Ахъ, это ужасно. — Потомъ онъ обтеръ лицо и виски. — А можетъ быть и обойдется». — Карета стояла у подъѣзда.

²⁷³ *Зач.:* Матвѣй ожидалъ съ пальто. — Кушать дома не изволите? — Нѣтъ. Швейцаръ вынесъ гармонію съ казенными бумагами и захлопнулъ дверцу. По привычкѣ Степанъ Аркадьичъ закурилъ папирску и опустилъ окно. «Даже навѣрно обойдется», сказалъ онъ себѣ, когда карета покатила въизжа по улицамъ, и онъ по привычкѣ, подъѣзжая къ Присутствію, дѣлалъ программу дня. «Обѣдать съ ней нельзя, но надо заѣхать завтракать въ Зоологическій садъ и сказать ей; поѣду обѣдать въ клубъ, а вечеромъ посмотрю, что дома. Не можетъ же это такъ остаться». Вдругъ ему пришла счастливая мысль: «Анна. Да, сестра Анна устроить это. Анна — это такой тактъ, терпимость. Жена любить ее». Анна была любимая сест-

ужасно — это что она беременная. Какъ она мучается и страдаетъ! Чтобы я далъ, чтобы избавить ее отъ этихъ страданій, но кончено, не воротишь. Да вотъ несчастье, вотъ кирпичъ, — говорилъ онъ, — свалился на голову. — Онъ пошелъ тихими шагами къ передней. — Матвѣй говоритъ: образуется. Но какъ? Я не вижу даже возможности. Ахъ, ахъ! Какой ужасъ и какъ тривіально она кричала, какъ неблагогородно, — говорилъ онъ себѣ, вспоминая ея крикъ и слово: любовница. — Можетъ быть, дѣвушки слышали. Ужасно, тривіально, подло».

Матвѣй встрѣтилъ въ проходной съ требованіемъ денегъ на расходы для повара и доложилъ о просителѣ. Какъ только Степанъ Аркадьичъ увидалъ постороннихъ людей, голова его поднялась, и онъ опять пришелъ въ себя. Онъ быстро, весело выдалъ деньги, объяснился съ просителемъ и, вскочивъ въ карету, весело закричалъ, высовывая изъ окна свою красивую голову въ мягкой шляпѣ:

ра Степана Аркадьича, замужемъ за Директоромъ Департамента въ Петербургѣ. Анна для Степана Аркадьича была идеаль всего умнаго, красиваго, граціознаго, прекраснаго, добраго «Анна все устроить, я напишу ей, и она устроить». Въ присутствіи еще, въ своемъ кабинетѣ, Степанъ Аркадьичъ написалъ письмо сестрѣ, умоляя ее пріѣхать и помирить его съ женою. Потомъ онъ весело, какъ бы покончивъ это дѣло, надѣлъ мундиръ и пошелъ въ присутствіе. Въ присутствіи были интересныя дѣла, и Степанъ Аркадьичъ, какъ всегда, былъ добръ, простъ, мягокъ съ подчиненными и просителями и толковъ, ясенъ, неторопливъ въ исполненіи дѣла. Когда ему въ 4-мъ часу сказали, что карета пріѣхала, онъ уже чувствовалъ аппетитъ и рѣшилъ, что можно не обѣдать съ Лидіей, а поговорить съ ней и хоть позавтракать <въ Зоологическомъ саду>. Можетъ быть, тамъ не очень уже гадко ѣдятъ въ ресторанѣ.

– ²⁷⁴На Николаевскую дорогу.²⁷⁵

* № 7 (рук. № 8).

АННА КАРЕНИНА. РОМАНЪ.

«Отмищеніе Мое».

I.

²⁷⁶Несмотря на то, что онъ спалъ уже 3-ю ночь вслѣдствіи ссоры съ женой²⁷⁷ не въ спальнѣ жены,²⁷⁸ а на сафьяновомъ диванѣ въ своемъ кабинетѣ, сонъ Степана Аркадьевича Ала-

---

²⁷⁴ *Зачеркнуто:* – Въ присутствіе.

²⁷⁵ *На обороте листа написано:* Въ Присутствіи вызываютъ. Враждебность. Одинъ – Степанъ Аркадьичъ – не вникаетъ въ смыслъ жизни и спитъ. Другой – Ордынцевъ – ищетъ добра, устройства. Ордынцевъ былъ во всемъ разгарѣ объясненія. Купцы, когда явилась сіяющая фигура Степана Аркадьича.

²⁷⁶ *Зачеркнуто:* Степанъ Аркадьевичъ Алабинъ, несмотря на <41 годъ жизни, на сѣдѣющія нити въ длинныхъ курчавыхъ бакенбардахъ, на одѣвающееся уже откормленнымъ жиромъ расширѣвшее тѣло, спалъ сномъ ребенка, и спокойствіе его сна не нарушилось никакими нравственными причинами> 37 лѣтъ отъ роду, не потерялъ еще способности ребяческаго спокойнаго сна, несмотря ни на какія нравственные невзгоды.

²⁷⁷ *Зач.*: въ первый разъ послѣ 9 лѣтъ

²⁷⁸ *Зач.*: куда его не пустили вчера вечеромъ вслѣдствіи открывшейся его невѣрности

бина быть также²⁷⁹ тихъ и сладокъ, какъ и обыкновенно,²⁸⁰ и въ обычный часъ, 8 утра, онъ сталъ ворочать с боку на бокъ свое²⁸¹ тѣло на пружинахъ дивана и тереться лицомъ о подушку, крѣпко обнимая ее, потомъ открылъ глаза,²⁸² сѣлъ на диванъ и, сладко улыбаясь, растянулъ,²⁸³ выставивъ локти, свою широкую грудь, и улыбающіеся румяныя губы перешли въ зѣвующія. «Да что бишь? – думалъ онъ, вспоминая сонъ. – Миша Кортневъ давалъ обѣдъ въ Нью Йоркѣ на стеклянныхъ столахъ, да и какія то маленькія женщины, а хорошо. Много еще что то тамъ было отличнаго, да не вспомнишь. А надо вставать»,²⁸⁴ сказалъ онъ себѣ, замѣтивъ кружки свѣта въ проѣденныхъ молю дыркахъ суконныхъ сторъ и ощущая²⁸⁵ холодъ на тѣлѣ отъ сбившейся простыни съ сафьяннаго дивана. «Вставать, такъ вставать». Онъ быстро скинулъ ноги съ дивана,²⁸⁶ отыскалъ ими шитыя женой – подарокъ къ про-

---

²⁷⁹ *Зач.:* хорошъ

²⁸⁰ *Зач.:* и онъ проснулся въ привычный часъ, 8 часовъ, время, когда ему надо было ѣхать въ одно изъ Московскихъ присутствій, гдѣ онъ былъ предсѣдателемъ, проснулся, потягиваясь, растягивая и вздымая свою геркулесовскую широкую грудь и сладко чмокая румяными улыбающимися губами. Зимній яркій свѣтъ уже проходилъ въ щели между тяжелыми гардинами, и сафьянъ охлаждалъ тѣло подъ сбившейся простыней.

²⁸¹ *Зач.:* тяжелое, одѣтое жиромъ, откормленное

²⁸² *Зач.:* кругло зѣвнулъ и улыбаясь

²⁸³ *Зач.:* разставивъ

²⁸⁴ *Зач.:* И несмотря на жиромъ одѣтое, откормленное тѣло, онъ скинулъ

²⁸⁵ *Зачеркнуто:* непривычный

²⁸⁶ *Зач.:* маленькими ступнями

шлomu рожденiю – золотисто сафьянныя туфли и по старой, 9-лѣтней привычкѣ потянулся рукой къ тому мѣсту, гдѣ въ спальнѣ у него всегда висѣлъ халатъ, и тутъ вдругъ вспомнилъ, какъ и почему онъ спитъ не въ спальнѣ, а въ кабинетѣ, и улыбка исчезла съ его красиваго²⁸⁷ лица. Онъ²⁸⁸ сморщился.

---

²⁸⁷ *Зач.:* свѣжаго

²⁸⁸ *Зач.:* привычнымъ ему жестомъ въ минуты задумчивости сталъ <быстро перебирать и ошупывать кончиками тонкихъ бѣлыхъ и пухлыхъ пальцевъ съ овальными розовыми ногтями лѣвой руки верхнiя волоски бакенбардъ, какъ бы повѣряя правильность ихъ формы,> потирать красивой пухлой рукой лобъ и вьющiеся волосы на маковкѣ. Онъ вдругъ вспомнилъ все, что было вчера вечеромъ, когда онъ, веселый и ласковый, съ коробкой конфетъ вернулся изъ театра и вмѣсто милой <старой>, всегда тихой, ласковой подруги, жены и матери своихъ дѣтей, увидѣлъ блѣдную женщину съ окоченѣвшими, какъ будто дрожащими членами и смотрѣвшими прямо на него и остановившимися глазами, горѣвшими непримиримой злобой, даже ненавистью. Онъ, <такъ любившiй любить всѣхъ и быть любимымъ, такъ любившiй свою жену не какъ женщину, но какъ стараго друга и мать дѣтей, всегда ласковый, прiятный, добрый со всѣми> всегда гордившiйся – если онъ чѣмъ нибудь гордился – тихой прелестью своей семьи, долго не могъ понять, что случилось. Хотя онъ зналъ себя въ отношенiи вѣрности давнымъ давно и сто разъ виноватымъ передъ женой, онъ такъ самъ привыкъ къ этому, что иногда думалъ, что и она знаетъ и привыкла; и ему въ голову не могло придти, чтобы послѣ 9 лѣтъ вдругъ такая счастливая жизнь сдѣлалась адомъ только потому, что она узнала одну изъ его послѣднихъ невѣрностей. Когда она показала ему его любовное письмо <къ бывшей у нихъ гувернанткѣ> <къ Лидiи Ивановнѣ>, попавшее самымъ страннымъ, несчастнымъ случаемъ ей въ руки, и когда она сказала ему, что теперь все кончено между ними и что она завтра уѣдетъ отъ него, онъ былъ такъ ошеломленъ, что ничего не отвѣтилъ и даже не измѣнилъ веселаго выраженiя своего лица, какъ это часто бываетъ съ людьми, слишкомъ неожиданно пораженными. Самъ не зная зачѣмъ, онъ даже улыбнулся. Только уже послѣ понявъ весь ужасъ своего и ея положенiя, понявъ, что она до этой минуты ничего не знала, что она считала его чистымъ, понявъ, какъ ужасно ей

Лицо его приняло на мгновение выраженіе²⁸⁹ испуганное и виноватое.

– АААА!, – промычалъ онъ, вспоминая все, что было.

Было то, что любовная записка его къ Лидіи Ивановнѣ Шеръ, бывшей у нихъ въ домѣ гувернанткой, попала въ руки женѣ однимъ изъ тѣхъ необыкновенныхъ случаевъ, которые какъ нарочно придуманы для того, чтобы дѣлать людей несчастными, и началось то, чего никакъ и ожидать нельзя было. Оказалось то, чего еще меньше ожидалъ Степанъ Аркадьичъ, – что жена его теперь только, послѣ 9 лѣтъ, открыла, что онъ никогда не былъ ей вѣренъ. Онъ хотя и никогда не думалъ хорошенько объ этомъ, но предполагалъ, что она подозрѣваетъ и не хочетъ доходить до подробностей. Оказалось, что вслѣдствіи этой попавшейся записки²⁹⁰ жена при-

---

было вдругъ разочароваться, онъ попытался виниться, просить прощенія, обѣщать исправленія; но она не хотѣла его слышать и, еще разъ подтвердивъ свое намѣреніе разойтись, вышла изъ комнаты и не хотѣла его больше видѣть. Какъ ни невозможно ему казалось исполненіе ея угрозы – послѣ 10 лѣтъ <внѣшне> хорошей дружной жизни съ 5 человѣками дѣтьми и съ однимъ въ брюхѣ бросить мужа, онъ боялся жены; онъ зналъ ея кротость, характеръ тихій, холодный, честный и твердый. Какъ ни невозможна казалась ея угроза, онъ тоже не могъ себѣ представить того, чтобы, сказавъ что нибудь такъ рѣшительно, какъ она объявила свое рѣшеніе вчера вечеромъ, чтобы она измѣнила ему. Если онъ и хотѣлъ надѣяться, что она все таки проститъ его, онъ не могъ себѣ представить, какъ она это сдѣлаетъ. Онъ помнилъ ея лицо и не могъ вѣрить, чтобы она измѣнила своему рѣшенію; такъ не похоже было на нее, всегда благоразумную, спокойную и твердую, сказать и не сдѣлать.

²⁸⁹ *Зач.*: испуганной и виноватой собаки.

²⁹⁰ *Зачеркнуто*: Дарья Александровна

шла въ неистовство и съ пятью челоѣками дѣтей и съ 6-мъ въ брюхѣ объявила ему, что она жить съ нимъ не будетъ и разойдется. Если бы это сказала другая женщина, Степанъ Аркадьичъ, можетъ быть, и не обратилъ бы на эту угрозу вниманія, но жена его была (онъ признавалъ ее такою) твердая, рѣшительная, прекрасная женщина, которая не любила говорить фразъ, а что говорила, то и дѣлала. И вотъ прошло 3 дня. Она не²⁹¹ пускала его себѣ на глаза, и онъ зналъ, она что то дѣлала, готовила съ своей матерью.

– Ие! Ие! – покряхтывалъ онъ съ гадливымъ выраженіемъ лица, какъ будто онъ испачкался въ вонючую грязь, вспоминая самыя тяжелыя для себя впечатлѣнія изъ этой первой сцены, и легъ опять на диванъ. «Ахъ, если бы заснуть опять. Какъ тамъ все это въ Америкѣ безтолково, но хорошо было». Но заснуть уже нельзя было, и ему живо представилась эта первая минута, когда онъ, вернувшись изъ театра веселымъ и довольнымъ, увидалъ ее съ несчастнымъ письмомъ въ рукѣ и съ столь преобразовавшимъ ея всегда доброе, милое, хорошее лицо выраженіемъ отчаянія и ненависти во взглядѣ. И при этой встрѣчѣ, какъ это часто бываетъ, мучало его больше всего не самая неблаговидность своего поступка (онъ признавалъ ее), не та боль, которую онъ ей сдѣлалъ (онъ жалѣлъ ее всей душой), но его мучало болѣе всего та глупая роль, которую онъ сыгралъ въ эту первую минуту.

Съ нимъ случилось то, что случается съ людьми, когда они

---

²⁹¹ *Зач.*: хотѣла его видѣть и

неожиданно уличатся въ чемъ нибудь слишкомъ неожиданно постыдномъ. Онъ не сѣумѣлъ приготовить свою физіономію къ тому положенію, въ которое онъ становился передъ женой послѣ открытія его связи. Въмѣсто того чтобы оскорбиться, отречься, оправдываться, просить прощенья, остаться даже равнодушнымъ, его лицо, совершенно помимо его воли (видно, нервы не успѣли передать смысла впечатлѣнья), лицо его вдругъ очень мило и пріятно, хотя и нѣсколько насмѣшливо улыбнулось. Этого онъ не могъ забыть и не могъ простить себѣ и чувствовалъ, что этимъ онъ погубилъ себя совершенно. Да, и тонъ ея и взглядъ, когда она сказала: «теперь мы чужіе, ни я, ни дѣти не могутъ оставаться съ вами»,²⁹² былъ такой, что она не можетъ измѣнить своему рѣшенію. «И послѣ такой моей глупой улыбки чтожъ она могла сказать и сдѣлать».

«Степанъ Аркадьичъ нѣсколько разъ крикнулъ и ахнулъ, одѣваясь и живо вспоминая вчерашнее. Онъ не видѣлъ выхода, а между тѣмъ въ глубинѣ души его голосъ говорилъ ему, что пройдетъ и обойдется: «Несчастье – думалъ онъ, – вины тутъ моей нѣтъ *почти* никакой, невозможно же жить иначе, и *никто* (при этомъ онъ вспоминалъ своихъ сверстниковъ знакомыхъ) и не можетъ подумать, чтобы можно жить иначе. И она страдаетъ, ее жалко, ужасно жалко, – говорилъ себѣ Степанъ Аркадьичъ, вспоминая лицо жены, испол-

---

²⁹² *Зачеркнуто:* «это рѣшено и кончено», подтверждалъ что кончено, когда она сказала это.

ненное выраженіемъ ненависти, но, несмотря на желаніе выразить ненависть, выражающее страшное страданіе. — Да, ее жалко, ужасно жалко».> «Да, несчастье, — думаль онъ, — ужасное несчастье. Бываетъ же, что идетъ человѣкъ по улицѣ, и кирпичъ упадетъ ему на голову. Вотъ кирпичъ и упаль мнѣ на голову. Но чтожъ дѣлать, чтожъ дѣлать. И какъ хорошо было все до этаго, какъ мы счастливо жили. И кому какой вредъ я сдѣлалъ этимъ? Никому.²⁹³ Правда, нехорошо, могутъ сказать что она была гувернанткой у насъ въ домѣ. Это правда, что нехорошо, — сказалъ онъ себѣ. — Что-то тривіальное, пошлое есть въ этомъ, но вѣдь пока она была у насъ въ домѣ, я не позволялъ себѣ ничего. Но все сдѣлала эта улыбка. Одно нехорошо — бѣдняжка страдаетъ. И она беременная». И онъ опять видѣлъ передъ собой глаза, дышащіе ненавистью, и содрагающійся ротъ и выраженіе напрасно скрываемаго страданія и чувствовалъ свою глупую улыбку. «Что мнѣ дѣлать чтожъ мнѣ дѣлать?»,²⁹⁴ говорилъ онъ себѣ, и отвѣта не было, кромѣ того общаго отвѣта, который даетъ жизнь на всѣ сложные и неразрѣшимые вопросы. Отвѣтъ этотъ: надо жить потребностью дня, а тамъ видно будетъ. <И какъ сладкій, крѣпкій сонъ²⁹⁵ не оставлялъ Степана Арка-

---

²⁹³ *Зач.*: <А главное то поражало его.> Это было и давно, и мы жили прекрасно, и она была счастлива. Вѣдь ничто же не измѣнилось.

²⁹⁴ *Зач.*: И что будетъ? Не простить, нѣтъ, не простить. А можетъ быть, и обойдется.

²⁹⁵ *Зач.*: настоящій ночной никогда

дыча, несмотря ни на какія нравственныя потрясенія, такъ и сонъ жизни дневной, увлеченіе привычнымъ житейскимъ движеніемъ, независимымъ отъ душевнаго состоянія, и это увлеченіе сномъ жизни никогда не оставляло его.> И онъ поспѣшилъ отдаться²⁹⁶ этой потребности дня. «Тамъ видно будетъ», сказалъ онъ себѣ, надѣлъ халатъ, привычнымъ молодецкимъ шагомъ подошелъ къ окну, поднялъ стору и громко позвонилъ.

II.

И какъ только яркій свѣтъ зимняго утра освѣтилъ косыми лучами темные узоры ковра, изогнутое кресло и огромный письменный столъ, заставленный бездѣлушками и на краю котораго лежали пакеты и письма,²⁹⁷ Степанъ Аркадьичъ сталъ, какъ кошка лапами засыпаетъ²⁹⁸ то, что ей не нравится, сталъ заваливать то, что мучало его.²⁹⁹ Вошедшій старый другъ камердинеръ Матвѣй внесъ платье и сапоги и подалъ новыя письма и одну телеграмму. Степанъ Аркадьичъ схватилъ жадно письма и, разорвавъ ихъ, сѣлъ къ зеркалу и велѣлъ позвать цирюльника.

— Отъ хозяина извозчика приходили, — сказалъ Матвѣй, положивъ руки въ карманы пиджака.

---

²⁹⁶ *Зач.*: ему

²⁹⁷ *Зачеркнуто*: и телеграммы. И съ входомъ камердинера Матвѣя съ новыми письмами и телеграммой сонъ жизни охватилъ Степана Аркадьича.

²⁹⁸ *Зач.*: землею и пепломъ

²⁹⁹ *Зач.*: и заботы дня одна за другою живо представлялись ему.

Степанъ Аркадьичъ³⁰⁰ ничего не отвѣтилъ и только взглянулъ на Матвѣя съ выраженіемъ соболѣзнованія къ самому себѣ. Матвѣй уныло, насмѣшливо и вмѣстѣ съ тѣмъ успокоительно твердо молча посмотрѣлъ на своего барина.³⁰¹

— Я приказалъ придти въ то воскресенье, а до тѣхъ поръ чтобы не беспокоили васъ и себя по напрасну, — сказалъ Матвѣй.

Степанъ Аркадьичъ взглянулъ еще разъ на Матвѣя, и въ выраженіи лица его была благодарность и нѣжность. «Вотъ человѣкъ, который понимаетъ меня, вотъ истинный другъ», подумалъ онъ.

«Такъ ты думаешь ничего?», сказалъ его вопросительный взглядъ.

«Знаю, все знаю, — отвѣчалъ взглядъ Матвѣя, — знаю, что деньги нужны и долговъ много и что надо было лѣсъ продать въ имѣнны барыни. А теперь разстройство».

— Да ничего, сударь, образуется, — сказалъ онъ вслухъ.

Степанъ Аркадьичъ, разорвавъ телеграмму, исправилъ своей догадкой перевранныя слова и понялъ, что сестра

---

³⁰⁰ *Зач.*: оглянулся на него съ удивленіемъ, какъ будто онъ не знаетъ, что денегъ нѣтъ. «Знаю, ну что жъ?»

³⁰¹ *Зач.*: Видно было, что онъ хотѣлъ пошутить. «Не только знаю, что денегъ нѣтъ, — говорилъ взглядъ Матвѣя, — но знаю <и всѣ> ваши обстоятельства, сударь. Знаю, <что долговъ куча, что денегъ нѣтъ и> что съ барыней разстройство, а что въ ея имѣнны надо лѣсъ продать и что это васъ мучаетъ. Все знаю и понимаю и не совѣтую вамъ унывать, сударь, потому что не такія дѣла бывали и обходились».

его, давно обѣщавшая пріѣхать къ нимъ изъ Петербурга, будеть³⁰² нынче.

— Матвѣй, Анна Аркадьевна будеть³⁰³ нынче, — сказали онъ, остановивъ на минуту глянцовитую пухлую ручку циркульника, считавшаго розовую дорогу между кудрявыми ба-кенбардами.

— Слава Богу, — сказали Матвѣй, этимъ отвѣтомъ показывая, что онъ понимаетъ также, какъ и баринъ, значеніе этаго пріѣзда, т. е. что Анна Аркадьевна съумѣетъ помирить мужа съ женою. — Одни или съ супругомъ? — спросилъ онъ.

Степанъ Аркадьичъ не могъ говорить, такъ какъ циркульникъ занять былъ верхней губой, и поднялъ одинъ палецъ. Матвѣй въ зеркало кивнулъ головой.

— Одни. Наверху приготовить?

— Барынѣ доложи, гдѣ прикажутъ.

— Барынѣ доложить? — повторилъ Матвѣй.

— Да, доложи, и вотъ возьми телеграму передай, что они скажутъ.

— Слушаю-съ.

И подвинувъ душистое обтираніе, употребляемое послѣ бритья, и осмотрѣвъ еще разъ порядокъ, въ которомъ лежали платья и помочи, и поправивъ замѣченную имъ неправильность въ постановкѣ свѣтящихся ботинокъ, Матвѣй надѣлъ *pinse-nez*, вдѣлъ большіе слоновой кости рѣзные запонки въ

---

³⁰² *Зачеркнуто:* завтра

³⁰³ *Зач.:* завтра

рукава и золотые въ воротъ тонкой, чистѣйшей рубашки и, на нѣкоторое отдаленіе отстранивъ, осмотрѣлъ ее, такъ какъ Степанъ Аркадьичъ былъ прихотливъ насчетъ бѣлья, и тогда только медленно вышелъ. Письма были хотя и незначительныя и не совсѣмъ пріятныя, но они исполняли то, что нужно было, они выставляли впередъ заботы дня и дальше и дальше застилали то, что было всегда нехорошо. Кромѣ писемъ были еще бумаги изъ того присутствія, въ которомъ Степанъ Аркадьичъ былъ членомъ и куда онъ сейчасъ долженъ былъ ѣхать. Онъ взглянулъ и на бумаги и, рѣшивъ, что особенно важныхъ не было, велѣлъ приготовить ихъ въ портфель, чтобы заняться ими въ кабинетѣ присутствія.

Степанъ Аркадьичъ, умывшись, оправивъ ногти и спрыснувъ бакенбарды, въ чистой рубашкѣ, въ панталонахъ и помочахъ стоялъ, нагнувшись передъ зеркаломъ, и двѣ круглые щетки погоняли одна другую, вычесывая его кудрявые волосы и бакенбарды (это энергическое движеніе болѣе всего возбуждало его), когда Матвѣй³⁰⁴ съ тѣмъ же унылымъ и непроницаемымъ лицомъ вернулся въ комнату.

– Барыня приказали доложить: пускай дѣлають, какъ имъ – вамъ т. е. – угодно, – сказалъ Матвѣй, «а что это значитъ, понимаете, какъ знаете», сказалъ его взгляды.

Щетки на мгновеніе остановились, и волосы въ это время были зачесаны на лобъ, что придавало сконфуженному лицу Степана Аркадьича еще болѣе сконфуженное выраженіе.

---

³⁰⁴ В подлиннике описка: Аркадій

Онъ помолчалъ, остановивъ руки, вздохнулъ и вдругъ какъ бы сказавъ: «а чортъ съ ними со всѣми», еще рѣшительнѣе сталъ чесать волосы, не переставая, такъ что даже запыхался и покраснѣлъ, тѣми же щетками разчесалъ бакенбарды, перечесалъ волоса назадъ, бросилъ щетки, растянулъ рубашку подъ помочами, прыснулъ духами на рубаху и бороду, надѣлъ крестъ на шею особенный, маленькій, форменный, но нарочно заказанный, жилетъ, сертукъ, расправилъ плечи и привычнымъ движеніемъ разсовалъ по карманамъ папиросы, бумажникъ, спички, часы съ двумя цѣпочками и брелками и, встряхнувъ батистовый платокъ, чувствуя себя чистымъ, душистымъ, здоровымъ и веселымъ, вышелъ, легко ступая, въ столовую, гдѣ уже ждалъ его серебряный кофейникъ и китайскій приборъ на слегка крахмаленной бѣлѣйшей скатерти. Письма всѣ были прочтены, а съ самимъ собой оставаться ему не хотѣлось, какъ бы опять не пришли дурныя мысли, и потому за кофеемъ онъ развернулъ еще сырую поданную утреннюю газету и сталъ читать.

Апетитъ у Степана Аркадыча всегда былъ также хорошъ, какъ и сонъ, и послѣ 2-хъ чашекъ кофе и калача съ масломъ и свѣденій, почерпнутыхъ изъ газетъ о томъ, что въ наше время возникаетъ новый вопросъ о томъ, квази-либеральная ли партія имѣетъ призваніе къ будущей формировкѣ высшаго слоя или тенденціозность традицій должна уже офиціозно, если можно такъ выразиться, выставить свое новое и честное непреварикаціонное знамя, вникнувъ въ смыслъ

этихъ разсужденій, которые не лишены были для него интереса, Степанъ Аркадьичъ прочель про обѣщаніе уничтожить сѣдые волосы, про легкую продающуюся карету и молодую особу, ищущую мѣста, что было тоже не лишено интереса, и, ощущая пріятную теплоту въ тѣлѣ, онъ всталъ спокойный, отряхнулъ крошки калача съ жилета.

*** № 8 (рук. № 17).**

³⁰⁵ДВА БРАКА. РОМАНЪ.

Мне отмщенье. Азъ воздамъ.

Первая часть.

I.

³⁰⁶ Дарья Александровна Облонская, считавшая 9 лѣтъ своего красавца мужа³⁰⁷ вѣрнымъ мужемъ, вдругъ открыла, что онъ былъ въ связи съ бывшей въ ихъ домѣ француженкой гувернанткой, и между мужемъ и женой произошла ужасная

---

³⁰⁵ *Зачеркнуто:* Анна Каренина

³⁰⁶ *Зач.:* <Несмотря на то, что онъ спалъ уже 3-ю ночь вслѣдствіе ссоры съ женой не въ спальнѣ жены> Между мужемъ и женой произошла ссора. Жена не хотѣла оставаться въ домѣ мужа, который измѣнялъ ей, и съ 5-ю человѣками дѣтей хотѣла уѣхать отъ него къ матери.

³⁰⁷ *Зач.:* веселымъ, доброду[шнымъ]

сцена и ссора, продолжавшаяся уже три дня и ничѣмъ еще не кончившаяся. То, что произошло и происходило еще теперь между мужемъ и женою, нельзя было назвать ссорой, а это было землетрясеніе, разрушившее всѣ основы ихъ жизни, смѣшеніе всего и хаосъ, который чувствовался и прислугой, и дѣтьми, и болѣе всего ими самими.

21
6

22

Первая страница рукописи восьмого по порядку начала
«Анны Карениной»

Размер подлинника

Вдругъ оказалось для всѣхъ членовъ семьи и домочадцевъ, что нѣтъ никакого смысла въ ихъ сожительствѣ и что на каждомъ постояломъ дворѣ случайно сошедшіеся люди болѣе связаны между собой, чѣмъ всѣ члены семьи и домо-чадцы дома Облонскихъ. Дѣти бѣгали по всему дому какъ потерянные, Англичанка поссорилась съ экономкой и написала записку пріятельницѣ, чтобы пріискать ей мѣсто, поваръ ушелъ еще вчера со двора во время самага обѣда, ку-харка и кучеръ просили расчета.

Степанъ Аркадьичъ, виноватый во всемъ, спалъ уже 3-ю ночь не въ спальнѣ жены, а на сафьянномъ диванѣ въ своемъ кабинетѣ, и, несмотря на то что онъ былъ виноватъ и чув-ствовалъ свою вину, сонъ³⁰⁸ Стивы (какъ его звали въ свѣтѣ) былъ также³⁰⁹ спокоенъ и крѣпокъ, какъ и обыкновенно; и въ обычный часъ, 8 часовъ утра, онъ³¹⁰ поверотился на пружи-нахъ дивана,³¹¹ съ другой стороны крѣпко обнялъ подушку,

---

³⁰⁸ *Зачеркнуто:* <Князя Михаила Андреевича> <Степана Аркадьича Облон-скаго> <Мишуты> Мишиньки

³⁰⁹ *Зач.:* тихъ и сладокъ

³¹⁰ *Зач.:* сталъ ворочаться съ боку на бокъ

³¹¹ *Зач.:* поверотилъ свое <начинавшее ожирѣвать> бѣлое откормленное тѣло и тереться бѣло-румянымъ немытымъ лицомъ о подушку, крѣпко обнимая ее.

потерся о нее своимъ красивымъ, свѣже-румяннымъ лицомъ и открылъ свои³¹² большіе, блестящіе влажнымъ блескомъ глаза.³¹³ Онъ сѣлъ на диванъ, улыбнулся,³¹⁴ красивой бѣлой рукой граціознымъ жестомъ провелъ по густымъ курчавымъ волосамъ, и во снѣ даже принявшимъ красивую форму.

«Ахъ, какъ хорошо было, — подумаль онъ, вспоминая сонъ, — да, какъ это было? Да, Алабинъ давалъ обѣдъ въ Нью-Йоркѣ на стеклянныхъ столахъ, да, и какіе то маленькіе графинчики и они же женщины», вспоминаль онъ, и красивые глаза его,³¹⁵ становились болѣе и болѣе³¹⁶ задумчивы.

— Да, хорошо было, очень хорошо. Много тамъ было еще отличнаго, да не вспомнишь... А, —³¹⁷ сказалъ онъ и, замѣтивъ полосу свѣта, пробивавшуюся сбоку одной изъ³¹⁸ суконныхъ сторъ, и, ощущая холодъ въ тѣлѣ отъ сбившейся простыни съ сафьяннаго дивана,³¹⁹ онъ весело скинулъ³²⁰ но-

Онъ

³¹² *Зач.:* маленькіе блестящіе глазки

³¹³ *Зач.:* окруженные черными густыми рѣсницами.

³¹⁴ *Зач.:* своей неотразимо-пріятной, дѣтски доброй улыбкой и, выставивъ локти, потянулся и, почмокавъ влажными улыбающимися губами, оглянулся. «Да, что бишь, — думаль

³¹⁵ *Зач.:* по мѣрѣ того какъ суживались,

³¹⁶ *Зач.:* блестящи

³¹⁷ *Зачеркнуто:* <надо встать> что же нехорошо?

³¹⁸ *Зач.:* тяжелыхъ

³¹⁹ *Зач.:* — Неужели? — вдругъ вскрикнулъ онъ, вскакивая. — Ахъ, да. Да. Вставать, такъ вставать.

³²⁰ *Зач.:* стройныя бѣлыя

ги съ дивана, отыскаль ими шитыя женой (подарокъ къ прошлому рожденью) обдѣланныя въ золотистый сафьянъ туфли и по старой, 9-ти лѣтней привычкѣ, не вставая, потянулся рукой къ тому мѣсту, гдѣ въ спальнѣ у него всегда висѣлъ халатъ, но тутъ онъ вдругъ вспомнилъ, какъ и почему онъ спитъ не въ спальнѣ жены, а въ кабинетѣ, улыбка исчезла съ его³²¹ красиваго лица, онъ³²² сморщилъ гладкій лобъ.

– Ахъ! Ахъ, Ахъ! Ааа...³²³ – заговорилъ онъ, вспоминая все, что было.³²⁴ – Какъ нехорошо...

И³²⁵ его воображенію представились опять всѣ подробно-сти³²⁶ ссоры съ женою,³²⁷ вся безвыходность его положенія.

«Да, она³²⁸ не простить, да, она такая женщина», – думаль

---

³²¹ *Зач.:* сіяющаго добротой

³²² *Зач.:* сморщился и махнулъ рукой

³²³ *Зач.:* промычалъ

³²⁴ *Зач.:* И надо же было, чтобы эта записка къ <Лидіи> Лидинькѣ попала прямо въ руки жены, и именно тогда, когда я уже хотѣлъ прекратить съ ней связь. Надо же было случиться этому несчастью.

³²⁵ *Зач.:* онъ сталъ въ сотый разъ припоминать все, что было. «Да, да, она сказала, что разойдется, да, да, она сказала, и она сдѣлаеть, сдѣлаеть... Она сдѣлаеть, она такая женщина. Если бы это сказала другая, я бы зналъ, что это пугаетъ, но она! Если она сказала, она сдѣлаеть! И вотъ уже три дня она не только не смягчается, но видѣть меня не хочетъ, И что то она дѣлаеть, готовить съ своей матерью?

³²⁶ *Зач.:* произошедшей отъ этаго открытія

³²⁷ *Зач.:* ссоры, продолжавшейся уже 3 дня, во время которыхъ жена не хотѣла видѣть его и что то такое замышляла съ своей матерью.

³²⁸ *Зач.:* сдѣлаеть эскландръ, что нибудь ужасное, и вся эта исторія будетъ предметомъ <разговора> толковъ и хохота всего города.

онъ про жену.

— Ахъ! Ахъ, Ахъ! — приговаривалъ онъ съ³²⁹ отчаяніемъ, вспоминая самыя тяжелыя для себя впечатлѣнія изъ всей этой ссоры.

«Ахъ, еслибъ заснуть опять! Какъ тамъ все въ Америкѣ безтолково, но хорошо было».

Но заснуть уже нельзя было; надо было вставать³³⁰ бриться, одѣваться, дѣлать домашнія распоряженія, т. е. отказывать въ деньгахъ, которыхъ не было, дѣлать попытки примиренія съ женой, изъ которыхъ едва ли что выйдетъ, потомъ ѣхать въ Присутствіе,³³¹ главное, надо было вспоминать все, что было. Изъ всего, что онъ вспоминалъ, непріятнѣе всего была та первая минута, когда онъ, вернувшись изъ театра веселымъ и довольнымъ, съ огромной грушей для жены въ рукѣ, увидалъ жену съ³³² несчастной запиской въ рукѣ и съ³³³ выраженіемъ³³⁴ ненависти во взглядѣ. И при этомъ воспоминаніи, какъ это часто бываетъ, мучало³³⁵ Степана Аркадыча

---

³²⁹ *Зач.:* гадливымъ выраженіемъ лица, какъ будто онъ испачкался <въ вонючую грязь> во что нибудь.

³³⁰ и жить, т. е. вспомнить все, что было, и исполнять всѣ тѣ условія, въ которыя онъ былъ поставленъ. Надо было

³³¹ *Зачеркнуто:* гдѣ онъ былъ начальникомъ,

³³² *Зач.:* несчастнымъ письмомъ

³³³ *Зач.:* столь преобразовавшимъ ея всегда милое лицо

³³⁴ *Зач.:* отчаянія и

³³⁵ *Зач.:* Князя <Мишуту> Мишиньку больше всего не самая неблагоприятность его поступка, хотя онъ и признавалъ ее, не та боль, которую онъ сдѣлалъ женѣ,

не самое событіе, но побочное обстоятельство, то, какъ онъ принялъ эту первую минуту гнѣва жены.

* № 9 (рук. №. 9).

III.

³³⁶Занимая 2-й годъ мѣсто начальника въ Москвѣ, онъ пользовался общимъ уваженіемъ сослуживцевъ, подчиненныхъ, начальниковъ и всѣхъ, кто имѣлъ до него дѣло. Главный даръ ³³⁷князя Мишуты, заслужившій ему это общее уваженіе, состоялъ, кромѣ мягкости и веселаго дружелюбія, съ которымъ онъ относился ко всѣмъ людямъ, преимущественно въ полной безстрастности и совершенной либеральности, состоящей не въ томъ, чтобы строже судить сильныхъ и богатыхъ, чѣмъ слабыхъ и бѣдныхъ, но въ томъ, чтобы совершенно ровно и одинаково относиться къ обоимъ.

³³⁸Князь Мишута, не считавшій себя совершенствомъ, былъ исполненъ снисходительности ко всѣмъ. И этимъ онъ нравился людямъ, имѣвшимъ до него дѣло. Кромѣ того, онъ

хотя онъ жалѣлъ ее всей душой, но его мучала болѣе всего та глупая роль, которую онъ самъ сыгралъ въ эту первую минуту.

³³⁶ *Зач.*: Степанъ Аркадьичъ, благодаря протекціи своего [зятя] Алексѣя Александровича Каренина, одного изъ ближайшихъ лицъ въ Министерствѣ, мужа столь любимой имъ сестры Анны, занималъ почетное и съ хорошимъ жалованьемъ мѣсто въ одномъ изъ Московскихъ присутствій.

³³⁷ *Зач.*: Степана Аркадьича

³³⁸ *Зач.*: Кромѣ того, Степанъ Аркадьичъ

умѣлъ ясно, легко и кратко выражать свои мысли письменно и изустно, и этимъ онъ былъ дорогъ для сослуживцевъ.

Войдя въ Присутствіе, Князь Мишута кивнулъ, проходя, головой почтительному швейцару, поздоровался съ Секретаремъ и товарищами³³⁹ и взялся за дѣло. «Если бы они знали только, – думалъ онъ, когда Секретарь, почтительно наклоняясь, поднесъ ему бумаги, – какимъ мальчикомъ виноватымъ былъ нынче утромъ передъ женой ихъ³⁴⁰ Начальникъ».

Просидѣвъ засѣданіе и отдѣлавъ первую часть дѣлъ, Степанъ Аркадьичъ, доставая папиросницу, шелъ въ кабинетъ, весело разговаривая съ товарищемъ по службѣ объ сдѣланной ихъ другимъ товарищемъ и исправленной ими ошибкѣ, когда швейцарь, заслоня своимъ тѣломъ входъ въ дверь и на носу входившаго затворяя ее, обратился къ Степану Аркадьичу:

– Господинъ спрашиваютъ ваше превосходительство.

Степанъ Аркадьичъ былъ еще Надворный Совѣтникъ, но занималъ мѣсто дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, и потому его звали Ваше Превосходительство.

– Кто такой?

Швейцарь подалъ карточку.

Константинъ Николаичъ³⁴¹ Ленинъ.³⁴²

---

³³⁹ *Зач.*: сонъ жизни, опьяняя, охватилъ его

³⁴⁰ *Зачеркнуто*: Юпитеръ

³⁴¹ *Зач.*: Ордынцевъ

³⁴² *Рядом на полях написано*: Просіялъ. Никого бы такъ не желалъ видѣть, какъ

— А! — радостно вскрикнулъ Степанъ Аркадьичъ. — Проси въ кабинетъ.

— Это³⁴³ Костя³⁴⁴ Ленинъ. Знаете: сынъ Николая Федорыча.

— Развѣ онъ въ Москвѣ живетъ?

— Онъ? Онъ вездѣ — въ Москвѣ и въ деревнѣ, что-то усовершенствуется — народъ что-то изучаетъ. Но прекрасный малый. Мы съ нимъ и по охотѣ друзья, да и такъ я его люблю, — говорилъ Степанъ Аркадьичъ съ тѣмъ обычнымъ заочнымъ пренебреженіемъ, съ которымъ всѣ обыкновенно говорятъ о людяхъ, къ которымъ лично мы относимся иногда не только не пренебрежительно, но подобострастно.

«Съ³⁴⁵ Ленинымъ, когда онъ вошелъ, Степанъ Аркадьичъ обращался тоже не съ тѣмъ пренебреженіемъ, съ которымъ онъ говорилъ; и если не съ подобострастіемъ, котораго и не могло быть, такъ какъ Ордынцевъ былъ лѣтъ на 5 моложе Степана Аркадьича, но съ уваженіемъ и видимой осторожностью, которую, очевидно, вызывало съ разу бросающіеся въ глаза чувствительность, застѣнчивость и вообще несоразмѣрное самолюбіе³⁴⁶ Ленина. Ордынцевъ былъ красивый мо-

---

его.

³⁴³ *Зачеркнуто:* милѣйшій

³⁴⁴ *Зач.:* Ордынцевъ

³⁴⁵ *Зач.:* Ордынцевымъ

³⁴⁶ *Зач.:* Ордынцева

лодой человекъ лѣтъ 30³⁴⁷ съ небольшою черною головою и необыкновенно хорошо сложенный. Все въ его походкѣ, постановкѣ груди и движеніи рукъ говорило о большой физической силѣ и энергіи.

— Здравствуй, любезный другъ, ужасно радъ тебя видѣть, — сказалъ Степанъ Аркадьичъ, обнимая его. > — Ужасно, ужасно радъ всегда, а особенно теперь, — сказалъ онъ съ удареніемъ, — тебя видѣть. И спасибо, что отыскалъ меня здѣсь — въ этомъ вертепѣ; знаю твое отвращеніе ко всему административно, судебному, государственному и т. д. Ужъ извини меня за это, — и³⁴⁸ князь Мишута сталъ смѣясь застегивать мундиръ, какъ будто желалъ скрыть крестъ на шеѣ.

Лицо Ленина,³⁴⁹ все подвижное, выразительное, сіяло и удовольствіемъ и неудовольствіемъ за то, что швейцаръ грубо остановилъ его, и сдержанностью при видѣ чужихъ лицъ, товарищей³⁵⁰ Облонскаго.

— ³⁵¹Мое отвращеніе, съ чего ты взялъ? Смѣшно мнѣ иногда, — сказалъ онъ, оглядываясь на чужія лица.

---

³⁴⁷ *Зач.*: высокій, стройный, хорошо одѣтъ,

³⁴⁸ *Зачеркнуто*: Степанъ Аркадьичъ

³⁴⁹ *Зач.*: открытое, ясное,

³⁵⁰ *Зач.*: Алабина

³⁵¹ *Зач.*: — Я пріѣхалъ не надолго на выставку скота, и хотѣлось тебя увидать, — улыбаясь и выказывая бѣлые, какъ снѣгъ, сплошные крѣпкіе зубы изъ-за черныхъ, румяныхъ губъ и черныхъ усовъ и бороды, отвѣчалъ Ордынцевъ. — Я привелъ на выставку своихъ телятъ — удивительныхъ, — сказалъ Ленинъ.

– Да позвольте васъ познакомить: нашъ товарищъ³⁵² Никитинъ, Шпандовскій – Константинъ Дмитричъ Левинъ – гимнастъ и *двигатель* <– Степанъ Аркадьичъ подчеркнувъ произнесъ это слово —>, а главное, мой другъ Константинъ Николаичъ³⁵³ Ленинъ – и мировой судья и земскій дѣятель.

И тотчасъ же Степану Аркадьичу замѣтно было, что этотъ тонъ шуточной рекомендаціи не понравился³⁵⁴ Ленину, и онъ поспѣшилъ поправить, взявъ его за пуговицу. Ордынцевъ нахмурился и, какъ бы освобождаясь отъ чего-то, выпрямилъ грудь.

– Очень радъ, – сказалъ онъ сухо, подавая руку Борису и не глядя на него.

– Ну, когда же увидимся?

– А вотъ что. Въ 4 часа я свободенъ. Давай обѣдать. Гдѣ я найду тебя?

– Въ Зоологическомъ саду, я тамъ выставилъ скотину.

– Ну, и отлично. Я заѣду за тобой. Ну что же, хорошо идти дѣла?

– Послѣ расскажу. Ты какъ?

– Я скверно, какъ всегда. А живу.

– Ну, такъ прощай.

– Да посиди же, покури. Да ты не куришь, ну такъ посиди немножко. Какъ щука на мели; тебѣ, я вижу, тяжело.

---

³⁵² *Зач.*: Борисовъ

³⁵³ *Зач.*: Ордынцевъ

³⁵⁴ *Зач.*: Ордынцеву

– Да и что отрывать васъ отъ вашихъ важныхъ государственныхъ дѣлъ.

³⁵⁵– Ты видишь, какъ у насъ хорошо и удобно. А тебѣ противно.

– Не противно,³⁵⁶ напротивъ, – внушительно сказалъ онъ улыбаясь.

– Что же вамъ смѣшно? – спросилъ Борисовъ.

– Да такъ, я увѣренъ, что если бы ничего этаго не было, никакой разницы бы не было. Я увѣренъ, что настоящая жизнь и движеніе не здѣсь, а у насъ въ глуши.

Рѣчь его перебилъ вошедшій Секретарь съ бумагами. Секретарь съ развязной почтительностью и съ нѣкоторымъ общимъ секретарскимъ сознаніемъ своего превосходства подошелъ къ Алабину и сталъ подъ видомъ вопроса объяснять какое-то затрудненіе.³⁵⁷ Князь Мишута, не дослушавъ, перебилъ Секретаря и, кратко объяснивъ ему, въ чемъ дѣло, отодвинулъ бумаги, сказавъ:

– Такъ и сдѣлайте, пожалуйста.

³⁵⁸Левинъ во время совѣщанія съ Секретаремъ стоялъ облокотившись обѣими руками на стулъ, и на³⁵⁹ лицѣ его оста-

---

³⁵⁵ *Зачеркнуто:* – Нѣтъ, серьезно, ужасно противно, я думаю, швейцаръ, бумаги, секре[тарь].

³⁵⁶ *Зач.:* а смѣшно

³⁵⁷ *Зач.:* Степанъ Аркадьичъ

³⁵⁸ *Зач.:* Ордынцевъ

³⁵⁹ *Зач.:* красивомъ

новилаь насмѣшливая³⁶⁰ улыбка.

³⁶¹Секретарь вышелъ.

– Не понимаю, не понимаю, – сказалъ Левинъ, – какъ ты, честный, хорошій человѣкъ, можешь служить.

– Вотъ видишь, надо только не горячиться.

– Ну да, ты умѣешь, у тебя даръ къ этому.

– Т. е. ты думаешь, что у меня есть недостатокъ чего-то.

– Можетъ быть, и да, – весело засмѣявшись, сказалъ Левинъ.

– Ну, хорошо, хорошо, погоди еще, и ты придешь къ этому. Хорошо, какъ у тебя 3000 десятинъ въ Ефремовскомъ уѣздѣ да такіе мускулы и свѣжесть, какъ у 12-лѣтней дѣвочки, а придешь и къ намъ.

³⁶²– Нѣтъ, ужъ я эту штуку кончилъ совсѣмъ, люблюсь на твое величіе и горжусь тѣмъ, что у меня другъ такой великій человѣкъ, и больше ничего. А моя общественная дѣятельность кончена.

---

³⁶⁰ *Зач.*: нѣсколько притворная

³⁶¹ *Зач.*: – Ну какъ же я могу не быть пораженъ послѣ того, что я вижу и слышу, – сказалъ онъ. – Я только чувствую себя, съ одной стороны, подавленнымъ твоимъ величіемъ, отъ вида швейцара до креста на шеѣ, съ другой стороны, я горжусь тѣмъ, что на ты съ такимъ великимъ человѣкомъ. И хотя онъ говорилъ насмѣшливо, онъ говорилъ <правду> то, что немножко чувствовалъ.

³⁶² *Зач.*: – О да, – отвѣчалъ <Ордынцевъ> Ленинъ съ той же насмѣшкой. – Я только хотѣлъ спросить, здорова ли твоя жена и ваши. И странно: сдѣлавъ этотъ вопросъ, <красивое, самоувѣренное и свѣжее> лицо <Ордынцева> Ленина вдругъ <покрылось краской> покраснѣло, какъ лицо дѣвушки, и глубокіе голубоватые глаза опустились. – О, да, да, всѣ здоровы.

– Ну, что Княгиня и Княжна, – сказалъ онъ и тотчасъ же покраснѣлъ.

– Здоровы, все тоже. Ахъ, какъ жаль, что ты такъ давно не былъ.

– А что? – испуганно спросилъ Левинъ.

– Поговоримъ послѣ. Да ты зачѣмъ собственно пріѣхалъ?

– Ахъ, тоже поговоримъ послѣ, – до ушей покраснѣвъ, сказалъ Левинъ.

– Ну, хорошо. Такъ вотъ что, – сказалъ Мишута, – я бы позвалъ къ себѣ, но жена уѣхала къ своимъ обѣдать. Но завтра пріѣзжай вечеромъ къ тещѣ. Они по старому³⁶³ по четвергамъ принимаютъ. А нынче вотъ что. Да. Если ты хочешь ихъ видѣть, онѣ навѣрно нынче въ Зоологическомъ саду отъ 4 до 5. Кити на конькахъ катается. Ты поѣзжай туда, а я заѣду и вмѣстѣ куда нибудь обѣдать.

– Прекрасно.

– Ну, до свиданья.

– Мое почтенье, – весьма низко и сухо кланяясь, обратился³⁶⁴ Ленинъ къ³⁶⁵ Никитину и Шпандовскому съ тѣмъ дерзкимъ, крайне учтивымъ тономъ, который показываетъ, что я васъ знать не хочу, но прощаюсь съ вами потому, что, хотя я противъ своей воли познакомился съ вами, я благовоспитанный человѣкъ.

---

³⁶³ *Зачеркнуто:* живутъ у Николы Явленного и

³⁶⁴ *Зач.*: Ордынцевъ

³⁶⁵ *Зач.*: Борисову

— Смотри же ты, вѣдь я знаю, забудешь или вдругъ уѣдешь въ деревню, — смѣясь прокричалъ князь Мишута.

— Нѣтъ, вѣрно.

— Очень странный господинъ, — сказала³⁶⁶ Шпандовскій, когда³⁶⁷ Ленинъ вышелъ.³⁶⁸

— Да,³⁶⁹ но золотое сердце,³⁷⁰ — сказалъ Князь Мишута. — И представьте, ему 29—30 лѣтъ, онъ какъ красная дѣвушка,³⁷¹ да, да, какъ красная дѣвушка, а вмѣстѣ съ тѣмъ полонъ жизни.

— Неужели?

«— Да вотъ, говорятъ, жениховъ въ Москвѣ нѣтъ: свѣжъ, уменъ, образованъ и тысячь 15 доходу; только немножко, — онъ помахалъ пальцами передъ собой.³⁷²

Степанъ Аркадьичъ думалъ именно о томъ, что давно ужъ онъ замѣчалъ, какъ Ордынцеву нравилась его свояченица Кити Щербацкая, и что краска, бросившаяся ему въ лицо, когда онъ спросилъ о ней, не показываетъ ли то, что онъ теперь пріѣхалъ въ Москву съ намѣреніемъ сдѣлать предложеніе, чего давно ждали ужъ всѣ въ семьѣ Щербацкихъ. «Хо-

---

³⁶⁶ *Зач.*: Борисовъ

³⁶⁷ *Зач.*: Ордынцевъ

³⁶⁸ *Зач.*: — А какой красавецъ— Да, очень

³⁶⁹ *Зач.*: это новый типъ молодыхъ людей,

³⁷⁰ *Зач.*: это дѣтская невинность и честность, — подтвердилъ Алабинъ.

³⁷¹ *Зач.*: вина не пить, не курить, никакимъ страстямъ не предается,

³⁷² *Зач.*: вслухъ выражая продолженіе своей мысли объ <Ордынцевѣ> Ленине.

рошо бы было, — думаль Степанъ Аркадьичъ, — и Долли этаго желаетъ, и, можетъ быть, если бы это случилось, подъ веселую руку и я бы помирился съ ней. Да и славная партія. И нельзя ли у него занять. Ахъ, непріятно! У пріятелей, которыхъ я люблю, не люблю занимать, потому что не отдашь и тогда испортишь дружбу».>

— Да, батюшка, — сказалъ онъ вслухъ, — вотъ счастливчикъ, все впереди, и силы сколько.

— Что же вы жалуетесь, Князь.

— Да скверно, плохо, — сказалъ³⁷³ Князь Мишута, которому натошакъ передъ ѣдой приходили всегда на короткое время мрачныя мысли,³⁷⁴ и поспѣшилъ приступить къ завтраку.

<III.

Зоологическій садъ былъ полонъ народа.

Около катка играла музыка. Съ горъ катались въ салазкахъ, въ креслахъ и на конькахъ, тѣснясь на лѣстницѣ и у входовъ. Молодцы катальщики измучались, скатывая и втаскивая салазки. Олѣни самоѣдовъ катали любителей. На каткѣ кружились дѣти, юноши, взрослые и нѣсколько дамъ. Вездѣ стояли рамки нарядныхъ зрителей въ соболяхъ и бобрахъ. По всѣмъ домикамъ звѣринцевъ и птичниковъ толпились зрители. У подъѣзда стояли сотни дорогихъ экипа-

---

³⁷³ *Зачеркнуто:* Степанъ Аркадьичъ

³⁷⁴ *Зач.*: и что и дѣлало то, что онъ не любилъ быть натошакъ. Онъ закурилъ папиросу, тотчасъ же бросилъ ее.— Ну, пойдемте, кончимъ дѣла, — сказалъ онъ, стремясь душою къ завтраку и вину, — пойдемте. И онъ пошелъ досиживать присутствіе.

жей и извощиковъ. Стояли жандармы. За прудомъ, рядомъ съ медвѣдями и волками, въ вновь построенныхъ домикахъ, были выставки.>

IV.

³⁷⁵Степанъ Аркадьичъ ужъ находился въ полномъ заблужденіи сна жизни. Лицо его сіяло, какъ и его шляпа и какъ утреннее солнце на инеѣ, покрывавшемъ деревья.

– Зайдемъ на катокъ къ нашимъ – и обѣдать. Гдѣ хочешь?

– Мнѣ все равно. Ты знаешь, что для меня гречневая каша вкуснѣе всего; а такъ какъ ее нѣтъ ни въ Эрмитажѣ ни въ Новотроицкомъ, то мнѣ все равно.

– Ну, такъ въ Эрмитажъ, – сказалъ Степанъ Аркадьичъ, вспоминая, что въ Новотроицкомъ будутъ просить долгъ. – А Красавцева взять? Онъ милый малый.

– Если можно не брать, то лучше, – сказалъ Ордынцевъ улыбаясь.

– Можно и не брать. А Толстая [?] давно ли? А какова Собѣщанская? Прелестна. Что же Добре? Продулся? Завтра будешь обѣдать?

– А, Наталья Дмитриевна, и вы пришли посмотреть коро-
въ. Вотъ рекомендую – Ордынцевъ, скотоводъ.

Такъ переговаривался, раскланиваясь, Степанъ Аркадьичъ на право и на лѣво. И Ордынцевъ, къ удивленію, замѣ-

---

³⁷⁵ На полях против начала главы, написано: Безобразовъ веселый, добрый. Съ Кити другъ, его брюскируютъ. Представляетъ Ордынцева на каткѣ, и обѣдаютъ всѣ втроемъ. И бракъ – примѣръ Анны выставяетъ Алабинъ[?].

чалъ, что на всѣхъ лицахъ, съ которыми говорилъ Алабинъ, отражалась таже ласковость, что и на лицѣ Алабина.

На каткѣ стояла толпа зрителей, и каталось человѣкъ 15.³⁷⁶ Онъ остановился, чтобы оправиться, и, когда уже подошелъ къ ступени, увидалъ ее. Она была въ суконной, обшитой барашкомъ шубкѣ, въ такой же шапочкѣ. Онъ узналъ ее не по тонкому стану, какого не было у другой женщины, не по длинной граціозной шеѣ, не по маленькой головкѣ съ бѣлокурой тяжестью волосъ, не по ножкамъ, тонкимъ и граціознымъ, въ высокихъ ботинкахъ, не по³⁷⁷ спокойной граціи движеній; но онъ узналъ ее по трепету своего сердца, когда глаза его остановились на ней. Онъ сошелъ внизъ и, поздоровавшись съ стоявшимъ у катка двоюроднымъ братомъ ея Гагинымъ, сталъ подлѣ него.³⁷⁸ Она каталась на противоположномъ концѣ и, тупо поставивъ ножки одну за другой, видимо робѣла, катясь на поворотѣ навстрѣчу отчаянно размахивавшему руками и пригибающемуся къ землѣ мальчику. Она каталась одна, но видно было, что всѣ, кто былъ на каткѣ, видѣли и помнили ее и, насколько приличіе позволяло, всѣ смотрѣли на нее и желали ея взгляда. Она вынула лѣвую руку изъ муфты и держала ее на одной правой рукѣ. Она улы-

---

³⁷⁶ *Зачеркнуто:* но изъ всѣхъ, какъ муха въ молокѣ, видна была одна дама въ суконной, обшитой барашкомъ шубкѣ, съ такой же муфтой и шапочкой.

³⁷⁷ *Зач.:* лѣнивой и достойной

³⁷⁸ *На поляхъ противъ последнихъ строкъ написано:* Въ ихъ отношеніяхъ была поэзія дружбы къ умершему брату.

балась своему страху. Потомъ, узнавъ, вѣроятно,³⁷⁹ Левина, она сдѣлала быстрое движеніе стегномъ и подбѣжала, катясь прямо къ³⁸⁰ брату и хватаясь за него рукой и вмѣстѣ съ тѣмъ съ улыбкой кивая³⁸¹ Левину.³⁸²

Если былъ недостатокъ въ этой несомнѣнной красавицѣ, то это былъ недостатокъ живости и цвѣта въ лицѣ. Теперь этаго недостатка не было. Лицо ея, строгое и прелестное, съ большими мягкими глазами, было покрыто румянцемъ, глаза свѣтились больше чѣмъ оживленіемъ физическаго движенія. Они свѣтились счастьемъ.

— Давно ли вы здѣсь? — сказала она, подавая³⁸³ Левину узкую въ темной перчаткѣ руку. — Ахъ, благодарствуйте.

Она уронила платокъ изъ муфты, который поднялъ³⁸⁴ Левинъ, краснѣя и не отвѣчая. Она отвернулася оглядываясь.

— Ахъ да. Я вчера пріѣхалъ. Я не думалъ васъ найти здѣсь. Я не зналъ, что вы катаетесь, и прекрасно катаетесь, — прибавилъ онъ.

— Ваша похвала особенно дорога. Здѣсь про васъ преданье осталось, что вы лучший конькобѣжецъ. И съ горы какъ то

---

³⁷⁹ *Зач.*: зятя и Ордынцева

³⁸⁰ *Зач.*: <зятю> нему

³⁸¹ *Зач.*: Ордынцеву

³⁸² *Зач.*: Ордынцевъ, какъ награду и счастье, принялъ эту улыбку, онъ чувствовалъ, что мнѣ[?] завидуютъ.

³⁸³ *Зачеркнуто*: Ордынцеву

³⁸⁴ *Зач.*: Ордынцевъ

задомъ.³⁸⁵

– Да, одно время, когда былъ Американецъ [?], я имѣлъ страсть...

– Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось васъ посмотреть.³⁸⁶

Левинъ улыбался и чувствовалъ, что глупо улыбается.

Къ³⁸⁷ Левину и Кити подбѣжалъ, ловко остановившись, молодой человѣкъ Московскаго свѣта, котораго оба знали.

– Вотъ я прошу побѣгать, – сказала она ему по французски.

– Ахъ, пожалуйста, тутъ гадость коньки, возьмите мои безъ ремней, очень хороши.

– Да я не заставляю себя просить, но, пожалуйста, не ждите отъ меня ничего, а позвольте просто съ вами побѣгать.

³⁸⁸– Какъ хотите, – отвѣчала Кити, и вдругъ, какъ бы солнце зашло за тучи, лицо Кити утратило всю ласковость и замѣнилось строгимъ, холоднымъ выраженіемъ, и³⁸⁹ Левинъ узналъ эту знакомую игру ея лица, когда она дѣлала усиліе мысли. На гладкомъ мраморномъ лбу ея чуть какъ бы вспух-

---

³⁸⁵ *Зач.*: – Да вотъ и слѣды, – сказалъ Ордынцевъ, улыбаясь и показывая выбитый зубъ.

³⁸⁶ *Зач.*: – Я уже давно не катался. Молодой Алабинъ ушелъ къ дамѣ и о чемъ-то оживленно говорилъ съ ней.

³⁸⁷ *Зач.*: Ордынцеву

³⁸⁸ *Противъ начала абзаца на поляхъ написано*: Съ мальчиками его полюбили. Онъ миль всѣмъ, а думаетъ, что смѣшонъ. Все съ азартомъ. Опомнился, что глупо. Она ушла. Онъ думалъ отъ того, что смѣшонъ.

³⁸⁹ *Зачеркнуто*: Ордынцевъ

ли морщинки.

— Пойдемте еще кругъ, — обратилась она къ молодому человѣку, подавая ему руку, и опять задвигались стройныя ножки.

— А коньки хотите мои? — сказалъ молодой человѣкъ.

— Нѣтъ, все равно.

— Давно не бывали, Николай Константиновичъ, сударь, — говорилъ катальщикъ, навинчивая ему коньки. — Послѣ васъ нѣту. Хорошо ли будетъ?

«Что значить эта перемѣна? — думалъ Ордынцевъ. — Боялась она слишкомъ обрадовать меня, или я дуракъ и смѣшонъ.³⁹⁰ Да, онъ говорить, съ радостью пойдетъ, — думалъ онъ про слова брата. — Ему хорошо говорить, не видя ее. Но развѣ можетъ такая женщина любить меня, съ моимъ лицомъ и моей глупой застѣнчивостью. Я сейчасъ былъ точно дуракъ или хуже, точно человѣкъ, знающій за собой много дурнаго».

— Чтоже готово?

— Готово, сударь. Покажите имъ, какъ бѣгать надо.

Левинъ всталъ на ноги, снялъ пальто, выпрямился, сдѣлалъ шагъ, толкнулъ лѣвое плечо и выбѣжалъ изъ доми-

---

³⁹⁰ *Зачеркнуто:* «Но это хорошо, хорошій знакъ», думалъ онъ и думалъ несправедливо: эта перемѣна выраженія ея лица была для него самый дурной знакъ. Она знала, что изъ его отношеній съ нею ничего не можетъ и не должно выдти, и знала почему, и, увлекшись на минуту желаніемъ нравиться, попыталась остановиться. Счастливый и веселый, Ордынцевъ выбѣжалъ изъ домика, гдѣ надѣвали коньки, и, зная, что всѣ глаза устремлены на него, побѣжалъ за нею. Три шага сдѣлавъ сильныхъ, чтобы войти въ тактъ конькобѣжца, онъ пошелъ тихимъ шагомъ.

ка, стараясь какъ можно меньше махать руками, выпрямляться и вообще щеголять своимъ бѣганьемъ. Но давно не бѣгавши, послѣ своихъ непріятностей дома, это стояніе на конькахъ, это летящее ощущеніе, сознаніе силы, воспоминаніе веселости, которую онъ испытывалъ всегда на конькахъ, возбудили его, онъ сдѣлалъ два сильныхъ шага и какъ будто по своей волѣ полетѣлъ на одной ногѣ по кругу и догналъ Кити и, съ трудомъ удерживаясь, потихоньку пошелъ с ней рядомъ

— Вѣдь вотъ ничего особеннаго не дѣлаетъ, а совсѣмъ не то, что мы грѣшные.

— Да, очень хорошо.

— Я не знаю, чтоже хорошаго. Иду, какъ и всѣ.

Но чѣмъ больше онъ ходилъ, тѣмъ больше оживлялся,³⁹¹ забывалъ удерживаться и сталъ естествененъ и красивъ въ своихъ движеніяхъ.

— Ну, а съ горы? — сказалъ молодой человѣкъ.

Она ничего на сказала, но посмотрѣла на него.

³⁹²— Попробовать, забылъ ли.

Онъ перебѣжалъ кругъ и пошелъ къ горамъ.

Всѣ смотрѣли на него и скоро увидали, какъ онъ, нагнувшись напередъ, на одной ногѣ скатился за дилижаномъ и смѣясь прибѣжалъ на кругъ.

---

³⁹¹ *Зач.*: и сталъ шалить, показывать рас, дѣлать круги, и все это легко, очевидно въ долю того, что онъ могъ сдѣлать,

³⁹² *Зач.*: — Надо согрѣться.

— Ну вотъ всѣ штуки показаль, — сказали онъ.

Онъ сталъ еще веселѣе и оживленнѣе отъ движеній; но на лицѣ Кити вдругъ опять остановилась холодность.

«Да, я воображаю, какъ я глупъ и смѣшонъ, щеголяя своими ногами», подумаль онъ, и опять ему стало стыдно и безнадёжно.

Кити подбѣжала³⁹³ къ скамейкѣ и кликнула катальщика подкрѣпить конекъ.³⁹⁴ Левинъ хотѣлъ взять въ руки ея ножку; но она рѣшила, что не стоитъ того, и побѣжала въ домъ снимать коньки.³⁹⁵ Левинъ снялъ и свои и, выходя, встрѣтилъ ее, когда она мелкимъ шажкомъ переходила черезъ ледъ, и подаль ей руку до дорожки.

Мать встрѣтила ее.³⁹⁶

— Четверги, нынче, какъ всегда, мы принимаемъ, — сказала она сухо. — Скажите, пожалуйста, Мишѣ, вы съ нимъ, чтобъ онъ пріѣхаль къ намъ нынче. Да вотъ и онъ самъ.³⁹⁷

Дѣйствительно, Князь Мишута въ оживленномъ разговорѣ съ извѣстнымъ кутилой Стивой Красавцевымъ, съ шляпой на боку и съ развѣвающимися и сливающимися съ

---

³⁹³ *Зачеркнуто:* къ дамѣ, съ которой была, и скрылась въ домикѣ.

³⁹⁴ *Зач.:* Ордынцевъ сталъ на колѣно и

³⁹⁵ *Зач.:* Ордынцевъ

³⁹⁶ *Зач.:* и поблагодарила <Ордынцева> Левина.

³⁹⁷ *Зач.:* Стало быть, нельзя было идти провожать ихъ. Онъ вернулся и скоро нашель Алабина въ оживленной бесѣдѣ съ старичкомъ и дамой.— Неправда ли, мила? Однако пора, пойдемъ. У тебя есть извошикъ? Ну и прекрасно, а то я отпустилъ карету.

сѣдымъ бобромъ бакенбардами, блестя звѣздочками глазъ, смѣясь и кланяясь направо и налево всѣмъ знакомымъ, какъ олицетвореніе спокойствія душевнаго и добродушнаго веселья, шелъ имъ навстрѣчу.

— Ну чтожъ, ѣдемъ, — сказалъ онъ Левину.

— Да, поѣдемъ, — уныло отвѣчалъ Левинъ, провожая глазами садившуюся въ карету красавицу.

— Къ Дюссо или въ Эрмитажъ?

— Мнѣ все равно.

— Ну, въ Англію, — сказалъ Князь Мишута, выбравъ Англію потому, что онъ въ ней былъ менѣе всего долженъ.

— У тебя есть извозчикъ? Ну, и прекрасно, а то я отпустилъ карету. Не взять ли Красавцева? Онъ добрый малый. Ну, не возьмемъ, какъ хочешь. Что ты унылый? Ну, да переговоримъ.

И они сѣли на извозчика. Всю дорогу они молчали. Левинъ, сдавливаемый всю дорогу на узкомъ сидѣннѣ толстымъ тѣломъ Князя Мишуты, думалъ о томъ, говорить ли и какъ говорить съ Княземъ Мишутой о его свояченицѣ, а Князь Мишута дорогой сочинялъ мену обѣда.

— Ты вѣдь любишь тюрбо? — сказалъ онъ ему, подѣзжая.
V.

Въ характерѣ³⁹⁸ Князя Мишуты не было и тѣни притворства, но когда³⁹⁹ Левинъ вошелъ вмѣстѣ съ нимъ въ Эрми-

---

³⁹⁸ *Зачеркнуто:* Степана Аркадыча

³⁹⁹ *Зач.:* Ордынцевъ

тажъ, онъ не могъ не замѣтить нѣкоторой особенности выраженія сдержаннаго сіянія на лицѣ и во всей фигурѣ⁴⁰⁰ Князя Мишуты, когда онъ снималъ пальто, въ шляпѣ на бекрень вошелъ въ столовую и отдавалъ приказанья липнувшимъ за нимъ Татарамъ во фракахъ и съ салфетками и когда онъ кланялся на право и на лѣво и тутъ нашедшимся знакомымъ и подошелъ къ буфету и мило по французски пошутить съ француженкой въ эквилибристическомъ шиньонѣ и всей казавшейся составленной изъ *poudre[de] riz, vinaigre de toilette*⁴⁰¹ и лентъ и кружевъ.

— Сюда, Ваше Сіятельство, пожалуйста, здѣсь не беспокоятъ Ваше Сіятельство, — говорилъ особенно липнувшій старый, свѣтлый Татаринъ.

— Пожалуйста шляпу, Ваше Сіятельство, — говорилъ онъ⁴⁰² Левину, въ знакъ почтенія къ⁴⁰³ Князю Мишутѣ ухаживая и за его гостемъ.

И мгновенно растеливъ еще свѣжую скатерть на кругломъ столѣ подъ бронзой и передъ бархатными стульями и диванами и между зеркалами, со всѣхъ сторонъ отражавшими красивое, сіяющее, красноватое лицо⁴⁰⁴ Князя Мишуты, уны-

---

⁴⁰⁰ *Зач.:* Степана Аркадьича

⁴⁰¹ [рисовой пудры, туалетного уксуса]

⁴⁰² *Зач.:* Ордынцеву

⁴⁰³ *Зач.:* Степану Аркадьичу

⁴⁰⁴ *Зач.:* Алабина, сдержанную, стройную фигуру Ордынцева съ его смуглымъ, красивымъ лицомъ

лое⁴⁰⁵ будничное лицо Левина и выющуюся фигуру Татарина съ его бѣлымъ галстукомъ, широкимъ тазомъ и развѣтвляющимися на задѣ фалдами фрака.

– Пожалуйте, – говорилъ Татаринъ, подавая карточку и не обращая вниманія на звонки изъ-за двери. – Если прикажете, Ваше Сіятельство, отдѣльный кабинетъ сейчасъ опростается, – говорилъ онъ. – Князь Голицынъ съ дамой. Устрицы свѣжія получены.

– А, устрицы. – Князь Мишута задумался. – Не измѣнить ли планъ, Левинъ?⁴⁰⁶

Онъ остановилъ⁴⁰⁷ палецъ на картѣ, и лицо его выражало напряженіе мысли.

– Хороши ли устрицы? Ты смотри.

– Вчера получены.

– Такъ чтожъ, не начать ли съ устрицъ, а потомъ ужъ и весь планъ измѣнить, Левинъ?

– Мнѣ все равно. Мнѣ лучше всего щи и каша; но вѣдь здѣсь нѣтъ.

– Каша а ла Рюсъ. Прикажете? – сказалъ Татаринъ, нагибаясь надъ Левинымъ.

– Нѣтъ, без шутокъ, что ты выберешь, то и хорошо.⁴⁰⁸ Я

---

⁴⁰⁵ *Зач.:* простое

⁴⁰⁶ *Зач.:* Степанъ Аркадьичъ <задумчиво> радостно водилъ пальцемъ

⁴⁰⁷ *В подлиннике:* остановивъ

⁴⁰⁸ *Зачеркнуто:* Какъ я ни дикъ,

побѣгалъ на конькахъ, и⁴⁰⁹ ѣсть хочется. И не думай, – прибавилъ онъ, замѣтивъ грустное выраженіе на лицѣ Облонскаго, – чтобъ я не оцѣнилъ твой выборъ. Я съ удовольствіемъ поѣмъ хорошо.

– А, ну это такъ, – повеселѣвъ сказалъ Мишута. – Ну, такъ дай ты намъ, братецъ ты мой, устриць 5 дюжинъ, супъ съ кореньями.

– Принтаньертъ, – подхватилъ Татаринъ, но Степанъ Аркадьичъ, видимо, не хотѣлъ ему доставлять удовольствія называть по французски кушаньи.

– Съ кореньями, знаешь? Потомъ Тюрбо подъ густымъ соусомъ, потомъ... Ростбифу, да смотри, чтобъ хорошъ былъ, – да этихъ каплуновъ, ну и консервовъ.

– Слушаю-съ.

Татаринъ, вспомнивъ манеру Степана Аркадьича не называть по картѣ, не повторялъ всякій разъ за нимъ, но доставилъ себѣ удовольствіе повторить весь заказъ по картѣ:

– Тюрбо, Сось бомарше, Poularde à l'estragon, Macedoin[e] du fruit.

И тотчасъ, какъ на пружинахъ, положивъ одну переплетенную карту, подхвативъ другую – карту винъ, понесъ ее къ Мишутѣ.

– Что же пить будемъ?

---

⁴⁰⁹ *Зач.*: обвавилонился немножко. У меня и вкусы цивилизованные [?] развиваются.

– Я шампанское, – отвѣчалъ⁴¹⁰ Левинъ.

– Какъ, сначала? А впрочемъ правда, пожалуй.⁴¹¹ Ты любишь Oeil de Perdrix?⁴¹² Ну, такъ этой марки⁴¹³ къ устрицамъ подай, а тамъ видно будетъ.

– Столоваго какого прикажете?

– Ньюи подай, вотъ это.

– Слушаю-сь. Сыру вашего прикажете?

– Ну да, пармезанъ. Ты другой любишь?

И Татаринъ съ развѣвающимися фалдами надъ широкимъ тазомъ полетѣлъ и черезъ пять минутъ влетѣлъ съ блюдомъ открытыхъ устрицъ съ шаршавыми раковинами и съ бутылкой.⁴¹⁴

Князь Мишута перекрестился маленькимъ крестикомъ надъ жилетной пуговицей, смявъ крахмаленную салфетку, засунулъ ее себѣ за жилетъ и взялся за устрицы.

– А не дурны, – говорилъ онъ, серебряной вилочкой сдирая съ перламутровой раковины и шлюпая, проглатывая ихъ одну за другой и вскидывая влажные и блестящіе глаза то на Левина, то на Татарина.⁴¹⁵

---

⁴¹⁰ *Зач.*: Ордынцевъ

⁴¹¹ *Зач.*: Ну, потомъ надо же бургонскаго.

⁴¹² [Глаз куропатки?]

⁴¹³ *Зач.*: двѣ– Ну двѣ, – отвѣчалъ Ордынцевъ. – А мнѣ все таки мою бутылочку Марли.

⁴¹⁴ *Зачеркнуто*: Онъ, отвинтивъ, вынулъ съ дымомъ пробку и налилъ разлатые бокалы. И пріятели только что кончали устрицы, какъ онъ влетѣлъ съ дымящимъ

⁴¹⁵ *Зач.*: Ордынцевъ сидѣлъ въ трактирѣ среди зеркалъ, за дверьми слышались

Левинъ лѣниво ѣлъ непитательное блюдо, любуясь на Облонскаго. Даже Татаринъ, отвинтившій пробку и разливавшій игристое розоватое вино по разлатымъ тонкимъ рюмкамъ, поправляя свой бѣлый галстукъ, съ замѣтной улыбкой удовольствія поглядывалъ на Князя. «Вотъ это кушаютъ, служить весело».

— А ты скучень? — сказала Князь Мишута, выпивая свой бокаль. — Ты скучень.

И лицо Облонскаго выразило истинное участіе. Его мучало то, что пріятель и собесѣдникъ его огорченъ.⁴¹⁶ Онъ видѣлъ, что⁴¹⁷ Левину хочется говорить о ней, и онъ началъ, разчищая ему дорогу:

— Чтоже, ты поѣдешь нынче вечеромъ къ Щербацки-

говоръ, бѣготня и шумъ послѣ 8 лѣтъ <уединенной> деревенской жизни; но онъ видѣлъ передъ собою не то, что было, а онъ видѣлъ ее лицо, улыбку, движенія ногъ и стана, ее особенное движеніе, и лицо его <сіяло улыбкой> было задумчиво. Степанъ Аркадьичъ видѣлъ это и догадывался почему и радовался, и ему хотѣлось сдѣлать пріятное другу и говорить о ней. За то то и любили всѣ Степана Аркадьича, что онъ съ людьми думалъ только о томъ, какъ бы имъ быть пріятнымъ. Тотъ, кто подумалъ бы о немъ съ точки зрѣнія его семейной жизни, тотъ сказалъ бы: это страшный, злой эгоистъ сдѣлалъ невѣрность женѣ, она мучается, страдаетъ, а онъ, веселый, довольный, сидитъ съ пріятелемъ и... и хлюпая устрицы, запивалъ Oeil de perdrix и спрашиваетъ, о чемъ скучень его пріятель. Но въ томъ то и дѣло, что Князь Мишута не признавалъ смысла въ жизни во всей ея совокупности и никогда не могъ устроиться такъ, чтобы быть въ жизни серьезнымъ, справедливымъ и добрымъ, и махнулъ давно на это рукой, но зато въ провозженіи этой жизни, во снѣ жизни, онъ былъ тѣмъ, чѣмъ его родила мать, — нѣжнымъ, добрымъ и милымъ человѣкомъ.

⁴¹⁶ *Зач.*: и что ему хочется что то высказать.

⁴¹⁷ *Зач.*: Ордынцеву

мѣ? — сказалъ онѣ,⁴¹⁸ отодвигая пустыя раковины и придвигая сырѣ.⁴¹⁹

— Да, я думаю, даже непременно поѣду, хотя мнѣ показалось, что Княгиня неохотно звала меня.

— Что ты! Вздоръ какой! Это ея манера.⁴²⁰

---

⁴¹⁸ *Зач.*: улыбаясь и улыбкой давая чувствовать, что онѣ и не хочетъ скрывать всего смысла этаго вопроса.

⁴¹⁹ *На поляхъ рядомъ написано:* <Теорія хозяйства. Коровѣ. Жениться. «Я бы женился, но, прости меня, глупы очень». Земство — дурачье.> *Тамъ же, ниже, написано:* <— Ты скученъ, и глаза блестятъ.— Я не могу быть покоенъ.— Скажи мнѣ.— Можно ли?— Я вѣрный другъ, и все очень просто.>

⁴²⁰ *Зачеркнуто:* А впрочемъ, можетъ быть, и есть причина.— Какая же?— Ты знаешь, это щекотливый вопросъ, особенно мнѣ, какъ родному; но я тебѣ только то скажу, что я часто думалъ. Въ нашемъ кругу отношенія мужчины и дѣвушки очень неопредѣленны. — <Степанъ Аркадычъ> Князь Мишута не переставалъ улыбаться, говоря это. <Ордынцевъ> Левинъ смотрѣлъ на него во всѣ глаза, съ удовольствіемъ ожидая, что будетъ. — Я тебѣ про себя скажу: когда я хотѣлъ жениться на Долли, я рѣшительно не зналъ, къ кому я долженъ обратиться — къ матери, къ отцу, къ ней самой или къ свахѣ.— Я думаю, что всегда надо обратиться къ ней самой.— Почему ты думаешь? Позволь, нашъ народный обычай состоитъ въ томъ, что родители обращаются къ родителямъ.— И то нѣтъ. Родители черезъ сватовъ обращаются къ родителямъ.— Ну, хорошо, это всё равно. Такъ вотъ нашъ обычай. Мы въ нашемъ кругу его не держимся. Французскій обычай состоитъ въ томъ, что родные устраиваютъ дѣло между собой или женихъ обращается къ родителямъ. Въ Англіи молодые люди знаютъ сами. Теперь мы свое бросили и не пристали ни къ Англіи, ни къ Франціи.— Да, но здравый смыслъ говорить, что жениться молодымъ людямъ, и потому это ихъ дѣло, а не родителей.— Да, это хорошо говорить, а выходить, что молодой человѣкъ — я положимъ — встрѣчаю Долли на балахъ, я хочу сблизиться съ нею, хотъ не узнать ее, потому что это вздоръ — узнать дѣвушку нельзя, — но узнать самое важное — нравлюсь ли я ей. Что же мнѣ дѣлать? Я ѣду въ домъ. Ну, чтоже выходить? Тамъ разсуждай, какъ хочешь, а если ты ѣздилъ 10 разъ въ домъ и не сдѣлалъ предложеніе, ты compro-

– Ну, давай же, братецъ, супъ.

– Ну, такъ теперь давай длинный разговоръ.

– Да только я не знаю, говорить ли. Ну да, – сказалъ онъ, кончивъ супъ, – отчего не сказать. Такъ вотъ что. Если бы у тебя была сестра любимая, и я бы хотѣлъ жениться. Посоветоваль ли бы ты ей выдти за меня?

– Я? Обѣими руками, но, къ несчастью, у меня нѣтъ сестры, а есть свояченица.

– Да я про нее и говорю, – рѣшительно сказалъ Левинъ. – Такъ скажи.

Румянецъ дѣтской покрылъ лобъ, уши и шею Ордынцева, когда онъ сказалъ это.⁴²¹

– Про нее? – сказалъ Князь Мишута. – Но мнѣ нужно знать прежде твои планы. Ты, кажется, имѣлъ время рѣшить.

метироваль, ты виновать. А если ты не ѣздилъ въ домъ, то ты не можешь сдѣлать предложеніе, такъ что выходитъ: первый разъ ты поѣхалъ въ домъ, ты надѣлъ вѣнецъ. – Я не нахожу вовсе. – Какже ты находишь? Ну, а опять, если ты сдѣлалъ предложеніе матери или отцу, ты оскорбилъ дочь; если ты сдѣлалъ предложеніе дочери, ты оскорбилъ родителей, вообще путаница. Ты долженъ по телеграфу одновременно сдѣлать предложеніе родителямъ и дочери. – И потому я этаго ничего не соображаю и не хочу знать. Если я буду дѣлать предложеніе, то я сдѣлаю его той, на комъ я хочу жениться. Но, признаюсь, прежде я хочу знать, могу ли рассчитывать на согласіе, и для этаго буду ѣздить въ домъ, и мнѣ все равно, скажутъ ли, что компрометирую, какъ ты говоришь, или нѣтъ. Я тебѣ скажу прямо, не стану beat about the bush [говорить обиняками]. Я желаю сдѣлать предложеніе твоей свояченицѣ.

⁴²¹ *Зачеркнуто:* – Ну да, ну да, – понимающе подчеркивалъ Степанъ Аркадьичъ. – Я ѣздилъ прошлую зиму къ нимъ въ домъ и нынче поѣду и не сдѣлаю предложенія, потому что я не умѣю, какъ другіе опытные въ этомъ дѣлѣ люди.

– Да, но я боюсь, ужась меня береть, я боюсь, что мнѣ откажутъ. Я всетаки надѣюсь, но тогда ужъ...

– Ну да, ну да,⁴²² – сіяя добродушной улыбкой, поддакивалъ Князь Мишута.

– И до сихъ поръ я не знаю, чего мнѣ ждять. Про себя я знаю.... да, это я знаю... – Онъ вдругъ сердито взглянулъ на вошедшаго Татарина и переимѣнилъ Русскую рѣчь на Французскую. – Я знаю, что я не любилъ другой женщины и, должно быть, не буду любить.⁴²³

– Ну да, ну да, – говорилъ Степанъ Аркадьичъ, и лицо его сіяло⁴²⁴ все больше и больше, и онъ, не спуская глазъ съ Левина, подвинулъ къ себѣ серебряное блюдо съ тюрбо.⁴²⁵

– Ну что ты, какъ братъ, какъ отецъ, сказалъ бы мнѣ? Чего я могу ждять?

– Я? Я бы сказалъ, что я лучше ничего не желаю и что вѣроятности большія есть за то, что тебя примутъ.

– Ты думаешь? А если отказъ? Вѣдь это ужасно.

Онъ свалилъ себѣ рыбу на тарелку, чтобы не развлекать Князя Мишуту, начавшаго было класть.

– Послушай однако, – сказалъ⁴²⁶ Князь Мишута, кладя

---

⁴²² *Зач.:* какъ нашъ братъ. – Не умѣю говорить обиняками такія рѣчи, изъ которыхъ бы я видѣлъ, чего мнѣ ждять.

⁴²³ *Зач.:* Отъ этаго то мнѣ и трудно поставить, не зная, чего я могу ждять.

⁴²⁴ *Зач.:* сочувствіемъ и добротой

⁴²⁵ *Нижѣ на поляхъ написано:* Степанъ Аркадьичъ описываетъ Ордынцеву тещу, тестя и всю семью.

⁴²⁶ *Зач.:* Степанъ Аркадьичъ

свою пухлую руку на локоть⁴²⁷ Левина, хотѣвшаго ѣсть безъ соуса. – Постой, ты соуса возьми. Пойми однако, что можетъ быть такое положеніе; я не говорю, что оно есть, но оно можетъ быть. Ты любишь дѣвушку и боишься поставить сразу судьбу на карту. Она любить и горда и тоже боится. И вы все выжидаете, и родители тоже ждутъ. Ну, подай другую, – обратился онъ къ слугѣ, доливавшему бокалы и вертѣвшемуся около нихъ именно тогда, когда его не нужно было.

– Да, если ты такъ говоришь,⁴²⁸ – бросая вилку, сказалъ⁴²⁹ Левинъ.

– Я не говорю, что это есть, это можетъ быть. Но ты⁴³⁰ кушай.

Онъ⁴³¹ подвинулъ ему блюдо.

– Ты не въ присутствіи,⁴³² Мишута, ты не ограждай своей рѣчи. А если ты меня любишь, чему я вѣрю, скажи прямо, просто. Сколько шансовъ у меня успѣха?

– Да ты вотъ какіе вопросы задаешь!⁴³³ На твоёмъ мѣстѣ я бы сдѣлалъ предложеніе, – сказалъ онъ.

---

⁴²⁷ *Зач.:* Ордынцева

⁴²⁸ *Зач.:* вскакивая съ мѣста и начиная ходить по 5-аршинной комнатѣ

⁴²⁹ *Зач.:* Ордынцевъ

⁴³⁰ *Зачеркнуто:* сядь

⁴³¹ *Зач.:* сѣлъ

⁴³² *Зач.:* Стива

⁴³³ *Зач.:* <Степанъ Аркадычъ> Князь Мишута съ своей привычкой мягкости сказалъ, что онъ бы на мѣстѣ <Ордынцева> Левина сдѣлалъ бы предложеніе, но прямо не отвѣтилъ на вопросъ <Ордынцева> Левина.

– Ну, ты дипломатъ, я знаю. Ты не хочешь сказать прямо, но скажи, есть ли кто другой, котораго я могъ бы опасаться.

– Ну, это еще труднѣе задача; но я скажу тебѣ, что есть. Нынѣшнюю зиму Князь⁴³⁴ Усманской Алексѣй часто ѣздитъ, знаешь. И я бы на твоёмъ мѣстѣ рѣшалъ дѣло скорѣе.

– Ну и что?

– Да ничего, я только совѣтоваль бы рѣшать дѣло скорѣе.⁴³⁵

– Но кто это такое и что такое этотъ Уворинъ, я понятія не имѣю. И что же, онъ очень ухаживаетъ?

– И да и нѣтъ. Уворинъ – это очень замѣчательный человекъ, и онъ долженъ нравиться женщинамъ.

– Отчего же, что онъ такое? – торопливо, горячо спрашивалъ Левинъ, дергая за руку Князя Мишуту, доѣдавшего свое блюдо.

– Ты нынче увидишь его. Впервыхъ, онъ хорошъ, вовторыхъ, онъ джентельменъ въ самомъ высокомъ смыслѣ этаго слова, потомъ онъ уменъ, поэтъ и славный, славный малый.

Левинъ вздохнулъ. Какъ онъ любилъ борьбу въ жизни вообще, такъ онъ не допускалъ ея возможности въ любви.

– Такъ ты говоришь, что есть шансы, – сказалъ онъ, задумчиво выпивая свой бокаль.

– Вотъ что я тебѣ скажу: моя жена удивительная женщина.

---

⁴³⁴ *Зам.*: <Удашевъ> <Уворинъ> Гр. Уворинъ Сергѣй, онъ адъютантъ у Г. Г.

⁴³⁵ *Зам.*: – Ну, спасибо. Выпьемъ, – и опять онъ вскочилъ и не доѣлъ, сталъ ходить.

Ты вѣдь ее знаешь.⁴³⁶ Она не глупа, то, что называется умо-
мъ въ свѣтѣ, но она необыкновенная женщина. —⁴³⁷ Князь
Мишута вздохнулъ и помолчалъ минутку, вспомнивъ о сво-
ихъ отношеніяхъ съ женою. — Но у нее есть даръ провидѣнія.
Не говоря о томъ, что она насквозь видитъ людей, она зна-
етъ, что будетъ, особенно въ отношеніи браковъ. Она, напри-
мѣръ, предсказала, что N выдетъ за S.,⁴³⁸ и такъ и вышло, и
она на твоей сторонѣ.

— Она меня любить.⁴³⁹ О, она прелесть! Если бы я могъ
любить больше Катерину Александровну, чѣмъ я ее люблю,
то я любилъ бы ее за то, что она сестра твоей жены.

— Ну такъ она мало того что любить тебя, она говорить,
что Кити будетъ твоей женой непременно.

— Будетъ моей женой, — повторилъ⁴⁴⁰ Левинъ, и лицо его
вдругъ просіяло, расплылось улыбкой, той, которая близка
къ слезамъ умиленія.

— Что бы тамъ не было, это будетъ, она говорить, и это
будетъ хорошо, потому что онъ чистый человѣкъ.

Левинъ молчалъ. Улыбка расплылась до слезъ. Онъ сталъ
сморкаться.

---

⁴³⁶ *Рядом на полях:* <Надо съѣздить къ ней и устроить. Разсужденіе съ нимъ,
что и ее тоже жалко.>

⁴³⁷ *Зач.:* Степанъ Аркадьичъ

⁴³⁸ *Зачеркнуто:* В. былъ женихомъ А., а она сказала, что не бывать сватѣбѣ,

⁴³⁹ *Зач.:* Ахъ, это отлично! Я ее ужасно люблю.

⁴⁴⁰ *Зач.:* Ордынцевъ, и всегда строгое, трудовое

– Ну, как же я радъ, что мы съ тобой поговорили.

– Да, такъ ты будешь нынче. И я приѣду.⁴⁴¹ Мнѣ только нужно съѣздить въ одно мѣсто, да, нужно.

– Я не умѣю говорить. Во мнѣ что-то есть непріятное.

– Хочешь, я тебѣ скажу твой недостатокъ. Ты резонеръ.

Ты оскорбился?

– Нѣтъ, можетъ быть, это правда.⁴⁴² Это твоя жена говорить?

– Нѣтъ, это мое мнѣніе.

– Можетъ быть, эти мысли интересуютъ меня.

– Такъ приѣзжай непременно и отдайся теченью, оно принесетъ тебя. Счетъ! – крикнулъ онъ, взглянувъ на часы.

⁴⁴³ Левинъ съ радостью досталъ изъ своего полного бумажника тѣ 17 рублей, которые съ начаемъ приходились на его долю и которые бы привели его, какъ деревенскаго жителя, въ ужасъ прежде, и Степанъ Аркадьичъ отдѣлилъ 17 рублей отъ 60, которые были у него въ карманѣ, и уплата счета⁴⁴⁴ заключила, какъ всегда это бываетъ, прежній тонъ разговора.⁴⁴⁵

– Ну, теперь ты мнѣ скажи откровенно, – сказалъ Князь

---

⁴⁴¹ *Зач.*: послѣ театра. Мнѣ надо тамъ быть.

⁴⁴² *Зач.*: рѣзко

⁴⁴³ *Зач.*: Ордынцевъ, всегда расчетливый и скупой, какъ всѣ люди, живущіе въ деревнѣ,

⁴⁴⁴ *Зач.*: и переговоры по Французски о немъ заключили

⁴⁴⁵ *Зач.*: Кромѣ того, зашелъ знакомый Степана Аркадьича – Черенинъ, полковникъ, полупьяный, и Ордынцевъ уѣхалъ домой.

Мишута, доставая сигару и покойно усаживаясь, держась одной рукой за ручку бокала, а другой сигару. – Ты мнѣ дай совѣтъ. Я сказалъ, что мнѣ нужно съѣздить. Ты знаешь куда – къ женщинѣ. Не ужасайся. Я слабый, я дурной человекъ, но я человекъ. Ну, послушай. Положимъ, ты женатъ, ты любишь жену, но ты увлекся другой женщиной.⁴⁴⁶

– Извини, но я рѣшительно не понимаю этаго. Какъ бы... все равно, какъ не понимаю, какъ бы я теперь, наѣвшись здѣсь, пошелъ бы мимо калачной и укралъ бы калачъ.

Глаза Князя Мишуты совсѣмъ растаяли.

– Отчего же? Калачъ иногда такъ пахнетъ, что не удержишься. Ну, все равно, человекъ укралъ калачъ. Увлёкся другой женщиной. Эта женщина милое, кроткое, любящее существо, бѣдная, одинокая и всѣмъ пожертвовала. Теперь, когда уже дѣло сдѣлано, ты пойми, неужели бросить ее? Положимъ, разстаться, чтобъ не разрушить семейную жизнь, но неужели не пожалѣть ее, не устроить, не смягчить?

– Ну ужъ извини меня, ты знаешь, я чудакъ, для меня всѣ женщины дѣлятся просто на два сорта, т. е. нѣтъ, вѣрнѣе, есть женщины и есть стервы. И я прелестныхъ падшихъ созданий не видалъ и не увижу, а такія, какъ та крашенная Француженка у конторки съ завитками, это для меня гадина, и всѣ падшія такія же.⁴⁴⁷

---

⁴⁴⁶ Поперек этого абзаца написано: <Онъ полонъ жизни. Вотъ счастличикъ!>

⁴⁴⁷ Зачеркнуто: – Ты изъ всего дѣлаешь трудности; ты, стисну въ зубы и напрягаясь, поднимаешь соломинку. – Да, потому что все трудъ. – Но повѣрь, что все

– А Евангельская?

– Я тебѣ говорю не выдумку мою, а это чувство. Какъ то, что ты пауковъ боишься, такъ я этихъ гадинъ, и потому ты, вѣрно, не изучалъ пауковъ и не знаешь ихъ нравовъ, такъ и я.

– Зачѣмъ такъ строго смотрѣть на жизнь, зачѣмъ дѣлать себѣ трудности,⁴⁴⁸ зачѣмъ все натуживаться?

– Затѣмъ, чтобы не мучаться.

– Ахъ, повѣрь, все тоже самое будетъ, будешь ли или не будешь натуживаться. Послѣ мучаться, прежде мучаться...

– Да что же дѣлать? Въ этомъ разница нашихъ характеровъ. Ты на все смотришь легко и весело, видишь удовольствіе, а я работу.

– И я правъ, потому что, по крайней мѣрѣ, мнѣ весело, а тебѣ...⁴⁴⁹

Левинъ усмѣхнулся и ничего не сказалъ.

– Ахъ, кабы ты зналъ, какая она женщина.

– Кто? Эта гадина?

Князь Мишута разсмѣялся.

– Прелестная женщина! И женщина, которая внѣ брака жертвуетъ тебѣ всѣмъ, та любить... Да. – Левинъ пожалъ плечами. – Но ты не думай, я теперь ѣду навсегда простить-

---

тоже самое будетъ, если и не будешь натуживаться. – Да это наше различіе. Ты видишь во всемъ удовольствіе, я – работу. – И я правъ, потому что мнѣ весело, а тебѣ тяжело. – Да, можетъ быть. – Онъ задумался.

⁴⁴⁸ *Зач.*: Жизнь и такъ трудна, а ты все натуживаешься. – Стало быть, надо готовить себя къ труду и что все не такъ просто, какъ кажется.

⁴⁴⁹ *Зач.*: – И мнѣ очень – не весело, а пріятно бываетъ.

ся съ ней.

Они вышли и разъѣхались. Князь Мишута — къ прелестной женщинѣ, а Левинъ. — къ себѣ, чтобы переодѣться во фракъ и ѣхать къ Щербацкимъ.

* № 10 (рук. № 16).

Пріятно попыхивая изъ окна папиросу въ окно кареты, Князь Мишука ѣхалъ въ Присутствіе, съ каждымъ шагомъ лошадей, уносившихъ его отъ дома, чувствуя облегченіе отъ своего горя. Когда онъ пріѣхалъ въ Присутствіе и выскочилъ изъ кареты, кивая головой на поклоны писца и швейцара, уже въ душѣ его было все свѣтло и весело.

Княгиня между тѣмъ, успокоивъ ребенка, сѣла опять на то же мѣсто, гдѣ онъ засталъ ее, также сжавъ костлявые руки, неподвижно сидѣла, перебирая въ воспоминаніи весь бывшій разговоръ.

«Но чѣмъ же кончилъ онъ *съ нею*, — думала она. Неужели онъ видитъ ее? Зачѣмъ я не спросила его, — думала она. — Нѣтъ, нѣтъ, сойтись нельзя. Если мы и останемся в одномъ домѣ, мы будемъ чужіе. А какъ я любила, Боже мой, какъ я любила его! Какъ я любила, какъ я любила его!» сказала она и заплакала.

II.

Князь Мишука, несмотря на то, что былъ не старъ (ему было подъ 40) и не въ большихъ чинахъ, на то, что никогда

ничѣмъ особеннымъ не отличался ни въ школѣ ни по службѣ, никогда не былъ интриганомъ и, несмотря даже на свою всегдашнюю разгульную жизнь, занималъ почетное и приносившее хорошее жалованье мѣсто начальника въ одномъ изъ Московскихъ присутствій.

Мѣсто это онъ получилъ черезъ мужа сестры Анны (ту самую, которую онъ ожидалъ къ себѣ) Каренина, занимавшаго одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ въ Министерствѣ, къ которому принадлежало Присутствіе; но если бы Каренинъ не назначилъ своего шурина на это мѣсто, то черезъ сотню другихъ лицъ — братьевъ, сестеръ, родныхъ, двоюродныхъ, дядей, тетокъ — Князь Мишука получилъ бы это мѣсто или всякое другое, подобное этому тысячъ въ 6 жалованья, на которое онъ считалъ себя имѣющимъ права. Половина Петербурга и Москвы были родня и пріятели Князя Мишуки, и всѣ знали его за добраго малаго, честнаго Князя Мишуку, который особеннаго пороха не выдумаетъ, но нигдѣ лицомъ въ грязь не ударить, и у котораго ничего нѣтъ и, несмотря на то, что онъ женился на богатой, дѣла разстроены, а которому нужны же наконецъ средства къ жизни.

Если бы человѣкъ, не имѣющій связей, хитростью, лестью пріобрѣлъ бы себѣ покровителей и черезъ этихъ покровителей пріобрѣлъ бы то самое мѣсто, которое имѣлъ князь Мишука, человѣкъ этотъ возбуждалъ бы отвращеніе всѣхъ хорошихъ людей; если бы человѣкъ, имѣющій тѣ связи, которые имѣлъ Князь Мишука, воспользовался этими связями,

чтобы пріобрѣсти такое мѣсто, изъ котораго онъ вытѣснилъ бы болѣе способнаго человѣка, онъ тоже былъ бы непріятель; но Князь Мишука родился и выросъ въ средѣ тѣхъ людей, которые⁴⁵⁰ были или стали сильными міра сего. Одна⁴⁵¹ треть государственныхъ людей, стариковъ, была пріятелями его отца и знали его въ рубашечкѣ, другая⁴⁵² треть была съ нимъ на ты, а 3-я треть была хорошіе знакомые; слѣдовательно,⁴⁵³ раздаватели земныхъ благъ въ видѣ мѣстъ, арендъ, концессій, уставовъ и т. п. всѣ были пріятелями и не могли обойти своего, и Князю Мишукѣ нетолько не нужно было искать или подличать, а только не отказываться, не ломаться, не ссориться, не браниться, чего онъ никогда ни съ кѣмъ не дѣлалъ; кромѣ того, Князь Мишука и не желалъ и не требовалъ для себя особенныхъ большихъ земныхъ благъ, а самыхъ скромныхъ⁴⁵⁴ — жалованье, пособіе, денежную награду и т. п. На эти блага ужъ онъ считалъ свои права несомнѣнными, и ему бы даже невозможно до смѣшнаго показалось то, чтобы ему, напримѣръ, отказали въ мѣстѣ въ тысячу 6 жалованья, тѣмъ болѣе что онъ чувствовалъ, что онъ свою должность могъ исполнять и исполнять хорошо.

Занимая 2-й годъ мѣсто начальника Присутствія въ

---

⁴⁵⁰ *Зачеркнуто:* въ его возрастѣ

⁴⁵¹ *Зач.:* половина

⁴⁵² *Зач.:* половина

⁴⁵³ *Зач.:* такъ называемая протекція для него была не протекція

⁴⁵⁴ *Зач.:* и простыхъ,

Москвѣ, Князь Мишука, и прежде пользовавшійся общимъ расположеніемъ, приобрѣлъ еще большее уваженіе сослуживцевъ, подчиненныхъ, начальниковъ и всѣхъ, кто имѣлъ до него дѣло.

Главный даръ Князя Мишуки, заслуживавшій ему эту общую любовь и уваженіе даже, состоялъ, кромѣ мягкости и веселаго дружелюбія, съ которыми онъ относился ко всѣмъ людямъ, кромѣ точности и пунктуальности, преимущественно въ полной безстрастности, съ которой онъ относился къ дѣлу, и въ полнѣйшей природной либеральности, состоящей для него въ томъ, что онъ совершенно ровно и одинаково относился ко всѣмъ людямъ, какого бы состоянія и званія они ни были. Кромѣ того, князь Мишука, не считавшій себя совершенствомъ, былъ исполненъ снисходительности къ людямъ и этимъ нравился всѣмъ тѣмъ, кто имѣлъ до него дѣло. Сверхъ же всего этаго онъ имѣлъ даръ, обыкновенно независящій отъ ума или другихъ способностей, но какъ таланты, случайно розданные людямъ, — онъ имѣлъ даръ ясно, легко и кратко и все таки форменно выражать смыслъ дѣла письменно и изустно, и этимъ даромъ онъ законно первенствовалъ въ своемъ присутствіи.

Войдя въ присутствіе, провожаемый почтительнымъ швейцаромъ съ портфелемъ, Князь Мишука прошелъ въ свой маленькій кабинетъ и надѣлъ мундиръ. Писцы и служащіе всѣ встали, почтительно кланаясь. Князь Мишука поспѣшно привычно прошелъ къ своему мѣсту и сѣлъ, здоро-

ваясь, пожимая руки, съ членами.

Секретарь, почтительно наклоненный, подошелъ съ бумагами и, указывая на бумаги, проговорилъ тихимъ голосомъ:

– Журналъ вчерашняго присутствія и свѣденія отъ Пензенскаго Губернскаго Правленія по дѣлу о кражѣ...

– Хорошо, хорошо, благодарю, – проговорилъ Князь Мишука, закладывая жирнымъ пальцемъ бумагу и съ привычной скромной официальнойностью открыть присутствіе.

«Если бы они знали, – думаль онъ, слушая докладъ, – какимъ виноватымъ мальчикомъ полчаса тому назадъ были ихъ Предсѣдатель», и⁴⁵⁵ звѣздочки глазъ его весело заблестѣли. Колесо завертѣлось, Князь Мишука почувствовалъ, что вертится и самъ въ немъ, и забылъ все непріятное. Одно, что во время занятій приходило ему въ голову, – была пріятная мысль о томъ, что въ 2 часа надо сдѣлать перерывъ и позавтракать.

Еще не было 2-хъ часовъ, когда у большихъ стеклянныхъ дверей залы присутствія, у которыхъ стоялъ сторожъ,⁴⁵⁶ показалась фигура человѣка безъ мундира, и всѣ члены изъ подъ портрета и изъ за зеркала, обрадовавшись развлеченію, оглянулись на явившагося человѣка, но зазѣвавшійся сторожъ тотчасъ же изгналъ вошедшаго и заперъ за нимъ дверь.

Князю Мишукѣ, не переставая слушать дѣло, показалось,

---

⁴⁵⁵ *Зачеркнуто:* ему смѣшно и весело стало.<– Такъ нынче, господа, мы> «Ну работать», подумаль онъ и взялся привычными приемами за работу дня.

⁴⁵⁶ *Зач.*: произошло какое то замѣшательство.

что вошедшій былъ пріятель его Левинъ, и онъ, нагнувшись къ сосѣду члену, проговорилъ:

— Кажется, Константинъ Левинъ. Кажется, онъ.

Князь Мишука любилъ Левина и еще по нѣкоторымъ соображеніямъ очень желалъ его видѣть теперь и радъ былъ, что онъ пріѣхалъ. Онъ окончилъ скорѣе обыкновеннаго дѣла и, сдѣлавъ перерывъ, пошелъ, доставая папиросу, въ свой кабинетъ. Два товарища его, мрачный не отъ характера, но отъ слабости, старичокъ Никитинъ и элегантный камерьонкеръ Шпандовскій вышли съ нимъ же.

— Послѣ завтрака успѣемъ кончить, — сказалъ князь Мишука.

— Какъ еще успѣемъ, — сказалъ старичокъ.

— А какой мерзавецъ этотъ Фенинъ, — сказалъ Шпандовскій объ одномъ изъ лицъ, участвовавшихъ въ дѣлѣ, которое они разбирали.

Князь Мишука, поморщившись, промолчалъ на слова Шпандовскаго, давая этимъ замѣтить, что неприлично преждевременно составлять сужденіе.

— Кто это былъ? — спросилъ онъ у сторожа.

— ⁴⁵⁷Проситель, Ваше Сіятельство, безъ упроста⁴⁵⁸ лѣзетъ, я только отвернулся.

— Гдѣ онъ?

— Тутъ гдѣ то, — и сторожъ отворилъ дверь.

---

⁴⁵⁷ Зачеркнуто: А неизвѣстный человекъ

⁴⁵⁸ Зач.: вошелъ

⁴⁵⁹Некрасивый, но чрезвычайно статный, невысокій молодой человекъ съ маленькой бородкой, густыми бровями и блестящими⁴⁶⁰ голубыми глазами, видимо не зная, что ему съ собой дѣлать, держа баранью шапку подъ мышкой, быстро ходилъ взадъ и впередъ передъ дверью.

Лицо Князя Мишуки просіяло не только радостью, но нѣжностью, какъ при видѣ любимой женщины, при видѣ этого молодаго человека.

— Такъ и есть! Левинъ! — проговорилъ онъ. — Какъ хорошо! Наконецъ то ты! — И онъ, обнявъ, поцѣловался съ молодымъ человекомъ.

— Я не зналъ, гдѣ ты живешь и заѣхалъ сюда, — сказалъ Левинъ краснѣя.

Ему, видимо, неловко было то дружеское отношеніе на ты, въ которомъ онъ былъ съ начальникомъ, подчиненные котораго только что чуть не вытолкали его. Князь Мишука былъ на ты со всѣми почти своими знакомыми, онъ не былъ на ты только съ тѣми, которыхъ онъ считалъ подлецами; съ тѣми, съ которыми обыкновенно не подаютъ руки, съ тѣми онъ не былъ на ты. А то онъ былъ на *ты* съ веселыми старичками 60 лѣтъ, съ мальчиками 20 лѣтъ, съ актерами, съ министрами, съ купцами и съ генералъ адъютантами, такъ что очень многіе изъ людей, бывшихъ съ нимъ на ты, находились на 2-хъ

---

⁴⁵⁹ Зам.: Князь Мишука узналъ Левина, увидавъ русскаго широкоглаго молодаго человека.

⁴⁶⁰ Зам.: добрыми и умными

крайностяхъ общественной лѣстницы и очень бы удивились, что они имѣютъ черезъ Мишуку что нибудь общее. Онъ былъ на ты со всѣми людьми, съ которыми онъ былъ знакомъ и пилъ шампанское, а пилъ онъ шампанское со всѣми. Съ Левинымъ, несмотря на то, что Левинъ былъ лѣтъ на 10 моложе его, онъ былъ на ты однако не по одному шампанскому. Левинъ былъ товарищемъ по университету и другомъ брата его жены, утонувшаго прекраснаго юноши Князя Щербацкаго, и вслѣдствіи этаго Князь Мишука сошелся съ нимъ и полюбилъ его,⁴⁶¹ насколько могъ любить.

Шпандовскій, вглядываясь въ новое для него лицо Левина, котораго онъ зналъ по слухамъ и въ особенности по извѣстному всей Россіи старшему брату философу Левину, замѣтилъ, что этотъ Левинъ долженъ быть очень нервный, чувствительный и не свѣтскій человѣкъ, составлявшій совершенную противоположность ихъ Князю Мишукъ.

— Ну, пойдемъ въ кабинетъ. Мы тебя ждали, ждали, — говорилъ Князь Мишука, подъ словомъ «мы» разумѣя себя и семью жены, въ особенности ея сестру Кити, на которой Князю Мишукъ хотѣлось женить Левина. — Ужасно, ужасно радъ тебя видѣть, — говорилъ Князь Мишука, сіяя улыбкой и сжимая свои звѣздочки и похлопывая Левина по мускулистой, крѣпкой ляжкѣ. — Ахъ, зачѣмъ ты раньше не пріѣхалъ?

Лицо Левина, подвижное, выразительное, сіяло удовольствіемъ при видѣ человѣка, котораго, онъ, видимо, люби-

---

⁴⁶¹ *Зачеркнуто:* всей душой

ль, и вмѣстѣ отражало досаду за неловкость столкновенія съ швейцаромъ и стѣсненіе при видѣ постороннихъ лицъ — мрачнаго отъ слабости старичка и элегантнаго Шпандовскаго съ такими бѣлыми, тонкими пальцами, такими длинными ногтями и такими въ рубль серебромъ огромными, блестящими запонками на рубашкѣ. Эти руки съ запонками не давали ему свободы мысли.

— Ахъ да, позвольте васъ познакомить, — сказалъ Облонскій. — Мои товарищи — Никитинъ, Шпандовскій, — и, обратившись къ Левину, — Земскій дѣятель, Мировой Судья, новый земскій человѣкъ, гимнастъ, поднимающій одной рукой 5 пудовъ, — и, замѣтивъ, что Левинъ нахмурился при этой шуточной рекомендаціи, — и мой другъ Константинъ Дмитричъ Левинъ.

— Очень пріятно, — сказалъ старичокъ, но отъ слабости сказалъ это такъ, что, очевидно, ему было въ высшей степени непріятно.

— Имѣю честь знать вашего брата, — сказалъ Шпандовскій,⁴⁶² предоставляя къ пожатію свою необыкновенную руку совсѣмъ — съ перстнемъ, запонками и когтями.

Знакомство съ мрачнымъ старичкомъ и Шпандовскимъ не содѣйствовало развязности Левина. Несмотря на то, что имѣлъ обожаніе къ своему умному брату, онъ терпѣть не могъ, когда къ нему обращались не какъ къ Константину Левину, а къ брату знаменитаго Сергѣя Левина.

---

⁴⁶² Зам.: пожимая руку

— Нѣтъ, ужъ и не Мировой Судья, и не главный, и ничто, — сказалъ онъ, обращаясь къ Облонскому. — И если когда нибудь моя нога будетъ...

— Какъ, ты вышелъ? — спросилъ Облонскій.

— Еще не вышелъ, но я подаль въ отставку и подъ судомъ.

— Вотъ штука. Какъ такъ?

— Ахъ, длинная исторія, и я столько разъ рассказывалъ, что надоѣло, и когда нибудь послѣ, — говорилъ Левинъ, опять оглядываясь на чужихъ и продолжая сидѣть въ неловкой позѣ, не зная, куда дѣвать свою шапку.

— Да ты и въ европейскомъ платьѣ, а не въ русскомъ, — сказалъ Облонскій, обращая вниманіе на его новое, очевидно отъ французскаго портнаго платье.

Левинъ покраснѣлъ.

— Гдѣ же ты былъ въ это время?

— У себя въ Клекоткѣ и въ разъѣздахъ, и дѣлъ конца нѣтъ, и мерзости, мерзости, гадости со всѣхъ сторонъ. Ты можешь себе представить, что я отданъ подъ судъ за рѣшеніе праваго дѣла, и отданъ кѣмъ же? Людьми, изъ которыхъ каждый есть по малой мѣрѣ мошенникъ.

Левинъ вдругъ оживился, видимо забывъ про чужія лица и про то, что онъ сейчасъ только объявилъ, что не станетъ рассказывать, бросилъ свою шапку на столъ, вся сильная⁴⁶³ фигура его распустилась, и онъ началъ рассказывать живо, съ юморомъ и съ желчью, длинную исторію о томъ, какъ его

---

⁴⁶³ Зачеркнуто: энергическая

отдали подь судъ за то, что онъ хотѣлъ только быть справедливымъ. Смысль исторіи былъ тотъ, что Левинъ, бывши мировымъ Судьей, захотѣлъ дѣйствовать⁴⁶⁴ по совѣсти, предполагая, что цѣль его дѣятельности есть справедливость, и забывая, что, главное, надо дѣйствовать по закону, и, обвинивъ очевидно виновнаго и выручивъ пострадавшаго, но не по закону, онъ попался въ руки шайки, какъ онъ называлъ, уѣздныхъ воровъ, которые жили жалованьями и опеками, и что эта шайка сердится на него давно за его борьбу съ ними по воровству земскихъ денегъ и другихъ, подвела его, перерѣшила его рѣшеніе, и его отдали подь судъ. Для слушавшихъ его было очевидно, что дѣйствовалъ глупо и попался по дѣломъ; но только Князь Мишука, любившій его, видѣлъ, что, хотя и глупо, хотя такъ и нельзя дѣйствовать, онъ дѣйствовалъ честно, мило, такъ, какъ и слѣдовало дѣйствовать съ его характеромъ, тѣмъ самымъ, который и былъ особенно милъ для него.

Шпандовскій же изъ разсказа вывелъ только то заключеніе, что нѣтъ ничего вреднѣе для умнаго человѣка, какъ жить въ деревнѣ.

«Вотъ онъ, — думалъ онъ, — умный, хорошо воспитанный человѣкъ, и чѣмъ онъ занятъ, о чемъ говорить съ такимъ жаромъ, какъ о государственномъ дѣлѣ? Что у мужика украли 2-хъ клячь, и что ему хотѣлось старшину и кабатчика обвинить. Только деревня можетъ такъ загрузить человѣка».

---

⁴⁶⁴ Зам.: не по законамъ

Левинъ еще не кончилъ говорить, когда вошелъ Секретарь и съ развязной почтительностью и нѣкоторымъ общимъ секретарскимъ скромнымъ сознаніемъ своего превосходства знанія подошелъ съ бумагами къ Облонскому и сталъ подъ видомъ вопроса объяснять какое то затрудненіе.

* № 11 (рук. № 16).

III.

Когда Облонскій спросилъ у Левина, зачѣмъ онъ собственно пріѣхалъ, онъ покраснѣлъ до ушей, потому что онъ самъ себѣ не смѣлъ еще признаваться въ томъ, зачѣмъ онъ пріѣхалъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ въ глубинѣ души онъ очень хорошо зналъ, что онъ пріѣхалъ затѣмъ, чтобы окончательно рѣшить мучавшій его уже 2-й годъ вопросъ, будетъ или нѣтъ Кити Щербацкая его женой. Она росла дѣвочкой на его глазахъ. Когда онъ былъ товарищемъ по университету съ ея братомъ, онъ былъ даже немножко влюбленъ въ старшую сестру Долли, которая была⁴⁶⁵ съ нимъ однихъ лѣтъ и вышла за Облонскаго, и, когда онъ послѣ поѣздки за границу былъ у нихъ въ Москвѣ, онъ нашелъ дѣвочку Кити прелестной дѣвушкой.⁴⁶⁶ Казалось бы, ничего не могло быть проще того, чтобы ему, сыну хорошаго дома, прекрасно учившемуся, человѣку 27 лѣтъ, сдѣлать предложеніе княжнѣ Щербацкой; по всѣмъ

---

⁴⁶⁵ *Зачеркнуто:* старше его

⁴⁶⁶ *Зач.*: и первой невѣстой

въ вѣроятностямъ онъ долженъ былъ быть признанъ хорошей партіей, но Левину казалось, что Кити была такое совершенство во всѣхъ отношеніяхъ, а онъ такое ничтожество, что не могло быть и мысли о томъ, что его другіе и она сама признали достойнымъ ея.

Онъ видѣлъ въ себѣ два главные недостатка, которые, по его понятію, лишали его права думать о ней. Первое – это было то, что онъ не имѣлъ никакой опредѣленной дѣятельности и положенія въ свѣтѣ, тогда какъ его товарищи теперь, когда ему было 30⁴⁶⁷ лѣтъ, были уже который Полковникъ и флигель-адъютантъ, который профессоръ, который почтенный предводитель, Директоръ банка и желѣзныхъ дорогъ; онъ же (онъ зналъ очень хорошо, какимъ онъ долженъ былъ казаться для другихъ) – онъ начиналъ разныя дѣятельности: былъ въ министерствѣ послѣ выхода изъ Университета, былъ Мировымъ Посредникомъ – поссорился, былъ Предсѣдателемъ Управы, былъ Мировымъ Судьей, написалъ книгу о политической экономіи, носилъ русскую поддевку и былъ славянофиломъ. И все это для него, въ его жизни бывшее столь законнымъ и послѣдовательнымъ, для посторонняго зрителя должно было представляться безтолковщиной безпокойнаго и бездарнаго малаго, изъ котораго въ 32 года ничего не вышло. Другой же недостатокъ, самый главный, который онъ зналъ за собой, состоялъ въ томъ, что онъ никогда не объяснялся ни въ какой любви женщинѣ – считалъ себя

столь некрасивымъ, что ни одна женщина, тѣмъ болѣе столь красивая, какъ Кити, не могла любить его. Его отношенія⁴⁶⁸ прежнія дружескія съ Кити вслѣдствіи дружбы съ ея братомъ казались ему еще новой преградой въ возможности любви. Некрасиваго, добраго,⁴⁶⁹ умнаго человѣка, какимъ онъ себя считалъ, онъ полагалъ, что можно любить какъ пріятеля, но чтобы любить той любовью, которою онъ любилъ красавицу Кити, нужно было быть красавцемъ, а онъ былъ дурень.

Слыхалъ онъ, что женщины любятъ часто некрасивыхъ людей, но не вѣрилъ этому. Онъ могъ любить только красивыхъ. Въ послѣднее время, въ бытность свою у знаменитаго умнаго брата, къ которому онъ ѣздилъ совѣтоваться о своихъ непріятностяхъ, онъ рѣшилъ сказать ему о своей любви къ Кити и, къ удивленію своему, услыхалъ отъ брата, которому онъ вѣрилъ во всемъ, мнѣніе, обрадовавшее и удивившее его. Братъ сказалъ ему: «если ты хочешь жениться, что я одобряю, то Щербацкіе отдадутъ за тебя дочь обѣими руками и отслужатъ молебень, а если она не дура, а она славная дѣвушка, пойдетъ съ радостью».

Константинъ Левинъ вѣрилъ во всемъ брату и, какъ ни противно это было его внутреннему убѣжденію, заставилъ себя повѣрить настолько, чтобы поѣхать въ Москву и сдѣлать если не предложеніе, то попытку возможности предложенія.

Въ 4 часа, чувствуя свое бьющееся сердце, онъ слѣзъ съ

---

⁴⁶⁸ *Зачеркнуто:* братскія

⁴⁶⁹ *Зач.:* неглупаго

извозчика у Зоологическаго Сада и съ толпой входившихъ пошелъ дорожкой къ горамъ и катку, на которомъ она была навѣрное, потому что онъ видѣлъ ихъ карету у подъѣзда.

*** № 12 (рук. № 103).**

Онъ, кончившій прекрасно курсъ, исполненный и физической и нравственной силы и энергiи человѣкъ, чувствовалъ, что онъ какъ бы даромъ хлѣбъ ѣстъ, не избравъ никакой общественной дѣятельности, и сознаніе того, что въ немъ чего то недостаетъ, тяготило его. Но онъ только на дняхъ бросилъ избранную имъ по совѣту брата Сергѣя Дмитрича земскую дѣятельность и, несмотря на все уныніе, которое онъ испытывалъ теперь, оставшись безъ общественной дѣятельности, онъ не могъ не бросить ее такъ, какъ не можетъ не бросить человѣкъ ассигнацію, которая по его опыту оказалась фальшивой. Были въ немъ какія то другія требованья, для которыхъ онъ жертвовалъ дѣятельностью.

Точно также бросилъ онъ службу въ министерствѣ по окончаніи курса, точно также онъ бросилъ два года тому назадъ мировое посредничество и судейство. Былъ онъ и славянофиломъ, тоже въ родѣ должности, былъ свѣтскимъ человѣкомъ, но бросилъ и это. И все это для него, въ его жизни бывшее столь законнымъ и послѣдовательнымъ, для посторонняго зрителя должно было представляться безтолковщиной безпокойнаго и бездарнаго малаго, изъ котораго въ

32 года ничего не вышло. И онъ чувствовалъ это, и, несмотря на то, что всѣ его опыты и исканія были искренни, онъ чувствовалъ, что нетолько онъ долженъ казаться, но что дѣйствительно онъ и есть безтолковый, бездарный малый. Особенно живо онъ чувствовалъ это, когда онъ бывалъ въ городѣ и сходилъ съ людьми, занятыми опредѣленной дѣятельностью, и видѣлъ всю эту кипящую со всѣхъ сторонъ опредѣленную, всѣми признанную и всѣми уважаемую общественную дѣятельность. Только онъ одинъ былъ безъ мѣста и безъ дѣла. Такъ онъ думалъ о себѣ въ городѣ. Въ деревнѣ же онъ успокоивался. Въ деревнѣ всегда было дѣло, и дѣло, которое онъ любилъ, и конца не было дѣлѣ, и дѣло было такое, что еще вдвое болѣе, все таки не достигнешь того, что желательно. Но деревенское дѣло было глупое дѣло бездарнаго чело-вѣка, онъ чувствовалъ это.

*** № 13 (рук. № 12).**

Въ гостиную, волоча ногами по ковру, вошла высокая фигура Князя.

— А, Константинъ Дмитричъ, Давно ли? — заговорилъ онъ съ притворствомъ радушія и, подойдя, обнялъ и подставилъ щеку, которая такъ и осталась, потому что Левинъ довольно неучтиво отстранил[ся] и пожалъ руку.

— Чтоже васъ такъ бросаютъ?⁴⁷⁰

---

⁴⁷⁰ *Зачеркнуто:* — Да, правда, рано.

– Да я приѣхалъ не во время, рано; я вѣдь деревенщина.

– Ха ха ха, – громко захохоталъ Князь, только потому хоча черезъ ха ха ха, а не черезъ ба ба ба, что онъ хохоталъ когда то и смутно помнилъ, какъ онъ смѣивался. – Ну, что хозяйство, дѣла скотныя? Я вѣдь всегда тебя очень радъ видѣть.⁴⁷¹

Черезъ 5 минутъ вошла⁴⁷² подруга Кити, прошлую зиму вышедшая замужъ, извѣстная умница и болтуня Графиня Нордстонъ.⁴⁷³

Вслѣдъ за ней вышла и Кити безъ слѣдовъ слезъ, но съ пристыженнымъ и тихимъ выраженіемъ лица. Пока Нордстонъ заговорила съ Княземъ, Кити подошла къ Левину.

– Какъ я вамъ благодарна, что вы не уѣхали. Не уѣзжайте, простите.>

* № 14 (рук. № 17).

Но Левинъ не то что былъ невеселъ, онъ былъ стѣсненъ. Несмотря на то, что онъ жывалъ въ городахъ и въ свѣтѣ, эта обстановка бронзь, зеркаль, газа. Татаръ – все это ему послѣ деревенской жизни было стѣснительно.

– Я провинціалъ сталъ, меня все это стѣсняетъ.

---

⁴⁷¹ *Зач.:* Пойдемъ ко мнѣ. Онъ позвонилъ и приказалъ лакею доложить барышнямъ, что гость. Левинъ не успѣлъ учтиво уйти отъ Князя, когда почти въ одно и тоже время

⁴⁷² *Зач.:* въ гостиную приѣхавшая молодая сухая дама Графиня Нордстонъ.

⁴⁷³ *Зач.:* и Княгиня

– Ахъ да, помнишь, какъ мы разъ отъ цыганъ ѣхали, – вспомнилъ Степанъ Аркадьичъ (Левинъ одно время, увлеченный Облонскимъ, ѣздилъ къ цыганамъ) – и мы заѣхали ужинать въ 5-мъ часу утра въ Bocher de lancala?

– Что? не помню.

– Какже, ты отличился. Намъ не отворяли, и ты вызвался убѣдить ихъ. И говоришь: «намъ только кусочекъ жаркаго и сыра», и, разумѣется, намъ захлопнули дверь.

– Да, у меня въ крови деревенскія привычки, – смѣясь сказалъ Левинъ.

*** № 15 (рук. № 17).**

– Ну, теперь давай тотъ длинный разговоръ, который ты общалъ.

– Да только я не знаю, говорить ли, – краснѣя сказалъ Левинъ.

– Говорить, говорить и непременно говорить. О, какой ты счастливецъ! – сказалъ Степанъ Аркадьичъ, глядя въ глаза Левину.

– Отчего?

– Узнаю коней ретивыхъ по какимъ то ихъ таврамъ, юношей влюбленныхъ узнаю по ихъ глазамъ, – сказалъ Степанъ Аркадьичъ.

– Ну, не очень юноша. Тебѣ сколько лѣтъ?

– Мнѣ 34. Я двумя годами старше тебя. Да не въ годахъ,

у тебя все впереди, а...

– А у тебя уже назади?

– Нѣтъ, хоть не назади, у тебя будущее, а у меня настоящее, и настоящее такъ, въ пересыпочку.

– А что?

– Да нехорошо. Ну, да я не объ себѣ хочу говорить, и потому объяснить всего нельзя, – сказалъ Степанъ Аркадьичъ, который дѣйствительно не любилъ говорить, хоть ему хотѣлось теперь все рассказать именно Левину. Онъ зналъ, что Левинъ, хоть и строгій судья и моралистъ, какъ онъ зналъ его, пойметъ и съ любовью къ нему обсудить и извинить, можетъ быть.

– Не объ себѣ, ну, выкладывай. Эй, принимай! – крикнулъ онъ Татарину.

Но Левину что то мѣшало говорить. Однако онъ, видимо сдѣлавъ усиліе, началъ:

– Ты догадываешься?

– Догадываюсь; но не могу начать говорить. Ужъ по этому ты можешь видѣть, вѣрно или невѣрно я догадываюсь, – сказалъ Степанъ Аркадьичъ, и прекрасные глаза сіяли почти женской нѣжностью, глядя на Левина.⁴⁷⁴

---

⁴⁷⁴ *Зачеркнуто:* Говорить? – Опять Левинъ покраснѣлъ на первомъ словѣ. – Такъ вотъ что. Если бы у тебя была сестра любимая и я бы хотѣлъ жениться на ней. Посовѣтовалъ ли бы ты ей выдти за меня? – Я? Обѣими руками. Но, къ несчастью, у меня нѣтъ сестры незамужней, а есть свояченица. И глаза Степана Аркадьича весело смѣялись. – Да я про нее и говорю, – рѣшительно сказалъ Левинъ. Краска, только что проходившая, опять при этихъ словахъ покрыла уши и шею Левина. –

— Ну чтожь ты скажешь мнѣ? По крайней мѣрѣ, ты откровенно, пожалуйста, — говорилъ Левинъ, — какъ ты смотришь на это? Какъ на возможную и желательную для тебя?

— Я? — сказалъ Степанъ Аркадьичъ. — Я ничего такъ не желалъ бы, какъ этаго. Ничего. Это лучшее, что могло бы быть.

— Но возможная ли?

— Отчего жъ невозможная?

— Я и хотѣлъ просить тебя сказать мнѣ откровенно свое мнѣніе, и если меня ждетъ отказъ, какъ я думаю...

— Отчего?

— Если ждетъ отказъ, то избавить меня и ее отъ тяжелой минуты.

— Ну, это во всякомъ случаѣ для дѣвушки не тяжелая минута, а такая, которой онѣ гордятся.

— Ну что ты, какъ братъ, какъ отецъ, сказалъ бы мнѣ? Чего я могу ждать?

Я и не догадывался, — сказалъ Степанъ Аркадьичъ, также смѣясь глазами. — Но послушай, безъ шутокъ, — сказалъ, перемѣнивъ позу и выраженіе, — я отъ всей души желалъ бы, но мнѣ вмѣшиваться въ это дѣло и кому нибудь опасно. — То есть ты хочешь знать, рѣшилъ ли я? Да, но согласись, что получить отказъ... — Ну да, ну да, — сіяя улыбкой, поддакивалъ Степанъ Аркадьичъ. — Есть одна изъ ужаснѣйшихъ вещей. А я не знаю, чего мнѣ ждать! — Онъ сердито взглянулъ на вошедшаго Татарина и перемѣнилъ русскую рѣчь на французскую. — И потому я хотѣлъ просить тебя, какъ моего и ея друга, если ты смотришь на это дѣло какъ на возможность и желательную вещь. — Еще бы, — сказалъ Степанъ Аркадьичъ, и лицо его сіяло все болѣе и болѣе, и онъ, не спуская глазъ съ Левина, подвинулъ къ себѣ серебряное блюдо съ тюрбо.

– Я? Я бы сказалъ, что⁴⁷⁵ ты теперь выбралъ самое лучшее время для предложенія.

– Отчего? – сказалъ Левинъ и свалилъ себѣ рыбу на тарелку, чтобы не развлекать⁴⁷⁶ Степана Аркадьича, начавшаго было ему класть.⁴⁷⁷

– Оттого что послѣднюю зиму сталъ ѣздить къ нимъ Алексѣй Вронской, – сказалъ⁴⁷⁸ Степанъ Аркадьичъ, кладя свою⁴⁷⁹ красивую бѣлую руку на локоть Левина, хотѣвшаго ѣсть безъ соуса.

– Постой, соуса возьми.⁴⁸⁰

---

⁴⁷⁵ *Зачеркнуто:* я лучше ничего не желаю и что вѣроятности большія есть за то, что тебя примутъ.– Вѣроятности! – заговорилъ онъ. – А если отказъ? Вѣдь это ужасно.

⁴⁷⁶ *Зачеркнуто:* князя Мишуту

⁴⁷⁷ *Зач.:* – Но а если ты ошибаешься, если меня ждетъ отказъ? Ты мнѣ скажи вѣрно.И онъ самъ улыбнулся, понявъ, что требуетъ невозможнаго.

⁴⁷⁸ *Зач.:* князь Мишута

⁴⁷⁹ *Зач.:* пухлую

⁴⁸⁰ *Зач.:* Ты хочешь, чтобы я былъ сватомъ. Чтобы тебѣ пріѣхать какъ жениху послѣ свахи.– Отчего жъ и не хотѣть? Очень бы хотѣлъ. Это въ тысячу разъ легче. Да и не легче, а разумнѣе, чѣмъ мое положеніе теперь. Идти на совершенно неизвѣстное и рисковать – чѣмъ? оскорбить ее и получить отказъ.Онъ вспыхнулъ, только представивъ себѣ живо это униженіе отказа.– Это гордость. Страшная гордость. Но ты кушай.Онъ подвинулъ ему блюдо.– Я и не говорю, что нѣтъ, – сказалъ, онъ, бросая вилку. – Я не говорю, что я не гордъ, и не говорю, что я хочу быть либераломъ. Я люблю дѣвушку, хочу на ней жениться и желаю какъ можно меньше мучать себя и ее.– Помилуй, – сказалъ Степанъ Аркадьичъ, – ты что – хочешь сватовства, какъ у купцовъ и въ комедіяхъ? Вѣдь ужъ въ наше время, – сказалъ онъ, этимъ аргументомъ окончательно побивая противника, – въ наше время ужъ права женщинъ, я не говорю эти крайности, а все таки женщи-

— Ну и что же?

— Алексѣй Вронскій есть, я думаю, лучшая партія въ Россіи, какъ говорятъ матушки. И какъ я вижу, онъ влюбленъ по уши. Но я тебѣ... И говорить нечего; несмотря на то, что Вронской отличный малый, для меня то, чтобы ты женился на Кити, было бы... Ну, я не стану говорить что, — сказалъ Степанъ Аркадьичъ, не любившій фразъ.

Но Левинъ видѣлъ по сіяющему и серьезному лицу Облонскаго, что это были не слова. Левинъ не могъ удержаться, чтобы не покраснѣть, когда Облонскій произнесъ наконецъ словами то, о чемъ они говорили.

— Ну, подай другую, — обратился Степанъ Аркадьичъ къ Татарину, доливавшему бокалы и вертѣвшемуся около нихъ именно тогда, когда его не нужно было.

— Да, да, ты правъ. Я говорилъ глупости.

— Нѣтъ, отчего, ты спрашивалъ моего совѣта.

— Но кто это такой и что такое этотъ Вронской, я понятія

на можетъ и должна сама рѣшать свою судьбу.— И ты все таки не отвѣтилъ мнѣ на мой вопросъ: могу ли я надѣяться?— Да ты вотъ какіе вопросы задаешь? Ты знаешь, что я тебя люблю, но у тебя главный недостатокъ то, что ты изо всего дѣлаешь трудности и самъ себя мучаешь. Надо проще смотрѣть на жизнь. Все это очень просто. Ты любишь дѣвушку, и на твоёмъ мѣстѣ я бы сдѣлалъ сейчасъ предложеніе и все бы узналъ.— Да, это очень просто по твоему, а по моему совѣтъ не просто, — сказалъ Левинъ, задумавшись и чувствуя, что изъ его бесѣды съ Облонскимъ ничего не выйдетъ.— Ну вотъ я скажу тебѣ, — продолжалъ Степанъ Аркадьичъ, — нынѣшнюю зиму къ Щербацкимъ часто ѣздитъ графъ Вронской Алексѣй, знаешь? Ну и очевидно родители думаютъ, что онъ имѣетъ намѣреніе, и оно такъ и должно быть. Но кто же ему можетъ сказать, любить ли его дѣвушка или нѣтъ? Ужъ это пускай онъ самъ отыскиваетъ.

не имѣю.⁴⁸¹

— Вронскій богачъ, сынъ графа Иларіона [*1 неразобр.*], кавалеристъ и отличный, точно отличный малый.

— Но что же онъ такое? Подробнѣе скажи мнѣ, — сказалъ Левинъ.

— Ты нынче увидишь его. Во первыхъ, это славный малый, во вторыхъ, не изъ тѣхъ класическихъ приличныхъ дурногвардейцевъ, а очень образованный человѣкъ, въ своемъ родѣ новый сортъ людей.

— Какой же новый сортъ?

— По моему, это вотъ какой новый сортъ:⁴⁸² онъ либералень, понимаешь, въ своемъ родѣ и кругѣ. Разумѣется, онъ не социалистъ,⁴⁸³ но онъ какъ будто не дорожить тѣми преимуществами, которыя ему сами собой дались какъ сыну графа Вронскаго, а онъ⁴⁸⁴ страстный конскій охотникъ, спортсмѣнь, живетъ внѣ Петербурга, за ремонтами, и хочетъ выдти въ отставку. Однимъ словомъ, пренебрегаетъ тѣми

---

⁴⁸¹ *Зачеркнуто:* И что же, онъ влюбленъ... она влюблена въ него? Мишенька засмѣялся.— Кто тебѣ сказалъ? Но Вронскій ухаживаетъ и

⁴⁸² *Зач.:* Ну, ты знаешь, покойный Вронской, его отецъ, это былъ замѣчательно умный и твердый человѣкъ. У него были враги, какъ у всѣхъ сильныхъ міра, но онъ рѣдкій типъ честолюбиваго, но честнаго человѣка. Онъ изъ ничего, изъ бѣдныхъ дворянъ сталъ графомъ и первымъ человѣкомъ одно время, но онъ оставилъ память въ исторіи. Теперь сынъ его вотъ этотъ старшій въ Петербургѣ командуетъ гвардейскимъ полкомъ, флигель-адъютантъ, обыкновенный типъ сына вельможи, но этотъ

⁴⁸³ *Зач.:* но и то, пожалуй, немножко,

⁴⁸⁴ *Зач.:* любить науки, искусства, подъ предлогомъ болѣзни живетъ за границей

благами, за которыми всѣ бѣгаютъ, и совершенно, и притомъ⁴⁸⁵ славный малый и выпить не дуракъ.

— Ну такъ что же, — сказалъ Левинъ, задумчиво выпивая бокаль.

— А то, что на твоёмъ мѣстѣ я бы рѣшилъ дѣло какъ можно скорѣе, и если ты будешь выбранъ, какъ я надѣюсь и желаю...

— Ты надѣешься?

*** № 16 (рук. № 103).**

Кити испытывала послѣ обѣда и до начала вечера чувство подобное тому, которое испытываетъ юноша передъ сраженіемъ. Сердце ея билось сильно, и мысли не могли ни на чемъ остановиться, возвращаясь къ роковому вопросу: «который?»

Но какъ только она начинала думать объ этомъ, она или вспоминала разговоры и положеніе съ Левинымъ и съ⁴⁸⁶ Удашевымъ, или представляла себѣ положенія будущія замужемъ за Левинымъ и за⁴⁸⁷ Удашевымъ, но думать и рѣшать ничего не могла. Когда она думала о прошедшемъ, она съ удовольствіемъ, съ нѣжностью останавливалась на воспоми-

---

⁴⁸⁵ *Зач.*: милая, открытая натура. Я думаю, что тутъ что нибудь кроется, и онъ мнѣ не совсѣмъ нравится, но женщинамъ онъ долженъ нравиться.

⁴⁸⁶ *Зачеркнуто*: Вронскимъ

⁴⁸⁷ *Зач.*: Вронскимъ

наніяхъ своихъ отношеній съ Левинымъ. Воспоминанія⁴⁸⁸ дѣтства и воспоминанія о дружбѣ его съ умершимъ братомъ придавали поэтическую грустную прелесть этимъ мыслямъ. Да и вообще ей легко, радостно было вспоминать про Левина. Въ воспоминанія же⁴⁸⁹ объ Удашевѣ примѣшивалось что то⁴⁹⁰ неловкое, несмотря на то, что онъ былъ въ высшей степени свѣтскій и спокойный человѣкъ, какъ будто фальшь какая то была не въ немъ, онъ былъ очень простъ и милъ, но въ ней самой, тогда какъ съ Левинымъ она чувствовала себя совершенно простою и ясною; но за то какъ только она думала о будущемъ съ⁴⁹¹ Удашевымъ, все будущее представлялось прелестнымъ, блестящимъ, невѣдомо поэтическимъ, съ Левинымъ же ничего не представлялось радостнаго, но что то туманное, сѣрое.

Войдя наверхъ, чтобы одѣться для вечера, она, взглянувъ въ зеркало, съ радостью замѣтила, что она въ одномъ изъ своихъ хорошихъ дней и въ полномъ обладаніи всѣхъ своихъ силъ, что ей такъ нужно было для предстоящаго сраженія: она чувствовала въ себѣ внѣшнюю тишину и свободную грацію движеній и холодную мраморность, которую она любила въ себѣ. Въ половинѣ осьмаго, гораздо ранѣе обыкновеннаго пріѣзда гостей, лакей доложилъ:

---

⁴⁸⁸ *Зач.:* о любимомъ умершемъ братѣ

⁴⁸⁹ *Зач.:* о Вронскомъ

⁴⁹⁰ *Зач.:* непріятное

⁴⁹¹ *Зач.:* Вронскимъ

– Константинъ Дмитричъ Левинъ.

Княгиня еще была въ своей комнатѣ, и Князь не выходилъ.

«Такъ и есть», подумала Кити, и вся кровь прилила ей къ сердцу. Она ужаснулась на свою блѣдность, взглянувъ въ зеркало. Она знала, что онъ затѣмъ и пріѣхалъ раньше, чтобы застать ее одну и сдѣлать предложеніе.⁴⁹²

«Боже мой, неужели это я сама должна рѣшить этотъ вопросъ? – подумала она. – Отчего ни мама, ни папа, отчего мнѣ не прикажутъ: дѣлай это или это. И потомъ такъ скоро. Ну, что я скажу ему? Неужели я скажу ему, что я его не люблю. Это будетъ неправда. Скажу, что люблю. И это неправда. А все-таки надо рѣшить,⁴⁹³ но зачѣмъ такъ вдругъ, такъ скоро! Но все-таки надо идти, пока не вышла мама».

Она⁴⁹⁴ уже подходила къ дверямъ большой гостиной и слышала его шаги, но рѣшительно не знала, что она скажетъ ему.

Онъ думалъ и чувствовалъ хотя не тоже, что она, но столь же мучительное и тяжелое.

«Зачѣмъ, и неужели необходимо это страданіе нравственное, – думалъ онъ, – для человѣка, который хочетъ сдѣлать

---

⁴⁹² Зачеркнуто: и она знала, что она должна отказать ему. «Нѣтъ, это невозможно», подумала она и пошла къ матери. – Мама! вы выйдете къ Левину? – сказала она, стараясь говорить какъ можно проще. – Все, что ни сдѣлаетъ, все глупо. – сердито сказала княгиня. – Разумѣется, – и пошла въ гостиную.

⁴⁹³ Зачеркнуто: и не мучать его. Но что я скажу ему?

⁴⁹⁴ Зач.: говорила это

самое законное простое дѣло – взять жену. А чтожь дѣлать? Ъздить въ домъ, выжидать. И такъ⁴⁹⁵ Облонскій далъ мнѣ замѣтить, что я долженъ былъ давно сдѣлать предложеніе, что я компрометировалъ. А мнѣ нужно знать, есть ли надежда? И вотъ теперъ я, ничего не зная, не выдавъ ее 8 мѣсяцевъ, рѣшаюсь сказать это слово. Рѣшаюсь получить отказъ – позоръ.⁴⁹⁶ И я долженъ самъ сдѣлать этотъ страшный вопросъ, отчего не другіе за меня?⁴⁹⁷ Все лучше, чѣмъ это мученіе нерѣшительности, – думалъ Левинъ, входя въ гостиную. – И для нея это легче. Пускай же такъ и будетъ.⁴⁹⁸ Заикнусь ли, не заикнусь, я скажу».⁴⁹⁹

Едва онъ вошелъ въ пустую гостиную, какъ услыхалъ звукъ ручки двери и увидалъ ее въ сѣромъ⁵⁰⁰ платьѣ, входившую въ гостиную.

– Вы не устали послѣ вашихъ⁵⁰¹ подвиговъ на льду? – ска-

---

⁴⁹⁵ *Зач.*: князь Мишута

⁴⁹⁶ *Зач.*: Боже мой, неужели это

⁴⁹⁷ *Зач.*: и не скажутъ мнѣ. Но

⁴⁹⁸ *Зач.*: какъ ни мучительно

⁴⁹⁹ *Зач.*: Такъ думалъ Левинъ одѣваясь и дорогой, и отрывки этихъ мыслей, за-
сланные ужасомъ приближенія минуты, бродили въ его головѣ, когда онъ вхо-
дилъ

⁵⁰⁰ *Зач.*: <простомъ, гладкомъ, сѣромъ платьѣ, съ улыбкой входившую съ дру-
гой стороны.– Мама сейчасъ выйдетъ, – сказала она садясь.> <въ темномъ, ли-
ловатомъ съ чернымъ платьѣ съ че[пчикомъ?]> вмѣсто Кити старую Княгиню съ
строгимъ и нѣсколько насмѣшливымъ лицомъ.– Очень мило съ вашей стороны,
что вы насъ не забываете, Константинъ Дмитричъ, что

⁵⁰¹ *Зач.*: <пруэсъ> коньковъ

зала она, съ улыбкой подавая ему руку.

— Я не во время, кажется? слишкомъ рано.⁵⁰² Но я только того и хотѣлъ застать васъ одну, — сказалъ онъ,⁵⁰³ не сядясь и не глядя на нее, чтобы не потерять смѣлости.

— Садитесь, Константинъ Дмитричъ, мы всегда рады вамъ,⁵⁰⁴ — говорила она, сама не зная, что говорить ей губы.

Онъ взглянулъ на нее,⁵⁰⁵ и она поняла по этому умному, все вдругъ понимающему взгляду, что нельзя было⁵⁰⁶ говорить пустяковъ теперь. Она покраснѣла,⁵⁰⁷ взяла альбомъ, лежавшій на столѣ, и стала открывать и закрывать застежку.

— Я сказалъ вамъ, что не знаю, надолго ли я пріѣхалъ....

«Какъ онъ помнитъ всѣ свои слова, — подумала она, — это неприятно».

— Что это отъ васъ зависитъ....

Она все ниже и ниже склоняла голову и не знала, что она

---

⁵⁰² *Зач.*: Княгиня посмотрѣла на часы.— О нѣтъ, и Кити сейчасъ выйдетъ.

⁵⁰³ *Зач.*: ни разу не заикнувшись и

⁵⁰⁴ *Зачеркнуто*: Я не знаю, ваша дружба съ <Сережей> Евгениемъ покойнымъ такъ связала насъ.

⁵⁰⁵ *Зач.*: сердито. Она покраснѣла, чувствуя

⁵⁰⁶ *Зач.*: теперь притворяться и мучать его. Но она сама не знала, что дѣлала и говорила. Она держала

⁵⁰⁷ *Зач.*: Такъ продолжался несвязный разговоръ. <Левину и въ голову не могло придти сдѣлать предложеніе матери, и она и онъ видѣли> Левинъ догадывался, что Княгиня нарочно медлить выходить, чтобы избѣгнуть объясненія, и потому онъ понималъ, что незачѣмъ дѣлать предложеніе матери, и что кромѣ отказа онъ ничего ожидать не можетъ. Краснѣя и блѣднѣя, онъ самъ не помнилъ, что говорить съ матерью. Наконецъ

отвѣтитъ на приближающееся. И еще ничего не случилось, но ей всей душой было жалко его – и себя.

– Можетъ быть, я съумасшедшій и надѣюсь на то, чего нельзя. – Лицо его дѣлалось все мрачнѣе и мрачнѣе. – Я прѣхаль за тѣмъ, чтобы предложить вамъ себя, свою руку, свою любовь. – А ... быть моей женой.

Онъ поглядѣлъ на нее изъ-подъ опущенныхъ бровей такъ, какъ будто ждалъ только отказа. Она тяжело⁵⁰⁸ дышала, не глядя на него; но какъ только онъ замолкъ, она подняла свои⁵⁰⁹ свѣтлые, ясные глаза прямо на него и, увидавъ его⁵¹⁰ холодное, почти злое выраженіе, тотчасъ же отвѣчала то, что непосредственно пришло ей.

– Ахъ, зачѣмъ вы это говорите. Я не... Это нельзя, это невозможно, простите меня...

Онъ видѣлъ, что она съ трудомъ удерживаетъ слезы. <Какъ онъ сидѣлъ, такъ и остался, ухватясь обѣими руками за ручки кресель и уставившись за уголь висящаго со стола ковра, и на лицѣ его остановилась злая усмѣшка надъ самимъ собой.

«Еще бы, какже это могло быть?»⁵¹¹ думаль онъ, не под-

---

⁵⁰⁸ *Зач.:* даже громко

⁵⁰⁹ *Зач.:* прелестные

⁵¹⁰ *Зач.:* сердитое

⁵¹¹ *Зачеркнуто:* Надо быть съумасшедшимъ гордецомъ, какъ я, чтобы думать, что это могло быть, – думаль онъ. – Но всетаки это ужасно, это тяжело, этаго стыда, этаго униженія я никогда не забуду». – Вы простите меня, я очень, очень жалѣю, что доставилъ вамъ эту непріятную минуту.

нимая глазъ, сидя неподвижно передъ ней и чувствуя, какъ, точно волны, наплывала и сплывала краска на его лицѣ.

Молчаніе продолжалось съ секунду. Наконецъ онъ поднялъ глаза. Онъ сказалъ:

– Простите меня, – и хотѣлъ встать, но она тоже начала говорить.⁵¹²

– Константинъ Дмитричъ, будьте великодушны,⁵¹³ я такъ привыкла смотрѣть на васъ какъ на друга...

– Не говорите, – проговорилъ отрывисто, всталъ⁵¹⁴ и хотѣлъ уйти.

Но въ это самое время вышла Княгиня,⁵¹⁵ недовольная, но улыбающаяся своей четверговой улыбкой. Она сѣла и тотчасъ же спокойно начала говорить о томъ, что ей не было интересно и потому не могло быть ни для кого интересно. Онъ сѣлъ опять, ожидая пріѣзда гостей, чтобы уѣхать незамѣтно.⁵¹⁶

---

⁵¹² *Зачеркнуто:* – Я васъ люблю дружбой, но

⁵¹³ *Зач.:* Онъ хотѣлъ спросить причину и замолчалъ, услыхавъ, что она высказала ее. Онъ поднялся.

⁵¹⁴ *Зач.:* не дослушавъ конца,

⁵¹⁵ *Зач.:* весьма

⁵¹⁶ *Зач.:* Только когда раздался звонокъ у подъѣзда и Кити вышла и вслѣдъ за ней вошла гостя Графиня Нордстонъ, Левинъ понялъ, что все это было расчитано. <И несвободный, сконфуженный, даже и холодный видъ Кити подтвердилъ его въ этомъ.> Левинъ взглянулъ на Кити и почувствовалъ на себѣ этотъ умный, быстрый, проникающій всѣ малѣйшія подробности ея выраженія [взглядъ]; она смутилась и холодно поздоровалась съ нимъ. «Да, я былъ съумашедшій, – сказалъ онъ самъ себѣ. – И они всѣ ввали – и братъ и Облонскій. Этого не могло быть».

Минуть черезъ пять вошла прїѣхавшая подруга Кити, прошлую зиму вышедшая замужъ, извѣстная умница и болтушка Графиня Нордстонъ.

Графиня Нордстонъ была сухая, желтая, съ черными блестящими глазами,⁵¹⁷ болѣзненная и нервная женщина. Она любила Кити всей силой своей души, восхищалась, гордилась ею.⁵¹⁸ Любовь ея къ Кити, какъ всегда любовь замужнихъ къ дѣвушкамъ, выражалась только въ одномъ – въ желаніи выдать Кити по своему идеалу счастья замужъ. Левинъ, котораго она часто у нихъ видала, прежде былъ ей противенъ и непріятенъ, какъ⁵¹⁹ что то странное и чуждое, но теперь, когда онъ мѣшалъ ея плану выдать Кити за Удашева, она еще болѣе не благоволила къ нему. Ея постоянное и любимое занятіе при встрѣчѣ съ нимъ состояло въ томъ, чтобы шутить надъ нимъ.

– Я люблю, когда онъ съ высоты своего величія смотритъ на меня и или прекращаетъ свой умный разговоръ со мной, потому что я глупа и мнѣ не по силамъ, или онъ снисходитъ до меня; я это очень люблю: снисходить. Я очень рада, что онъ меня терпѣть не можетъ.

Она была права, потому что дѣйствительно Левинъ терпѣть не могъ и презиралъ ее за то, чѣмъ она⁵²⁰ гордилась и

---

⁵¹⁷ *Зач.:* элегантная

⁵¹⁸ *Зач.:* и, какъ всѣ любящія барышень, думала только о томъ, какъ бы ее

⁵¹⁹ *Зач.:* непріятенъ видъ куска хлѣба среди бездѣлушекъ туалетнаго столика.

⁵²⁰ *Зачеркнуто:* видимо

что въ достоинство себѣ ставила, — за ея утонченное свѣтское образованіе.⁵²¹ «Какъ онѣ не понимаютъ, — думалъ онъ часто про нее, — что эту свѣтскую притворную манеру мы⁵²² любимъ въ женщинахъ привлекательныхъ. Это покровъ таинственности на красотѣ; а она, эта дура (Левинъ былъ всегда рѣзокъ въ своихъ мысляхъ), безъ красоты, безъ граціи, даже безъ здоровья, думаетъ этой то слабостью, свѣтскостью, безъ прелести, щеголять одною ея».

Между Нордстонъ и Левинымъ существовало то нерѣдко встрѣчающееся въ свѣтѣ отношеніе, что два человѣка, оба хорошіе и умные, презираютъ другъ друга всѣми силами души, презираютъ до такой степени, что не могутъ даже серьезно обращаться другъ съ другомъ и не могутъ даже быть оскорблены одинъ другимъ.

Графиня Нордстонъ тотчасъ же накинулась на Левина.

— А! Константинъ Дмитричъ! Опять пріѣхали въ нашъ развратный Вавилонъ, — сказала она, подавая ему крошечную желтую руку и вспоминая прошлогоднія еще его слова, что Москва есть Вавилонъ. — Что, Вавилонъ исправился или вы⁵²³ испортились, — прибавила она, съ⁵²⁴ усмѣшкой оглядываясь на Кити.

---

⁵²¹ *Зач.*: т. е., по понятіямъ Левина, изломанность.

⁵²² *Зач.*: переносимъ только и прощаемъ, какъ у Кити, за ея прелесть, грацію, красоту;

⁵²³ *Зач.*: перемѣнились

⁵²⁴ *Зач.*: злой

– Я очень польщенъ, Графиня, тѣмъ, что вы такъ помните мои слова, – отвѣчалъ Левинъ, сейчасъ же по привычкѣ входя въ свое шуточное враждебное отношеніе къ Графинѣ Нордстонъ. – Вѣрно, они на васъ очень сильно дѣйствуютъ.

– Ахъ какже, я все записываю. Ну что, Кити, ты опять каталась, а я ѣздила утро къ своимъ друзьямъ.

И она начала разговоръ съ Кити. Левинъ собрался встать и уйти. Какъ ни неловко это было, ему все таки легче было сдѣлать эту неловкость, чѣмъ остаться весь вечеръ и видѣть Кити тоже мучающуюся, изрѣдка взглядывающую на него и избѣгающую его взгляда. Онъ хотѣлъ встать, но Княгиня замѣтила, что онъ молчитъ, и обратилась к нему.

– Чтожъ, вы надолго пріѣхали въ Москву? Вѣдь вы, кажется,⁵²⁵ мировымъ земствомъ занимаетесь, и вамъ нельзя надолго.

– Нѣтъ, Княгиня, я ужъ этимъ не занимаюсь, – сказалъ онъ безъ улыбки. – Я пріѣхалъ на нѣсколько дней.⁵²⁶

«Что то съ нимъ особенное, – подумала Графиня Нордстонъ, взглядываясь въ его строгое, серьезное лицо, – что то онъ не втягивается въ свои разсужденія. Но я ужъ выведу его. Ужасно люблю сдѣлать его дуракомъ передъ Кити и

---

⁵²⁵ *Зач.:* мировой судья

⁵²⁶ *Зач.:* – Мнѣ вчера мужъ рассказывалъ, – начала Графиня Нордстонъ, – что его призывали въ свидѣтели къ мировому судѣ о томъ, что кондукторъ сказалъ ли купцу какое-то «волочи» или что то въ этомъ родѣ сказалъ или не сказалъ.

сдѣлаю»⁵²⁷.

— Константинъ Дмитричъ, — сказала она ему, — растолкуйте мнѣ, пожалуйста, что это такое значить, вы все знаете. У насъ въ Калужской деревнѣ всѣ мужики и всѣ бабы все пропили, что у нихъ было, и теперь ничего намъ не платятъ. Вы такъ хвалите всегда мужиковъ.

Въ это время еще дама входила въ комнату, и Левинъ всталъ. Онъ сверху внизъ посмотрѣлъ на Графиню Нордстонъ и тихо и грустно отвѣчалъ:

— Извините меня, Графиня, но это не можетъ быть⁵²⁸ и даже нехорошо выдуманно.

И, разсердивъ ее ужасно и этимъ взглядомъ и этимъ отвѣтомъ, онъ отвернулся, вглядываясь въ лицо входившаго вслѣдъ за дамой⁵²⁹ военного.

«Это долженъ быть⁵³⁰ Удашевъ», подумалъ Левинъ, и, чтобы убѣдиться въ этомъ, Левинъ взглянулъ на Кити.

Кити уже успѣла взглянуть на Удашева и оглянулась на Левина, и ея невольно счастливые глаза встрѣтили грустный, но всетаки полный любви взглядъ Левина. Кити опустила глаза⁵³¹ и покраснѣла. Левинъ понялъ, что она любила этого

---

⁵²⁷ *Зачеркнуто:* — Мнѣ кажется, что Мировому Судьѣ бываетъ скучно, — продолжала она, — и онъ выдумываетъ себѣ дѣло и приглашаетъ къ себѣ въ свидетели всѣхъ, съ кѣмъ имъ хочется видѣться. Можетъ это быть, Константинъ Дмитричъ?

⁵²⁸ *Зач.:* и выдуманно

⁵²⁹ *Зач.:* офицера

⁵³⁰ *Зач.:* Вронскій

⁵³¹ *Зач.:* и смотрѣла на всѣхъ, но только не на вошедшаго, хотя она знала на-

человѣка, такъ же вѣрно, какъ еслибы она сказала ему это словами. Но кто же такой былъ⁵³² онъ?

Теперь, хорошо ли, дурно ли, ужъ Левинъ не могъ не остаться, чтобы не узнать, что за человѣкъ былъ тотъ, котораго она любила.

⁵³³Есть люди, которые, встрѣчая своего счастливаго соперника въ чемъ бы то ни было, готовы сейчасъ же отвернуться отъ всего хорошаго, что есть въ немъ, и видѣть одно дурное; есть люди, которые, напротивъ, болѣе всего желаютъ найти въ этомъ счастливомъ соперникѣ тѣ качества, которыми онъ побѣдилъ ихъ, и ищутъ съ щемящей болью въ сердцѣ одного хорошаго. Левинъ принадлежалъ къ такимъ людямъ. Но ему не трудно было отыскивать хорошее и привлекательное въ⁵³⁴ Удашевѣ. Оно сразу бросалось ему въ глаза.⁵³⁵

вѣрное, что онъ тутъ. До тѣхъ поръ не смотрѣла, пока офицеръ Вронскій не подошелъ къ ней, особенно почтительно кланяясь и подавая ей нервную съ длинными пальцами руку. Для Левина уже стало несомнѣнно, что это былъ онъ и что она отказала ему, потому что любила Вронскаго.

⁵³² *Зач.*: тотъ человѣкъ, котораго она любила?

⁵³³ *Зач.*: Онъ ожидалъ его совсѣмъ не такимъ по описанію <князя Мишуты> Облонскаго, но онъ тотчасъ же узналъ его и понялъ, что Кити должна была предпочитать его.

⁵³⁴ *Зачеркнуто*: Вронскомъ

⁵³⁵ *Зач.*: Онъ необыкновенно понравился ему. <Скорѣе> Невысокая, <стройная,> коренастая <,хотя и немного сутуловатая> фигура, <очень быстрая,> <медлительная, твердая, но чрезвычайно граціозная въ движеніяхъ, утонченная элегантность въ одеждѣ, прекрасное, открытое, румяное и немного смуглое лицо, мягкіе, рѣдкіе, выходящіе волосы, очень гладкій и бѣлый лобъ и большіе блестящіе, необыкновенно добрые, почти наивные глаза,> круглое, съ здоровыми, какъ

Удашевъ – невысокій брюнетъ съ красивымъ и чрезвычай-
но чистымъ лицомъ (какъ съ иголки мундиръ его, такъ и
лицо, курчавые съ преждевременной лысиной волоса, чер-
ные усы – все лоснилось). Удашевъ вошелъ съ тѣми рѣдко
встрѣчающимися уже въ свѣтѣ пріемами скромности, учти-
вости и вмѣстѣ спокойнаго достоинства. «Сынъ хорошаго се-
мейства, благовоспитанный и красивъ, очень красивъ», ска-
залъ себѣ Левинъ, наблюдая его въ то время, какъ онъ, давъ
дорогу дамѣ, послѣ нея подошелъ къ княгинѣ и къ Кити.

«Но любить ли онъ ее такъ, какъ я люблю ее, такъ, какъ
ее должно любить», подумалъ онъ.

Одна черта его характера, тотчасъ же выразившаяся при
его входѣ въ гостиную, особенно рѣзко, пріятно и вмѣстѣ съ
тѣмъ вызывая зависть поразила Левина. Эта черта была оче-
видная привычка къ спокойствію и счастію. Сейчасъ видно
было, что онъ одинъ изъ тѣхъ балованныхъ дѣтей судьбы, ко-
торые не знаютъ лишеній, стѣсненій, неловкости отношеній.
Со всѣми поздоровавшись, со всѣми сказавъ нѣсколько сло-
въ, онъ сѣлъ⁵³⁶ опять съ той же нѣжной осторожностью, какъ
показалось Левину, подлѣ Кити и взглянулъ на Левина. Но

жернова, зубами и челюстями лицо <небольшіе тонкіе черные усы, румяныя гу-
бы, большіе бѣлые зубы>, круглая, хорошо обстриженная курчавая на затылкѣ
и преждевременно плѣшивая голова, каріе, круглые глаза съ дѣтски наивнымъ
и вмѣстѣ твердымъ выраженіемъ и необыкновенно твердый и спокойный складъ
губъ. «Но Стива ошибался: онъ не былъ честолюбивъ, – рѣшилъ [Левинъ], – онъ
добрый, скупающій человекъ».

⁵³⁶ *Зач.*: съ какой то особенной

тотчасъ же быстро всталъ и проговорилъ:

– Княжна, представьте меня, пожалуйста, – вмѣстѣ съ тѣмъ уже протягивая⁵³⁷ руку Левину. Видно было, что ему неловко было быть въ гостиной съ незнакомымъ человекомъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ Левинъ ему нравился и что онъ не могъ сомнѣваться въ томъ, чтобы кто нибудь не былъ радъ съ нимъ познакомиться.

– Графъ Алексѣй Васильичъ⁵³⁸ Удашевъ, Константинъ Дмитричъ Левинъ, – проговорила Кити, глядя на нихъ, когда Удашевъ по своей привычкѣ крѣпко, крѣпко пожималъ руку, наивно и дружелюбно прямо своими открытыми глазами глядя въ лицо Левину.

«Какъ бы хорошо было, если бы они были дружны между собой и со мною», пришло ей въ голову, и смѣшна и страшна ей показалась эта мысль, когда она вспомнила то, что сейчасъ только было.

⁵³⁹Удашевъ не сказалъ ничего про знаменитаго брата.

– Я много слышалъ про васъ⁵⁴⁰ отъ Княжны, но удивляюсь, что ни раза не встрѣчалъ. Очень радъ, – прибавилъ онъ излишне радушно.

Это не понравилось Левину.

---

⁵³⁷ *Зач.:* свою бѣлую, нервную

⁵³⁸ *Зач.:* Вронскій

⁵³⁹ Вронскій

⁵⁴⁰ *Зачеркнуто:* по гимнастикѣ. Я тоже любилъ, но доктора запретили мнѣ.

– Константинъ Дмитричъ⁵⁴¹ ненавидитъ и презираетъ городъ и насъ, горожанъ, – сказала Графиня Нордстонъ.

– Точно также, какъ Графиня насъ, провинціаловъ, – сказалъ Левинъ.

⁵⁴²Удашевъ взглянулъ на Левина и Графиню Нордстонъ и, очевидно понявъ ихъ отношенія, улыбнулся.

«Да, его должны любить женщины», подумалъ Левинъ, чувствуя эту улыбку.

– А вы всегда въ деревнѣ? – спросилъ⁵⁴³ Удашевъ. – Вотъ чему я завидую.

– Я слыхалъ, что бѣдные люди завидуютъ тѣмъ, которые могутъ жить въ городѣ, но не наоборотъ, – отвѣчалъ Левинъ.

– Да, потому что всякій можетъ жить въ деревнѣ, – подхватилъ⁵⁴⁴ Удашевъ, но я не могу.

«Едва ли онъ любитъ деревню, – подумалъ Левинъ. – Видно, что онъ говоритъ для гостини, т. е. что говоритъ что попало, признавая ту невмѣняемость, которая составляетъ главное условіе удобнаго разговора въ гостиныхъ. Онъ не искренній человѣкъ, – подумалъ Левинъ, – но долженъ нравиться».

– Но надѣюсь, Графъ, что вы бы не всегда жили в деревнѣ, – сказала Графиня Нордстонъ.

---

⁵⁴¹ *Зач.*: въ городѣ, кажется, только любить что гимнастику,

⁵⁴² *Зач.*: Вронскій

⁵⁴³ *Зач.*: Вронскій

⁵⁴⁴ *Зач.*: а это, – онъ показаль на мундиръ, – и другое не позволяетъ.

– Не знаю, я не пробовалъ, но люблю деревню. Я испыталь странное чувство, – началъ онъ. И у него была такая пріятная дикція и по русски и въ особенности по французски, что невольно его слушали и не перебивали. – Я нигдѣ такъ не скучалъ по деревнѣ, русской деревнѣ съ лаптями⁵⁴⁵ и мужиками, какъ когда прожилъ съ матушкой зиму въ⁵⁴⁶ Ницѣ, – сказалъ онъ.

– Вы знаете – Ница скучна сама по себѣ. Да, но и Неаполь,⁵⁴⁷ Соренто, даже они хороши на короткое время. Неправда ли,⁵⁴⁸ Графиня, что...

Онъ говорилъ, обращаясь и къ Кити и къ Левину, глядя на нихъ⁵⁴⁹ своимъ твердымъ, открытымъ взглядомъ, очевидно то, что ему приходило въ голову.⁵⁵⁰

---

⁵⁴⁵ *Зач.:* колеями земляныхъ дорогъ

⁵⁴⁶ *Зач.:* Соренто

⁵⁴⁷ *Зачеркнуто:* да вся Италія, она такая блестящая, какъ эти мотивы романсовъ, пѣсенъ, *canzonetto*, которые въ восторгъ васъ приводятъ, но тотчасъ надоѣдаютъ.

⁵⁴⁸ *Зач.:* вы испытывали это. Но я любилъ эту дождливую...

⁵⁴⁹ *Зач.:* своими большими наивными глазами

⁵⁵⁰ *Зач.:* <и Левину нравился и его тонъ, и манера говорить, и, главное то, что всѣмъ было понятно, на уровнѣ каждого, и никому не могло быть непонятно, и что онъ не спускался ни до кого, а если спускался, то такъ незамѣтно, тогда какъ Левинъ зналъ самъ за собой, что какъ онъ только начиналъ говорить въ гостиной, онъ или увлекался въ разсужденія, непонятныя для слушателей, или оскорблялъ кого нибудь совершенно нечаянно и не давалъ другимъ говорить. – Я любилъ дождливую... – продолжалъ Вронской. – Но> Левина поразила только слишкомъ свободная и спокойная, хотя и почтительная его манера обращенія съ Кити. Онъ не былъ смущенъ передъ ней. «Едва ли онъ любить ее – подумаль

Замѣтивъ, что Графиня Нордстонъ начала рассказывать свое впечатлѣніе пріѣзда въ Венецію, онъ остановился, съ интересомъ слушая ее и не досказавъ того, что началъ. <Рассказывая про свое впечатлѣніе Венеціи, Графиня Нордстонъ упомянула объ Аннѣ Карениной, съ которой она тогда провела зиму въ Римѣ, и разговоръ перешелъ на Каренину и на ея ожидаемый пріѣздъ.⁵⁵¹ Всѣ начали съ похвалъ тому лицу, <о которомъ говорили,> и понемногу изъ похвалъ, которыя даютъ мало пищи разговору, естественно перешли въ болѣе или менѣе остроумное осужденіе.

— Я очень люблю Анну, — говорила Графиня Нордстонъ, — но я всегда удивлялась ея способности не только поддѣлываться, но совершенно сживаться съ тѣмъ кругомъ, въ которомъ она живетъ. Въ Римѣ она была въ непроходящемъ восторгѣ отъ искусства, потомъ я ее нашла въ Петербургѣ⁵⁵² влюбленной во дворъ и большой свѣтъ.

Кити, какъ всякая женщина, не безъ удовольствія слушавшая осужденіе другой⁵⁵³ женщины, пришла на помощь сестриной золовкѣ.

— Но она⁵⁵⁴ необыкновенно религіозна, добра.

— Да, но эта религіозность и добро — принадлежность

онъ. — И какъ любить?»

⁵⁵¹ *Зач.*: Какъ всегда бываетъ въ хорошемъ обществѣ,

⁵⁵² *Зач.*: самой чопорной и холодной *grande dame* [светской дамой],

⁵⁵³ *Зач.*: красивой

⁵⁵⁴ *Зач.*: не только *grande dame*, она

grande dame известнаго круга, — вмѣшался Вронскій.⁵⁵⁵

— Все таки она⁵⁵⁶ очень милая женщина⁵⁵⁷ и дѣлаетъ много добра.

Вронскій замолчалъ улыбаясь. Кити обратилась къ Левину, чтобы и его ввести въ разговоръ.

— А вы, Константинъ Дмитричъ, вѣрите, чтобы придворная женщина могла дѣлать добро?

— Придворность, по моему, не мѣшаетъ добру, — отвѣчалъ Левинъ. — Богатство и роскошь мѣшаютъ. И я потому только не вѣрю въ добродѣтельность свѣтскихъ дамъ, что онѣ, раздавая фуфайки по 20 копеекъ людямъ, умирающимъ отъ холода, сами носятъ 4000 рублевыхъ собольи шубы.

«А какой славный, умный человекъ, и наружность какая милая», подумалъ Вронскій на Левина.

Разговоръ⁵⁵⁸ не умолкалъ ни на минуту, такъ что старой Княгинѣ, всегда имѣвшей про запасъ, въ случаѣ отсутствія тѣмы, два тяжелыя орудія: классическое и реальное образование и общую воинскую повинность, не пришлось выдвигать свои запасныя орудія, и графинѣ Нордстонъ некогда и нельзя было дразнить Левина.

---

⁵⁵⁵ *Зач.*: — И, если я не ошибаюсь, Анна Аркадьевна Каренина составляетъ украшеніе того добродѣтельно-сладкаго, хомяковско-православно-дамско-придворнаго кружка, который имѣетъ такое вліяніе въ Петербургѣ.

⁵⁵⁶ *Зачеркнуто*: удивительная

⁵⁵⁷ *Зач.*: и пріятная

⁵⁵⁸ *Зач.*: оживленный, пріятный для всѣхъ,

⁵⁵⁹Разговоръ зашелъ о вертящихся столахъ и духахъ, ⁵⁶⁰и Графиня Нордстонъ, вѣрившая въ спиритизмъ, стала рассказывать тѣ чудеса, которыя она видѣла.

– Ахъ, Графиня, непременно свезите, ради Бога свезите меня къ нимъ. Я никогда ничего не видалъ необыкновеннаго, хотя вездѣ отыскиваю, – сказалъ ⁵⁶¹Удашевъ.

– Хорошо, въ будущую субботу, но вы, Константинъ Дмитричъ, вѣрите? – спросила она Левина.

– Зачѣмъ вы меня спрашиваете? Вы, вѣрно, знаете, что я скажу.

– Но я хочу слышать ваше мнѣніе.

Левинъ пожалъ плечами.

– Я долженъ быть неучтивъ.

– Чтожъ, вы не вѣрите?

– Чтобы вамъ сказать, Графиня? Еслибы почтенная старушка дама, которую вы должны уважать, рассказывала бы вамъ, что у ней каждый день на носу цвѣтутъ померанцы?

– Я бы сказала, что съумасшедшая старушка. Такъ вы меня называете и старушкой и съумасшедшей, – и она не весело засмѣялась.

– Да нѣтъ, Маша, Константинъ Дмитричъ говорить, что онъ не можетъ вѣрить, – сказала Кити.

---

⁵⁵⁹ *Зач.*: Отъ Карениной

⁵⁶⁰ *Зач.*: <такъ какъ та добродѣтель, о которой говорили, имѣла что-то общее съ спиритизмомъ,> въ которыхъ вѣрилъ братъ Каренина.

⁵⁶¹ *Зач.*: Вронскій

Но⁵⁶² Удашевъ съ своей открытой веселой улыбкой сейчас же пришелъ на помощь разговору, угрожающему сдѣлаться непріятнымъ.

— Вы совсѣмъ не допускаете возможность? — спросилъ онъ. — Почему же? Мы допускаемъ существованіе электричества, котораго мы не знаемъ, почему же не можетъ быть новая сила, еще намъ неизвѣстная, — сказалъ онъ.

— Когда найдено было электричество, — отвѣчалъ Левинъ, — то только было открыто явленіе и неизвѣстно было, откуда оно происходитъ и что оно производитъ, и вѣка прошли послѣ того, какъ подумали о приложеніи его, а спириты, напротивъ, начали съ того, что столики имъ пишутъ, и духи приходятъ, а потомъ уже стали говорить, что это есть сила неизвѣстная.

⁵⁶³ Удашевъ съ чуть замѣтной улыбкой посмотрѣлъ на Левина, и, очевидно, понялъ его, но не отвѣчалъ, а продолжалъ свое.

— Да, но спириты говорятъ: теперь мы не знаемъ, что это за сила, но сила есть, и вотъ при какихъ условіяхъ она дѣйствуетъ. А ученые пускай разбираютъ. Нѣтъ, я не вижу, почему это не можетъ быть новая сила.

— А потому, — сказалъ Левинъ, — что при электричествѣ всякій разъ, какъ вы потрете смолу о шерсть, будетъ искра, а здѣсь не всякій разъ, стало быть, это не природное явленіе.

---

⁵⁶² Зачеркнуто: Вронской

⁵⁶³ Зачеркнуто: Вронской

Вѣроятно, чувствуя, что разговоръ принимаетъ для гостинной слишкомъ серьезный характеръ,⁵⁶⁴ Удашевъ тотчасъ же постарался перемѣнить его.

— Давайте попробуемъ, — началъ онъ, но Левинъ не могъ никогда привыкнуть къ тому, что въ гостинной не слѣдуетъ говорить толково и послѣдовательно. Ему всегда казалось, что ежели соберутся люди, ничего не дѣлая, то, очевидно, для того, чтобы разговаривать, высказывать свои мысли, и, всегда увлекаясь разговоромъ, говорилъ серьезно то, что думалъ, забывая то, что въ гостинной неприличнѣ всего толковый разговоръ, потому что онъ мѣшаетъ обществу.

Онъ началъ говорить то, что думалъ, и тотчасъ же почувствовалъ, что онъ глупо дѣлаетъ,⁵⁶⁵ и что⁵⁶⁶ Удашевъ гораздо умнѣе его, но онъ не могъ удержаться, тѣмъ болѣе что онъ чувствовалъ себя раздраженнымъ.

⁵⁶⁷— Я думаю, — говорилъ онъ, — что попытка спиритовъ

---

⁵⁶⁴ *Зачеркнуто:* Вронской

⁵⁶⁵ *Зач.:* увлекаясь разговоромъ въ гостинной,

⁵⁶⁶ *Зач.:* Вронской

⁵⁶⁷ *Зач.:* — <Я совѣтую всемъ интересующимся этимъ, — началъ Левинъ>. Я не могу интересоваться, потому что не могу допустить возможности, — сказалъ онъ. — Но я совѣтую попросить духовъ отвѣтить на какойнибудь вопросъ изъ высшей математики или на вопросъ, сдѣланный по санскритски тамъ, где medium'ы не знаютъ математики и по санскритски. — Отчего же? вы думаете, что духи не знаютъ математики? — сказала Графиня Нордстонъ, — навѣрное лучше васъ знаютъ. — Да, это вопросъ, — смѣясь сказалъ Вронской. — Это прекрасно, — сказала Кити Левину, — задайте Мари математический вопросъ, и она привезетъ намъ отвѣтъ.

объяснять свои чудеса какой-то новой силой – самая неудачная. Они прямо говорят о силѣ духовной и хотятъ ее подвергать опыту.

Всѣ ждали, когда онъ кончитъ, и онъ чувствовалъ, что онъ глупъ.

– А я думаю, что вы будете отличный medium, – сказала Графиня Нордстонъ, – въ васъ есть что то восторженное.

Левинъ⁵⁶⁸ покраснѣлъ и замолчалъ.

– Давайте сейчасъ, Княжна, испытаемъ столъ, пожалуй-ста, – сказалъ⁵⁶⁹ Удашевъ. – Княгиня, вы позволите?

И⁵⁷⁰ Удашевъ, вставъ, отыскивалъ глазами столикъ.

Кити⁵⁷¹ встала⁵⁷² за столикомъ и проходя взглянула на раздраженное лицо Левина и опять встрѣтилась съ нимъ глазами.

Только что хотѣли устраиваться около столика, какъ⁵⁷³ вошелъ старый князь. Молодые люди встали, здороваясь съ нимъ.

– А! – сказалъ он, увидавъ Левина, – радъ васъ видѣть! – и онъ обнялъ его. – Какъ дѣла, на долго ли?

Здравствуйте, Графъ, – сказалъ онъ холодно и сѣлъ въ

---

⁵⁶⁸ *Зачеркнуто:* не обращая вниманія на ея слова, продолжалъ:– Надо

⁵⁶⁹ *Зач.:* Вронской

⁵⁷⁰ *Зач.:* Вронской

⁵⁷¹ *Зач.:* улыбаясь

⁵⁷² *Зач.:* и принесла отъ окна столикъ.

⁵⁷³ *Зач.:* волоча ноги,

кресло.⁵⁷⁴ И бѣгло вопросительно взглянувъ на Кити, обратился къ Левину, спрашивая его о хозяйствѣ.

Какъ только отецъ вошелъ, Кити покраснѣла; она одна знала, какъ отецъ ревниво относился къ ея искателямъ⁵⁷⁵ и какъ онъ подъ своимъ важнымъ и глуповатымъ даже видомъ былъ проницателенъ и насквозь все видѣлъ то, что его интересовало. Кити взглядывала на Левина. Она понимала⁵⁷⁶ все, что онъ перечувствовалъ въ этотъ вечеръ. Она понимала, какъ тяжело, неловко ему теперь съ ея отцомъ. И ей всей душой было жалко его. И вмѣстѣ съ тѣмъ ей пріятно было жалѣть его въ несчастьи, которое сдѣлала она.

– Такъ-то, такъ-то, мой милѣйшій Константинъ Дмитричъ, обмолотили, продали хлѣба, да и въ Москву, – говорилъ старый Князь.

– Князь, отпустите намъ Константина Дмитрича, – сказала графиня Нордстонъ. – Мы хотимъ опытъ сдѣлать.

– Какой опытъ, столы вертѣтъ? И, извините меня, дамы и господа, но, по моему, въ колечко веселѣе играть, по крайней мѣрѣ есть смыслъ.

⁵⁷⁷ Удашевъ посмотрѣлъ съ удивленьемъ на князя своими открытыми глазами и, чуть улыбнувшись, тотчасъ же заго-

---

⁵⁷⁴ *Зач.*: «А! нынче два тютюка», сказала онъ самъ себѣ, такъ неуважительно называя про себя молодыхъ людей.

⁵⁷⁵ *Зач.*: называя ихъ тютюками и перепелами,

⁵⁷⁶ *Зач.*: его спокойный видъ, его шутки съ Нордстонъ, его любезность съ Вронскимъ.

⁵⁷⁷ *Зачеркнуто*: Вронской

ворилъ съ Графиней Нордстонъ о предстоящемъ на будущей недѣлѣ большомъ балѣ.

— Я надѣюсь, что вы будете? — обратился онъ къ Кити.

Отпущенный старымъ Княземъ, Левинъ незамѣтно вышелъ, и послѣднее впечатлѣніе, вынесенное имъ изъ этого вечера, было улыбающееся счастливое лицо Кити, отвѣчавшей⁵⁷⁸ Удашеву на его вопросъ о балѣ.

На большой лѣстницѣ Левинъ встрѣтился съ Облонскимъ, входившимъ наверхъ.

— Чтожъ такъ рано, сказалъ Степанъ Аркадьичъ, хватая его за руку.

Левинъ нахмурился и, высвобождая схваченную Облонскимъ руку, сердито проговорилъ:

— Мнѣ нужно еще...

— Что же, что? — съ участіемъ проговорилъ по французски Облонскій.

⁵⁷⁹— Да ничего особеннаго. Я тороплюсь.....

Онъ не договорилъ, глотая что то оставшееся въ горлѣ, и сбѣжалъ съ лѣстницы.

*** № 17 (рук. № 21).**

⁵⁸⁰Удашевъ между тѣмъ, выѣхавъ въ 12 часовъ отъ Щер-

---

⁵⁷⁸ *Зач.*: Вронскому

⁵⁷⁹ *Зач.*: — Твоя жена — дурной пророкъ. Ну, прощай, надолго...

⁵⁸⁰ *Зач.*: Вронскій долго не спалъ, ходя взадъ и впередъ по небольшой занима-

бацкихъ съ тѣмъ выносимымъ всегда отъ нихъ пріятнымъ чувствомъ чистоты, свѣжести и невинности съ присоединеніемъ поэтическаго умиленія за свою любовь къ Кити и ея любовь, про которую онъ зналъ, — чувство, которое отчасти зависѣло и отъ того, что не курилъ цѣлый вечеръ, — закурилъ папиросу и, сѣвъ въ сани, задумался, куда ѣхать коротать вечеръ. Онъ стоялъ у Дюссо и, зайдя въ столовую, ужаснулся на видъ Туровщина, Игнатьева и Кульмана, ужинавшихъ тамъ.

«Нѣтъ, я не могу съ ними сидѣть нынче». Онъ чувствовалъ, что между имъ и Кити, хотя и ничего еще не было сказано, установилась⁵⁸¹ опредѣленная и сознаваемая ими обоими связь и что она почему то особенно усилилась нынѣшній вечеръ.⁵⁸²

«Прелестная дѣвушка! И тронулся, тронулся вешній ледокъ!», думалъ онъ о ней.

Онъ вернулся въ свой номеръ, велѣлъ себѣ принести ужи-

емой имъ комнатѣ въ огромномъ материнскомъ домѣ. «Надо, надо кончить эту жизнь. А то такъ скучно». На него находила тоска и уныніе и прежде; но теперь нашло еще съ большей силой, чѣмъ когда нибудь. И съ тоской соединялось чувство влеченія къ этой милой дѣвушкѣ съ ея маленькой головкой, такъ удивительно поставленной на тонкой шеѣ и прелестномъ станѣ, и тоска соединялась съ этимъ влеченіемъ. Ему хотѣлось плакать и любить и быть любимымъ. Надо было подумать и рѣшить.

⁵⁸¹ *Зачеркнуто*: твердая и важная

⁵⁸² *Зач.*: О чем же было думать? Чѣмъ волноваться? Тѣмъ, что онъ счастливъ, что любимъ прелестнѣйшимъ существомъ? Странно сказать, что не останавливало, но задерживало Вронскаго — это то, что это не была большая страсть, на которую онъ такъ давно былъ готовъ,

нать и, открывъ французскій романъ, разстегнувшись, сѣлъ за столъ. Но книга не читалась. Онъ видѣлъ ея, ея румянецъ, ея улыбку, ея робость ожиданія, что вотъ вотъ онъ скажетъ, и боязнъ вызвать это слово.

«Ну и что же? — спросилъ онъ себя. — Неужели жениться?» Это было слишкомъ легко и слишкомъ просто. Да и зачѣмъ?

⁵⁸³ Удашевъ былъ ⁵⁸⁴ скромный человѣкъ, но онъ не могъ не знать, что онъ былъ одинъ изъ лучшихъ жениховъ въ Россіи и что въ свѣтскомъ отношеніи родные Щербацкихъ должны быть болѣе довольны этимъ бракомъ, чѣмъ его родные. Хотя онъ зналъ, что ни одинъ Русскій человѣкъ не сдѣлалъ бы *mesaillance*, ⁵⁸⁵ женившись на Кити, и онъ зналъ, что мать его одобряетъ этотъ бракъ, но онъ чувствовалъ, что ему не хочется, потому что это слишкомъ легко и просто и вмѣстѣ серьезно. ⁵⁸⁶ Удашевъ никогда не зналъ ⁵⁸⁷ семейной жизни. Самый бракъ, самая семейная жизнь, помимо той женщины, которая будетъ его женой, не только не представляли для него никакой прелести, но онъ по своему взгляду на семейную жизнь видѣлъ до сихъ поръ, что на мужѣ лежитъ отпечатокъ чего то смѣшнаго. Онъ никогда и не думалъ жениться до нынѣшней зимы въ Москвѣ, когда онъ влюбился въ Ки-

---

⁵⁸³ *Зач.*: Вронской

⁵⁸⁴ *Зач.*: одинъ изъ самыхъ скромныхъ людей

⁵⁸⁵ [неравного брака,]

⁵⁸⁶ *Зачеркнуто*: Вронской

⁵⁸⁷ *Зач.*: и не любить

ти.⁵⁸⁸ Только теперь, чѣмъ дальше и дальше заходили его отношенія съ нею, ему приходила эта мысль; но она приходила ему только по отношенію къ нему самому. По отношенію же къ ней, о томъ, что она, любя его, будетъ несчастлива, если онъ не женится, эта мысль никогда не приходила ему въ голову. И потому онъ только спрашивалъ себя, необходимо ли для его счастья жениться на ней, и быть въ нерѣшительности. Онъ былъ уменъ и добръ. Но потому ли, что всякое чувство слишкомъ сильно овладѣвало имъ, или потому, что онъ не задумывался надъ жизнью, у него въ головѣ никогда не помѣщалась вмѣстѣ мысль о томъ, что ему нужно отъ человѣка и что человѣку нужно отъ него.

Выйдя очень молодымъ блестящимъ офицеромъ изъ шко-

---

⁵⁸⁸ *Зач.*: Выйдя на волю въ своемъ Петербургскомъ блестящемъ гвардейскомъ кругѣ, онъ тотчасъ же попалъ на актрисъ и кокетокъ, но натура его была слишкомъ честная, простая и вмѣстѣ тонкая, чтобы увлечься этими женщинами. Онъ имѣлъ эти связи также, какъ пилъ въ полку не оттого, что любилъ, а оттого же самого, отчего люди курятъ. Всѣ дѣлають, навязываются эти женщины, и питье само собой, и дурнаго тутъ ничего нѣтъ; напротивъ, есть что то пріятное, хорошее, состоящее въ томъ, чтобы, чувствуя въ себѣ силы на все лучшее, дѣлать самое ничтожное. Это сознаніе того, что я всегда выше того, что я дѣлаю, и удовольствіе въ этомъ сознаніи было главное руководящее послѣднее время чувство всей жизнью Вронскаго. Онъ говорилъ по англійски, какъ Англичанинъ, по французски, какъ Французъ, жилъ въ Лондонѣ и Парижѣ, но онъ былъ вполне русскій человѣкъ. Онъ не могъ переносить фальши и такъ боялся того, чтобы имѣть видъ человѣка, полагающаго, что онъ дѣлаетъ важное дѣло, а дѣлаетъ пустяки, что онъ всегда дѣлалъ пустяки и имѣлъ такой видъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ самъ чувствовалъ и другіе чувствовали, что въ немъ сидѣлъ запасъ чего то. Теперь ему надо было разстаться съ этимъ чувствомъ, и это не останавливало, но задерживало его; надо было излить этотъ запасъ силы любви, и ему жалко было.

лы, онъ сразу попалъ въ колею богатыхъ петербургскихъ военныхъ и, хотя и ѣздилъ въ свѣтъ изрѣдка, не имѣлъ въ свѣтѣ ни связей и ни разу по тому тону, царствующему въ его кругѣ, не ухаживалъ за дѣвушкой. Тутъ, въ Москвѣ, это случилось съ нимъ въ первый разъ, и въ первый разъ онъ испытывалъ всю прелесть, послѣ роскошной, утонченно грубой петербургской жизни, сближенія съ невиннымъ прелестнымъ существомъ, которое полюбило его. Онъ не зналъ, что это заманиваніе барышень безъ намѣренія жениться есть одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ дурныхъ и пріятныхъ поступковъ блестящихъ молодыхъ людей, какъ онъ. Онъ думалъ, что онъ самъ первый открылъ его, и наслаждался своимъ открытіемъ. Онъ видѣлъ, какъ онъ говорилъ себѣ, что ледокъ весенній таялъ и она была переполнена любви къ нему, что изъ нея, какъ изъ налитого яблочка, готова была брызнуть эта любовь. Стоило ему только сказать слово. Онъ не говорилъ этого слова, и упрекать ему себя не за что было. Онъ говорилъ, что всегда говорятъ въ свѣтѣ, всякій вздоръ, но вздоръ такой, которому онъ умѣлъ придавать для нея смыслъ. Онъ ничѣмъ не связалъ себя, онъ только въ Москвѣ, какъ въ деревнѣ, веселился невинными удовольствіями (онъ часто думалъ, какъ посмѣялись бы ему его товарищи), но послѣднее время его честная натура подсказывала ему, что надо принять что то, что то можетъ быть нехорошо. Но какъ только онъ говорилъ себѣ — жениться? — ему чего-то совѣстно становилось и казалось, что этого нельзя. Нынѣшній ве-

черъ онъ однако почувствовалъ, что надо рѣшить вопросъ.

«Ну, что же — жениться? Ахъ, все бы, только не жениться», наивно отвѣчалъ онъ себѣ. Мало того, что это было слишкомъ просто и легко [*1 неразобр.*] мало того, что онъ никогда не думалъ о женитьбѣ и семьѣ и не могъ представить себѣ жизни внѣ условій холостой свободы, — главная причина была та, что онъ, женившись, выпускалъ тотъ зарядъ чего то, который онъ держалъ въ запасѣ и который онъ не считалъ нужнымъ выпускать.

Онъ ничего не дѣлалъ путнаго, онъ это зналъ, но онъ не представлялъ изъ себя человѣка, который дѣлаетъ важное дѣло, а, напротивъ, онъ имѣлъ видъ человѣка, всѣмъ пренебрегающаго и не хотящаго дѣлать ничего. А вмѣстѣ съ тѣмъ онъ зналъ и другимъ давалъ чувствовать, что если бы онъ захотѣлъ, то онъ многое бы могъ сдѣлать. И в этомъ была его роль, къ которой онъ привыкъ и которой гордился. Женись онъ, и кончено.

«Да, прелестная дѣвушка и милая! Какъ она любить невинно, — думалъ онъ.⁵⁸⁹ — Ну, а потомъ? Впрочемъ, все видно будетъ. Еще времени много, и я ничѣмъ не связалъ

---

⁵⁸⁹ *Зачеркнуто:* «Да, я люблю ее, выйду въ отставку. Да и потомъ, она любить меня, и я не могъ, если бы и хотѣлъ, бѣжать теперь. Конецъ пьянству и полковой прежней жизни, и пора. А какая будетъ будущая — убей Богъ, не знаю и представить не могу. Но рѣшено, такъ рѣшено», сказалъ онъ, и когда у него было что рѣшено, то это было рѣшено совсѣмъ; это зналъ всякій, знавшій его, и сказали всякій, кто только видѣлъ его простое, твердое лицо. «Главное, грустно, ужасно грустно».

себя».

№ 18 (пук. № 17).

Онъ кончилъ первымъ курсъ въ артиллерійскомъ училищѣ и имѣлъ большую способность къ математикѣ, но не бралъ, кромѣ какъ на ночь, книги — романа — въ руки; онъ былъ любезный, блестящій, свѣтскій человѣкъ и предпочиталъ женщинъ и не ѣздилъ въ общество. Онъ по положенію и примѣру брата могъ бы идти по дорогѣ честолюбія. Успѣхами онъ пренебрегалъ и былъ во фронтѣ; онъ былъ богатъ и отдалъ все состояніе брату, женатому, оставивъ себѣ 30 тысячъ въ годъ. Отъ лѣни ли, отъ того ли, что онъ хотѣлъ убересть свѣжесть запаса, не растративъ его кое-какъ, но въ этой жизни спустя рукава онъ находилъ удовольствіе.

* № 19 (пук. № 13).

VII.

На другой день былъ морозъ еще сильнѣе, чѣмъ наканунѣ. Иней начиналъ спадать. И туманъ стоялъ надъ городомъ.

Въ 11 часовъ утра Степанъ Аркадьичъ, выѣхавъ встрѣчать сестру, неожиданно столкнулся на подъѣздѣ станціи съ Вронскимъ, пріѣхавшимъ съ старымъ лакеемъ въ ливреѣ, въ огромной старинной съ гербами каретѣ.⁵⁹⁰

---

⁵⁹⁰ Зап.: <Вронскій былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, съ которыми Алабинъ

— А, Ваше сіятельство! — вскрикнулъ Степанъ Аркадьичъ, только что выйдя изъ кареты, стоя на приступкахъ большой лѣстницы и дожидаясь, пока отѣдетъ его карета и подѣдетъ карета, изъ которой выглядывалъ Вронскій. — А каковъ морозъ? Ты за кѣмъ?

Степанъ Аркадьичъ, какъ и со всѣми, былъ на ты съ Вронскимъ, но почему то, особенно со стороны Вронскаго, это было непрочно и неловко.

— За матушкой. Она нынче должна быть изъ Петербурга, — отвѣчалъ Вронскій, поддерживая саблю, выходя изъ кареты. — Я думаю, ужъ нѣтъ другаго такого экипажа въ Москвѣ. А вы кого встрѣчаете? — И⁵⁹¹ вспомнивъ, что онъ на ты, что ему всегда было неловко, прибавилъ, пожимая руку: — Ты кого встрѣчаешь? — И они пошли въ большую дверь.

— Я? Я хорошенькую женщину, — сказалъ онъ улыбаясь. — Я думаю, что самую хорошенькую и самую нравственную женщину Петербурга — сестру Анну, — сказалъ онъ, — Каренину, — разрѣшая недоумѣвающій наивный взглядъ агатово-черныхъ глазъ Вронскаго. — Ты ее, вѣрно, знаешь?

— Къ⁵⁹² сожалѣнію нѣтъ. Я встрѣтилъ разъ Анну... — онъ задумался... — Аркадьевну давно у дяди, но едва ли она помнить меня.

не быть [на] ты.> Несмотря на то, что Алабинъ познакомился съ нимъ только мѣсяцъ тому назадъ, онъ ужъ былъ съ нимъ на ты, хотя это ты, видимо, неловко было Вронскому.

⁵⁹¹ *Зачеркнуто:* слегка покраснѣвъ

⁵⁹² *Зач.:* удивленію

— Ну а Алексѣя, моего могущественнаго зятя, вѣрно знаешь? Вотъ человѣкъ, который пойдетъ далеко!

— Алексѣя Александровича я⁵⁹³ знаю. Онъ не только пойдетъ, но ужъ и пошелъ далеко. Это вполнѣ государственный человѣкъ.

— Уу! — сказалъ Степанъ Аркадычъ, выражая этимъ восклицаніемъ способность зятя къ дѣятельности государственнаго человѣка. — И отлично живутъ, примѣрная семья, — сказалъ онъ, выражая этимъ, какъ понялъ Вронскій, свое удивленіе къ тому, что счастливая семейная жизнь можетъ существовать даже при такой некрасивой и жалкой наружности, какъ наружность Алексѣя Александровича.

— Да, но очень уменъ, — отвѣчалъ Вронскій и,⁵⁹⁴ кажется, хорошій очень человѣкъ.

— Я не спору, я его очень люблю, отличный малый, — сказалъ Степанъ Аркадычъ про зятя такимъ тономъ, который показывалъ, что онъ не любилъ его, на сколько могъ Степанъ Аркадычъ не любить кого нибудь. — Но Анна — это такая прелесть. Я не знаю женщины лучше, добрѣе ее.

Вронскій смотрѣлъ прямо на Алабина своими большими прекрасными глазами и, такъ какъ нечего было сказать на это, ничего не сказалъ; но въ душѣ онъ удивлялся этой нѣжности брата къ сестрѣ, тѣмъ болѣе, что⁵⁹⁵ онъ

---

⁵⁹³ *Зач.:* давно

⁵⁹⁴ *Зач.:* прекрасный

⁵⁹⁵ *Вслед за этимъ написано:* то, что онъ зналъ объ Карениной. Слова эти, какъ

особенно не любилъ тотъ петербургскій кружокъ, котораго Анна Аркадьевна составляла украшеніе. Если онъ бѣжалъ подъ предлогомъ болѣзни отъ почестей, которыя его ждали въ Петербургѣ, то преимущественно вслѣдствіи отвращенія къ тому могущественному кружку, котораго главнымъ лицомъ былъ Алексѣй Александровичъ и который казался ложнымъ, фальшивымъ, напыщеннымъ Вронскому. Это былъ тотъ кружокъ, который Вронскій называлъ шуточно: утонченно-хомяковско-православно-женско-придворно-славянофильски добродѣтельно изломанный. И ему много лжи, притворства, скромности и гордости казалось въ этомъ тонѣ, и онъ терпѣть не могъ его и лицъ, какъ Каренины, мужа, жену и сестру, которыя составляли его. Отъ этаго онъ ничего не отвѣтилъ Алабину.

– Ты взойди сюда, Михайла, – сказалъ Вронскій къ высокому старому материному лакею, пріѣхавшему съ нимъ. – Для матушки вѣдь переѣздъ изъ Петербурга въ Москву теперь кажется труднѣе, чѣмъ на лошадахъ, – улыбаясь своей кроткой и тихой улыбкой, сказалъ Вронскій. – Тамъ братъ посадилъ ее въ вагонъ съ дѣвушкой и съ Джипомъ, приказалъ кондуктору дѣлать такъ, чтобы какъ можно было похоже на карету, здѣсь мы съ Михайлой встрѣтимъ.

– Вѣрно, въ особомъ отдѣленіи?

– Ну, разумѣется. Чтобы она была довольна, надо, чтобы провезти ее изъ Петербурга въ Москву такъ, чтобы она не

чувствовала, что смѣшалась съ другими, чтобы ее мірокъ, атмосфера ѣхали съ нею...

— Ну да, ну да, — говорилъ Степанъ Аркадьичъ, сіяя глазами. — Что, скоро ли? Лучше бы пройти туда на платформу.

Такъ говорили они, ходя взадъ и впередъ по залѣ и ожидая прихода поѣзда.⁵⁹⁶

⁵⁹⁷ Приближеніе время прихода поѣзда все болѣе и болѣе

---

⁵⁹⁶ *На верхнем крае поля написано:* Степанъ Аркадьичъ убить всегда натошакъ, а нынче особенно, и завидуешь.

⁵⁹⁷ *Зачеркнуто:* Извозничья карета Степана Аркадьича задержалась у подъѣзда станціи другой темной старомодной каретой на парѣ бѣлыхъ перекормленныхъ лошадей съ свалившимися шлеями и желобами по спинамъ и съ старымъ кучеромъ и толстымъ лакеемъ на козлахъ. Изъ кареты необходимо должна была выдти старая московская барыня, <какъ изъ желтой гусеницы шелковичнаго червя должна выдти бѣлая бабочка.> Но совершенно неожиданно Степанъ Аркадьичъ увидаль, что въ то время, какъ старикъ, толстый лакей, только закопошился на козлахъ, собираясь слѣзть, дверца, какъ выстрѣлила, отворилась, стукнувшись въ размахъ о колесо, и изъ кареты выпрыгнуть знакомый конногвардеецъ Алабина Гагинъ, жившій эту зиму въ отпуску въ Москвѣ и такъ пристально ухаживавшій за свояченицей Алабина, за Кити Щербацкой, что каждый день ожидалось объявленіе о ихъ обрученіи. — А, Алабинъ! Вы за кѣмъ? — проговорилъ Гагинъ, пожимая руку знакомому, и, не дожидаясь отвѣта, указывая улыбаясь на слѣзавшаго, съ козель старика лакея, по французски сказать: — А я за матушкой, ѣдетъ изъ Петербурга отъ брата. Вы видѣли, я думаю, ея пару въ каретѣ. Такой классической пары, я думаю, ужъ не осталось въ Москвѣ. Это матушкина гвардія. Ей кажется, что безъ него переѣздъ на Пречистенку не совсѣмъ безопасенъ. Матушка пріѣзжаетъ нынче, — прибавилъ онъ. — Да, а вы за кѣмъ? — За сестрой. — Анна Аркадьевна Каренина, слышаль; но никогда не имѣль чести быть представленнымъ. Я вчера не засталъ васъ въ театрѣ, а нельзя было раньше. Кузьмичъ, ты войди сюда, чтобъ Княгиня сейчасъ увидѣла тебя, — обращался онъ къ старому лакею. — Ахъ да, виновать, вы что-то говорили. Обѣдать? Пожалуй, давайте обѣдать гдѣ нибудь вмѣстѣ; только я приведу съ собой своего чудака Удашева Костю;

обозначалось движеніємъ, приготовленіємъ⁵⁹⁸ на станціи, бѣганьемъ артельщиковъ, прислуги, отпираниємъ шкапчиковъ, съ газетами, появленіємъ жандармовъ, служащихъ и

онъ вчера пріѣхаль и у меня остановился. А вечеромъ я у вашихъ. Впрочемъ, не знаю, матушка отпуститъ ли меня. Какъ бы, голубчикъ, отпереть эту дверь, — обратился онъ къ служащему на желѣзной дорогѣ, — вѣдь скоро придетъ? Да вотъ какъ мы сдѣлаемъ. Мнѣ нужно на Прѣсню, на проѣздку, мой Беркутъ бѣжитъ, и ваши, т. е. Княгиня съ дочерью, будутъ въ Саду на конькахъ, я обѣщался зайти Княгинѣ. Такъ тамъ сойдемся и рѣшимъ, обѣдаемъ ли вмѣстѣ и гдѣ. Хорошо? Такъ говорилъ Гагинъ, молодой, красивый юноша, ни громкимъ, ни тихимъ голосомъ, спрашивая и не дожидаясь отвѣта, не дослушивая того, что ему говорили, перебивая въ серединѣ рѣчи, очевидно не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что сотни постороннихъ глазъ видятъ и ушей слышатъ его, и двигаясь среди людей, вниманіе которыхъ онъ, очевидно, обращалъ на себя своей красивой, самоувѣренной, элегантною и счастливою фигурой, также свободно, какъ бы онъ былъ одинъ съ своимъ пріятелемъ. Не смотря на то, что въ разговорѣ онъ спрашивалъ и не дослушивалъ отвѣта, перебивая въ серединѣ рѣчи, онъ дѣлалъ все это такъ живо и безсознательно и когда замѣчалъ, что сдѣлалъ неучтивость, толкнувъ ли кого нечаянно, или перейдя дорогу дамѣ, или перебивъ рѣчь, такъ охотно, видимо отъ всей души, извинялся, и такое еще съ дѣтства очевидно нетронутое веселье жизни и свѣжесть были во всѣхъ его чертахъ и движеніяхъ, что въ большинствѣ людей, которые видѣли его, двигаясь по залѣ станціи, онъ возбуждалъ чувство зависти, но зависти безъ желчи. «Вотъ счастливый, неломанный, не мученый человѣкъ!» говорилъ всякій, кто видѣлъ его. И это самое, вспоминая бывшую дома сцену, думалъ, глядя на него, Степанъ Аркадычъ. «Вотъ счастливый человѣкъ! — думалъ Степанъ Аркадычъ, поутру, до завтрака, особенно нынче, послѣ сцены съ женою, находившійся въ меланхолическомъ расположеніи духа. — Богатъ, что дѣвать некуда денегъ, и свободенъ, какъ птица. Чего ему еще?» Въ томъ, что онъ красивъ и здоровъ, Степанъ Аркадычъ не завидовалъ ему: эти качества, имѣя ихъ въ высшей степени, Степанъ Аркадычъ не считалъ за благо, такъ какъ не зналъ, что такое ихъ отсутствіе. — Хорошо, послѣ Суда я заѣду въ садъ, — сказала Степанъ Аркадычъ, — и пообѣдаемъ.

⁵⁹⁸ *Зачеркнуто:* въ буфетѣ и

подъѣздомъ встрѣчающихъ. Степанъ Аркадьичъ и⁵⁹⁹ Вронскій⁶⁰⁰ были не только пропущены, но приглашены на платформу за тѣ самыя двери, отъ которыхъ⁶⁰¹ отгоняли другихъ, желавшихъ пройти туда же.

Морозный паръ лежалъ на всемъ. Холодно было смотрѣть на рельсы. Рабочіе въ шубахъ съ обиндѣвшими усами дѣлали что то. Закутанный стрѣлочникъ пробѣжалъ. Какой то паровикъ свистя проѣхалъ по дальнимъ рельсамъ. Наконецъ за свистѣль вдали паровозъ, загудѣла труба, задрожала платформа и, пыхая сбиваемымъ книзу паромъ, сталъ подкатываться огромный тендеръ съ своимъ кланяющимся начальнику станціи крѣпышомъ машинистомъ, обиндѣвшимъ и обвязаннымъ, въ куртку, и медленно и мѣрно насупливающимся и растягивающимся рычагомъ средняго колеса, и за тендеромъ, все медленнѣе и медленнѣе и болѣе колебля платформу, стали проходить почтовый вагонъ, вагоны съ багажами и съ визжавшей собакой, потомъ классы съ высовывающимися [?] изъ-за оконъ пассажирами – коричневые 2-го, потомъ синій 1-го класса. Молодцоватый кондукторъ, на ходу давая свистокъ, соскочилъ сзади, и вслѣдъ за нимъ стали по одному на останавливающемся ходу сходить нетерпѣливые пассажиры – Гвардейскій офицеръ, прямо держась и строго оглядываясь, и купчикъ съ сумкой, весело улыбаясь.

---

⁵⁹⁹ *Зач.:* Гагинъ

⁶⁰⁰ *Зач.:* въ числѣ 2-хъ, 3-хъ нѣкоторыхъ избранныхъ

⁶⁰¹ *Зачеркнуто:* какъ безумныхъ,

⁶⁰²Навстрѣчу выходившимъ толпились встрѣчающіе и влѣзали въ вагоны въ фартукахъ и съ бляхами на грудяхъ артельщики. Толпа, все увеличиваясь и увеличиваясь, загромождила платформу.⁶⁰³ Вронскій стоялъ рядомъ съ Алабинымъ, и оба оглядывали вагоны, отыскивая тѣхъ, кого они встрѣчали.⁶⁰⁴

---

⁶⁰² *Зач.:* Оставалось 5 минутъ до прихода поѣзда, когда Степанъ Аркадьичъ вошелъ въ залу 1-го класса, гдѣ ужъ толпились нѣсколько встрѣчающихъ и буфетки готовились къ пріѣзду. Степанъ Аркадьичъ зналъ всѣхъ почти, и всѣ его знали, такъ что, когда онъ вошелъ въ залу, его блестяще вычищенная шляпа безпрестанно приподнималась съ его кудрявой головы и опять всякій разъ попадала на тотъ же слѣдъ, немного на бокъ. Въ числѣ знакомыхъ Степану Аркадьичу была особенно пріятна, какъ казалось, встрѣча красавца конногвардейскаго Поручика Князя Гагина. Гагинъ пріѣхалъ встрѣчать мать. И такъ какъ Алабинъ и Гагинъ были одного круга и близкіе знакомые, они все время до прихода поѣзда ходили вмѣстѣ.

⁶⁰³ *Зач.:* Гагинъ

⁶⁰⁴ *Зач.:* <Гагинъ> Вронскій ужъ собирался войти въ вагонъ, когда онъ увидалъ – прямо передъ нимъ на крылечко вагона вышла невысокая дама въ черной шубкѣ и, перегнувшись по направленію къ Алабину, проговорила:– Стива!Онъ не слыхалъ и не видалъ ее, оглядывая другіе вагоны. Дама улыбнулась. И по этой улыбкѣ Гагинъ тотчасъ узналъ ее за сестру Степана Аркадьича. Замѣтивъ на себѣ внимательный взглядъ молодаго человѣка, она перестала улыбаться и, вернувшись въ дверь, сказала что-то и вслѣдъ за тѣмъ опять вышла и внимательно посмотрѣла на него, какъ будто ей нужно было признать его. Въ это время Степанъ Аркадьичъ прошелъ на другую сторону вагона и опять отыскивалъ сестру тамъ, гдѣ ея не было, и не видалъ и не слыхалъ, какъ она опять звала его:– Стива! Стива!И опять она улыбнулась, и опять Гагинъ, забывъ про мать, полюбовался на ея быстрыя движенія, на прекрасное лицо и добрую, веселую улыбку.– Алабинъ! – крикнулъ Гагинъ, – здѣсь, здѣсь васъ ищутъ. Анна Аркадьевна чуть наклонила голову, благодаря Гагина, и легкимъ шагомъ сошла съ крылечка. Гагинъ въ то же время увидалъ изъ окна вагона старушку въ лиловой шляпѣ съ сѣдыми буклями

III

— Графиня Вронская въ этомъ отдѣленіи, пожалуйста, — сказалъ молодой кондукторъ, прикладывая руку къ шапкѣ, подходя къ Вронскому.⁶⁰⁵ Видно было, что хотя онъ и шутилъ только что о привычкахъ своей матери, свиданье съ ней занимало его всего.

Онъ, никого не видя, быстро пошелъ за кондукторомъ. Въ самыхъ дверяхъ вагона онъ почти столкнулся съ невысокой дамой въ бархатномъ платьѣ, обшитомъ мѣхомъ, съ необыкновенно тонкой таліей и широкими плечами. Остановившись, чтобы извиниться и дать ей пройти, онъ взглянулъ въ ея лицо, скромно выглядывавшее изъ овальной рамки бѣлаго платка, которымъ была обвязана ея голова и шея.⁶⁰⁶ Задумчивые сѣрые глаза изъ-подъ необыкновенно длинныхъ рѣсницъ смотрѣли на него дружелюбно внимательно. И дама отстранилась, давая ему дорогу. Онъ поклонился и пошелъ къ своей матери, которая, сбросивъ съ колѣнъ собачку, съ трудомъ поднимала свое одѣтое въ малиновую бархатную шубку тяжелое старческое тѣло съ диванчика и радостно улыбалась ему и съ своей одышкой уже тяжело дышала отъ всего того, что она хотѣла только сказать любимому сыну.

и красивымъ морщинистымъ лицомъ. Старушка, его мать, манила его къ себѣ, и Гагинъ побѣжалъ въ вагонъ, но на крылечкѣ оглянулся, чтобы видѣть, какъ она встрѣтится съ братомъ. Хотя это и неловко было, онъ остановился, глядя на ихъ встрѣчу, и невольно чему-то улыбался.

⁶⁰⁵ *Зачеркнуто:* Вронскій быстро пошелъ въ вагонъ.

⁶⁰⁶ *Зач.*: Большіе

– Получилъ телеграмму? Здоровъ? Ну, слава Богу.

– Хорошо доѣхали? – слушалъ и говорилъ онъ, цѣлуя пухлую руку матери и вмѣстѣ съ тѣмъ думалъ: «Ахъ, это вѣдь Каренина, а я и не узналъ». И онъ оглянулся.

Каренина стояла у двери, слегка улыбаясь красными, изогнутыми губами, и глядѣла тѣми же задумчивыми глазами въ дверь, ожидая, вѣроятно, брата и, очевидно, стараясь не мѣшать свиданію сына съ матерью.

– Анна! А вашъ братъ? Неужели его нѣтъ, – сказала старуха, за взглядомъ сына перенеся свои глаза на Каренину.

Каренина поразила въ первую минуту Вронскаго своими таинственными глазами и особеннымъ страннымъ, но сильнымъ и вмѣстѣ граціознымъ сложеніемъ; теперь, когда онъ посмотрѣлъ еще разъ на нее, его поразило необыкновенное спокойствіе граціи въ ея позѣ. Она ждала и не торопилась.

Улыбка, какъ будто много знающая и относящаяся къ нему и немного насмѣшливая, почему то тревожила Вронскаго.

– Братъ вашъ здѣсь.

– Да, онъ всегда ищетъ тамъ, гдѣ не надо, – сказала она, – онъ 2 раза пробѣжалъ мимо нашего вагона, – сказала она, и звуки ея голоса, густаго, нѣжнаго и чрезвычайно естественнаго (что, къ несчастью, онъ слышалъ такъ рѣдко), опять, какъ неожиданностью, поразили его.

– Извините меня, я не узналъ васъ въ первую минуту, да и вы, вѣроятно, не помните меня.

— О нѣтъ, — сказала она, — я бы узнала васъ, потому что мы съ Графиней, кажется, всю дорогу говорили про васъ, — и она улыбнулась опять, и опять въ этой улыбкѣ ему показалась насмѣшливость, и онъ подумалъ: «Вѣроятно, матушка рассказывала ей и мои планы женитьбы», и почему то это ему непріятно показалось.

Онъ быстро вышелъ на крылечко и крикнулъ:

— Алабинъ, твоя сестра здѣсь!⁶⁰⁷

И Степанъ Аркадьичъ, толкая народъ, улыбаясь, быстрымъ шагомъ прошелъ мимо оконъ, но опять, къ удивленію Вронскаго, Каренина не дождалась его, а быстрой, легкой походкой подошла навстрѣчу брату и, просіявъ лицомъ, какъ будто попавъ подъ лучъ свѣта, обхватила его правой рукой за шею, крѣпко и быстро притянула къ себѣ и, громко чмокнувъ, поцѣловала.⁶⁰⁸

Что то въ быстрыхъ, но всегда граціозныхъ въ своей простотѣ движеніяхъ и въ походкѣ, такъ странно легко носившей довольно полное тѣло, было опять особенно ново и поразительно для Вронскаго.⁶⁰⁹

---

⁶⁰⁷ *Зачеркнуто:* и черезъ минуту въ вагонъ съ трескомъ <свалился> вошелъ Степанъ Аркадьичъ.— А, наконецъ то, — закричалъ онъ.

⁶⁰⁸ *Зач.:* «Какая странная и милая», подумалъ Гагинъ.

⁶⁰⁹ *Зач.:* Старушка ждала ужъ его.— Получилъ телеграмму? Здоровъ? Ну, слава Богу.— Хорошо доѣхали? Чтожъ, можно выходить.— Анисья моя пропала.— Это ваши вещи?Выходя изъ вагона подъ руку съ матерью, онъ опять отыскалъ глазами сестру и брата, которые стояли, задержанные толпой у двери.Когда старушка догнала Анну Аркадьевну, Анна Аркадьевна опять улыбнулась ей.

– Прелесть! – сказала старушка про Каренину. – Ее мужъ со мной посадилъ, и я такъ была рада, такая милая, добрая. Прелестная женщина, – продолжала старушка, не прерывая своихъ похвалъ, несмотря на то, что предметъ ихъ, Каренина, опять вошла въ вагонъ, чтобы проститься съ Графиней.

– Ну, вотъ вы, Графиня, встрѣтили сына, а я брата, и теперь прощайте, благодарю васъ очень, очень, – сказала она по французски. – И всѣ исторіи мои пришли къ концу, а то бы нечего ужъ рассказывать.

– Ну, нѣтъ, милая, – сказала старушка, трепля и глядя руку сына, которую она держала въ своей рукѣ. – Я бы съ вами объѣхала вокругъ свѣта и не соскучилась. Вы однѣ изъ тѣхъ милыхъ женщинъ, съ которыми и поговорить и помолчать пріятно. А объ сынѣ, пожалуйста, не думайте. Нельзя такъ не разлучаться никогда. У Анны Аркадьевны – сказала Графиня, объясняя сыну, – есть сынокъ 8 лѣтъ, кажется, и она никогда съ нимъ не разставалась и все мучается, что оставила его.

– Да, мы всю дорогу съ Графиней говорили – я о своемъ, она о своемъ сынѣ, – сказала Каренина, поправляя неловкое положеніе, въ которое ихъ ставила старушка, и опять насмѣшливая улыбка показалась на ея губахъ.

«Зачѣмъ мама ей рассказывала про мою любовь», подумалъ онъ.

– Ну, прощайте, прощайте, милая. Дайте поцѣловать ваше хорошенькое личико. Безъ васъ бы я пропала.

— Ваша матушка слишком добра. Я благодаря ей не видѣла времени, — сказала Каренина и, наклонивъ съ улыбкой голову, подала руку Вронскому и вышла.

«Такъ вотъ онъ, этотъ необыкновенный сынъ! этотъ герой, этотъ фениксъ, который влюбленъ и котораго все-таки не можетъ стоять ни одна женщина, — думала Каренина, вспоминая хвалы матери своему сыну. — Ахъ, Боже мой, да что мнѣ за дѣло».

— Ну, Аннушка, ты ужъ устрой багажъ и пріѣзжай, — сказала она подошедшей дѣвушкѣ, доставая билетъ, и положила руку на руку брата.

— Послушай, любезный, вещи сестры, — сказалъ онъ слушающему, кивнувъ пальцемъ, и прошелъ съ ней въ дамскую комнату.

— Ну что жъ, какъ ты, Анна? Алексѣй Александровичъ, твой Сережа?

— Все⁶¹⁰ хорошо, очень хорошо.

— Впрочемъ и спрашивать нечего. Ты сіяешь, — сказалъ Стива, какъ будто издавѣка вглядываясь въ нее, — и пополнѣла ровно на столько, чтобы не подурнѣть, а похорошѣть.

⁶¹¹— Право? Ну, мнѣ все равно. Но что жъ это? — сказа-

---

⁶¹⁰ *Зачеркнуто*: прекрасно, прекрасно, такъ прекрасно, какъ никогда не было въ жизни. Весело.

⁶¹¹ *Зач.*: Да знаешь, — говорила она улыбаясь, — я какъ то освободилась отъ всего. Я спокойна съ Алексѣемъ Александровичемъ, и наши отношенія самыя лучшія, твердыя: нѣтъ ни ревности, ни холодности. На Сережу радуюсь, и самой <весело> легко жить. Особенно Москва и ты на меня дѣйствуютъ, точно въ дѣтствѣ

ла она съ грустнымъ выраженіемъ. — Неужели? Ахъ, Стива, Стива! — сказала она, покачивая головой. — Это ужасно. Женщины не прощаютъ этаго.

Онъ зналъ, что она говорила про его невѣрность. Онъ писалъ ей. Онъ съ виноватымъ лицомъ стоялъ передъ нею.

— Послѣ, послѣ. Да, ужасно, я негодяй, но помоги, но пойми.

⁶¹²Старый⁶¹³ дворецкій, ѣхавшій съ Графиней, явился въ вагонъ доложить, что все готово. И Графиня прервала свой рассказъ о внукѣ, крестникѣ, о милости Государя и др. и со страхомъ поднялась, чтобы идти сквозь столь ненавистную ей толпу станціи желѣзной дороги.

— Пойдемте, мама, теперь мало народа, и мы васъ проведемъ прекрасно, — сказалъ сынъ.

Дѣвушка несла мѣшекъ и собачку, артельщикъ другіе мѣшки. Вронскій велъ подъ руку, дворецкій поддерживалъ за другую руку. Съ трудомъ перебравшись черезъ мучительный для старыхъ людей порогъ, шествіе тронулось дальше и подходило уже къ⁶¹⁴ залѣ. Молодая дама въ блестящей ат-

---

воскресенье послѣ уроковъ, весело.

⁶¹² *Зачеркнуто:* Такъ они говорили, дожидаясь, когда въ комнату вошелъ

⁶¹³ *Зач.*: лакей

⁶¹⁴ *Зач.*: выходнымъ дверямъ, у которыхъ, еще не уѣхавъ, а дожидаясь вещей, разговаривая стояли Алабинъ съ сестрой, когда вдругъ что-то, очевидно, произошло гдѣ то на станціи. Пробѣжалъ одинъ артельщикъ, потомъ жандармъ съ ужасомъ на лицахъ, и толпа съ подѣзда хлынула назадъ навстрѣчу Графинѣ. — Ахъ, матушки! Что такое, что такое? — задыхаясь говорила старушка. Пока ее

ласной шубкѣ, съ краснымъ чѣмъ то на подолѣ, съ блестящими ботинками съ пуговицами и кисточками и съ лиловой вуалью до половины нарумяненнаго лица, громко⁶¹⁵ говоря что-то, съ испуганнымъ лицомъ почти пробѣжала навстрѣчу и чуть не толкнула старуху и привела ее въ ужасъ.⁶¹⁶ Еще пробѣжалъ артельщикъ. Очевидно что-то случилось на станціи. Послышались шаги, голоса, и народъ отъ подъѣзда хлынулъ назадъ, и ужасъ чего-то случившагося распространился на всѣхъ лицахъ.

— Что такое? что, гдѣ? Бросился? Раздавили?

Вронскій посадилъ мать на кресло рядомъ съ Карениной и быстрыми шагами пошелъ за Степаномъ Аркадьичемъ, пошедшимъ узнавать, что такое.

Стрѣлочникъ попалъ подъ отодвигаемый поѣздъ, и его раздавило на смерть. Еще прежде чѣмъ вернулись Вронскій и Алабинъ, лакей рассказалъ это Графинѣ.

Степанъ Аркадьичъ вернулся прежде и рассказалъ ужасныя подробности.

— Но гдѣ же Алеша? — задыхаясь и трясясь, спрашивала мать, какъ будто боясь, съ нимъ бы не случилось чего.

— Вотъ онъ идетъ.

усаживали въ сторонѣ на лавочкѣ, Алабинъ подошелъ къ Графинѣ. Но она не видала его и не отвѣчала его поклону, она слишкомъ <испуганно> занята была своимъ <шестьемъ>

⁶¹⁵ *Зач.*: смѣясь съ молодымъ человѣкомъ, чуть

⁶¹⁶ *Зач.*: Каренина смотрѣла на него. Вронскій чувствовалъ это и улыбался. Уже старуха выходила въ выходныя двери, какъ вдругъ

⁶¹⁷Вронскій шелъ торопливо, застегивая сертукъ, и лицо его было блѣдно, какъ платокъ.

— Поѣдемте, мама.

— Чтожь, неужели ты видѣлъ его?

— Да,⁶¹⁸ видѣлъ.

— Совсѣмъ убить, умеръ? — спросила Анна Аркадьевна.

Онъ взглянулъ на нее⁶¹⁹ строго, какъ ей показалось.

— Да, — отвѣчалъ онъ холодно.

— Ужасно то, что осталось несчастное семейство, — сказалъ Степанъ Аркадьичъ. — Какая ужасная смерть.

— Напротивъ, мгновенная, — сказалъ Вронскій.

— Мгновенная, — повторила она задумчиво, и красота ея таинственныхъ, въ глубь смотрящихъ глазъ поразила его. — Ну, прощайте еще разъ, Графиня, — сказала она.

— Ну, поѣдемте, мама, — сказалъ сынъ.

Но только что онъ взялъ ее за руку, какъ подошелъ Начальникъ Станціи.

— Вы пожертвовали для семейства убитаго 200 рублей, попробуйте записать.

Вронскій оглянулся на Анну, она пристально смотрѣла на него. Онъ покраснѣлъ и отошелъ съ Начальникомъ Станціи,

---

⁶¹⁷ *Зачеркнуто:* Дѣйствительно,

⁶¹⁸ *Зач.:* ужасно

⁶¹⁹ *Зач.:* и въ встрѣтившемся ихъ взглядѣ, несмотря на ужасъ минуты, онъ почувствовалъ что то

что то живо говоря ему.⁶²⁰

– Что съ тобой, Анна? – спросилъ братъ, когда они отѣхали уже нѣсколько сотъ сажень.

Анна молчала и тряслась вся, какъ въ лихорадкѣ.

– Ничего, – сказала она, насильно улыбаясь.

– Вотъ ты говоришь, что я здорова. А ужасно нервна стала. Эта дорога и это страшное событіе и твое положеніе – все это меня ужасно взволновало. Ничего, это пройдетъ. Ну, а Долли ужасно убита, ты говоришь? – «Я думаю», сказала она про себя, не глядя на брата.

– Анна, ты пойми, – началъ Степанъ Аркадьичъ, снимая шляпу отъ волненія, – ты пойми, что я чувствую себя виноватымъ до такой степени, что я не нахожу словъ. Съ такой женщиной, какъ Долли. Но, другъ мой, я вѣдь признаю свою вину. Неужели все погибло? – Онъ всхлипнулъ и помолчалъ. – Дѣвушка эта...

– Ахъ, ради Бога не рассказывай подробности, – положивъ свою маленькую ручку на рукавъ его шубы, сказала Анна Аркадьевна.

– Но, Анна, ты всегда была моимъ ангеломъ хранителемъ, ты вся живешь для добра. Спаси меня.... Ты, я знаю, утѣшишь, успокоишь, устроишь, она любить тебя, вѣрить

---

⁶²⁰ Зам.: У подъѣзда они еще разъ простились, и Анна Аркадьевна сказала:– Надѣюсь видѣть васъ у себя, – и только что она сказала <и увидала его сконфу[женное]>, <она застыдилась>, она подумала: «точно я награждаю его. Ахъ, да что мнѣ за дѣло». – Ну, Стива, теперь Расскажи мнѣ свое горе, – сказала она, когда сѣла съ братомъ въ карету.

тебѣ....

– Да, но почему ты думаешь, что я могу сдѣлать что нибудь? Ахъ, какъ вы гадки, всѣ мужчины, – сказала она.

Подѣхавъ къ своему дому, Степанъ Аркадьичъ высадилъ сестру, значительно вздохнувъ, пожалъ ей руку и поѣхалъ въ Присутствіе.

* № 20 (рук. № 17).

– Графиня Вронская въ этомъ отдѣленіи, пожалуйста, – сказалъ молодцоватый кондукторъ, подходя къ Вронскому.

Лицо Вронскаго выражало волненіе, и видно было, что, хотя онъ шутилъ только что о привычкахъ своей матери, свиданье съ ней волновало его. Онъ непривычно быстро пошелъ за кондукторомъ. Въ самыхъ дверяхъ вагона онъ почти столкнулся съ⁶²¹ дамой въ⁶²² темносинемъ суконномъ платьѣ съ пелеринкой, обшитомъ мѣхомъ.⁶²³

Тотчасъ же по простотѣ этаго платья и манерѣ дамы, узнавъ, что это была дама, Вронскій остановился, чтобы извиниться.⁶²⁴ Взглянувъ на простое⁶²⁵ лицо дамы,⁶²⁶ обязан-

---

⁶²¹ *Зачеркнуто:* <невысокой> молодой, довольно полной и элегантною

⁶²² *Зач.:* бархатномъ

⁶²³ *Зач.:* съ необыкновенно тонкой таліей и широкими плечами.

⁶²⁴ *Зач.:* и дать ей пройти.

⁶²⁵ *Зач.:* <некрасивое,> свѣжее, румяное, неправильное и чрезвычайно привлекательное

⁶²⁶ *Зач.:* скромно выглядывавшее изъ овальной рамки бѣлаго платка, которы-

ной кругомъ по шляпѣ большимъ платкомъ, и встрѣтившись взглядомъ съ глазами, дружелюбно внимательно смотрѣвшими на него, Вронскому вспомнилось что то знакомое и милое, но что была эта дама, онъ не могъ вспомнить. Дама эта, очевидно, старалась отдѣлаться, и не знала какъ, отъ другой дамы, прощавшейся съ ней и о чемъ то просившей. Проходя, Вронскій услыхаль:

— Что вамъ стоитъ? А можетъ быть, это Богъ свелъ меня съ вами. Вы слово скажете мужу.

— Я все готова сдѣлать, что отъ меня зависитъ, но повѣрте, что это не въ моей власти, — сказала нѣжный густой голосъ.

*** № 21 (рук. № 17).**

Въ дверяхъ зашумѣло, и вмѣсто женскаго полушалія — мужской голосъ.

— Пришелъ проститься съ вами, Анна Аркадьевна, — говорилъ голосъ. — Хоть немножко насладиться вашимъ обществомъ, и за то спасибо.

Вронской оглянулся. Просительница дама ушла, и въ дверяхъ стоялъ старикъ въ собольей шапкѣ, знаменитый ученый, котораго Вронской зналъ съ вида.

— Надѣюсь встрѣтиться съ вами въ Москвѣ и продолжать
мъ была обязана <голова> шея. Задумчивые, небольшие, странные сѣрые глаза, окруженные необычно длинными рѣсницами, смотрѣли на него дружелюбно и внимательно.

нашъ споръ и доказать — вы знаете, мы, женщины, смѣлы — доказать, что въ нигилистахъ не можетъ быть ничего честнаго.

— Петербургскій взглядъ, — сударыня.

— Не Петербургскій, а человѣческій, — сказалъ нѣжный, чистый голосъ.

— Ну съ, позвольте поцѣловать вашу ручку.

— До свиданья, Иванъ Петровичъ. Да посмотрите — если братъ тутъ, пошлите его ко мнѣ.

— А вашего брата нѣтъ? Неужели его нѣтъ? — сказала старуха, за взглядомъ сына перенося свои глаза на даму въ пелеринѣ, обшитой мѣхомъ.

«Ахъ, вѣдь это Каренина», подумалъ Вронской, теперь совершенно разсмотрѣвъ ее. Она была похожа на брата — то же красивое, цвѣтное и породистое лицо и сложеніе, но совершенно другія глаза.⁶²⁷ Глаза ея казались⁶²⁸ малы отъ густыхъ черныхъ рѣсницъ, окаймлявшихъ ихъ.⁶²⁹ Но⁶³⁰ главная черта ея, бросавшаяся въ глаза, были черные, какъ вороново крыло, волосы, которые не могли быть приглажены и вездѣ выбивались и вились.

---

⁶²⁷ *Зачеркнуто:* и выраженіе. Въмѣсто свиныхъ, по мнѣнію Вронскаго, глазокъ Степана Аркадыча, у нея были большіе

⁶²⁸ *Зач.:* велики

⁶²⁹ *Зач.:* и вмѣсто поверхностно добродушнаго, веселаго обычнаго выраженія лица Степана Аркадыча глаза выражали <большую> серьезность и впечатлительность.

⁶³⁰ *Зач.:* главную прелесть составл[яли]

* № 22 (рук. № 17).

<– Ну такъ скажи же мнѣ все про себя. Прежде чѣмъ я ее увижу, мнѣ нужно понять ваше положеніе.

– Что мнѣ сказать, – началъ Облонскій, снимая шляпу отъ волненія.⁶³¹ – Я погубилъ себя и семью,⁶³² я пропаль, и семья, и она, и дѣти – все пропало,⁶³³ если ты не поможешь.

– Отчего жъ ты такъ отчаиваешься?

– Надо знать Долли, какая она женщина. И она беременная.⁶³⁴ Какъ она можетъ простить меня, когда я самъ не могу простить.⁶³⁵

– Но что она говорить?

– Она говорить, что не можетъ жить со мной, что она оставить меня, и она это сдѣлаетъ.

– Но какъ? Вѣдь надо же жить какъ нибудь, надо устроить судьбу дѣтей.

– Анна, ты всегда была моимъ Ангеломъ-хранителемъ, спаси меня.

---

⁶³¹ *Зач.*: Я негодай

⁶³² *Зач.*: Да. Она не проститъ мнѣ, нѣтъ, не проститъ. Но

⁶³³ *Зач.*: Ты – послѣдняя надежда...<– Но другъ мой, надо же жить, надо же подумать о дѣтяхъ.> Что же я сдѣлаю?

⁶³⁴ *Зачеркнуто*: Это ужасно. Я такой негодай, я мерзавецъ, – и Мишенька заплакалъ.

⁶³⁵ *Зач.*: – Ты скажи мнѣ про Долли. Что она? Какъ она приняла это? Ахъ, несчастная!– Долли, кажется, сама не знаетъ, на что она рѣшилась.

– Да, но почему ты думаешь, что я могу сдѣлать что нибудь?⁶³⁶ Ахъ, какъ вы гадки, всѣ мущины, – сказала она.

– Нѣтъ, она не простить, – сказали онъ.

– Если она тебя любила, то простить непременно.

– Ты думаешь, простить? Нѣтъ, не простить, – повторялъ онъ черезъ минуту.>

* № 23 (рук. № 17).

<Общественныя условія такъ сильно, неотразимо на насъ дѣйствуютъ, что никакія разсужденія, никакія, даже самыя сильныя чувства не могутъ заглушить въ насъ сознаніе ихъ.> Долли была убита своимъ горемъ, вся поглощена имъ, но, несмотря на то, она помнила, что Анна золовка была жена одного изъ важнѣйшихъ лицъ Петербурга и Петербургская *grande dame*, и это то обстоятельство сдѣлало то, что она не исполнила того, что обѣщала мужу, т. е. не забыла то, что пріѣдетъ золовка. Будь ея золовка неизвѣстная деревенская барыня, она, можетъ быть, и не захотѣла бы знать и видѣть ее, но Анна – жена Алексѣя Александровича – этаго нельзя было сдѣлать. «Кромѣ того, Анна ни въ чемъ не виновата, – думала Долли. – Я объ ней кромѣ нетолько самаго хорошаго,

---

⁶³⁶ *Зач.*: Одинъ Тотъ, Кто знаетъ наши сердца, можетъ помочь намъ. Облонскій замолчалъ. Онъ зналъ этотъ <выспренній> нѣсколько притворный, восторженный тонъ <религіозности> въ сестрѣ и никогда не умѣлъ продолжать разговоръ въ этомъ тонѣ. Но онъ зналъ тоже, что подъ этой напыщенной религіозностью въ сестрѣ его жило золотое сердце.

но не знаю ничего кромѣ общаго восторга и умиленія, и въ отношеніи себя я видѣла отъ нея только ласку и дружбу — правда, нѣсколько приторную, съ афектаціей какого-то умиленія, но дружбу. За что же я не приму ее?»?

Но все таки Долли съ ужасомъ и отвращеніемъ представляла себѣ тѣ религіозныя утѣшенія и увѣщанія прощенія христіанскаго, которыя она будетъ слышать отъ золовки.

* № 24 (рук. № 103)

Цѣлый день этотъ, особенно занятой пріѣздомъ матери, разговорами съ ней,⁶³⁷ Удашевъ совершенно неожиданно и не кстати въ серединѣ разговоровъ, постороннихъ мыслей вдругъ слышалъ нѣжный и густой голосъ, говорившій: «ваша матушка про своего, а я про своего сына», и вмѣстѣ съ голосомъ и словами передъ воображеніемъ⁶³⁸ Удашева являлись⁶³⁹ глубокіе глаза и полный, крѣпкій станъ, и легкія, быстрыя граціозныя движенія, тщетно удерживаемая улыбка,⁶⁴⁰ и онъ цѣлый день былъ какъ не свой, а потерянный. Какъ только онъ оставался одинъ, самъ съ собой, голосъ этотъ пѣлъ эти простыя слова, и⁶⁴¹ Удашеву становилось на душѣ

---

⁶³⁷ *Зачеркнуто:* Вронской

⁶³⁸ *Зач.*: Вронскаго

⁶³⁹ *Зач.*: <таинственные, прелестные> ясные и добрые

⁶⁴⁰ *Зач.*: кривая, нѣсколько на бокъ, но прелестная, тихая и свѣтлая

⁶⁴¹ *Зач.*: Вронской чувствовалъ, какъ счастіемъ наполнялось его сердце.

радостно, и онъ улыбался чему то. Когда онъ задумывался о томъ, что бишь ему нынче дѣлать, что предстоитъ пріятнаго или тяжелаго въ этотъ день, онъ находилъ въ своей душѣ⁶⁴² воспоминаніе о Карениной, которую онъ видѣлъ одну минуту.

«Отчего же мнѣ не поѣхать къ⁶⁴³ Облонскимъ?» вдругъ пришло ему въ голову въ серединѣ 3-го акта, въ самую торжественную минуту драмы.

Онъ всталъ и пошелъ черезъ ноги 1-го ряда.⁶⁴⁴ Выйдя изъ театра, онъ взялъ извозчика и поѣхалъ къ Облонскимъ. Но войдя въ сѣни, на него вдругъ нашелъ страхъ неловкости, сомнѣніе, чего онъ никогда еще въ жизни не испытывалъ. «Не поздно ли? Не странно ли будетъ, что я войду? Что сказать, если и войду? И зачѣмъ я пріѣхалъ?»

Увидавъ въ передней лакея Щербацкихъ, сомнѣніе его еще болѣе усилилось.⁶⁴⁵ Онъ рѣшилъ, что не взойдетъ, и придумалъ предлогъ предполагаемаго обѣда. Онъ доставалъ бумажникъ, чтобы написать два слова Облонскому, когда вдругъ какая то странная сила потянула его взгляды кверху, и онъ

---

⁶⁴² *Зач.*: только одинъ этотъ голосъ, эти глаза, весь этотъ образъ. И изъ самой глубины его души смотрѣли на него эти глаза. Они были тамъ, въ глубинѣ его души.

⁶⁴³ *Зач.*: Алабинымъ

⁶⁴⁴ *Зач.*: – Куда вы, Вронскій?– Ахъ, я совсѣмъ забылъ одну вещь, – сказалъ онъ, радостно улыбаясь. – Мнѣ и нельзя было быть нынче въ театрѣ, – и онъ поѣхалъ къ <Алабину> Облонскому.

⁶⁴⁵ *Зач.*: и онъ вслухъ говорилъ самъ съ собою,

увидаль⁶⁴⁶ съ косами на головѣ легкимъ, граціознымъ шагомъ шедшую гдѣ то въ вышинѣ женщину. И это была она. Она наклонила голову.⁶⁴⁷ Онъ понялъ, что войти къ Облонскимъ нельзя, что она можетъ быть недовольна, но онъ видѣлъ ее и, поговоривъ на лѣстницѣ съ Степаномъ Аркадьичемъ, онъ уѣхалъ домой.

⁶⁴⁸Когда онъ нынѣшній вечеръ ложился спать, онъ, какъ обыкновенно это послѣднее время, вспомнилъ о Кити Щербацкой и задалъ себѣ вопросъ, что же дѣлать; онъ услышалъ только голосъ: «Я про своего, а ваша матушка про своего сына», и глаза, и наклонъ головы съ косами и съ выбившимися колечками на шеѣ, и дѣвичій образъ съ таинственными глазами представились ему.

И вслѣдъ за этимъ вопросъ измѣнился. Вопросъ уже былъ не о томъ,⁶⁴⁹ жениться или нѣтъ, но о томъ, чѣмъ онъ далъ поводъ думать, что онъ намѣренъ жениться.

⁶⁵⁰«Рѣшительно ничѣмъ, — отвѣчалъ онъ себѣ. — Я какъ

---

⁶⁴⁶ *Зач.:* въ одномъ сѣромъ платьѣ

⁶⁴⁷ *Зач.:* для него. И этотъ поклонъ ея головы, когда она проходила, была первая радость, которую онъ получилъ въ этотъ день. И онъ, переговоривъ съ Степаномъ Аркадьичемъ, неловко и странно уѣхалъ домой.

⁶⁴⁸ *Зачеркнуто:* Возвратившись въ нынѣшній вечеръ къ часто послѣднее время занимавшей его мысли о томъ, какъ и когда сдѣлать предложеніе Княжнѣ Щербацкой, на что онъ уже давно рѣшился, вдругъ совершенно неожиданно запѣлъ голосъ:

⁶⁴⁹ *Зач.:* какъ и когда сдѣлать предложеніе,

⁶⁵⁰ *Зач.:* Слово не было сказано, но честная натура его не могла лгать самому себѣ; онъ зналъ, что хоть и не было ничего сказано, бросить ее теперь было бы

будто предчувствовалъ это. Да, я ничѣмъ не связанъ, и это кончено».

Онъ говорилъ это себѣ, но чувствовалъ, что къ испытываемой имъ радости примѣшивалось невольно сознаніе какого то дурнаго поступка. Но такъ или иначе рѣшилъ онъ самъ [съ] собою.

«Я не могу больше ѣздить къ Щербацкимъ, и моя идилія кончена. И надо уѣхать отсюда. Ремонтъ приметъ Федченко все равно».

* № 25 (рук. № 14).

Х.

У⁶⁵¹ одного изъ главныхъ лицъ Москвы былъ большой балъ.⁶⁵² Танцовали въ большой залѣ.⁶⁵³ Балъ былъ великолѣ-

---

дно. Но вдругъ онъ почувствовалъ ужасъ, страхъ, стыдъ раскаянія.

⁶⁵¹ *Зачеркнуто:* Генераль Губернатора

⁶⁵² *Зач.*: одинъ изъ тѣхъ баловъ, которые такъ поражаютъ въ Москвѣ своей непривычной роскошью.

⁶⁵³ *Зач.*: Москва все таки провинція, и Московскіе балы имѣютъ все таки тотъ провинціальныи характеръ, что всѣ знаютъ и часто видятъ другъ друга и всѣмъ весело и странно видѣть другъ друга въ парадѣ. Анна исполнила желаніе Кити и перешла свое черное бархатное платье, отдѣлала его жолто грязнымъ кружевомъ и пріѣхала на балъ. Она даже и не могла не сдѣлать этаго. Такъ всѣ пристали къ ней, и самъ Генераль Губернаторъ былъ у нее и ухалъ съ общаніемъ, что она будетъ. Въ знаменитой красавицами Москвѣ красавицъ было много, и Анна не затмила никого. Она въ своемъ бархатномъ, срѣзанномъ для бала, платьи не поразила никого. Платье такъ опоздало и еще болѣе такъ опоздалъ Шарль, что она пріѣхала на балъ уже въ 12-мъ часу, когда танцовали вальсъ послѣ 2-й кад-

пень, но, какъ и всегда въ Москвѣ, бѣдень мущинами.

Кити пріѣхала съ матерью рано и застала уже половину залъ полными, только что начинали танцовать. Въ толпѣ, но отдѣляясь отъ толпы не только для Кити, но и для постороннихъ, стоялъ Вронскій, очевидно ожидая и отдѣляясь отъ толпы не одной своей красивой наружностью, но и той особенной граціей и скромной свободой обращенія, которыя отличали его отъ всѣхъ.

Кити была въ голубомъ платьѣ съ бѣлымъ вѣнкомъ на головѣ и если бы она не знала, что она хороша, она бы увѣрилась въ этомъ потому, какъ она встрѣчена была въ залахъ. Опять, какъ и въ тотъ день, какъ Левинъ видѣлъ ее на конькахъ, въ строгомъ и спокойномъ по складу своему лицѣ ея было красящее ее оживленіе, сдержанное волненіе, скрываемое рѣшительностью, которую бы можно назвать отчаянностью, если бы это настроеніе не было скрыто привычкой свѣтскаго приличія.

Съ самаго того вечера, въ который она отказала Левину, 8 дней она не видала больше Вронскаго. Даже въ обычный пріемный четвергъ онъ не былъ у нихъ. Но она знала, что онъ былъ въ городѣ, знала, что онъ будетъ на балѣ. Она знала это отъ Анны, которая ѣздила на другой день своего пріѣзда къ старухѣ Вронской и тамъ встрѣтила сына и рассказывала,

---

рили.— Я уже думалъ, что вы не пріѣдете, — сказала ей Генераль Губернаторъ, встрѣчая ее у двери. — Балъ былъ бы испорченъ. Она прошла къ хозяйкѣ, и не успѣла <поздороваться> она кончить начатую рѣчь, какъ Ник[олаевъ]

что просидѣла тамъ болѣе часа⁶⁵⁴ и что онъ будетъ на балѣ, потому что приглашалъ Анну танцовать съ нимъ.⁶⁵⁵ Китти страшно было подумать о томъ, чтобы ея отношенія съ нимъ могли прекратиться именно тогда, когда она такъ рѣшительно отказала Левину. Это было хуже чѣмъ ужасно, это было глупо и смѣшно, и она еще не позволяла себѣ вѣрить этому. Должны были быть непонятными для нея причины, которыя помѣшали ему видѣть ее въ продолженіи 8 дней. «Мать не желаетъ. Онъ дѣлаетъ окончательныя приготовленія», думала она и съ одинаковымъ страхомъ отгоняла и утѣшительныя и безнадежныя мысли. Балъ долженъ рѣшить все. Она увидитъ его, она танцуетъ съ нимъ 1-ю кадрили и, вѣроятно, мазурку, которую она рѣшила отдать ему. Глаза ея встрѣтились съ его глазами. «Да, онъ ждалъ меня!» подумала она, и, здороваясь съ хозяйкой и знакомыми, она ждала его и услышала его шаги и увидала даже, не глядя на него, черную тѣнь его мундира. Онъ стоялъ подлѣ нее и напоминалъ о 1-й кадрили, къ которой уже оркестръ игралъ призывъ. Она спокойно положила свою прелестную формой обнаженную руку съ однимъ тонкимъ браслетомъ съ изумрудомъ, подаркомъ Степана Аркадыча, и счастливая голубая и нарядная пошла съ нимъ по скользкому паркету подъ яркимъ свѣтомъ свѣчей въ се-

---

⁶⁵⁴ *Зачеркнуто:* и что Вронскій ей очень и очень понравился.

⁶⁵⁵ *На поляхъ рядомъ и ниже написано:* [1] Глаза не таинствен[ны] болѣе, но свѣтъ лучезар[ень], petillant [сверкающий]. [2] Она счастлива и жда[ла]. Ей стыдно. А. — «Я ожила съ вами», спрашиваетъ, отчего. Онъ не слу[шаетъ], и слушаетъ его рѣчи.

редину шумно устанавливавшихся парь. Онъ говорилъ, какъ всегда, просто и спокойно. Объяснилъ дѣлами то, что не пріѣхалъ въ четвергъ, и Кити такъ хотѣлось вѣрить ему, что она не сомнѣвалась въ томъ, что прежнія ихъ отношенія насколько не измѣнились. Даже разсѣянность, съ которой онъ отвѣчалъ на нѣкоторые вопросы, и взглядъ, обращаемый постоянно на входныя двери, не обратилъ на себя ея вниманія. Тѣже были его прекрасные, прямо и честно смотрѣвшіе навивные агатовые глаза, и тоже было ея чувство къ этимъ глазамъ, что она не допускала возможности, чтобы что нибудь измѣнилось; а вмѣстѣ съ тѣмъ какая то змѣя не переставая сосала ея сердце; она какъ будто предчувствовала большое несчастье, и волненіе ея не утиhalo.

Въ то самое время какъ Вронскій, отведя ее къ толпѣ нетанцующихъ дамъ, кланяясь отходилъ отъ нея, въ залу вошла⁶⁵⁶ Анна въ черномъ обшитомъ кружевами Долли (Кити узнала ихъ) бархатномъ платьѣ съ⁶⁵⁷ лиловыми цвѣтами на головѣ.⁶⁵⁸ Анна остановилась на мгновеніе у входа, спокойно отыскивая хозяйку своими странными отъ рѣсницъ, несвѣтящимися глазами. И увидавъ ее, слегка кланяясь знакомымъ, пошла къ ней своей легкой, какъ бы летящей по-

---

⁶⁵⁶ *Зачеркнуто:* невысокая дама

⁶⁵⁷ *Зач.:* простой прической

⁶⁵⁸ *Зач.:* Она не могла обратить ничего вниманья, но Кити не спуская глазъ смотрѣла на нее, и та боль и волненіе, которыя она ощущала въ глубинѣ сердца, стали сильнѣе.

ходкой. Хозяинъ и хозяйка поспѣшили къ ней навстрѣчу.⁶⁵⁹ Она улыбнулась своей добродушной свѣтлой улыбкой. Она подходила ужъ къ Кити, когда Корнилинъ [?], знаменитый церемонимейстеръ, дирижеръ баловъ, съ своимъ быстрымъ взглядомъ, оглядывающимъ свое хозяйство, увидалъ ее и подошелъ къ ней той особенной ловкой, свободной походкой, которой ходятъ только⁶⁶⁰ дирижирующіе балами.

– Анна Аркадьевна, какъ я счастливъ, – сказалъ онъ, улыбаясь, наклоняясь и предлагая руку, – туръ вальса.

Она посмотрѣла, кому передать вѣеръ и, отдавъ⁶⁶¹ его съ улыбкой К[орнилину?], положила привычнымъ⁶⁶² и особеннымъ, ей одной свойственнымъ жестомъ руку на его плечо.

– Вы давно ли тутъ? А Лидія гдѣ? – спросила она его про его жену.

– Мы вчера пріѣхали, мы были на выставкѣ въ Вѣнѣ, теперь я ѣду въ деревню оброки собирать, – говорилъ онъ, продолжая вальсировать. – Да, – сказалъ онъ, – отдыхаешь, вальсируя съ вами, прелесть, *précision*.⁶⁶³ А тутъ ни одной нѣтъ хорошей для вальса. Нечто маленькая Щербацкая.

– Да, мы съ вами уже спѣлись, – сказала Анна, напоминая,

---

⁶⁵⁹ *Зач.*: <что то говоря.> – Я боялась, что вы не пріѣдете. Балъ былъ бы испорченъ.

⁶⁶⁰ *Зач.*: молодые люди

⁶⁶¹ *Зач.*: хозяйкѣ

⁶⁶² *Зач.*: граціознымъ

⁶⁶³ [точность.]

какъ часто они вальсировали на Петербургскихъ балахъ. — Отведите меня къ Лидіи, — сказала она.

Кор[нилинь] сдѣлалъ еще туръ и прямо завальсиров[аль], укорачивая шагъ и приговаривая «pardon, mesdames», прямо на народъ и прямо къ своей женѣ, которую хотѣла видѣть Анна. <Еще войдя на балъ, Анна невольно замѣтила Гагина, только что кончившаго вальсъ и⁶⁶⁴ отводившаго хорошенькую свѣтлую, сіяющую голубую Кити къ матери. Глаза ихъ встрѣтились тогда же и, странно, Анна, столь привычная къ свѣту, ко всѣмъ возможнымъ положеніямъ, замѣтила, что глаза ихъ встрѣтились, и отвернулась, такъ что онъ не успѣлъ поклониться. Теперь, проходя черезъ толпу къ Лидіи Корсаковой, она еще, странно, не видѣла его, но чувствовала, что онъ шелъ за нею и смотрѣлъ на нее.> Едва она подошла къ красавицѣ Лидіи Корсаковой, прелестной брюнеткѣ съ чрезмерно открытыми плечами и руками, какъ Вронскій ужъ подошелъ и, низко кланяясь, сказалъ, что онъ пришелъ поклониться, такъ какъ не имѣлъ времени, и просить на тѣ танцы, которые она можетъ дать ему.⁶⁶⁵

Она не замѣтила или не хотѣла замѣтить его поклон[а] въ то время, какъ она проходила мимо его. Она повернулась къ нему, холодно⁶⁶⁶ улыбаясь.

---

⁶⁶⁴ *Зачеркнуто:* стоявшаго въ серединѣ круга

⁶⁶⁵ *Зач.:* Станный взглядъ его опять поразилъ ее, странный тѣмъ, что онъ смущалъ ее.

⁶⁶⁶ *Зач.:* однако

– Сейчас я къ вашимъ услугамъ, – сказала она ему, я не видѣлась еще съ старымъ другомъ. И вотъ на балѣ...

– Я думаю, Лидію Ивановну легче всего встрѣтить на балѣ, – сказалъ онъ улыбаясь.

– А вы знакомы?

– Съ кѣмъ мы не знакомы, – сказала Лидія Корсакова. – Насъ съ мужемъ знаютъ, какъ бѣлаго волка.

И она обратилась къ Аннѣ съ вопросомъ о ея мужѣ, о ней; она говорила съ ней и чувствовала его взглядъ. И взглядъ этотъ непріятно смущалъ ее. Подъ его взглядомъ она чувствовала свою наготу и стыдилась ея, – чувство, котораго она не испытывала съ давней дѣвичьей поры.⁶⁶⁷ <Взглядъ его былъ странный, она представилась ему прелестной, когда онъ въ первый разъ увидалъ ее. Но этихъ плечъ, этой груди и рукъ онъ не видѣлъ. Онѣ были лишнія, они ослѣпляли его.> Это ей тяжело, непріятно стало, она чуть, съ свойственными ей движеніемъ, топнула ногой съ вопросомъ и упрекомъ во взглядѣ: «Ну что вамъ отъ меня надо? И развѣ можно такъ смотрѣть на людей?» Но сердитое выраженіе ея лица вдругъ смягчилось, когда она увидала въ его взглядѣ не смѣлость, не дерзость, но виноватую⁶⁶⁸ покорность лягавой собаки. «Что хочешь дѣлай со мной, – говорилъ его взглядъ. – Но не оскорбить тебя я хочу, а себя хочу спасти и не знаю

---

⁶⁶⁷ *Поперекъ полей написано:* <Подъ его взглядомъ ей совѣстно было за свою наготу.>

⁶⁶⁸ *В подлиннике:* виноватая

какъ».

Поговоривъ съ Лидіей, она обратилась къ нему, и ей самой на себя досадно было, что она не могла быть вполне натуральна съ нимъ. Она взглянула на свои таблетки, хотя этого вовсе не нужно было дѣлать.

— Кадриль, слѣдующую, да еще.

Молодой человѣкъ подбѣжалъ, прося на кадриль.

— Мазурку? — сказалъ Гагинъ.

— Я думала, что вы танцуете съ Кити, — сказала она, и опять въ глазахъ у нихъ промелькнуло что-то такое, что говорило о томъ, что между ними уже было прошедшее — неясное, но сильное.

— Теперь могу я васъ просить на туръ вальса? — сказалъ онъ, оттирая молодого человѣка, который, видимо, только что собирался это сдѣлать.

Она улыбнулась молодому человѣку и опять своимъ быстрымъ жестомъ занесла обнаженную руку — Гагинъ увидалъ въ первый разъ эту руку — на его эполетъ. Онъ обнялъ ее полную талію; лицо ея съ подробностями выющихся волосъ на шеѣ, родинки подъ щекой, лицо это, странное, прелестное, съ⁶⁶⁹ таинственными глазами и блестящими изъ подъ длинныхъ рѣсницъ и смотрѣвшими мимо его, было въ разстояніи поцѣлуя отъ него. Онъ не спускалъ съ нея глазъ, сдѣлалъ первое движеніе, какъ вдругъ Корсаковъ на бѣгу захопалъ въ ладоши, и звуки вальса остановились.

---

⁶⁶⁹ Зачеркнуто: маленькими

– Ахъ, виновать! – закричалъ онъ, рысью подбѣгая къ нимъ, – я не видалъ. Вальсь, опять вальсь, – закричалъ онъ.

«Гагинъ все это время держалъ ее талию и при первыхъ звукахъ пошелъ съ ней туръ. Когда онъ опять взглянулъ ей въ глаза, глаза эти не только блестѣли, но дрожали, вспыхивали страннымъ блескомъ, который какъ бы ослѣпилъ его.

Въ тѣснотѣ кадрили Гагинъ досталъ стулъ, но она не хотѣла сѣсть, и стоя они разговаривали о⁶⁷⁰ четѣ Корсаковыхъ. Они говорили о пустякахъ, но ослѣпительный блескъ не потухалъ въ ея глазахъ.

– Я его давно знаю, – говорилъ Гагинъ, – это самая милая чета, которую я знаю. Вотъ люди, которые легко берутъ жизнь. Она – это товарищъ мужа. Одна цѣль – веселиться.

– Да и хорошо честно веселиться.

– И какъ Богъ устроилъ, что у нихъ нѣтъ дѣтей, такъ это нейдетъ имъ.

– Я думаю, напротивъ, что они оттого такъ устроились, что у нихъ нѣтъ дѣтей.

– Нѣтъ, а отчего жъ, они оба богаты, красивы, неревнивы.

– О нѣтъ, я знаю даже случай, гдѣ онъ былъ ревнивъ; впрочемъ, я начинаю сплетничать. Но все это у нихъ такъ мило. Ну что, Княгиня отдохнула съ дороги?

– Напротивъ, она готова сейчасъ ѣхать опять съ вами. Она безъ ума отъ васъ.

Она подняла глаза и посмотрѣла на него, какъ бы говоря:

---

⁶⁷⁰ Зачеркнуто: впечатлѣнiяхъ бала

«не скажите глупаго комплимента». Но глаза его отвѣтили: «зачѣмъ говорить, вы сами знаете, что я безъ ума отъ васъ», и опять виновато покорно смотрѣли его⁶⁷¹ агатовые наивные глаза изъ его⁶⁷² красиваго лица.

Кити была въ голубомъ платьѣ съ голубымъ вѣнкомъ на головѣ, и голубое настроеніе было въ ея душѣ, когда она вошла въ залу. И первое лицо, встрѣтившее ее, былъ Гагинъ. Она танцевала съ нимъ 1-ю кадрили, но онъ былъ неспокоенъ странно и смотрѣлъ на дверь. Она видѣла его тоже, когда Анна вошла въ залу, и выраженіе лица его, серьезное, строгое даже, выраженіе лица, похожее на выраженіе чело-вѣка, готовящегося на дѣло, долженствующаго рѣшить его жизнь.> Весь балъ, весь свѣтъ – все закрылось туманомъ въ душѣ Кити. Только привычка свѣта поддерживала ее и заставляла дѣлать все, что отъ нея могло требоваться. По этой же привычной способности она поняла, что мазурку, которую она оставляла до сихъ поръ для⁶⁷³ Вронскаго, нужно отдать, и она отдала ее Корсакову. Передъ мазуркой она вышла въ гостиную и опустилась въ кресло. Воздушная юбка платья поднялась облакомъ вокругъ ея тонкаго стана. Она держала вѣеръ и обмахивала свое разгоряченное лицо.

– Кити, что же это такое! – сказала Графиня Нордстонъ, по ковру неслышно подходя къ ней. – Я не понимаю этого.

---

⁶⁷¹ *Зач.*: каріе

⁶⁷² *Зач.*: мужественнаго, твердаго, наивнаго

⁶⁷³ *Зач.*: Гагина

У Кити дрогнула нижняя губа, она быстро встала.

– Нечего понимать. Очень весело, – сказала она и вышла въ залу.

– Онъ при мнѣ звалъ ее на мазурку. Она сказала: «вы развѣ не танцуете съ Кити Щербацкой?»»

⁶⁷⁴– Ахъ, мнѣ все равно, – сказала Кити, чувствуя ужъ не горе, а ужасъ и отчаяніе передъ своимъ положеніемъ.

Ей хорошо было танцовать въ 1-й парѣ съ Корсаковымъ, потому что не надо было говорить, онъ все бѣгалъ изъ мѣста въ мѣсто. Гагинъ съ Анной танцовали въ серединѣ и сидѣли почти противъ нея. Она видѣла ихъ своими дальнозоркими глазами, видѣла ихъ и вблизи, когда они сталкивались въ парахъ, и она видѣла, что они по своему чувствовали одни во всемъ залѣ.⁶⁷⁵ Мало того, она видѣла, что на лицѣ Гагина, всегда столь твердомъ и независимомъ, было только то выраженіе, которое было на лицѣ Анны. И странно, Кити ужаснулась этому чувству, но что то ужасно жестокое въ своемъ оживленіи было въ лицѣ Анны въ ея простомъ черномъ платьи съ ея прелестными плечами и руками. Она⁶⁷⁶ любовалась ей больше, чѣмъ прежде, но теперь она ненавидѣла ее и себя за то, что она ненавидѣла ее. Она считала себя подавленной, убитой, и лицо ея выражало это.⁶⁷⁷

---

⁶⁷⁴ *Зачеркнуто:* <Зачѣмъ> Кто ее

⁶⁷⁵ *Зач.:* что они ничего и никого не видятъ и что имъ очень весело.

⁶⁷⁶ *Зач.:* любила ее

⁶⁷⁷ *Рядом на полях написано:* petillement du regard [сверкание взгляда]

Когда Гагинъ увидаль ее, столкнувшись съ ней въ мазуркѣ, онъ былъ пораженъ ея некрасивостью. Онъ почти не узналъ ее.⁶⁷⁸

— Прекрасный балъ, — сказала она ему.

— Да, — отвѣчалъ онъ, — надѣюсь, что вы веселитесь.

В серединѣ мазурки, повторяя сложную фигуру, вновь выдуманную Корсаковымъ, Анна, разойдясь съ кавалеромъ, вышла на середину круга, взяла двухъ кавалеровъ, потомъ подозвала къ себѣ одну даму и Кити. Кити испуганно смотрѣла на нее, подходя. Анна, прищурившись смотрѣла на нее, не видя ее, и вдругъ сказала виновато:

— Мнѣ нужно одну, кажется, одну, — и она равнодушно от-вернулась отъ⁶⁷⁹ вопросительнаго взгляда Кити. «Да, что то чуждое, бѣсовское и прелестное было въ ней», сказала себѣ Кити.

Анна не хотѣла остаться ужинать, но хозяинъ сталъ просить ее:

— Полноте, Анна Аркадьевна, — заговорилъ Корсаковъ, почти насильно забирая ея обнаженную руку подъ рукавъ своего фрака. — Какая у меня идея котильона! Un bijou!⁶⁸⁰

И онъ тянулъ ее настолько, насколько позволяло прили-

---

⁶⁷⁸ *Зачеркнуто:* Ему показалось, что это была изуродованная, жалкая Анна, что прежде она была Анна, а теперь перестала ей быть и стала чужая.

⁶⁷⁹ *Зач.:* умоляющаго

⁶⁸⁰ [Прелестъ!]

Хозяинъ улыбался одобрительно.⁶⁸² Вронскій стоялъ подлѣ и ничего не говорилъ, но встрѣтился съ ней глазами, и она почувствовала, что между нимъ и ею уже было прошедшее, длинное, сложное, котораго не было.

– Успѣете отдохнуть завтра въ вагонѣ, – говорилъ Корсаковъ.

– А вы ѣдете завтра? – сказалъ⁶⁸³ Вронскій.

– Да, – отвѣчала она,⁶⁸⁴ съ неудержимымъ дрожащимъ блескомъ глазъ и улыбкой взглянувъ на него.

XI.

– Я не знаю что со мной сдѣлалось, – говорила она на другой день Долли, сидя въ ея гостиной передъ обѣдомъ, послѣ котораго она должна была ѣхать. – Мнѣ было весело, какъ 18 лѣтней дѣвчкѣ, я не думала, чтобы я, мать семейства, могла еще такъ веселиться. Но одно, – она вдругъ покраснѣла до корней выющихся волосъ на шеѣ, до слезъ, – одно, Долли, душенька, помоги мнѣ. Я не знаю, какъ это сдѣлалось, но Алексѣй Гагинъ не отходилъ отъ меня, и я боюсь, я кокетничала съ нимъ, сама не зная этаго. Я не знаю, что нашло

---

⁶⁸¹ Рядом на полях написано: <Аннѣ было весело, и она говорила не то, что хотѣла.>

⁶⁸² Зачеркнуто: Гагинъ

⁶⁸³ Зачеркнуто: Гагинъ

⁶⁸⁴ Зач.: и знала что онъ будетъ на желѣзной дорогѣ. Но она не боялась, не радовалась этому, ей было весело, – было весело, какъ бываетъ весело послѣ сомнѣній о томъ, не пришло ли уже время веселья.

на меня, я забыла Кити и все, и мнѣ просто было весело. По правдѣ тебѣ сказать, я отъ этаго не остаюсь до завтра, хотя могла бы. Михайлъ Михайловичъ пріѣдетъ послѣ завтра. Долли, ты не повѣришь, мнѣ на Кити смотрѣть стыдно, и оттого она не пріѣдетъ обѣдать. Но право, право, я не виновата или виновата немножко.⁶⁸⁵

— О какъ я узнаю Стиву, — засмѣялась Долли и, чтобъ смягчить, поцѣловала Анну. — Я узнаю.

— О нѣтъ, о нѣтъ. — Анна нахмурилась. — Я даже не позволю себѣ усумниться въ самой себѣ. Все это новыя лица, я на минутку все забыла.

— А они чувствуютъ это, — сказала Долли. — Впрочемъ, правду сказать тебѣ, я и не очень желаю Гагина для Кити. Мое сердце на стороне Ордынцева; да если онъ могъ влюбиться въ тебя въ одинъ день, то и лучше, чтобы онъ не женился.

Анна задумалась радостно. «Влюбленъ въ меня, — думала она. — Можетъ».

Кити, правда, не пріѣхала. Степанъ Аркадьичъ простился еще утромъ, и они обѣдали одни, и Долли никогда не могла забыть этого милаго часа, который она провела съ Анной. Анна, какъ будто для того чтобы жалѣли о ней, была еще милѣе, дѣти не отходили отъ нея, и мальчика обманули и услали внизъ, а то онъ рыдалъ, какъ только заговаривали объ

---

⁶⁸⁵ Поперекъ страницы написано: — Я слышала, что Вронскій не отходилъ отъ тебя.

ея отъѣздѣ.

— Ну, прощай, милый, милый другъ, — говорила Долли, обнимая ее при прощаньи. — То, что ты сдѣлала, я не забуду никогда.

— Да чтожъ я, — застѣнчиво улыбнулась [Анна].

— Ты меня поняла, ты меня поняла, и ты прелесть.

«Ну, все кончено, и слава Богу, — подумала Анна какъ только она сѣла одна съ Аннушкой въ вагонъ, — все кончено, и слава Богу, а я дурно поступила, и я могла увлечься, да, могла».

Ни знакомыхъ, ни пріятныхъ лицъ никого не было. Попробовала почитать, бросила, и началось то волшебное тяжелое состояніе — полусвѣтло, чужія лица, шопотъ, вздрагиванье, то тепло, то холодно, а тамъ отворенная дверь, мракъ, буря, снѣгъ и подтянутый кондукторъ съ слѣдами бури на воротникѣ.

Барыня больна жаромъ. Анна сняла шубу, все жарко, и нервы натянуты; воздуха, дышать, дышать. Она надѣла шубку и на первой станціи вышла на крылечко. Аннушка бросилась. «Нѣтъ, я подышать». Буря, свистъ, стукотня. «Депеша дан[а]. Сюда, пожалуйста», и тѣни. Страшно, жутко, кто себя знаетъ, что будетъ. — Вдругъ фигура мужская. Она посторонилась пройти, но онъ къ ней.

— Не нужно ли вамъ чего? — съ низкимъ поклономъ.

— Какъ вы! — и она поблѣднѣла. — Вы зачѣмъ ѣдете?

— Чтобъ быть съ вами.

— Не говорите этаго, это гадко, дурно для васъ, для меня.

— О если это что нибудь для васъ.

Она задыхалась отъ волненія.

— Зачѣмъ? Кто вамъ позволилъ говорить мнѣ это?

— Я не имѣю права, но моя жизнь не моя, а ваша и навсегда.

Она закрыла лицо руками и шла въ вагонъ. Всю ночь она не спала, старушка сердилась; колеблющійся свѣтъ, тряска, свистъ, стукъ остановки и буря, бѣснующаяся на дворѣ.

*** № 26 (рук. № 15).**

<У одного изъ главныхъ лицъ Москвы былъ большой балъ. Кити уговорила Анну ѣхать на этотъ балъ, и хоть не въ лиловомъ, какъ Кити непременно воображала, а въ черномъ бархатномъ срѣзанномъ платьѣ, на которое Долли дала свои венеціанскіе гипюра-кружева. Анна ѣхала, и Кити была довольна.

Балъ этотъ долженъ былъ рѣшить ея судьбу, и она теперь, принеся въ жертву Левина, не сомнѣвалась ни минуты въ томъ, что она рѣшится по ея желанію.>

Кити не видала Вронскаго съ самаго того дня, когда она отказала Левину, но знала, что онъ въ городѣ и будетъ на балѣ.

Анна ѣздила на другой день своего приѣзда къ старухѣ Вронской, застала тамъ сына, провела съ нимъ болѣе часа и

вернулась еще съ большей увѣренностью въ томъ, что онъ очень, очень хорошій молодой человѣкъ и будетъ прекрасный мужъ для Кити.

— Одно, что мнѣ не понравилось въ немъ, — говорила Анна, — это то, что онъ хочетъ выходить въ отставку, а въ его положеніи это значитъ искать немилости, бравировать. Я его, кажется, убѣдила не дѣлать этаго, а понемногу, если онъ не хочетъ жить въ Петербургѣ, удаляться отъ двора и перейти въ штатскую номинальную должность. Это все гордость, — говорила Анна.

Анна же рассказывала, что она будетъ на балѣ. Кити ѣхала на балъ все съ тѣмъ же чувствомъ юноши, идущимъ на сраженіе, не покидавшимъ ее съ четверга; но успѣхъ сраженія казался ей несомнѣннымъ, и она чувствовала себя сильной и красивой, какъ никогда. Костюмъ ея былъ голубое платье съ бѣлымъ тюникомъ, и голубые цвѣты на головѣ вѣнкомъ шли къ ней. Если бы она и сомнѣвалась въ своемъ успѣхѣ, первыя минуты входа ея на балъ подтвердили ей ея увѣренность въ томъ, что она хороша.

Она не успѣла дойти до 2-й залы, какъ таблички ея уже были наполнены именами тѣхъ, съ которыми она танцуетъ, и улыбающіяся при встрѣчѣ ея лица подругъ, очевидно подъ улыбкой скрывающія зависть, говорили ей про ея успѣхъ.

* № 27 (рук. № 15).

Какъ ни любовалась Кити Анной, она не ожидала ее найти столь красивою. Въ особенности простота и спокойствіе ее манеры въ этой бальной суетѣ и бальномъ туалетѣ придавали Аннѣ особенную красоту въ глазахъ Кити. Анна улыбкой встрѣтила Кити, и улыбка эта сказала, что она тоже любитъся ею, и пожала ей руку.

Кити видала прежде Анну въ Москвѣ и Петербургѣ въ гостиныхъ и любовалась граціей и ловкостью ея ума, всегда добродушнаго, но эти прелести ума Кити мало цѣнила. Въ этотъ пріѣздъ она особенно полюбила Анну, потому что увидала ее въ совершенно новомъ, задушевномъ быту у сестры; но она никогда не видала ее на балѣ и теперь увидала ее совершенно новою и неожиданною для себя. Она ждала ее въ лиловомъ и теперь, увидавъ ее, поняла, что она не могла быть въ лиловомъ, а что ея прелесть состояла въ томъ, что она всегда выступала изъ своего туалета, что туалетъ никогда не могъ быть видѣнъ на ней. И черное платье съ кружевомъ не было видно, была видна одна она.

И Кити, подумавъ о себѣ, побоялась, не давить ли ее самою ея розовый воздушный туалетъ, не замѣтенъ ли онъ. Но это было не справедливо. И улыбка Анны сказала ей это. «Charmant»,⁶⁸⁶ говорила эта улыбка. Но, кромѣ того, въ баль-

---

⁶⁸⁶ [«Восхитительно»,]

ной, совершенно новой Аннѣ Кити увидала еще новую прелесть – то, что Анна⁶⁸⁷ не видѣла, очевидно, ничего веселаго и ничего непріятнаго на балѣ. Не было въ ней ни этаго сіянія, готовности, которое бываетъ у очень молодыхъ выѣзжающихъ и рѣжетъ немного, ни этаго старанія стать выше толпы, этой глупой философіи бальной, которая такъ свойственна некрасивымъ и не *recherchées*⁶⁸⁸ женщинамъ.. Она была спокойна и весела. Тѣмъ, которые хотѣли затѣвать съ ней тонкіе и глубокомысленные разговоры, она легко и весело перерѣзывала нить разговора.⁶⁸⁹

Хозяинъ дома говорилъ съ ней, когда Кити подошла къ ней.

Кипарисовъ наклонился, прося на туръ вальса.

– Давно ли вы здѣсь? – спросила она.

– Мы 3-го дня пріѣхали.

– А Лидія тутъ?

– Да, мы были въ Вѣнѣ, а теперь я ѣду собирать оброки.

– А вы знакомы? – спросилъ хозяинъ.

---

⁶⁸⁷ *Зачеркнуто:* была вполне женщина на балѣ, пріѣхавшая для того, чтобы было весело ей и другимъ.

⁶⁸⁸ [утонченным]

⁶⁸⁹ *Зачеркнуто:* Но кромѣ того, Кити замѣтила въ ней неожиданную, но столько знакомую самой Кити черту радостнаго возбужденія отъ успѣха. Она видѣла, что она была немного пьяна тѣмъ женскимъ пьянствомъ <восторга> любованья толпы. Вокругъ изогнутыхъ румяныхъ губъ ея чуть замѣтно порхала улыбка возбужденія, глаза свѣтились ярко, и она вся была въ нервномъ веселомъ раздраженіи.

— Съ кѣмъ мы не знакомы? Мы какъ бѣлые волки, насъ всѣ знаютъ. Туръ вальса.

— Я не танцую, — сказала она, — когда могу не танцовать.

— Надѣюсь, что нынче вы не можете не танцовать.

Въ это время подходилъ Вронскій. Кити замѣтила, что онъ смотрѣлъ на Анну и поклонился ей, но что Анна, хотя и могла видѣть его, быстро подняла руку на плечо Кипарисова и не отвѣтила на его поклонъ, не выдавъ его.⁶⁹⁰

Вронскій подошелъ къ ней, напоминая о первой кадрили, и пригласилъ на вальсъ. Приведя ее назадъ, Вронскій опять подошелъ къ Аннѣ и предложилъ вальсъ. Опять Кити показалось странно то, что Анна какъ будто сердито повернулась къ нему и неохотно занесла свойственнымъ ей быстрымъ жестомъ на плечо обнаженную полную руку. Едва они сдѣлали первое движеніе, какъ вдругъ Кипарисовъ на бѣгу захлопалъ въ ладоши, и звуки вальса остановились.

— Ахъ, виноватъ, — закричалъ онъ, увидавъ ихъ, и, рысью выбѣжавъ на середину, закричалъ: — вальсъ!

Вронскій покраснѣлъ, чего никогда еще не видала Кити, а Анна съ тѣмъ же холоднымъ и недовольнымъ лицомъ поспѣшно отстранилась отъ него.

«За что она недовольна имъ?» подумала Кити.

Послѣ вальса началась 1-я кадриль. И для Кити примѣты сбывались. Она танцевала не переставая. Первая кадриль съ нимъ прошла просто и весело. Онъ объяснилъ нездоровье-

---

⁶⁹⁰ *Зач.*: Кити замѣтила это.

мъ то, что не быть въ четвергъ. Въ тѣснотѣ кадрили она и не ждала серьезнаго разговора; но она ждала мазурки и не отдавала ее. Въ одной изъ тѣхъ скучныхъ кадрилей, которыя она танцевала то съ танцующими старыми людьми, не представляющими никакого интереса, то съ юношами, представлявшими еще меньше интереса, она танцевала vis-à-vis съ Бронскимъ и Анной.

* № 28 (рук. № 103).

⁶⁹¹ХІІІ ... слѣдующая по порядку.

Прямо отъ Щербацкихъ послѣ⁶⁹² мучительнаго вечера Левинъ заѣхалъ на телеграфъ и далъ знать къ себѣ въ деревню, чтобы за нимъ выѣхали лошади. Вернувшись къ брату, у котораго онъ стоялъ, онъ зашелъ къ кабинетъ брата,⁶⁹³ чтобы объявить ему, что онъ завтра ѣдетъ, и прервалъ его въ его занятіяхъ. Братъ сидѣлъ съ двумя свѣчами у письменнаго стола⁶⁹⁴ и быстро писалъ. Вокругъ него лежали открытыя книги. Онъ откинулся на спинку кресла и, поднявъ глаза, остановилъ эти свои всегда проницательные глаза на разстроенномъ лицѣ меньшаго брата. Проницательные глаза на этотъ разъ ничего не видали. Лицо старшаго брата было совсѣмъ

---

⁶⁹¹ *Зачеркнуто:* Глава VIII. Деревня.

⁶⁹² *Зач.*: отказа и

⁶⁹³ *Зач.*: и прервалъ его въ его занятіяхъ.

⁶⁹⁴ *Зач.*: обложенный книгами и бумагами,

другое, чѣмъ оно было утромъ: оно осунулось и какъ бы похудѣло; но глаза блестѣли, какъ звѣзды, блестѣли, ничего не видя и не наблюдая.

— Что, ѣдешь? — сказалъ онъ. — Что же такъ? — Онъ, очевидно, забылъ о томъ, когда пріѣхалъ братъ, за чѣмъ, на долго ли, и съ трудомъ старался вспомнить. — Что же, ты кончилъ свои дѣла...

Константинъ Левинъ понялъ, что брату будетъ стоить перерыва мыслей разговоръ его съ нимъ, и потому поспѣшно отвѣтилъ:

— Да, кончилъ. Такъ я соберу оброкъ и пришлю, — сказалъ онъ.

Сергѣй Левинъ вдругъ нагнулся и приписалъ два слова на полъ бумаги.

— Да, да, благодарствуй, — сказалъ онъ. — Ну, прощай, Костя. Извини меня.

Константинъ Левинъ всталъ и направился къ двери.

— Ахъ да, — сказалъ онъ, останавливаясь. — Гдѣ стоитъ Ни-
колинъка?

Сергѣй Левинъ нахмурился.

— Не знаю, право, впрочемъ у Прохора лакея есть адресъ. Развѣ ты хочешь его видѣть? Вѣдь ничего не выйдетъ.

— Да, можетъ быть.

— Ну, какъ знаешь. Прощай.

И Константинъ Левинъ ушелъ въ свою комнату укладываться. «Да, что то есть во мнѣ противное, отталкивающее, —

думаль онъ про себя. — И не гожусь я для другихъ людей. Гордость, говорятъ. Нѣтъ, у меня нѣтъ и гордости. — И онъ представляль себѣ Удашева, счастливаго, добраго, умнаго и наивнаго, никогда ни въ чемъ не сомнѣвающагося. — Она должна была выбрать его. И такъ и надо». ⁶⁹⁵

И онъ чувствовалъ себя несчастнымъ, и съ сознаниемъ своего несчастья, по какому то тайному для него родству чувствъ, соединилось воспоминаніе о братѣ Николаѣ и желаніе видѣть его и помочь ему. ⁶⁹⁶ «Поѣздъ отходить утромъ. Я успѣю съѣздить къ нему». Онъ спросилъ у Прохора адресъ брата Николая и велѣлъ привести извозчика. ⁶⁹⁷

Утромъ, когда Константинъ Левинъ узналъ о томъ, что братъ Николай здѣсь въ Москвѣ, онъ испыталъ непріятное чувство стыда за погибшаго брата и забылъ о немъ. Онъ зналъ, что дѣйствительно ничего нельзя было сдѣлать. Что двѣ доли состоянія были уже промотаны Николаемъ Левинымъ и что, давая ему еще, братья только бы лишали себя и ему бы не помогли, какъ не наполнили бы бездонную бочку. Кромѣ того Николай Левинъ считалъ себя обиженнымъ братьями и, казалось, ненавидѣлъ братьевъ, и въ послѣднее свиданье, гдѣ ссора произошла преимущественно меж-

---

⁶⁹⁵ *Зачеркнуто:* И чѣмъ яснѣе онъ признавалъ это, тѣмъ больше ему щемило сердце. Онъ легъ спать и сейчасъ же заснулъ крѣпкимъ сномъ, какъ спится послѣ несчастья.

⁶⁹⁶ *Зач.*: а теперь опять ему не хотѣлось

⁶⁹⁷ *Зач.*: Николай Левинъ стоялъ въ подворьѣ за Москвой рѣкой.

ду Сергѣемъ и Николаемъ (Константинъ только держаль сторону Сергѣя), Николай, выходя, сказалъ рѣшительно: «Теперь между нами все кончено, и я обоихъ васъ не знаю».⁶⁹⁸ Утромъ, когда онъ чувствовалъ себя полнымъ надеждъ,⁶⁹⁹ Константинъ Левинъ рѣшилъ самъ съ собою, что вслѣдствіи этаго всего дѣла съ братомъ Николаемъ и ѣздить къ нему нѣтъ никакой надобности. Онъ испытывалъ утромъ только чувство гадливости, какъ будто его изъ свѣта и ясности тянулъ кто то въ нечистоту и грязь, и онъ только отряхнулся и пошелъ своей дорогой; но теперь, вечеромъ, чувствуя себя несчастнымъ, мысль о братѣ Николаѣ, пришедшая ему еще въ снѣяхъ дома Щербацкихъ, не покидала его, и онъ рѣшился употребить нынѣшній вечеръ на то, чтобы отыскать его и попытаться сойтись съ нимъ. Онъ зналъ, что братъ Николай не любилъ Сергѣя, но что его онъ всегда любилъ и что слова его (съ его перемѣнчивымъ характеромъ) ничего не значать. А, не смотря на его паденье, Константинъ Левинъ не только любилъ, но уважалъ своего брата Николая и считалъ его однимъ изъ умнѣйшихъ и добрѣйшихъ людей, которыхъ онъ зналъ. Отыскавъ Троицкое подворье, Константинъ Левинъ вошелъ чрезъ грязную дверь съ блокомъ въ грязный корридоръ, и пропитанный табакомъ, вонючій теплый воз-

---

⁶⁹⁸ *Зач.:* Теперь, вѣроятно, онъ былъ въ тяжкомъ положеніи, если прислалъ къ Сергѣю своего человѣка съ часами. Константинъ Левинъ, такъ легко принявшій извѣстіе объ этомъ,

⁶⁹⁹ *Зач.:* на лучшее счастье

духъ охватилъ его.

— Кого вамъ? — спросила развращенная и сердитая женщина.

— Левина.

— 21-й номеръ.

Дверь 21 № была полуотворена, и оттуда въ полосѣ свѣта выходилъ густой дымъ дурнаго и слабаго табака и слышался не знакомый Константину Левину голосъ; но Константинъ Левинъ тотчасъ же узналъ, что братъ тутъ, онъ услыхалъ его кашель — тонкій, напряженный и сердитый. Онъ вошелъ въ дверь, голосъ непріятный продолжалъ говорить, рассказывая какое то судебное дѣло, какъ добыты слѣдствіемъ улики какія то.

— Ну, чортъ его дери, — сквозь кашель проговорилъ голосъ брата. — Маша! Добудь ты намъ не улики, а поѣсть и водки.

Женщина молодая, рябоватая и не красивая, но очень пріятная, въ простомъ шерстяномъ платьѣ безъ воротничковъ и рукавчиковъ, открывавшихъ пухлую шею и локти, вышла за перегородку и увидала Левина.

— Какой то баринъ, Николай Дмитричъ, — сказала она.

— Кто еще тамъ? — сердито закричалъ голосъ.

— Это я, — сказалъ Константинъ Левинъ, выходя на свѣтъ.

— Кто я?

— Можно тебя видѣть?

— А! — проговорилъ Николай Левинъ, вставая и хмуря свое и такъ мрачное и сердитое лицо. — Константинъ! Что это тебѣ

вздумалось. Ну, входи же. Это мой братъ Константинъ меньшій, — сказалъ онъ, обращаясь къ господину старому, но крашеному и молодящемуся съ стразовой булавкой въ голубомъ шарфѣ.

Константинъ Левинъ съ перваго взгляда получилъ отвращеніе къ этому господину, да и кромѣ самыхъ дрянныхъ людей онъ не ожидалъ никого встрѣтить у брата, и ему, какъ оскорбленіемъ, кольнуло въ сердце, что этому господину братъ, вѣрно, рассказывалъ про ихъ отношенія.

— Это мой адвокатъ, — онъ назвалъ его, — дѣлецъ. Ну, садись, — сказалъ Николай Левинъ, замѣтивъ непріятное впечатлѣніе, произведенное на брата его знакомымъ.

И годъ тому назадъ, когда послѣдній разъ Константинъ видѣлъ брата, Николай былъ не хорошъ и даже страшенъ, но теперь и некрасивость и мрачность, особенно когда онъ былъ золъ, еще увеличились. Маленькій, нескладный ростъ, растрепанная, грязная одежда, не выющіеся⁷⁰⁰ густые висящіе на морщинистый лобъ взлохмаченные волосы, короткая борода, не растущая на щекахъ, усы и брови длинные и висящіе внизъ на глаза и губы, худое, желтое лицо и блестящіе, непріятные по своей проницательности глаза.

— Я нынче пріѣхалъ, узналъ, что ты тутъ, и хотѣлъ...

— Да,⁷⁰¹ отъ лакея Сергѣя Дмитріевича. Ну, да чтобъ ты такъ не бѣгалъ глазами, я тебѣ въ двухъ словахъ объясню, зачѣ-

---

⁷⁰⁰ *Зачеркнуто:* прямо торчащіе, взлохмаченные, рѣдкіе

⁷⁰¹ *Зач.*: по часамъ узналъ

мъ я здѣсь и кто это. Изъ Кіева я убѣжалъ отъ долговъ, сюда пріѣхалъ получить долгъ съ Васильевскаго, онъ мнѣ долженъ 40 тысячъ по картамъ. Это дѣлецъ, — сказалъ онъ, указывая на господина, — адвокатъ, по мнѣ, понимаешь. Порядочные адвокаты ходятъ къ порядочнымъ, а къ нашему брату такіе же, какъ мы. А это, — сказалъ онъ по французски, указывая на женщину, — моя жена, т. е. не бойся, знаменитое имя Левиныхъ не осрамлено, мы не крутились, а вокругъ ракитаго куста. Я ее взялъ изъ дому, но желаю всѣмъ такихъ женъ. Ну, ступай, Маша. Водки, водки, главное. Ну, теперь видишь, съ кѣмъ имѣешь дѣло. И если ты считаешь, что компрометировался, то вотъ Богъ, а вотъ порогъ.

Константинъ Левинъ слушалъ его, но понималъ не то, что ему говорилъ братъ, а все то, что заставляло его говорить такъ, и внимательно смотрѣлъ ему прямо въ глаза. Николай Левинъ понималъ это; онъ зналъ, какъ братъ одной съ нимъ породы, одного характера, ума, понималъ насквозь значеніе его словъ, и, видимо,⁷⁰² сознаніе того, что онъ слишкомъ понять, стало непріятно ему. Онъ повернулся къ адвокату.

— Ну, батюшка, видите, какіе у меня братья, у него 3 тысячи да земель не заложенныхъ, и, видите, мною не брезгаютъ.

— А что же, есть надежда получить эти деньги? — спросилъ Константинъ Левинъ, чтобы вести разговоръ общій, пока не уйдетъ этотъ господинъ.

— Когда я пьянъ, то чувствую надежду, — отвѣчалъ Нико-

---

⁷⁰² Зам.: разсердился на это.

лай Левинъ, — и потому стараюсь быть всегда пьянь.

— Полная, Константинъ Дмитричъ, — отвѣчалъ адвокатъ улыбаясь. — Я принялъ мѣры и полагаю...

Константинъ Левинъ не слушалъ адвоката, а оглядывалъ комнату. За перегородкой въ грязной конуркѣ, вѣроятно, спалъ онъ — братъ. На диванчикѣ лежала ситцевая подушка, и, вѣроятно, спала она. На ломберномъ столѣ въ углу былъ его міръ умственный. Тутъ Константинъ Левинъ видѣлъ тетради, исписанныя его почеркомъ, и книги, изъ которыхъ онъ, къ удивлен(i)ю, узналъ Библію.⁷⁰³

— Ну, ему не интересно, — перебилъ его Николай Левинъ, — а вотъ водки — это лучше, — прибавилъ онъ, увидѣвъ входившую Машу съ графинчикомъ и холоднымъ жаркимъ. — Ну что жъ ты дѣлаешь, Расскажи, — сказалъ онъ, сдвигая карты и патроны со стола, чтобы опростать мѣсто для ужина, и повеселѣвъ уже при одномъ видѣ водки.

— Я все въ деревнѣ живу.

— Ну а Амалія наша (онъ такъ называлъ мачиху) — чтоже, бросила шалить или все еще соблазняется? Какая гадина!

— За что ты ее ругаешь? Она, право, добрая и жалкая старуха.

— Ну, а Сергѣй Дмитричъ все философiей занимается? Вотъ пустомеля то. Я при всей бѣдности издержалъ 3 рубля, взялъ его послѣднюю книгу. Удивительно мнѣ, какъ эти люди могутъ спокойно говорить о философiи. Вѣдь тутъ во-

---

⁷⁰³ Зачеркнуто: и Гомера.

просы жизни и смерти. Какъ за нихъ возьмешься, такъ вся внутренность переворачивается, и видишь, что есть минуты, особенно съ помощью вотъ этаго, — онъ взялъ графинчикъ и сталъ наливать водку, — что есть минуты, когда не то что понимаешь, а вотъ, вотъ поймешь, откроется завѣса и опять закроется, а они, эти пустомели, о томъ, что ели ели на мгновенье постигнуть можно, они объ этомъ пишутъ, это то толкуютъ, то есть толкуютъ, чего не понимаютъ, и спокойно безъ⁷⁰⁴ любви, безъ уваженія даже къ тому, чѣмъ занимаются, а такъ, изъ удовольствія кощунствовать.

— Не говори этого. Ты знаешь, что это неправда, — сказалъ Константинъ Левинъ и, видя въ немъ все то же раздраженіе и зная, что онъ ни отъ чего такъ не смягчается, какъ отъ похвалы, чтобы смягчить его, захотѣлъ употребить это средство. — Ты знаешь, что это не правда. Разумѣется, есть люди, какъ ты, которыхъ глубже затрагиваютъ эти вопросы и они глубже ихъ понимаютъ.

Но только что онъ сказалъ это, глаза, смотрѣвшіе другъ на друга, запрыгали, замелькали, и Николай Левинъ понялъ, что онъ съ умысломъ сказалъ это. И Константинъ Левинъ замолчалъ.

— Ну и ладно. Хочешь водки? — сказалъ Николай Левинъ и вылилъ жадно одну рюмку водки въ свой огромный ротъ и, облизывая усы, съ такою же жадностью, нагнувшись всѣмъ тѣломъ, взялся за жаркое, глотая огромными кусками, ка-

---

⁷⁰⁴ *Зач.*: стѣсненія, безъ сердца

къ будто у него отнимуть сейчасъ или что оттого, что онъ съѣсть или не съѣсть, зависитъ вся судьба его. Константинъ Левинъ смотрѣлъ на него и ужасался. «Да, вотъ онъ весь тутъ, — думаль онъ. — Вотъ эта жадность ко всему — вотъ его погибель. Какъ онъ ѣсть теперь эту спинку сухаго тетерева, такъ онъ все бралъ отъ жизни».

— Ну, да что говорить о другихъ. Ты что же дѣлаешь въ деревнѣ? — сказалъ Николай Левинъ. Онъ выпилъ еще водки, и лицо его стало менѣ мрачно. — Ну съ, Михайль Вакулычъ, прощайте. Приходите завтра, а я съ нимъ поболтаю, — сказалъ онъ адвокату и, вставъ, еще выпилъ водки и вышелъ съ нимъ за дверь.

Слѣдующая по порядку XIII.

— Что, вы давно съ братомъ? — спросилъ Константинъ Левинъ Марью, сидѣвшую у окна и кутившую папиросу.

— Второй годъ, — сказала она вспыхнувъ и поторопилась сказать, откуда онъ взялъ ее. — Здоровье ихъ не хорошо, а вонь все, — она показала глазами на водку.

И Константинъ Левинъ, не смотря на то, что онъ только нынче утромъ говорилъ, что для него нѣтъ падшихъ созданий, а с...., онъ почувствовалъ удовольствіе отъ того, что эта с..... чутьемъ поняла, что онъ любить брата, и какъ бы приняла его въ свои сообщники. Въ ней было такъ много простоты⁷⁰⁵ и любви къ этому человѣку, что ему пріятно было съ нею понимать другъ друга.

---

⁷⁰⁵ Зачеркнуто: смиренія

— Что, съ моей женой знакомишься? Славная дѣвка, — сказалъ Николай Левинъ, ударивъ ее по плечу. — Ну, теперь мы одни. Рассказывай про себя. Не велятъ намъ наши умники признавать родство по роду, а я вотъ⁷⁰⁶ тебя увидалъ, что то іюкнуло. Выпей же. Въ этомъ не одна veritas,⁷⁰⁷ а мудрость вся. Ну, рассказывай про себя, что ты дѣлаешь.

Константинъ Левинъ рассказалъ свои занятія хозяйствомъ, потомъ земствомъ и свои разочарованія. Николай Левинъ расхохотался дѣтскимъ смѣхомъ.

— Это хорошо. Это значить, что ты лгать не можешь. Вѣдь все это вранье, игрушки и перетасовка все того же самого, самого старого и глупаго. Одинъ законъ руководить всѣмъ міромъ и всѣми людьми, пока будутъ люди. Сильнѣе ты другаго — убей его, ограбь, спрячь концы въ воду, и ты правъ, а тебя поймають, тотъ правъ. Ограбить одного нельзя, а цѣлый народъ, какъ нѣмцы французовъ, можно. И тотъ, кто видитъ это, чтобы пользоваться этимъ, тотъ негодай, а тотъ, кто видитъ это и не пользуется, а смѣется, тотъ мудрецъ, и я мудрецъ.

Но странное дѣло, Константинъ Левинъ, слушая его, слушая то самое, что онъ самъ иногда думалъ, не только не утверждался въ этихъ мысляхъ, но, напротивъ, убѣждался, что смотрѣть на міръ такъ нельзя, что это болѣзнь. Въ глазахъ его брата весь міръ было такое безобразіе, что страшно

---

⁷⁰⁶ Зам.: часы нынче послалъ Сергѣю, жалко, совѣстно какъ то, и вотъ

⁷⁰⁷ [истина,]

было жить въ немъ, и понятно, что спастись отъ него можно было только въ забвеніи. Онъ сталъ возражать ему, но Николай Левинъ не далъ говорить ему.

— Нѣтъ, братъ, не порть себя, вѣдь не увѣришь себя въ томъ, чему не вѣришь. Не знаю, что изъ тебя выйдетъ, — продолжалъ онъ съ улыбкой (онъ рѣдко улыбался, но улыбка его была чрезвычайно пріятна), — не настолько у тебя запаса есть, что пустомелей ты не будешь, а это хуже всего. Спиться, какъ я, тоже не хорошо, противно, какъ я самъ себѣ бываю, и рѣшительно не знаю, куда тебя вынесетъ. Нечто вотъ эта, — сказалъ, онъ указывая на Машу. — Эти умѣютъ жить во всемъ этомъ сумбурѣ, у нихъ все глупо и ясно. Выпей, Маша. Или нѣтъ, не пей.

— Ты думаешь? — сказалъ Константинъ Левинъ краснѣя, — что женитьба...

— Да, на міру смерть красна. Выводить людей, чтобы вмѣстѣ горе дѣлить на этомъ дурацкомъ свѣтѣ.

— Но ты мнѣ про себя разскажи, — сказалъ Константинъ Левинъ. Константину тяжело было это воззрѣніе на міръ, а онъ не могъ не раздѣлять его. — Про себя скажи, что ты дѣлалъ и дѣлаешь? Не могу ли я?

Онъ не договорилъ, потому что блѣдное лицо Николая покраснѣло.

— Ты ужъ не любезничай, пожалуйста, дружокъ. Я васъ ограбилъ, ужъ это я знаю, и сказалъ и скажу, что больше я гроша отъ васъ не возьму, да я и по природѣ бездонная кад-

ка. Это я сказалъ и скажу, — заговорилъ онъ съ злостью, — что если бы мнѣ дали тогда мою часть, когда мнѣ нужна была, вся бы жизнь моя была другая.

Эта мысль и упрекъ, который онъ дѣлалъ Сергѣю Левину за то, что ему не дали его части, когда онъ ее требовалъ, было его больное мѣсто. Константинъ Левинъ зналъ, что это было несправедливо и что онъ всегда, раздражаясь, говорилъ про это. И теперь все выраженіе лица его измѣнилось, и онъ не замѣчалъ, что то, что онъ говорилъ, было непослѣдовательно и не логично, потому что какая же могла быть его жизнь, когда онъ вообще считалъ всякую жизнь безсмыслицей и себя по природѣ бездонной кадкой. Но, напавъ разъ на эту тему, онъ много и долго и желчно говорилъ, особенно упрекая брата Сергѣя въ его безсердечности.⁷⁰⁸

— Ты знаешь, за что онъ ненавидитъ меня.

— Впервыхъ, не только не ненавидитъ, но любить.

— Ужъ позволь мнѣ знать, ненавидитъ за то, что я нахожу, что всѣ его сочиненія написаны прекраснымъ языкомъ, но вода, и за то, что говорилъ ему это. — Но Константинъ Левинъ съ трудомъ могъ сбить его съ этой темы. — Ну, хорошо, оставимъ. Чтоже тебѣ про меня знать? Таже исторія. Въ Кіевѣ проигралъ все, занялъ, не отдалъ.

— Но сколько?

— Ахъ, все равно, и если заплачу и если не заплачу. Я давно сказалъ, что вы за меня не отвѣтчики. Ну, имя ваше я въ

---

⁷⁰⁸ Рядом на полях написано: про брата, авторское самолюбіе

грязи таскаю. Ну, это не бѣда. Пожалуй, я назовусь Левинскимъ. Одно утѣшительно – это то, что когда мы оба умремъ и на томъ свѣтѣ вспомнимъ съ Сергѣемъ Дмитріевичемъ, какъ онъ обижался на меня за то, что я имя его въ грязи таскаю. Ну вотъ увидишь, что мы тамъ никакъ не будемъ въ состояніи понять, что такое это должно означать, – сказали онъ, какъ и всегда отвлекая разговоръ отъ себя.

– Да этакъ, пожалуй, мы тамъ и не поймемъ, что такое значить, что мы братья.

– Нѣтъ, – визгливо и широко раскрывая ротъ, прокричалъ Николай Левинъ, – Нѣтъ, это мы поймемъ, и многое еще поймемъ. Мы поймемъ все настоящее, коренное, – заговорилъ онъ восторженно, блестя глазами изъ лица, которое теперь было совершенно другое, чѣмъ то, которое увидалъ Константинъ Левинъ, войдя въ комнату. Теперь это было вдохновенно-прелестное лицо, каждое движеніе этаго лица приковывало къ себѣ вниманіе. Вообще въ эту минуту, послѣ 5-ти рюмокъ водки, Николай Левинъ находился въ самомъ выгодномъ моментѣ своего пьянства. Мысли еще своимъ обиліемъ не затемняли слова, и языкъ дѣйствовалъ еще послушно. Нѣтъ, все das Echte⁷⁰⁹ мы и тамъ поймемъ, оно вездѣ одно. Мы поймемъ то, что насъ съ тобою связываетъ, то, зачѣмъ ты пріѣхалъ сюда ко мнѣ, да, вотъ этотъ твой взглядъ, old boy,⁷¹⁰ – сказали онъ, замѣтивъ, какъ слезы выступали на

---

⁷⁰⁹ [настоящее]

⁷¹⁰ [дружище,]

глаза брата, — вотъ это, — сказалъ онъ, указывая на Машу, — то, что насъ связываетъ, связало съ ней. Вотъ съ этой б....., да.

— Вы бы поменьше пили, Николай Дмитричъ, — сказала Маша, вызванная этимъ обращеніемъ.

— Да ты думаешь, она ничего непонимаетъ? Она все это понимаетъ лучше всѣхъ насъ. А что, вѣдь не похожа она на б....., и правда, что есть въ ней что то хорошее, милое, — сказалъ онъ.

— Вы, я думаю удивляетесь на него, — сказалъ Константинъ Левинъ, чтобы сказать что нибудь.

— Да не говори ей «вы». Она боится. Ей, кромѣ Мироваго Судьи, когда ее судили за воровство, котораго она не крала, кромѣ Мироваго Судьи, никто не говорилъ «вы». Да, братъ, то, что меня съ ней связываетъ, то, что мы съ ней при свѣтѣ нашей любви видимъ другъ въ другѣ, это останется. Останется то, что меня связываетъ вотъ съ этимъ, — онъ указалъ на книги. — Ты знаешь, я что дѣлаю. Я перевожу Библію. Вотъ книга.

И онъ сталъ объяснять свой взглядъ на нѣкоторыя любимыя его книги, особенно книгу Іова. Но скоро языкъ его сталъ мѣшаться, и онъ сталъ перескакивать съ одного предмета на другой, и Константинъ Левинъ уѣхалъ отъ него, попросивъ Машу извѣщать его о состояніи его здоровья и, главное, если нужны будутъ деньги. Онъ и теперь хотѣлъ передать ей тайно отъ него 100 рублей, но она не взяла, сказавъ, что утаить нельзя, а сказать — онъ разсердится.

* № 29 (кор. №109).

И въ воображеніи Левина мгновенно одно за другимъ возникли тѣ отмѣченныя въ его воспоминаніи «сомнительными» событія изъ жизни брата Николая.

Онъ избилъ до полусмерти мальчика, котораго онъ взялъ изъ деревни и воспитывалъ, готовя въ университетъ, такъ что мать мальчика подала жалобу на Николая Левина.

Это гадко, но надо знать страстность, неуждержимость его характера и вмѣстѣ всегда единственный двигатель всѣхъ его дѣйствій – безкорыстное увлеченіе добромъ.

Онъ проигралъ деньги шулеру и, не платя денегъ, подалъ прошеніе на шуллера, доказывая, что тотъ его обманулъ, и, разумѣется, не доказалъ. Все это было гадко, глупо. Но надо было знать брата Николая, чтобы понимать, какъ въ его понятіи нельзя было отдать плуту деньги, которыя онъ желалъ употребить не для себя, а съ пользой для другихъ. Онъ попадался полиціи въ безобразныхъ кутежахъ и буйствахъ, которыя были отвратительны; но Константинъ Левинъ зналъ, что въ эти кутежи и буйства Николая увлекали окружавшіе его люди, а что Николай Левинъ былъ лишенъ способности понимать разницу между хорошими и дурными людьми. У него всѣ были хороши. И зналъ, что кутежи эти вытекали изъ потребности забыться. А забыться нужно было отъ того, что жизнь не удовлетворяла тѣмъ требованіямъ, которыя муча-

ли его. А требованія были самыя высокія. Онъ неправильно обвинялъ Сергѣя Ивановича въ томъ, что тотъ не далъ ему продать общее имѣніе и взять свою половину для какой то химической фабрики, которую онъ хотѣлъ завести и которая должна была осчастливить и обогатить цѣлую губернію.

Константинъ Левинъ зналъ, что Николай былъ кругомъ виноватъ въ этомъ столкновеніи, несправедлив, озлобленъ, но Константинъ Левинъ зналъ тоже, что счеты между двумя старшими братьями велись давнишніе и что логически Николай Левинъ былъ кругомъ виноватъ и не правъ въ томъ, въ чемъ онъ обвинялъ Сергѣя Ивановича, но вообще онъ имѣлъ основаніе для озлобленія и только потому былъ неправъ, что не могъ, не умѣлъ или не хотѣлъ указать, въ чемъ именно виноватъ Сергѣй Ивановичъ передъ нимъ, а винъ этихъ было много — маленькихъ, ничтожныхъ, но жестокихъ оскорбленій — насмѣшки, умышленнаго непониманія и презрѣнія. Константинъ Левинъ помнилъ, какъ въ то время, когда Николай былъ въ періодъ внѣшней набожности, постовъ, монаховъ, службъ церковныхъ, Сергѣй Ивановичъ только смѣялся надъ нимъ, какъ потомъ, когда Николай кончилъ курсъ и поѣхалъ въ Петербургъ служить, по адресному календарю выбравъ мѣсто — Отдѣленіе составленія законовъ, какъ самую разумную дѣятельность, какъ Сергѣй Ивановичъ, имѣвшій связи и вѣсь уже тогда,⁷¹¹ выставлялъ своего брата какъ чудака и младенца. Была и доля зависти Николая къ успѣху

---

⁷¹¹ *Зачеркнуто: не помогъ*

Сергѣя Иваныча, думаль Константинъ Левинъ и понималь, что, какъ честная натура, не признавая въ себѣ этой зависти, Николай придумываль причины озлобленія противъ Сергѣя Иваныча. Болѣе же всего – это очень хорошо понималь Константинъ Левинъ – братъ Николай былъ озлобленъ и на Сергѣя Иваныча и на общество за то, что и Сергѣй Иванычъ и весь міръ были логически правы, отвергая и презирая его; а вмѣстѣ съ тѣмъ, не смотря на свою нелогичность, онъ чувствовалъ, что онъ въ душѣ своей, въ самой основѣ своей души, и правѣе и лучше⁷¹² Сергѣя Иваныча и тѣхъ, кто составляютъ общественное мнѣніе. Ту высоту, съ которой погибавшій братъ Николай презираль общество и Сергѣя Иваныча, Константинъ Левинъ особенно живо понималь и чувствовалъ теперь. Разсужденіе его началось съ униженія, съ признанія себя недостойнымъ и дурнымъ, и кончилось тѣмъ, что онъ хотѣлъ примкнуть къ той точкѣ зрѣнія брата Николая, съ которой можно презирать тѣхъ, передъ которыми онъ считалъ себя дурнымъ.

Узнавъ отъ Прокофья адресъ брата, Левинъ пріѣхаль въ 11-мъ часу въ⁷¹³ гостинницу, гдѣ стоялъ его братъ. Левинъ замѣтилъ, что швейцаръ измѣнилъ тонъ почтительности, когда онъ спросилъ Левина.

– Наверху, 12-й и 13-й, – сказалъ швейцаръ.

– Дома?

---

⁷¹² *Зач.*: всего міра

⁷¹³ *Зач.*: одну изъ малоизвѣстныхъ московскихъ гостинницъ

— Должно, дома.

Дверь 12 номера была полуотворена, и оттуда въ полосѣ свѣта выходилъ густой дымъ дурнаго и слабаго табака, и слышался незнакомый Левину голосъ; но Левинъ тотчасъ же узналъ, что братъ тутъ, онъ услыхалъ его покашливанье, и при этомъ звукѣ передъ его воображеніемъ возникъ образъ брата, какимъ онъ его видѣлъ въ послѣдній разъ съ его большимъ, нескладнымъ ростомъ и большими, наивными и дикими глазами, которые могли смотрѣть такъ соблазнительно нѣжно и такъ страшно жестоко.

Онъ вошелъ въ дверь, незнакомый голосъ говорилъ:

— Наша артель только потому не могла дать желаемыхъ результатовъ, что капиталы старались задавить ее, какъ враждебное явленіе...

Константинъ Левинъ заглянулъ въ дверь и увидалъ взъерошеннаго молодого человѣка въ поддевкѣ, который говорилъ, брата, сидѣвшаго спиной, и какую то женщину. У него больно сжалось сердце при мысли о томъ, въ средѣ какихъ чужихъ людей живетъ его братъ, и еще больнѣе стало, когда онъ изъ разговора человѣка въ поддевкѣ понялъ, что это былъ социалистъ. Онъ не давалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что⁷¹⁴ этотъ социалистъ былъ самымъ рѣзкимъ признакомъ гибели брата, что, какъ воронья надъ тѣломъ, такъ близость этаго рода людей показываетъ смерть, но онъ почувствовалъ это. Онъ стоя слушалъ.

---

⁷¹⁴ *Зачеркнуто:* ему особенно грустно стало отъ сознанія того, что

— Ну, чортъ ихъ дери, — прокашливаясь проговорилъ голосъ брата. — Маша! Добудь тѣ намъ поѣсть и водки.

Молодая женщина, рябоватая и некрасивая, въ простомъ шерстяномъ платьѣ безъ воротничковъ и рукавчиковъ, открывавшихъ пухлую шею и локти, вышла за перегородку и увидала Левина.

— Какой-то баринъ, Николай Дмитричъ, — сказала она.

— Кого нужно? — сердито закричалъ Николай Левинъ.

— Это я, — сказалъ Константинъ Левинъ, выходя на свѣтъ, и хотѣлъ еще сказать что то, но остановился, увидавъ брата. Онъ не ожидалъ его такимъ.⁷¹⁵

— Кто я? — еще сердитѣе вскрикнулъ Николай Левинъ, не узнавая еще брата, и сдѣлалъ столь знакомое Константину Левину судорожное движение головой и шеей, какъ будто галстукъ жаль его.

Константинъ Левинъ зналъ, что это движеніе есть признакъ самаго дурнаго расположенія духа, и со страхомъ ждалъ, какъ приметъ его братъ, когда узнаетъ.

— А, Костя! — вдругъ неожиданно радостно вскрикнулъ

---

⁷¹⁵ *Зач.*: — Что вамъ угодно? <— Мнѣ угодно видѣть тебя.> — Я нынче пріѣхалъ, — отвѣчалъ Левинъ, — узналъ, что ты тутъ, и хотѣлъ... — Да, отъ лакея Сергѣй Ивановича. Сергѣй Ивановичъ прислалъ тебя.<— Полно, пожалуйста, — началъ Левинъ, но голосъ его дрогнулъ, и онъ остановился.>— Ну войдите, коли вамъ <удовно меня видѣть> дѣло есть, — сказалъ онъ, <опуская глаза, — только не понимаю зачѣмъ.> Это <тѣ господинъ>, — сказалъ онъ, указывая на молодаго господина въ поддевкѣ съ <крашенными усами, <— помѣщикъ> — адвокатъ> лохматой шапкой волосъ, — Крицкій, мой сосѣдъ по номеру, котораго преслѣдуетъ полиція за то, что онъ честный человѣкъ. Можете при немъ все говорить. Онъ мой другъ

онъ, глаза его засвѣтились нѣжностью, и [онъ] двинулся къ нему, чтобы его обнять. Но потомъ опять оглянулся на молодого человѣка, сдѣлалъ опять судорожное движеніе головой и остановился, и совсѣмъ другое, дикое и⁷¹⁶ страдальческое и жестокое выраженіе остановилось на его худомъ лицѣ.

— Я писалъ вамъ и Сергѣю Иванычу, что я васъ не знаю. Вы меня стыдитесь и ненавидите, и я васъ не хочу знать. Что тебѣ, что вамъ нужно?

Какъ онъ совсѣмъ не такой былъ, какимъ его воображалъ Константинъ Левинъ! Какъ многое изъ его характера, изъ того, что дѣлало столь труднымъ общеніе съ нимъ, какъ все это забылъ Константинъ Левинъ и какъ онъ все это мучительно вспомнилъ, когда увидалъ его лицо и въ особенности это судорожное поворачиванье головы. Но Левинъ не думая отвѣтилъ, что ему пришло въ голову.

— Мнѣ нужно тебя видѣть, потому что ты мой братъ, и я тебя не стыжусь и не ненавижу, а я тебя... — Онъ остановился, съ радостью увидавъ, что слова эти подѣйствовали на брата.

Николай дернулся губами.

— А, ты такъ, — сказалъ онъ смутившись. Ну, входи, садись. Хочешь ужинать? Маша, 3 порціи принеси. Постой, Маша. Ты знаешь, — сказалъ онъ, указывая на господина въ поддевкѣ съ лохматой шапкой волосъ. — Это г-нъ Крицкій, мой сосѣдъ по номеру и мой другъ. Очень замѣчательный человекъ. Его, разумѣется, преслѣдуетъ полиція, потому что онъ

---

⁷¹⁶ *Зачеркнуто: холодное*

не подлець. А это мой братъ — не Кознышевъ, quasi-философъ, а Константинъ.

— Я пойду, — робко прошептала женщина отъ дверей.

— Нѣтъ, постой, я сказалъ, — крикнулъ онъ.

И съ тѣмъ практическимъ неумѣньемъ и съ той нескладностью разговора, которую такъ зналъ Константинъ, онъ, не отпуская Машу, сталъ рассказывать Константину Левину всю исторію Крицкаго; какъ его выгнали изъ университета за то, что⁷¹⁷ онъ завелъ общество вспомошествованія бѣднымъ студентамъ и воскресныя школы, и какъ потомъ онъ поступилъ въ народную школу учителемъ и его оттуда выгнали, и какъ онъ завелъ производительную артель и его за это то судили. Всѣ молчали. Онъ одинъ говорилъ. И Константинъ Левинъ видѣлъ, что онъ сердится за то, что и ему, и Крицкому, и Машѣ неловко.

— Да, я слышалъ, вы рассказывали сейчасъ про артель, — сказалъ онъ Крицкому.

— Я ничего не рассказывалъ, — насупившись, сердито проговорилъ Крицкій.

— Ну, постой, — перебилъ Николай Левинъ, — а эта женщина, — сказалъ онъ брату, указывая на Машу, — моя подруга жизни. Я взялъ ее изъ дома. — Онъ покраснѣлъ, говоря это. — Но люблю ее и уважаю и всѣхъ, кто меня хочетъ знать, прошу любить и уважать ее. Она все равно что моя жена. Все равно. Такъ вотъ ты знаешь, съ кѣмъ имѣешь дѣло. И если

---

⁷¹⁷ *Зач.*: съ товарищами требовалъ свободы отношеній къ професорамъ и

думаешь, что ты унизишься, то вотъ Богъ, а вотъ порогъ.

— Отчего же я унижусь, я не понимаю.

— Ну, хорошо.

Николай перевелъ глаза съ Крицкаго на брата и улыбнулся своей дѣтской, наивной улыбкой.

— Вы не дичитесь его, — сказалъ онъ Крицкому. — Онъ это можетъ понять, расскажите ему нашъ планъ.

— Да я нисколько не дичусь, а только не вижу надобности рассказывать то, что можетъ быть неинтересно.

— Ты видишь ли, — заговорилъ Николай, съ усиліемъ морща лобъ и подергиваясь. Ему, видимо, трудно было сообразить все, что нужно и хотѣлось ему сказать брату. — Вотъ видишь ли, — онъ указалъ въ уголъ комнаты какіе то желѣзные брусья, завязанныя бичевками въ бумагѣ, очевидно изъ лавки. — Видишь ли это? — Это матерьялъ для нашей артели. Комунисты — пошлое слово, а, какъ я ихъ понимаю, это апостолы. Они то самое, что были первые христіане. Они проповѣдуютъ равенство.

— Да, но только съ той разницей — отвѣчалъ Константинъ Левинъ, которому не нравился вообще Крицкій⁷¹⁸ и въ особенности не нравился потому, что его сближеніе съ братомъ показывало ему очевиднѣе всего паденіе брата, — да, но съ той разницей, что первые христіане признавали одно орудіе — любовь и убѣжденіе; а, сколько я понимаю,⁷¹⁹ проповѣдни-

---

⁷¹⁸ *Зачеркнуто:* (онъ видѣлъ въ немъ неискренность и желаніе казаться)

⁷¹⁹ *Зач.:* (вѣдь я знаю это)

ки комунисты признають и требуютъ насиліе,⁷²⁰ – нѣсколько сердито заговорилъ братъ. – Свобода и равенство.

Константинъ Левинъ замолчалъ, видя, что возраженіе раздражаетъ брата. Притомъ вопросъ комунизма не интересовалъ его вообще и теперь еще менѣе, чѣмъ когда либо. Онъ вглядывался въ наружность брата и думалъ, какъ бы сойтись и помочь ему. Для него было несомнѣнно, что братъ не могъ интересоваться комунизмомъ, но что это была та высота, съ которой онъ, презираемый всѣми, старался презирать всѣхъ.

– Я съ своей стороны, – сказалъ Крицкій, – вовсе не утверждалъ, чтобы *мы* были подобны первымъ христіанамъ. Я, признаюсь вамъ, и не знаю, что они проповѣдывали, да и не хочу знать, – сказалъ онъ съ улыбкой, злой и враждебной, напоминавшей выраженіе собаки, показавшей зубы. – И мы предоставляемъ проповѣдывать любовь тѣмъ, которые довольны существующимъ порядкомъ вещей. А мы признаемъ его прямо уродливымъ и знаемъ, что насиліе побѣждается только насиліемъ.⁷²¹

Константинъ Левинъ смотрѣлъ на Крицкого и перемѣни-

---

⁷²⁰ *Зам.*: – Да, это правда. Это я имъ говорю, – сказалъ Николай, обращаясь къ Крицкому.

⁷²¹ *Зачеркнуто*: – Положимъ, – сказалъ Константинъ Левинъ, съ раздраженіемъ обращаясь къ нему, – но позвольте узнать, какого же порядка вы хотите. – Это слишкомъ долго объяснять, и я не знаю, насколько нужно доказывать. Есть у васъ еще папиросы, Николай Дмитричъ? – Да я вамъ помогу. Вы думаете, что я, принадлежа къ привилегированнымъ сословіямъ, не знаю вашей точки зрѣнія и не признаю ее отчасти. Я вамъ скажу главныя ваши положенія:

ль объ немъ свое мнѣніе. Онъ понравился ему: было что то напряженно честное и искреннее и, главное, огорченное и въ его выраженіи и въ его тонѣ. Но онъ не сталъ возражать ему. Самый вопросъ не интересовалъ его. Его интересовало только отношеніе къ нему брата.

*** № 30 (рук. № 103).**

XVIII.

Утромъ Константинъ Левинъ выѣхалъ изъ Москвы и къ вечеру пріѣхалъ. Дорогой, въ вагонѣ, онъ разговаривалъ съ сосѣдями о политикѣ, о послѣднихъ книгахъ, о знакомыхъ, и тоска и недовольство собой все точно также мучали его, какъ и въ Москвѣ, но когда онъ вышелъ на своей станціи, увидалъ криваго кучера Игната съ поднятымъ воротникомъ кафтана, когда увидалъ въ неяркому свѣтѣ, падающемъ изъ оконъ станціи, свои ковровые сани, своихъ лошадей съ подвязанными хвостами, въ сбруѣ съ кольцами и махрами, когда кучеръ Игнатъ, еще въ то время, какъ укладывались, рассказалъ ему важнѣйшія деревенскія новости о перевозѣ изъ сушки гречи и о томъ, что отелилась Пава, онъ почувствовалъ, что понемногу переносится въ другой міръ, въ такой, въ которомъ совсѣмъ другая оцѣнка радостей и горестей. Это онъ почувствовалъ при одномъ видѣ Игната и лошадей, но когда онъ надѣлъ привезенный ему тулупъ и сѣлъ, закутавшись, въ сани, когда тронулся, поглядывая на пристяж-

ную, знакомую ему, бывшую верховой, донскую, надорванную, но лихую лошадь, онъ вдругъ почувствовалъ успокоеніе и совершенно иначе сталъ понимать то, что съ нимъ случилось. Онъ не чувствовалъ болѣе униженія, стыда, недовольства собой. Онъ чувствовалъ себя собой и другимъ не хотѣлъ быть.

По славной дорогѣ прокативъ въ 40 минутъ 11-ть верстъ до деревни, онъ засталъ еще старушку мачиху, жившую съ нимъ въ деревнѣ, не спящей. Изъ оконъ ея комнаты падалъ свѣтъ на снѣгъ площадки передъ домомъ. Кузьма, услыхавъ колокольчикъ, выбѣжалъ на крыльцо. Левинъ вошелъ. Лягавая сука Ласка визжала, терлась, поднималась и хотѣла и не смѣла положить переднія лапы ему на грудь.

Мачиха вышла на площадку лѣстницы и, удивленная неожиданнымъ скорымъ возвращеніемъ пасынка, спросила, что случилось:

— Отъ чего ты такъ скоро?

— Ничего, тамап, соскучился. Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше, — отвѣчалъ онъ ей. — Сейчасъ приду, все вамъ расскажу, только переодѣнусь.

Мачиха вернулась къ себѣ и съ своей сожительницей Натальей Петровной, ожидая Костю, по своему принялась обсуждать причину его скорого возвращенія.

Не смотря на то, что Левинъ не говорилъ своей мачихѣ о своихъ намѣреніяхъ, она съ Натальей Петровной почти всякій разъ предполагала, что онъ ѣдетъ въ Москву жениться, и

со страхомъ ожидала новой хозяйки.

— Можетъ быть, все покончилъ и образовался, да и прѣхалъ все собирать.

— Вы вѣчно все глупости выдумываете, — отвѣчала мачиха. — Просто кончилъ дѣло.

Между тѣмъ Левинъ прошелъ въ кабинетъ. Кабинетъ медленно освѣтился принесенной свѣчой, выступили знакомыя подробности: оленье рога, полки съ книгами, зеркало печи съ отдушниками, которую давно надо починить, диванъ, большой столъ, на столѣ начатая открытая книга, сломанная пепельница, тетрадь съ его почеркомъ. Онъ прочелъ: «Тепло есть сила, но сила есть тепло. Чтоже мы выиграли?» Прочелъ онъ свои замѣтки о книгѣ, которую онъ читалъ. Потомъ онъ подошелъ къ углу, гдѣ у него стояли двѣ пудовыя гири и гимнастически поднялъ ихъ, разминаясь. За дверью закрипѣли женскіе шаги. Онъ поспѣшно поставилъ гири. Вошла дѣвушка отъ мачихи, предлагая чаю. Онъ покраснѣлъ, увидавъ ее.

«Я думалъ, что это кончено», сказалъ онъ себѣ.

— Сейчасъ приду на верхъ, — отвѣчалъ онъ.

И быстро переодѣлся и побѣжалъ на верхъ, но по дорогѣ встрѣтилъ его прикащикъ.

Прикащикъ принесъ письма, бумаги и разсказалъ, что гречу не привезли изъ сушилки, не смотря на то, что это было приказано сдѣлать въ день отъѣзда. Левину стало досадно, и онъ сдѣлалъ выговоръ прикащику. Но было одно важное и

радостное событіе: это было то, что отелилась Пава, лучшая, дорогая корова (Игнать не умѣлъ сказать, бычка или телку отелила Пава). Она отелила телку.

— Кузьма, дай тулупъ. А вы велите-ка взять фонарь, я пойду взгляну, — сказалъ онъ прикащику.

Скотная конюшня для дорогихъ коровъ была сейчасъ за домомъ. Пройдя черезъ дворъ мимо сугроба у сирени, онъ подошелъ къ конюшнѣ. Пахнуло навознымъ теплымъ паромъ, когда отворилась примерзшая дверь, и коровы, удивленные непривычнымъ свѣтомъ фонаря, зашевелились по свѣжей соломѣ. Мелькнула гладкая, чернопѣгая, широкая спина Голландки; Беркутъ, быкъ, лежалъ съ своимъ кольцомъ въ губѣ и хотѣлъ было встать, но раздумалъ и только пыхнулъ раза два, когда проходили мимо. Красная красавица, громадная, какъ гипопотамъ, Пава, задомъ повернувшись, заслоняла отъ входившихъ теленка и стала обнюхивать его. Левинъ вошелъ въ денникъ по свѣжей соломѣ, оглядѣлъ Паву и поднималъ краснопѣгаго теленка на его шатающіяся длинныя ноги. Взволнованная Пава замычала было, но успокоилась, когда Левинъ подвинулъ къ ней телку, тотчасъ же начавшую снизу вверхъ поталкивать подъ пахъ мать, и стала лизать ее шаршавымъ языкомъ.

— Да сюда посвѣти, Федоръ, сюда фонарь, — говорилъ Левинъ, оглядывая телку. — Въ мать, даромъ что мастью въ отца. Очень хорошо! Вотъ это будетъ корова! Василій Федоровичъ, вѣдь хороша? — обращался онъ къ прикащику, совер-

шенно примиряясь съ нимъ за гречу подъ вліяніемъ радости за телку.

— Въ кого же дурной быть?

— Ну, хорошо, теперь ступайте, и я домой пойду.

Онъ⁷²² вернулся домой въ самомъ веселомъ расположеніи духа.⁷²³ Онъ подсѣлъ къ мачихѣ, разсказалъ ей про брата Сергѣя, про Николая не говорилъ, зная, что она не любитъ его; потомъ посмѣшилъ ее, зная, что она это любила, сдѣлалъ съ ней 12-ть спящихъ дѣвъ, любимый ея пасьянсъ, принимая въ немъ живѣйшее участіе, и усѣлся на большомъ креслѣ въ ея комнатѣ съ книгой и стаканомъ чая на маленькомъ столи-кѣ, то читая, то вступая въ разговоръ, который вела мачиха съ Натальей Петровной.

Кромѣ дѣла по своему и братниному хозяйству, у Левина всегда бывало свое умственное дѣло. Онъ кончилъ курсъ по Математическому факультету, и одно время страстно занимавшая его математика давно уже ему опротивѣла, но естественныя, историческія и философскія науки попеременно интересовали его. Безъ всякой связи и послѣдовательности онъ бросался съ страстью, съ которой онъ все дѣлалъ, то въ изученіе одной, то другой стороны знанія. Учился, читалъ, доходилъ то того, что все это вздоръ, и бросалъ и брался за другое. Теперь онъ былъ въ періодъ физическихъ занятій. Его занимали вопросы электричества и магнетизма.

---

⁷²² *Зачеркнуто:* былъ въ томъ веселомъ дѣтскомъ

⁷²³ *Зач.*: за которое его такъ любили и всѣ знавшіе его

Онъ читаль Тиндаля и, взявъ книгу, вспомнилъ весь свой ходъ мыслей, свои осужденія Тиндаля за его самодовольство, ловкость и усовершенствованія произведенія опытовъ и отсутствіе философской подкладки. «И потомъ онъ все вретъ о кометахъ, но красиво. Да, – вдругъ всплывала радостная мысль, – черезъ два года, можетъ быть, вотъ что у меня въ стадѣ: двѣ голландки, сама Пава еще можетъ быть жива, 12-ть молодыхъ Беркутовыхъ дочерей. Да подсыпать на казовый конецъ этихъ трехъ – чудо!»

Онъ опять взялся за книгу.

«Ну, хорошо, электричество и тепло – одно и то же, но возможно ли въ уравненіи для рѣшенія вопроса подставить одну величину вмѣсто другой? Нѣтъ. Ну, такъ что же! Связь между всѣми силами природы чувствуется инстинктомъ.⁷²⁴ А всетаки пріятно. Да, особенно пріятно, какъ Павина дочь будетъ уже краснопѣгой коровой, и все стадо, въ которое подсыпать этихъ трехъ. Отлично! Да, что то тяжело было въ Москвѣ. Ну, что же дѣлать. Я не виновать».

Старая Ласка, еще несовсѣмъ переварившая радость его пріѣзда и бѣгавшая, чтобы полаять на дворѣ, вернулась, махая хвостомъ, и, внося съ собой запахъ воздуха, подошла къ нему, подсунула голову подъ его руку, жалобно подвизгивая, требуя, чтобъ онъ поласкалъ ее. И когда онъ поласкалъ, она тутъ же, у ногъ его, свернулась кольцомъ, положивъ голову на заднія пазанки. И въ знакъ того, что теперь все хорошо

---

⁷²⁴ *Зачеркнуто:* Я всему знаю опредѣленное мѣсто.

и благополучно, слегка раскрыла ротъ, почмокала губами и, лучше уложивъ около старыхъ зубъ липкія губы, затихла въ блаженномъ спокойствіи.

Левинъ внимательно слѣдилъ за этимъ послѣднимъ ея движеніемъ.

«Такъ то и я!» сказалъ онъ себѣ, думая о томъ, что было въ Москвѣ, и дѣйствительно онъ чувствовалъ успокоеніе. Онъ въ первый разъ теперь былъ въ состояніи ясно понять и прочувствовать то, что съ нимъ было, все, что онъ потерялъ, и ему было грустно, очень грустно, но грусть эта была спокойная.

Левинъ едва помнилъ свою мать, память о ней была для него самымъ священнымъ воспоминаніемъ, и будущая жена его должна была быть въ его воображеніи повтореніемъ того прелестнаго священнаго идеала женщины, которымъ была для него мать.

Для Левина любовь была совсѣмъ не то, что она была для Степана Аркадыча и для большинства его знакомыхъ. Первое отличіе его любви уже было то, что она не могла быть запрещенная, скрывающая и дурная. У него было то запрещенное и скрываемое, что другіе называли любовью. Но для него это было не любовь, но стыдъ, позоръ, вѣчное раскаяніе. Его любовь, какъ онъ понималъ ее, не могла быть запрещенною, но была высшее счастье на землѣ, поэтому она должна стоять выше всего другаго. Все другое, мѣшающее любви, могло быть дурное, но не любовь. И любовь къ женщинѣ онъ

не могъ представить себѣ безъ брака. Его понятія о женитьбѣ поэтому не были похожи на понятія Степана Аркадьича и другихъ, для которыхъ женитьба была одно изъ многихъ общежительныхъ дѣлъ; для Левина это было одно высшее дѣло, отъ котораго зависѣло все счастье жизни.

Въ юности его мечты о женитьбѣ были общія, неопредѣленныя, но съ того времени, какъ онъ, вернувшись изъ-за границы, узналъ Кити взрослой дѣвушкой, мечты эти слились съ любовью къ одной женщинѣ, которая одна отвѣчала его требованіямъ и сама собой становилась на то мѣсто идеала женщины, которое занимала мать. Чувство это, несмотря на сомнѣнія въ себѣ, страхъ отказа, росло и росло и достигло своей высшей ступени въ то время, какъ онъ поѣхалъ въ Москву. У чувства этаго была уже длинная исторія. Тысячи сценъ съ нею, самыхъ чистыхъ и невинныхъ (его любовь такъ была далека отъ чувственности, что онъ часто боялся, что у него не будетъ дѣтей), тысячи сценъ, гдѣ она то утѣшала и ласкала его (воображеніе его постоянно путало будущую жену съ бывшей матерью), то была веселой подругой и товарищемъ, то была матерью его дѣтей (онъ представлялъ себѣ уже взрослыхъ, не менѣе 5-ти лѣтъ, дѣтей и много мальчиковъ и дѣвочекъ), то была, и это чаще всего, благодѣтельницей крестьянъ и образецъ добродушія и кротости для всѣхъ окружающихъ. Тысячи такихъ сценъ были прожиты съ нею и прожиты имъ съ нею по нѣскольку разъ этой жизнью воображенія. Нѣкоторыя слова даже по нѣскольку разъ уже были

сказаны (все въ этой воображаемой жизни имъ и ею). Много сновъ съ нею повторялись уже. И теперь со всѣмъ этимъ должно было разстаться.

⁷²⁵И несмотря на то, ⁷²⁶услыхавъ чмоканье уложившей гу-бы собаки, сидя на своемъ креслѣ съ книгой и слушая лепетъ мачихи съ Натальей Петровной, онъ сказалъ себѣ: «такъ то и я», и почувствовалъ успокоеніе.

* № 31 (рук. № 16).

На другой день бала Анна Аркадьевна рано утромъ послала мужу телеграмму, извѣщающую о своемъ выѣздѣ въ тотъ же день, несмотря на то что она ⁷²⁷намѣревалась пріѣхать только на другой день.

— Я соскучилась о Сережѣ, — объясняла она ⁷²⁸невѣсткѣ перемѣну своего намѣренія, — нѣтъ, ужъ лучше нынче.

Мишенька, какъ всегда, не обѣдалъ дома и общалъ только пріѣхать проводить сестру въ 7 часовъ. Кити тоже не пріѣхала, приславъ записку, что у нее голова болитъ, и Долли съ Анной обѣдали одни съ дѣтьми и Англичанкой. И Анна, какъ будто нарочно, для того чтобы больше жалѣли о ней, ко-

---

⁷²⁵ *Зачеркнуто:* И разстаться нельзя было, и сверхъ того надо было нести предъ собою весь позоръ полученнаго отказа.

⁷²⁶ *Зач.*: вступивъ въ свои законныя формы и привычки жизни, онъ чувствовалъ дѣйствительное успокоеніе.

⁷²⁷ *Зач.*: общала.

⁷²⁸ *Зачеркнуто:* золовкѣ

гда она уѣдетъ, была, особенно мила и задушевна съ Долли и дѣтьми. Дѣти опять не отходили отъ нее, и надо было обмануть ихъ, чтобы они пустили ее уѣхать. Тѣ послѣдніе полчаса, которые Долли провела съ Анной въ ея комнатѣ, когда Анна уже пошла одѣваться и Долли пошла за ней, Долли никогда потомъ не могла забыть. Анна была весь этотъ день, особенно эти послѣдніе полчаса, въ томъ размягченномъ припадкѣ чувствительности, которые иногда находили на нее. Любовь, нѣжность ко всѣмъ и ко всему, казалось, переполняли ея сердце, и сердце это было такъ открыто въ эти минуты, что она высказывала всѣ свои тайныя мысли, и всѣ эти мысли были⁷²⁹ прекрасны. Глаза ея блесѣли лихорадочнымъ блескомъ и безпрестанно подергивались слезами умиленія.

– Что бы было со мной, съ нимъ, съ дѣтьми безъ тебя, – сказала ей Долли.

Анна посмотрѣла на нее, и глаза ее подернулись слезами.

– Не говори этаго, Долли. Не я, а ты. У тебя въ сердцѣ нашлось столько любви, чтобъ ты простила...

– Да, простила, но...

Она не договорила.

– Долли! У cadaго есть свои skeletons⁷³⁰ въ душѣ, какъ Англичане говорятъ.

– Только у тебя нѣтъ.

---

⁷²⁹ Зам.: чисты и ясны и исполнены

⁷³⁰ [скелеты, иносказательно – серьезные неприятности]

— Есть, — вдруг сказала Анна, и какая [-то] смѣшная, хитрая улыбка сморщила ее губы.

— Ну, такъ они смѣшные skeletons, а не мрачныя, — улыбаясь сказала Долли.

— Нѣтъ, мрачныя. Ты знаешь, отчего я ѣду нынче, а не завтра? Это признанье, которое меня давило, и я хочу его тебѣ сдѣлать.

И, къ удивленію своему, Долли увидала, что Анна покраснѣла до ушей, до выющихся черныхъ колець волосъ на шеѣ.

— Да, — продолжала Анна. — Ты знаешь, отчего Кити не пріѣхала обѣдать. Она ревнуетъ ко мнѣ. Я испортила, т. е. я была причиной того, что балъ этотъ былъ для нея мученіемъ, а не радостью. Но, право, право, я не виновата или виновата немножко, — сказала она, тонкимъ голосомъ протянувъ слово «немножко».

— О, какъ ты похожа на Мишеньку, — смѣясь сказала Долли.

Анна какъ будто оскорбилась и нахмурилась.

— О нѣтъ, о нѣтъ! Я не Мишенька. Я оттого говорю тебѣ, что я ни на минуту даже не позволяю себѣ сомнѣваться въ себѣ.

— Да, Мишенька мнѣ говорилъ, что ты съ Вронскимъ танцевала мазурку и что онъ...

— Ты не можешь себѣ представить, какъ это смѣшно вышло. Я только думала сватать, и вдругъ я почувствовала себя польщенной...

— О, они это сейчас чувствуют, — сказала Долли.

— Но я бы была въ отчаяніи, если бы онъ точно сталъ ухаживать за мной. Это глупо и ни къ чему не ведетъ.

— Впрочемъ, Анна, по правдѣ тебѣ сказать, я не очень желаю для Кити этаго брака. Мое сердце на сторонѣ Левина. И лучше, чтобы это разошлось, если онъ, этотъ Вронскій, могъ влюбиться въ тебя въ одинъ день.

— Ахъ, Боже мой, это было бы такъ глупо, — сказала Анна, и опять густая краска выступила на ея лицо. — Такъ вотъ я и уѣзжаю, сдѣлавъ себѣ врага въ Кити, которую я такъ полюбила. Ахъ, какая она милая! Но ты поправишь это, Долли. Да?

— Какія мысли! Это не можетъ быть.

— Да, но я такъ бы желала, чтобы вы меня всѣ любили, какъ я васъ люблю и еще больше полюбила, — сказала Анна съ слезами на глазахъ. — Ахъ, какъ я нынче глупа!

Она провела платкомъ по лицу и стала одѣваться.

Уже передъ самымъ отъѣздомъ пріѣхалъ, опоздавши, Степанъ Аркадьичъ съ краснымъ, веселымъ лицомъ и запахомъ вина и сигары.

Чувствуя, что чувствительность Анны сообщилась и ей, Долли съ слезами на глазахъ въ послѣдній разъ обняла золовку и прошептала:

— Помни, Анна, что то, что ты сдѣлала, я никогда не забуду и что я люблю и всегда буду любить тебя какъ лучшаго друга.

— Я не понимаю, за что, — проговорила Анна.

— Ты меня поняла и понимаешь. Ты прелесть.

И такъ онѣ разстались.

—

«Ну, все кончено, и слава Богу, — была первая мысль, пришедшая Аннѣ Аркадьевнѣ, когда она, простившись послѣдній разъ съ братомъ, стоявшимъ въ вагонѣ до 3-го звонка, сѣла на свой диванчикъ рядомъ съ Аннушкой. Она оглядѣлась въ полусвѣтѣ спальнаго вагона. — Слава Богу, завтра увижу Сережу и Алексѣя Александровича, и пойдетъ моя жизнь, уже тѣмъ хорошая, что привычная, по старому. Утро визиты, иногда покупки, всякій день посѣщеніе моего пріюта, обѣды съ Алексѣемъ Александровичемъ и къмъ нибудь и разговоры о важныхъ придворныхъ и служебныхъ новостяхъ. Avant soirée⁷³¹ съ Сережей, потомъ укладывать его спать и вечеръ или балъ, а завтра тоже».

Какая то больная дама укладывалась ужъ спать. Двѣ другія дамы говорили, очевидно, не столько для себя, сколько для нея, на дурномъ французскомъ языкѣ, и толстая старуха укутывала ноги и выражала замѣчанія о топкѣ. Аннѣ не хотѣлось ни съ кѣмъ говорить, она попросила Аннушку достать фонарикъ, прицѣпила его къ ручкѣ кресла и достала англійскій романъ. Но не читалось, сначала мѣшала возня и ходьба; потомъ, когда тронулись, нельзя было не прислушаться къ звукамъ; потомъ снѣгъ, бившій въ лѣвое окно и налипавшій на окно, и видъ закутаннаго прошедшаго кондуктора, занесеннаго снѣгомъ съ одной стороны, и разговоры о томъ, что

---

⁷³¹ [Перед вечером]

страшная метель на дворѣ, развлекали ея вниманіе. Но потомъ все было тоже и тоже: таже тряска съ постукиваніемъ, тотъ же снѣгъ въ окно, тѣже быстрые переходы отъ пароваго жара къ холоду и опять къ жару, то же мерцаніе тѣхъ же лицъ въ полумракѣ и тѣже голоса. Аннушка ужъ дремала, держа свои узлы широкими руками въ прорванной одной перчаткѣ. Анна Аркадьевна не могла и думать о снѣ, она чувствовала себя столь возбужденною. Она попробовала опять читать, долго не понимала того, что читаетъ, но потомъ вчиталась было, какъ вдругъ она почувствовала, что ей стыдно чего то, что точно она сдѣлала дурной, низкій поступокъ, и ей стыдно за него. «Чего же мнѣ стыдно?» спросила она себя. Стыднаго ничего не было. Она перебрала всѣ свои московскія воспоминанія. Всѣ были хорошія, пріятныя. Вспомнила балъ. Вспомнила Вронскаго и его влюбленное, покорное лицо, вспомнила всѣ свои отношенія съ нимъ — ничего не было стыднаго. А вмѣстѣ съ тѣмъ на этомъ самомъ мѣстѣ воспоминаній чувство стыда усиливалось, какъ будто какой-то внутренній голосъ именно тутъ, когда она вспоминала о Вронскомъ, говорилъ ей: тепло, очень тепло, горячо, чѣмъ ближе она подходила къ Вронскому. Опять она повторила себѣ: «Ну, слава Богу, все кончено», и опять взялась за книгу. Она взялась опять за книгу, но рѣшительно уже не могла читать. Какое то странное возбужденіе все болѣе и болѣе усиливалось въ ней. Она чувствовала, что нервы ея натянуты, какъ струны, готовые порваться, особенно въ го-

ловѣ, что глаза ея раскрываются больше и больше, что пальцы на рукахъ и ногахъ нервно движутся, что въ груди что то давить дыханье и что всѣ звуки въ этомъ колеблющемся полумракѣ съ болѣзненной яркостью воспринимаются ею. Что она не знаетъ хорошенько, ѣдетъ ли она или стоитъ. Аннушка ли подлѣ нея или чужая, что тамъ на ручкѣ – салопъ ли это или звѣрь, и что она сама не знаетъ, гдѣ она и кто она. И что ей странно отдаваться этому волшебному забытью, и что то тянетъ къ нему. Она поднялась, чтобы опомниться, и сняла теплый капотъ. На минуту она опомнилась и поняла, что вошедшій худой мужикъ былъ истопникъ и что это вѣтеръ и снѣгъ ворвались за нимъ въ дверь; но потомъ опять все смѣшалось, что то странно закрипѣло и застучало, какъ будто раздирали кого то, потомъ красный свѣтъ ослѣпилъ глаза, и потомъ все закрылось стѣной, и ей казалось, что она провалилась, и вдругъ голосъ окутаннаго человѣка и занесеннаго снѣгомъ прокричалъ что то. Она опять поднялась и опомнилась. Она поняла, что подѣхали къ станціи. Она попросила Аннушку подать опять снятый капотъ, надѣла его и направилась къ двери.

– Выходите изволите, – сказала Аннушка.

– Нѣтъ, я только подышать, мнѣ что то нехорошо.

И она отворила дверь. Метель и вѣтеръ рванулись ей на встрѣчу. Она вернулась назадъ, ужаснувшись. Но потомъ опять отворила дверь и рѣшительно вышла на крылечко, держась за перилы. Ей хотѣлось понять, что дѣлалось на

дворѣ, для того чтобы разогнать это⁷³² забытье, которое томило ее.

Вѣтеръ былъ силенъ на крылечкѣ, но на платформѣ за вагонами должно было быть затишье. Она сошла и стала,⁷³³ дыша снѣжнымъ морознымъ воздухомъ и оглядываясь въ полусвѣтѣ.

Страшная буря рвалась и свистѣла⁷³⁴ между колесами вагоновъ по столбамъ на углу станціи. Все: и вагоны, и столбы, и люди – все было съ одной стороны занесено снѣгомъ. Но какіе то люди бѣгали, скрипя на доскахъ платформы по снѣгу. Какая то согнутая тѣнь человѣка проскользнула подъ ея ногами, и послышались знакомые звуки молотка по желѣзу.

– Дешу дай! – послышался голосъ.

– Сюда пожалуйста, № 108, – кричалъ кто-то, и занесенный снѣгомъ пробѣжалъ обвязанный человѣкъ.

Хотя голова ея стала и свѣжѣе нѣсколько, чувство⁷³⁵ жуткости и тоски⁷³⁶ не покидало ее. Она вздохнула полной грудью и уже вынула руку изъ муфты, чтобы взяться за перила и входить, какъ вдругъ какая то⁷³⁷ тѣнь подлѣ самой ее засло-

---

⁷³² *Зачеркнуто:* чувство

⁷³³ *Зач.:* положивъ обѣ руки въ муфту,

⁷³⁴ *Зач.:* заноса снѣгомъ рельсы и вагоны. Освѣщенный фонаремъ вагонъ на другомъ пути былъ до половины бѣлый.

⁷³⁵ *Зач.:* страха

⁷³⁶ *Зач.:* усиливалось

⁷³⁷ *Зач.:* высокая фигура человѣка

нила ей слабый свѣтъ, падающій отъ фонаря. Она оглянулась и въ ту же минуту узнала Вронскаго. Онъ, приложивъ руку къ козырьку, наклонился передъ нею и спросилъ, не нужно ли ей чего нибудь. Не можетъ ли онъ служить. Появленіе его тутъ было слишкомъ неожиданно и вмѣстѣ съ тѣмъ было такъ ожидаемо, что она довольно долго ничего не отвѣчала и, держась рукой за холодный столбикъ, молча смотрѣла на него, и, несмотря на тѣнь, въ которой онъ былъ, она видѣла, или ей казалось, что она видѣла, его лицо и глаза, выраженіе ихъ до малѣйшихъ подробностей. Это было опять то выраженіе испуганнаго восхищенія, которое такъ подѣйствовало на нее вчера.

— Какъ вы? Зачѣмъ вы? — сказала она и въ ту же минуту вспомнила, что ей надо было только сказать: «нѣтъ, ничего, благодарю васъ». Она пустила руку и остановилась, обдумывая, чтобы сказать ему простое. Но онъ уже отвѣчалъ на ея вопросъ:

— Я ѣду для того, чтобы быть тамъ, гдѣ вы, — сказалъ его нѣжный голосъ, и она ясно видѣла теперь, хотя и въ темнотѣ, выраженіе его всей фигуры, склоненной головы, какъ бы ожидавшей удара, и лица, робкаго и раскаивающагося за то, что онъ смѣлъ говорить.

И въ это же время буря, какъ бы одолѣвъ препятствіе, засыпала снѣгъ съ крышъ вагоновъ, затрепала какимъ то желѣзнымъ оторваннымъ листомъ, и гдѣ то впереди плачевно и мрачно заревѣлъ густой свистокъ вагона.

– Не говорите этаго, – сказала она, – это дурно для васъ, для меня.

– О, если бы это что нибудь было для васъ.

– Но что же это! – почти вскрикнула она, тяжело переводя дыханіе, и,⁷³⁸ взявшись за столбикъ, хотѣла уйти, но, какъ бы обдумавъ, опять остановилась.

– Какое право вы имѣете говорить мнѣ это?

– Мое право, – сказалъ онъ вдругъ,⁷³⁹ какъ будто слова эти, давно готовыя, сами вырвались изъ его усть, – то, что моя жизнь не моя, а ваша и навсегда.

Она, тяжело дыша, стояла подлѣ него.

– Но простите меня. Я не буду больше говорить этаго. Мнѣ нужно было сказать это вамъ, чтобы объяснить...

– Я ничего не хочу слышать.

И она быстро вошла в вагонъ. Но въ маленькихъ сѣняхъ она остановилась и закрыла лицо руками. Когда она вошла въ вагонъ и сѣла на свое мѣсто, то волшебное напряженное состояніе, которое ее мучало и сначала, продолжалось еще съ большею силою. Она не спала всю ночь. И всю ночь въ странномъ безпорядкѣ и въ самыхъ странныхъ сочетаніяхъ она видѣла и слышала дѣйствительные и воображаемые предметы и звуки. Блѣдное морщинистое лицо старушки в чепцѣ подъ колеблющимся свѣтомъ фонаря, Вронскій, просящій прощенія и предлагающій царство и отбира-

---

⁷³⁸ *Зачеркнуто:* топая ногой

⁷³⁹ *Зач.:* выпрямляясь

ющій билеты, занесенный снѣгомъ съ одной стороны Аннушка, храпящая звуками молотка о желѣзо, и буря, уносящая все, и толчки красныхъ огней, скрипящихъ подѣ давленіемъ колесъ, и красные огни глазъ Вронскаго, рѣжущіе глаза до тѣхъ поръ, пока ихъ не заноситъ снѣгомъ, и стыдъ, стыдъ не совершеннаго постыднаго дѣла.

Къ утру она задремала, сидя въ креслѣ, и когда проснулась, то уже было бѣло, свѣтло, и поѣздъ подходилъ къ Петербургу. И тотчасъ же мысли о домѣ, мужѣ, о сынѣ толпою пришли ей, и она съ удивленіемъ вспомнила вчерашній ужасъ и стыдъ. Да, было одно – это признаніе Вронскаго. Да, это было не во снѣ, но это была глупость, которой она легко положить конецъ. «Такъ чего же мнѣ стыдно?» опять спросила она себя и не находила отвѣта.

Въ Петербургѣ, только что остановился поѣздъ, она вышла. Первое лицо,⁷⁴⁰ обратившее ея вниманіе, было лицо мужа. Онъ стоялъ, невольно обращая на себя вниманіе почтительностью служащихъ и полиціи, не подпускавшихъ къ нему народъ.⁷⁴¹

– Какъ ты милъ, что самъ пріѣхалъ, – сказала она.

---

⁷⁴⁰ *Зачеркнуто:* встрѣтившееся ей,

⁷⁴¹ *Зач.:* <Высокая, полная фигура его съ шляпой, прямо надвинутой на широкій умный лобъ, и круглое <румяное> бритое лицо съ остановившейся на немъ невеселой, но спокойной улыбкой и такъ обращало на него вниманіе, но не наружностью>. Небольшая, слабая фигура его въ круглой шляпѣ съ большими полями и бритое все лицо въ очкахъ и съ доброй, безвыразительной улыбкой не имѣло ничего привлекательнаго.

— Это меньшее, что я могъ сдѣлать за то, что ты дала мнѣ лишній день, — отвѣчалъ онъ, цѣлуя ея руку съ спокойной сладкой улыбкой.

— Сережа здоровъ?

— ⁷⁴²Онъ, здоровъ, — сказалъ онъ и, взявъ ее подъ руку, повелъ къ каретѣ, также улыбаясь и переноса свои глаза выше толпы, чтобы никого не видѣть.

Въ дверяхъ Вронскій поклонился Аннѣ Аркадьевнѣ и спросилъ, какъ она провела ночь.

— Благодарю васъ, очень хорошо.

Она взглянула на мужа, чтобы узнать, знаетъ ли онъ Вронскаго. Алексѣй Александровичъ смотрѣлъ на Вронскаго, вспоминая, кто это.

Вронскій ⁷⁴³ между тѣмъ смотрѣлъ на Каренина, ⁷⁴⁴ какъ будто въ первый разъ увидѣлъ его: ⁷⁴⁵ изучалъ всѣ малѣйшія подробности его лица, сложенія, одежды даже.

«Да, онъ уменъ, — думалъ онъ, ⁷⁴⁶ глядя на его высокій лобъ съ горбинами надъ бровями, — и твердый, сильный человекъ, это видно по выдающемуся подбородку, съ характеромъ, несмотря на физическую слабость. Глаза его маленькіе не видятъ изъ подъ очковъ, когда не хотятъ, но онъ долженъ

---

⁷⁴² *Зач.*: Какъ новый мостъ,

⁷⁴³ *Зач.*: встрѣчалъ и прежде

⁷⁴⁴ *Зач.*: и зналъ его, но теперь онъ

⁷⁴⁵ *Зач.*: съ такимъ вниманіемъ и интересомъ онъ смотрѣлъ на него и

⁷⁴⁶ *Зач.*: вспоминая

быть и тонкій наблюдательный человѣкъ, когда онъ хочетъ, онъ добрый даже, но онъ⁷⁴⁷ не привлекательный человѣкъ, и она не можетъ любить и не любить его, я видѣлъ это по ея взгляду».

– Графъ Вронскій.

– А, очень радъ, – равнодушно сказалъ Алексѣй Александровичъ, подавая руку. – Туда ѣхала съ матерью, а *назадъ* съ сыномъ, – сказалъ онъ, ударяя, какъ имѣлъ привычку, безъ причины на одно слово и, какъ бы отпустивъ Вронскаго, пошелъ дальше, глядя выше людей, но Вронскій шелъ подлѣ и спрашивалъ у Анны, позволено ли ему будетъ пріѣхать къ ней.

– Очень рады будемъ, – сказалъ Алексѣй Александровичъ, все также улыбаясь, – по понедѣльникамъ, – и теперь уже, отпустивъ совсѣмъ Вронскаго, обратился къ женѣ.

– Мари вчера была у⁷⁴⁸ Великой Княгини.

– А, – сказала Анна.

Она думала въ это время о томъ, что замѣтила особенный, какъ бы чахоточный румянецъ на щекахъ Вронскаго и складку между бровей. И ей жалко стало его. Но въ ту же минуту она подумала: «но что мнѣ», замѣтила и стала спрашивать о томъ, что ея *belle soeur*⁷⁴⁹ дѣлала у Курковыхъ.

– Что, этотъ Вронскій тотъ, что за границей былъ? – спро-

---

⁷⁴⁷ *Зачеркнуто:* холодный

⁷⁴⁸ *Зач.*: Курковыхъ

⁷⁴⁹ [золовка]

силъ ее мужъ.

— Да, братъ нашего.

— Онъ, кажется, одинъ изъ такихъ, что слышали *звонъ*, — сказалъ съ своей той же улыбкой и ударяя любовно на словѣ *звонъ*, — но не знаютъ, гдѣ онъ. Но еще разъ мегсі, мой другъ, что подарила мнѣ день, тебѣ карету подастъ Кондратій, а я ѣду въ Министерство.

И онъ, пожавъ ей руку, отошелъ отъ нея.

* № 32 (рук. № 21).

«Онъ уѣзжалъ изъ Москвы неожиданно, не объяснивъ матери, для чего онъ уѣзжаетъ. Нѣжная мать огорчилась, когда узнала отъ сына, что онъ никогда и не думалъ жениться, и разсердилась на него (что съ ней рѣдко бывало) за то, что онъ не хотѣлъ объяснить ей, почему онъ уѣзжаетъ въ Петербургъ, не дождавшись⁷⁵⁰ ремонта, который онъ собиралъ въ Москвѣ, и именно тогда, когда она поторопилась вернуться изъ Петербурга, чтобы быть съ нимъ.

— Простите меня, татап, но я, право, не могу оставаться уже по одному тому, — сказалъ онъ съ улыбкой, —⁷⁵¹ что отъ меня ожидается то, чего я не могу сдѣлать, и мнѣ лучше уѣхать.

---

⁷⁵⁰ *Зачеркнуто*: конца отпуска

⁷⁵¹ *Зачеркнуто*: первое, что мнѣ нужно, а, второе, потому, что то, чего вы такъ желаете, не можете сдѣлаться,

– Но отчего же такъ вдругъ?

Онъ не объяснилъ матери другой причины⁷⁵² и уѣхалъ. Неловкость объясненія товарищамъ и начальникамъ того, что онъ уѣзжаетъ, не дождавшись ремонта, тоже ни на минуту не заставила его задуматься.>

* № 33 (рук. № 22).

⁷⁵³Первое лицо, встрѣтившее ее дома, былъ сынъ. Онъ выскочилъ къ ней по лѣстницѣ, несмотря на крикъ Mariette, не поспавшей его, и повисъ ей на шеѣ.

– Мама! Мама! – кричалъ онъ. – Мама! Мама!

Анна не ожидала такой радости, и эта радость сообщилась ей. Она на рукахъ внесла его на лѣстницу и, только съ улыбкой кивнувъ головой Mariette, убажала съ нимъ въ свою комнату и стала цѣловать его.

---

⁷⁵² *Зач.:* и, видя <неловкость объясненія товарищамъ и начальникамъ>, что онъ огорчилъ ее, простился

⁷⁵³ *Зач.:* Сережа былъ здоровъ и милъ и обрадовался матери <особенно потому, что могъ показать сдѣланную имъ самимъ коробочку>. Анна была рада видѣть сына, но также какъ подѣйствовалъ на нее мужъ при первой встрѣчѣ съ нимъ, также подѣйствовалъ и сынъ, и въ отношеніи сына она почувствовала разочарованіе. Она ждала большей радости. Въ это утро Графиня Лидія Ивановна заѣхала къ Аннѣ, чтобы узнать о <ея здоровьи и о> результатахъ ея поѣздки, цѣль которой была извѣстна Графинѣ Лидіи Ивановнѣ, какъ ближайшему другу Алексѣя Александровича и его жены. Графиня Лидія Ивановна была высокая, полная, очень толстая женщина съ прекрасными выразительными глазами и съ усталымъ выраженіемъ когда то красиваго лица.....

«О, какихъ пустяковъ я боялась!» подумала она.

Когда Mariette вошла въ комнату, они уже нацѣловались, и Анна рассказывала сыну, какая въ Москвѣ есть дѣвочка Таня и какъ Таня эта умѣетъ читать и учить даже брата.

– А рисовать умѣетъ? – спрашивалъ Сережа.

Mariette жаловалась, но упрекать нельзя было. Анна пошла въ свою комнату, и Сережа пошелъ за ней.

Еще Анна не успѣла напиться кофе, какъ ей доложили о прїѣздѣ Лидіи Ивановны [*1 неразобр.*]. Пыхтя вошла съ мягкими глазами кубышка.

– Я не могла дождаться.

Анна любила ее, но въ это свиданіе она какъ будто въ первый разъ увидала ее со всѣми ея недостатками. Ей показалось что то ненатуральное и излишнее въ тонѣ Графини Лидіи Ивановны.

– Ну, что мой другъ, снесли оливковую вѣтвь? – спросила она.

– Да, когда я уѣхала, они сошлись опять. Но вы не повѣрите, какъ это тяжело и какъ они оба жалки.

– Да, много, много горя и зла на свѣтѣ, и я такъ измучена нынче, – сказала Графиня Лидія Ивановна.⁷⁵⁴

– А что? – спросила Анна.

– Я начинаю уставать отъ тщетнаго ломанія копій за правду. И иногда совсѣмъ развинчиваюсь. Дѣло сестричекъ

---

⁷⁵⁴ *Зачеркнуто:* которая всегда была занята самыми благими добродѣтельными цѣлями, но которую исполненіе этихъ цѣлей всегда приводило въ раздраженіе.

(это было филантропическое, религиозное, патриотическое учреждение) подвигалось бы, но съ этими господами ничего невозможно дѣлать, — сказала она съ насмѣшливой покорностью судьбѣ. — Они ухватились за мысль, изуродовали ее и потомъ обсуждаютъ такъ мелко и ничтожно.⁷⁵⁵ Два-три человека, вашъ мужъ въ томъ числѣ, понимаютъ значеніе этаго дѣла, а другіе только роняютъ. Вчера мнѣ пишетъ Гжадикъ (это былъ извѣстный панславистъ за границей), — и Графиня Лидія Ивановна рассказала содержаніе письма Гжадика. Послѣ Гжатики Графиня рассказала еще непріятности и козни, дѣлаемые противъ дѣла соединенія церквей, и уѣхала, торопясь, такъ какъ ей въ этотъ день надо было быть еще на засѣданіи одного общества и на славянскомъ комитетѣ.⁷⁵⁶

---

⁷⁵⁵ *Зач.:* Графиня Лидія Ивановна просидѣла съ часъ и для приличія спрашивала иногда Анну о ней, но, не въ силахъ слушать внимательно ее, всякій разъ опять начинала рассказывать то о своихъ сестричкахъ, то о соединеніи Церкви, о интригахъ и препятствіяхъ, и Анна, вслушиваясь въ ея рѣчь, уже не имѣла того чувства неловкости, которое она испытала при первой встрѣчѣ съ мужемъ.

⁷⁵⁶ *Зач.:* Послѣ нея пріѣхала княгиня Бетси, очень высокая, съ длиннымъ, блѣднымъ и красивымъ [лицомъ] дама, одна изъ блестящихъ по знатности и роскоши дамъ Петербурга. Она была представительницей другаго совсѣмъ Петербургскаго круга. Она любила Анну и, узнавъ о ея пріѣздѣ, тотчасъ же пріѣхала рассказать кучу новостей свѣтскихъ, браковъ, ухаживаній. Въ этихъ рассказахъ и разговорахъ Анна уже совершенно нашла себя. Особенно новость, что N выходитъ за Б, живо заняла ее. Разговоръ зашелъ о братѣ Удашева, и Анна сказала, что она познакомилась съ нимъ. — Неправда ли, это мушина! Это человѣкъ страстей, — сказала Бетси. — Онъ мнѣ двоюродный. Последнее время онъ пересталъ ѣздить въ свѣтъ. Мнѣ говорили, что онъ женится. — Да, кажется, — сказала Анна и покраснѣла, и ей показалось, что Бетси поняла, почему она покраснѣла. — Я ему всегда предсказывала большую страсть. Такъ онъ здѣсь теперь. Непремѣнно пошлю за

«Вѣдь все это было и прежде, но отчего я не замѣчала этого прежде, — сказала себѣ Анна. — Или она раздражена очень нынче; что же ей дѣлать, бѣдной, дѣтей нѣтъ. Правда, что смѣшно, что ея цѣль религія и добродѣтель, а она все сердится и все враги у нее... Но все таки она милая».

Послѣ Графини Лидіи Ивановны пріѣхала кузина Алексѣя Александровича, старая дѣвушка, унылая и скучная, но торжественная, потому что она знала Жуковского и Мойера. Въ 3 часа и она уѣхала.

* № 34 (рук. № 26).

— Ну что, Долинька, твой козырь что подѣлываетъ?

— Ничего, папа, — отвѣчала Долли, понимая, что рѣчь идетъ о мужѣ, — все ѣздитъ. Я его почти не вижу, — не могла она не прибавить съ насмѣшливой улыбкой.

— Что жъ, онъ не уѣхалъ еще въ деревню лѣсъ продавать?

— Нѣтъ, все собирается.

— Вотъ какъ? — промычалъ Князь. — Ну, всетаки у тебя больше шансовъ встрѣтить его гдѣ-нибудь. Если встрѣтишь, скажи ему, что мнѣ нужно его видѣть и переговорить съ нимъ.

Княгиня и Кити съ любопытствомъ взглянули на Князя. «О чемъ ему могло быть нужно переговорить съ Стивой?» Княгиня думала, что она догадалась.

нимъ мужа, чтобы онъ рассказалъ мнѣ про невесту.

— Да и мнѣ жалко этотъ лѣсъ, — сказала она про лѣсъ, который продавалъ Степанъ Аркадьичъ въ имѣнныя ея дочери. — Но что же дѣлать, если необходимо. Я сама думаю, какъ бы онъ не продешевилъ. Ты, вѣрно, про это хочешь переговорить съ нимъ?

— Да, да, про это самое, — сказалъ Князь, съ своимъ непроницаемымъ видомъ взглянувъ на Кити, и Кити поняла, что ему нужно было видѣть Степана Аркадьича, чтобы переговорить не о лѣсѣ, а о ней. Что — она не знала, но вѣрила, что любовь отца не обманетъ его.

Долли очень скоро удалось въ этотъ день встрѣтить Степана Аркадьича. Онъ обѣдалъ у Генерала-Губернатора и пріѣхалъ домой переодѣтъ фракъ. И до обѣда еще заѣхалъ къ теще.

— Ну что, когда ты ѣдешь совершать условія на лѣсъ? — прямо приступилъ онъ къ дѣлу.

— Да все некогда, Князь, — отвѣчалъ Степанъ Аркадьичъ. Онъ все время находился въ холодныхъ отношеніяхъ съ тестемъ, но эта холодность со стороны стараго Князя нисколько не мѣшала неизмѣнному добродушію и веселому спокойствію Степана Аркадьича.

«Вы меня не любите, тѣмъ хуже для васъ, а мнѣ все равно. Я и съ вами пріятель, какъ и со всѣми моими пріятелями».

— Что жъ, вы думаете, что я продешевлю?

— Это-то я думаю. Мы съ тобой не такіе мастера наживать, какъ проживать; но въ томъ дѣло, что я бы просилъ те-

бя ѣхать скорѣе. И заѣхать къ Константину Левину.

— Я и хотѣлъ.

— Такъ, пожалуйста, Стива, поѣзжай къ нему, и вы пріятели. И ты знаешь, между разговоромъ сондируй его о Кити. Я того мнѣнія, что онъ робѣетъ сдѣлать предложеніе, а она любить его.

Степанъ Аркадьичъ былъ очень удивленъ этой непривычной заботливостью отца, онъ разсказалъ все, что зналъ о намѣреніяхъ Левина, и общалъ ѣхать.

Князь, прося его, чтобы это было тайной, опять впалъ въ свое видимое равнодушіе и, подставивъ небритую щеку, отпустилъ его.

*** № 35 (рук. № 18).**

Часть вторая.

Глава I. Дьяволъ.

Прошло два мѣсяца. Вернувшись въ Петербургъ, жизнь Анны пошла по старому. Все было то же: тотъ же мужъ, тотъ же сынъ, тѣ же наполняющіе жизнь выѣзды, тѣ же три свѣтскіе круга, въ которые три ѣздила Анна; но все это со времени пріѣзда ея изъ Москвы измѣнилось. Прежде свѣтская жизнь съ толками о новомъ бракѣ, о повышеньи, перемѣщенъи, съ заботами о туалетѣ для бала, для праздника, съ мелкими досадами за первенство того или другаго, той или другой, мелкими тщеславными радостями успѣха спокойно на-

полняла ее время. Свѣтская жизнь эта, казавшаяся Аннѣ, пока она не вступила въ эту жизнь, такимъ страшнымъ водоворотомъ, опаснымъ, раздражающимъ, оказалась, какъ она испытала это въ эти послѣдніе два года своей Петербургской жизни, такой смирной и тихой. Затрогивали только самые мелкіе интересы, и Анна часто испытывала среди визитовъ, обѣдовъ, вечеровъ, баловъ чувство усталости и скуки однообразнаго исполненія долга. Теперь все это вдругъ перемѣнилось. Не стало этой середины. Или ей было несносно, противно въ свѣтѣ, или она чувствовала, что ей было слишкомъ не весело, а радостно быть въ свѣтѣ. Весь свѣтскій кругъ одинъ, всѣ знаютъ другъ друга и ѣздятъ другъ къ другу, но въ этомъ большомъ кругѣ есть свои подраздѣленія.

Анна имѣла друзей и близкіе связи въ трехъ различныхъ кругахъ. Одинъ – это былъ⁷⁵⁷ служебный, офиціальныи кругъ ея мужа, сослуживцевъ, подчиненныхъ, и нѣкоторыя жены ихъ считались достойными. Другой кругъ – это былъ тотъ кругъ, черезъ который Алексѣй Александровичъ сдѣлалъ свою карьеру, кругъ, близкій къ двору, внѣшне скромный, но могущественный. Центромъ этаго кружка была Графиня А.; черезъ нее то Алексѣй Александровичъ сдѣлалъ свою карьеру. Въ кружкѣ этомъ царствовалъ постоянно восторгъ и умиленіе надъ своими собственными добродѣтелями. Православіе, патріотизмъ и славянство играли большую роль въ этомъ кругѣ. Алексѣй Александровичъ очень дорожилъ эти-

---

⁷⁵⁷ *Зачеркнуто:* кругъ ея мужа и его друга Мери

мъ кругомъ, и Анна одно время, найдя въ средѣ этаго кружка очень много милыхъ женщинъ и въ этомъ кружкѣ не чувствуя себя принужденной къ роскоши, которая была имъ не по средствамъ,⁷⁵⁸ сжилась съ этимъ кружкомъ и усвоила себѣ ту нѣкоторую утонченную восторженность, царствующую въ этомъ кружкѣ. Она, правда, никогда не вводила этотъ тонъ, но поддерживала его и не оскорблялась имъ. Теперь же, вернувшись изъ Москвы, кружокъ этотъ ей сталъ невыносимъ, она видѣла все притворство, на которомъ замѣшанъ онъ, и скучала и сколь возможно менѣе ѣздила къ⁷⁵⁹ Графинѣ N.

Другой кругъ, въ которомъ появлялась Анна, былъ собственно⁷⁶⁰ свѣтъ. Кругъ огромныхъ домовъ, баловъ, экипажей, посланниковъ, [1 неразобр.] театровъ, маскарадовъ, кругъ людей и знатныхъ и громадно богатыхъ. Связь ея съ этимъ кругомъ держалась черезъ Бетси Курагину, жену ея двоюроднаго брата, у которой было 120 тысячъ дохода и которая съ самаго начала появленія Анны въ свѣтъ влюбилась въ нее и ухаживала за ней и втягивала ее въ свой кругъ, смѣясь надъ тѣмъ кругомъ и называя его композиціей изъ чего-то славянофильско-хомяковско-утонченно православно-женско-придворно подленькаго.⁷⁶¹

– Это богадѣльня. Когда стара и дурна буду, я сдѣлаюсь

---

⁷⁵⁸ *Зачеркнуто:* очень

⁷⁵⁹ *Зач.:* къ Мери и др.

⁷⁶⁰ *Зач.:* блестяще и роскошно свѣтскій кругъ.

⁷⁶¹ *В подлиннике:* подленькимъ

такая же, — говорила Бетси, — но вы la plus jolie femme de Petersbourg.⁷⁶²

Этого круга Анна избѣгала прежде сколько могла, такъ какъ онъ требовалъ расходовъ выше ея средствъ, да и по душѣ предпочитала первый. Теперь же сдѣлалось наоборотъ. И она избѣгала восторженныхъ друзей своихъ и ѣздила въ большой свѣтъ. И тамъ она встрѣчала Удашева и испытывала волнующую радость при этихъ встрѣчахъ. Особенно часто встрѣчала она Удашева у Бетси, которая была урожденная Удашева и ему двоюродная. Удашевъ былъ вездѣ, гдѣ только онъ могъ встрѣтить ее, и онъ говорилъ ей, когда могъ, о своей любви. Всякій разъ она запрещала ему это, она ему не подавала никакого повода, но всякій разъ, какъ она встрѣчалась съ нимъ, въ душѣ ея загоралось то самое чувство оживленія, которое нашло на нее въ тотъ день въ вагонѣ, когда она въ первый разъ встрѣтила его. Она сама чувствовала, что радость свѣтилась въ ея глазахъ и морщила ея губы, и она не могла затушить ее. И онъ видѣлъ это, и онъ покорялся ей, но также упорно⁷⁶³ преслѣдовалъ ее. Но онъ не преслѣдовалъ ее,⁷⁶⁴ онъ только чувствовалъ и зналъ это, что не могъ жить внѣ лучей ея, и онъ старался видѣть ее, говорить съ ней. Его полковая жизнь шла по старому — тѣже манежи, выходы, смотры, только онъ рѣже ѣздилъ въ ягть клубъ, мень-

---

⁷⁶² [самая красивая женщина в Петербурге.]

⁷⁶³ *Зачеркнуто:* какъ ей казалось,

⁷⁶⁴ *Зач.:* не ждалъ ничего,

ше принималъ участія въ полковыхъ дѣлахъ и кутежахъ и больше ѣздилъ въ свѣтъ, въ тотъ большой роскошный свѣтъ; въ маленькій кружокъ Графини⁷⁶⁵ А. онъ не былъ допущенъ, да и не желалъ этаго. Одинъ разъ обѣдалъ у Удашевыхъ⁷⁶⁶ и раза 3 былъ съ визитомъ. Въ свѣтъ Удашевъ устроилъ себѣ ширмы, чтобы не компрометировать Каренину. Онъ видимо ухаживалъ за выѣзжавшей первый годъ княжной Бѣлосельской, и въ свѣтъ поговаривали о возможности этаго брака. Удашевъ никогда ни съ кѣмъ не говорилъ о своемъ чувствѣ; но если бы онъ высказалъ кому нибудь, онъ бы высказалъ то, что онъ думалъ: т. е. что онъ не имѣетъ никакой надежды на успѣхъ, что онъ злится на себя и свою страсть, которая изломала всю его жизнь, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ въ глубинѣ души гордился своей страстью и зналъ очень хорошо, что въ несчастной любви къ дѣвушкѣ, которая свободнѣе женщины, вообще есть что-то жалкое, смѣшное; но въ любви къ замужней женщинѣ, чтобы ни пѣли моралисты, есть что-то грандіозное, доказывающее силу души.

Удашевъ одинъ разъ обѣдалъ у Карениныхъ. Алексѣй Александровичъ позвалъ его, встрѣтивъ; но больше его не звали, — на этомъ настояла Анна, — и бывалъ съ визитами, но Анна не принимала его, когда могла. Поэтому онъ могъ видѣть ее только въ свѣтъ и сталъ опять ѣздить повсюду въ свѣтъ, который онъ было оставилъ. Въ свѣтъ, для того что-

---

⁷⁶⁵ Зам.: N.

⁷⁶⁶ Очевидная описка, вместо: Карениныхъ

бы имѣть предлогъ, а отчасти и потому, что первую зиму выѣзжавшая княжна Бѣлосельская была очень милая дѣвушка, Удашевъ ухаживалъ будто бы за Княжной Бѣлосельской, и вездѣ, гдѣ бывала Анна, былъ и онъ.

Страсть страстью; но день, имѣющій 24 часа, долженъ былъ наполняться. Удашевъ не могъ не продолжать свою холостую и полковую товарищескую жизнь, хотя и старался избѣгать товарищескихъ попоекъ.

*** № 36 (рук. № 24).**

⁷⁶⁷Вронскій поѣхалъ во Французскій театръ, гдѣ ему дѣйствительно нужно было видѣть Полковаго Командира, не пропускавшаго ни одного представленія французскаго театра, съ тѣмъ чтобы переговорить съ нимъ о своемъ миротворствѣ, о томъ дѣлѣ, которое занимало и забавляло его уже 3-й день. Въ дѣлѣ этомъ былъ замѣшанъ и Петрицкій, котораго онъ любилъ, и другой, недавно поступившій, славный малый, товарищъ, молодой князь Кадровъ, главное же, были замѣшаны интересы полка. <Дѣло затѣялось на завтракъ, который давалъ ихъ выходившій изъ полка офицеръ. Князь Кадровъ и Петрицкій въ 1-мъ часу, уже поѣвши устрицъ и выпивши бутылку Шабли, громко разговаривая и смѣясь, ѣхали на извозикѣ⁷⁶⁸ къ товарищу, дававшему завтракъ, когда

---

⁷⁶⁷ *Зачеркнуто:* Удашевъ

⁷⁶⁸ *Зачеркнуто:* на Пантелеймоновскую

мимо нихъ пролетѣлъ лихачъ извозчикъ съ молоденькой, хорошенькой дамой, въ бархатной шубкѣ. Дама оглянулась на ихъ говоръ и смѣхъ.

— Смотри, смотри, прелесть какая хорошенькая! Пошелъ, извозчикъ, догоняй! Рубль на водку.

Извозчикъ навскачъ сталъ гнать за лихачемъ. Дама оглянулась другой, третій разъ. Офицеры смѣясь покрикивали ей и ѣхали за нею. Сворачивать не приходилось, такъ какъ дама ѣхала нетолько по тому же направленію, по которому нужно было ѣхать офицерамъ, но остановилась даже и вышла передъ тѣмъ самымъ домомъ, въ который ѣхали офицеры. Она вышла прежде ихъ. Извозчикъ, видно, былъ заплаченъ и отъѣхалъ; а хорошенькая дама, оглянувшись на офицеровъ, вошла на то самое крыльцо, на которое имъ надо было входить, и офицеры только видѣли ее мелькомъ, какъ она еще разъ оглянулась, входя на лѣстницу. Она взошла выше той площадки, на которой жилъ тотъ товарищъ, къ которому они ѣхали, и скрылась.

Петрицкій и Кадровъ опоздали, и уже человекъ 30 офицеровъ шумѣли за виномъ.⁷⁶⁹ Вронской былъ тутъ же. Петрицкій и Кадровъ, перебивая одинъ другаго, принялись рассказывать о красотѣ встрѣченной дамы и о⁷⁷⁰ необыкновенномъ случаѣ, что она живетъ въ этомъ самомъ домѣ. Пріѣхавшіе, чтобы догнать другихъ, выпили залпомъ нѣсколько бокало-

---

⁷⁶⁹ Зам.: Удашевъ

⁷⁷⁰ Зам.: скрытности хозяина, который ничего не сказалъ про это.

въ и успѣшно догнали, даже перегнали другихъ.⁷⁷¹ Вронскій, занятый другимъ разговоромъ, и не замѣтилъ, какъ эти два молодца, чрезвычайно пораженные красотой этой лореточки и заманчивымъ оглядываніемъ ея на нихъ, отправились въ кабинетъ къ хозяину и, призвавъ туда хозяйскаго лакея и наведя справки о томъ, живетъ ли мамзель наверху, и, получивъ отъ него утвердительный отвѣтъ, написали неизвѣстной посланіе, что они оба влюблены, умираютъ отъ любви къ ней, и сами понесли это письмо наверхъ.

⁷⁷²Вронской узналъ все это уже тогда, когда въ комнату ворвались оба молодые люди съ лицами, разстроенными чѣмъ то особеннымъ кромѣ пьянства. Изъ ихъ разсказовъ⁷⁷³ Вронскій понялъ, что, когда они позвонили, къ нимъ вышла дѣвушка. Узнавъ, что тутъ живетъ дама, которая часъ тому назадъ пріѣхала на извозикѣ въ бархатной шубкѣ, они просили передать письмо, прося отвѣта. Но пока дѣвушка переговаривалась и спрашивала, отъ кого записка, выскочилъ какой то человѣкъ съ бакенбардами колбасиками, какъ они разсказывали, бросилъ письмо и ткнулъ въ грудь Кадрова. Это разсказывалъ Петрицкій.

— Нѣтъ, не толкнулъ, а грубо заперъ дверь, — оправдывался Кедровъ.

— Ну, не толкнулъ, — продолжалъ Петрицкій, — но все та-

---

⁷⁷¹ *Зач.: Удашевъ*

⁷⁷² *Зач.: Удашевъ*

⁷⁷³ *Зач.: Удашевъ*

ки чортъ знаетъ что такое! А Василій (лакей) говорилъ, что мамзель. Мы спрашивали у него. Онъ говорилъ: много ихъ мамзелей.

Всѣ посмѣялись этой исторіи, но⁷⁷⁴ Вронской и нѣкоторые другіе поняли, что исторія эта не хороша, но дѣлать и говорить теперь нечего было.

На другой день Полковой Командиръ позвалъ⁷⁷⁵ Вронскаго къ себѣ и, такъ какъ и ожидалъ⁷⁷⁶ Вронской, дѣло шло объ исторіи вчерашней мамзели и Петрицкаго съ Кедровымъ.> Оба были въ эскадронѣ⁷⁷⁷ Вронскаго. Къ полковому командиру пріѣзжалъ чиновникъ комиссіи прошеній титулярный совѣтникъ Вендень съ жалобой на его офицеровъ, которые оскорбили его жену. Молодая жена его, какъ рассказывалъ Вендень, — онъ былъ женатъ полгода, — была въ церкви съ матушкой и вдругъ почувствовала нездоровье, происходящее отъ извѣстнаго положенія, не могла больше стоять и поѣхала домой на первомъ попавшемся ей лихачѣ — извозникѣ. Тутъ за ней погнались офицеры, она испугалась и, еще хуже разболѣвшись, прибѣжала на лѣстницу домой. Самъ Вендень, вернувшись изъ присутствія, услыхалъ звонокъ и какіе то голоса, вышелъ и увидалъ пьяныхъ офицеровъ съ письмомъ, вытолкалъ ихъ и просилъ строгаго наказанія.

---

⁷⁷⁴ *Зачеркнуто:* Удашевъ

⁷⁷⁵ *Зач.:* Удашева

⁷⁷⁶ *Зач.:* Удашевъ

⁷⁷⁷ *Зач.:* Удашева

— Нѣтъ, какъ хотите, а Петрицкій, вы его защищаете, совѣтъ оный становится невозможень, — сказала Полковой командиръ. — Нѣтъ недѣли безъ исторіи. Вѣдь этотъ чиновникъ не оставитъ дѣла, оный поѣдетъ дальше.

⁷⁷⁸Вронской видѣлъ всю неблагоприятность этаго дѣла, въ особенности то, что кто то из товарищей получилъ ударъ въ грудь и что удовлетворенія требовать нельзя, а, напротивъ, надо все сдѣлать, чтобы смягчить этаго титулярнаго совѣтника и замѣть дѣло. Полковой командиръ призвалъ ⁷⁷⁹Вронскаго именно потому, что зналъ его за рыцаря чести, твердости, умнаго человѣка и, главное, человѣка, дорожащаго честью полка. Они потолковали и рѣшили, что надо ѣхать имъ: Петрицкому и Кедрову къ этому титулярному совѣтнику извиняться, и ⁷⁸⁰Вронскій самъ вызвался ѣхать съ ними, чтобы смягчить это дѣло сколько возможно. Полковой командиръ и ⁷⁸¹Вронскій оба понимали, что имя ⁷⁸²Вронскаго и флигель-адъютантскій вензель должны много содѣйствовать смягченію титулярнаго совѣтника. И дѣйствительно, эти два средства оказались отчасти дѣйствительными, но результатъ примиренія остался сомнительнымъ, какъ и рассказывалъ

---

⁷⁷⁸ *Зач.: Удашевъ*

⁷⁷⁹ *Удашева*

⁷⁸⁰ *Зачеркнуто: Удашевъ*

⁷⁸¹ *Зач.: Удашевъ*

⁷⁸² *Зач.: Удашева*

это⁷⁸³ Вронскій.

Вотъ этимъ то дѣломъ миротворства и занимался⁷⁸⁴ Вронской въ тотъ день, какъ кухня его ждала обѣдать. Молодые люди, несмотря на свои товарищескія, запанибратскія отношенія съ⁷⁸⁵ Вронскимъ, уважали его и покорились его рѣшенію ѣхать извиниться съ нимъ вмѣстѣ, тѣмъ болѣе что свое рѣшеніе онъ высказалъ имъ строго и рѣшительно, объявивъ, что если это дѣло не кончится миромъ, то имъ обоимъ надо выдти изъ полка. Одна уступка, которую онъ сдѣлалъ, состояла въ томъ, что Кедровъ могъ не ѣхать, такъ какъ онъ тоже считалъ себя оскорбленнымъ.

Въ назначенный часъ⁷⁸⁶ Вронской повезъ Петрицкаго къ титулярному совѣтнику. Титулярный совѣтникъ принялъ ихъ, стоя, въ вицмундирѣ, и румяное лицо его съ бакенбардами колбасиками, какъ описывалъ Петрицкій, было торжественно, но довольно спокойно.

⁷⁸⁷Вронской видѣлъ, что они съ Полковымъ Командиромъ не ошиблись, предположивъ, что имя и эполеты будутъ имѣть свое вліяніе.

Титулярный совѣтникъ поклонился⁷⁸⁸ Вронскому и по-

---

⁷⁸³ Зам.: Удашевъ

⁷⁸⁴ Зам.: Удашевъ

⁷⁸⁵ Зам.: Удашевымъ

⁷⁸⁶ Зам.: Удашевъ

⁷⁸⁷ Зам.: Удашевъ

⁷⁸⁸ Зам.: Удашеву

дать ему руку, но чуть наклоненіемъ головы признать существованіе Петрицкаго.⁷⁸⁹ Вронской началъ говорить:

– Два товарища мои были вовлечены цѣлымъ рядомъ несчастныхъ случайностей въ ошибку, о которой они отъ всей души сожальютъ, и просятъ васъ принять ихъ извиненія.

Титулярный совѣтникъ шевелилъ губами и хмурился.

– Я вамъ скажу,⁷⁹⁰ Графъ, что мнѣ очень лестно ваше посредничество и что я бы готовъ признать ошибку и раскаянье, если оно искренно, но, согласитесь...

Онъ взглянулъ на Петрицкаго и поднялъ голосъ.⁷⁹¹ Вронской замѣтилъ это и поспѣшилъ перебить его.

– Они просятъ вашего извиненія, и вотъ мой товарищъ и пріятель Петрицкій.

Петрицкій промывчалъ, что онъ сожальетъ, но въ глазахъ его не было замѣтно сожалѣнія, напротивъ, лицо его было весело, и титулярный совѣтникъ увидалъ это.

– Сказать: извиняю,⁷⁹² Графъ, очень легко, – сказалъ титулярный совѣтникъ, но испытать это никому не желаю, надо представить положеніе женщины.....

– Но согласитесь, опять перебилъ⁷⁹³ Вронской. – Моло-

---

⁷⁸⁹ *Зач.*: Удашевъ

⁷⁹⁰ *Зачеркнуто*: Князь

⁷⁹¹ *Зачеркнуто*: Удашевъ

⁷⁹² *Зач.*: Князь

⁷⁹³ *Зач.*: Удашевъ

дось, неопытность, и потомъ, какъ вы знаете, мы были на завтракъ, было выпито.... Я надѣюсь, что вы, какъ порядочный человѣкъ, войдете въ положеніе молодыхъ людей и великодушно извините. Я съ своей стороны, и Полковой командиръ просилъ меня, будемъ вамъ искренно благодарны, потому что я и прошу за людей, которыми мы дорожимъ въ полку. Такъ могу ли я надѣяться, что дѣло это кончится миромъ?

На губахъ титулярнаго совѣтника играла пріятная улыбка удовлетвореннаго тщеславія.

— Очень хорошо,⁷⁹⁴ Графъ, я прощаю, и онъ подаль руку. — Но эти господа должны знать, что оскорблять женщину неблагогородно.....

— Совершенно раздѣляю ваше мнѣніе, но если конечно.... — хотѣлъ перебить⁷⁹⁵ Вронской.

— Безъ сомнѣнія кончено, — сказалъ титулярный совѣтникъ. — Я не злой человѣкъ и не хочу погубить молодыхъ людей; не угодно-ли вамъ сѣсть? Не угодно-ли?

Онъ подвинулъ спички и пепельницу. И Вронской чувствовалъ, что меньшее, что онъ можетъ сдѣлать, это посидѣть минуту, тѣмъ болѣе что все такъ хорошо обошлось.

— Такъ прошу еще разъ вашего извиненія и вашей супруги за себя и за товарища, — сказалъ Петрицкій.

Титулярный совѣтникъ подаль руку и закурилъ папиросу.

---

⁷⁹⁴ *Зач.*: Князь

⁷⁹⁵ *Зач.*: Удашевъ

Все, казалось, прекрасно кончено, но титулярный совѣтникъ хотѣлъ подѣлиться за папирсой съ своимъ новымъ знакомымъ,⁷⁹⁶ Графомъ и флигель-адъютантомъ, своими чувствами, тѣмъ болѣе, что⁷⁹⁷ Вронской своей открытой и благородной фizioноміей произвелъ на него пріятное впечатлѣніе.

— Вы представьте себѣ,⁷⁹⁸ Графъ, что молодая женщина въ такомъ положеніи, стало быть, въ самомъ священномъ, такъ сказать, для мужа положеніи, ѣдетъ изъ церкви отъ нездоровья, и тутъ вдругъ.....

⁷⁹⁹Вронской хотѣлъ перебить его, видя, что онъ бросаетъ изъ подлобья мрачные взгляды на Петрицкаго.

— Да, но вы изволили сказать, что вы простили.

— Безъ сомнѣнія, и въ этомъ положеніи два пьяные...

— Но позвольте...

— Два пьяные мальчишки позволяютъ себѣ писать и врываться.

Титулярный совѣтникъ⁸⁰⁰ покраснѣлъ, мрачно смотрѣлъ на Петрицкаго.

— Но позвольте, если вы согласны...

Но титулярнаго совѣтника нельзя было остановить.

— Врываться и оскорблять честную женщину. Я жалѣю,

---

⁷⁹⁶ *Зач.*: Княземъ

⁷⁹⁷ *Зач.*: Удашевъ нравился ему.

⁷⁹⁸ *Зач.*: Князь

⁷⁹⁹ *Зачеркнуто*: Удашевъ

⁸⁰⁰ *Зач.*: былъ красень, и, какъ звѣрь,

что щетка не подвернулась мнѣ. Я бы убилъ....

Петрицкій всталъ нахмурившись.

– Я понимаю, понимаю, – торопился говорить⁸⁰¹ Вронской, чувствуя, что смѣхъ поднимается ему къ горлу, и опять пытаюсь успокоить титулярнаго совѣтника, но титулярный совѣтникъ уже не могъ успокоиться.

– Во всякомъ случаѣ я прошу васъ признать, что сдѣлано съ нашей стороны что возможно. Чего вы желаете? Погубить молодыхъ людей?

– Я ничего не желаю.

– Но вы извиняете?

– Для васъ и для Полковаго Командира, да, но этихъ мерз...

– Мое почтеніе, очень благодаренъ, – сказалъ⁸⁰² Вронской и, толкая Петрицкаго, вышелъ изъ комнаты.>

*** № 37 (рук. № 19).**

«Ну, такъ и есть, – подумала хозяйка, также какъ и всѣ въ гостиной, съ тѣхъ поръ какъ она вошла, невольно слѣдившіе за ней, – такъ и есть, – думала она, какъ бы по книгѣ читая то, что дѣлалось въ душѣ Карениной, – она кинулась ко мнѣ. Я холодна, она мнѣ говоритъ: мнѣ все равно, обращается къ Д., тотъ же отпоръ. Она говоритъ съ двумя-тремя мужчинами, а

---

⁸⁰¹ Зам.: Удашевъ

⁸⁰² Зам.: Удашевъ

теперь съ нимъ. Теперь она взяла въ ротъ жемчугъ – жемъ очень дурнаго вкуса, онъ встанетъ и подойдетъ къ ней».

И такъ точно сдѣлалось, какъ предполагала хозяйка. Глагинъ всталъ. Рѣшительное, спокойное лицо выражало еще большую рѣшительность; онъ шелъ, но еще не дошелъ до нея, какъ она, какъ будто не замѣчая его, встала и перешла къ угловому столу съ лампой и альбомомъ. И не прошло минуты, какъ уже она глядѣла въ альбомъ, а онъ говорилъ ей:⁸⁰³

– Вы мнѣ сказали вчера, что я ничѣмъ не жертвую. Я жертвую всѣмъ – честью. Развѣ я не знаю, что я дурно поступилъ съ Щербацкой? Вы сами говорили мнѣ это.

– Ахъ, не напоминайте мнѣ про это. Это доказываетъ только то, что у васъ нѣтъ сердца.

Она сказала это, но взглядъ ея говорилъ, что она знаетъ, что у него есть сердце, и вѣрить въ него.

– То была ошибка, жестокая, ужасная. То не была любовь.

– Любовь, не говорите это слово, это гадкое слово.

Она подняла голову, глаза ея блеснули изъ разгоряченнаго лица. Она отвѣчала, и очевидно было, что она не видѣла и не слышала ничего, что дѣлалось въ гостиной. Какъ будто электрическій свѣтъ горѣлъ на этомъ столикѣ, какъ будто въ барабаны били около этаго столика, такъ тревожило, раздражало все общество то, что происходило у этаго столика и, очевидно, не должно было происходить. Всѣ невольно прислушивались къ ихъ рѣчамъ, но ничего нельзя было слышать, и,

---

⁸⁰³ *Зачеркнуто:* что то странное, дикое

когда хозяйка подошла, они не могли ничего найти сказать и просто замолчали. Всѣ, сколько могли, взглядывали на нихъ и видѣли въ его лицѣ выраженіе страсти, а въ ея глазахъ что то странное и новое. Одинъ только Алексѣй Александровичъ, не прекращавшій разговора съ Генераломъ о классическомъ образованіи, глядя на свѣтлое выраженіе лица своей жены, зналъ значеніе этаго выраженія.⁸⁰⁴ Со времени пріѣзда ея изъ Москвы онъ встрѣчалъ чаще и чаще это страшное выраженіе – свѣта, яркости и мелкоты, которое находило на лицо и отражалось въ духѣ жены. Какъ только находило это выраженіе, Алексѣй Александровичъ старался найти ту искреннюю, умную, кроткую⁸⁰⁵ Анну, которую онъ зналъ, и ничто въ мірѣ не могло возвратить ее въ себя, она становилась упорно, нарочно мелочна, поверхностна, насмѣшлива, логична,⁸⁰⁶ холодна, весела и ужасна для Алексѣя Александровича. Алексѣй Александровичъ, религіозный человѣкъ, съ ужасомъ ясно опредѣлилъ и назвалъ это настроеніе; это былъ дьяволъ, который овладѣвалъ ея душою. И никакія средства не могли разбить этаго настроенія. Оно проходило само собою и большею частью слезами. Но прежде это настроеніе приходило ей одной, теперь же онъ видѣлъ, что оно было въ связи съ присутствіемъ этаго⁸⁰⁷ красиваго, умнаго и хороша-

---

⁸⁰⁴ *Зач.*: Послѣдній годъ (онъ былъ женатъ шесть лѣтъ)

⁸⁰⁵ *Зач.*: Нана

⁸⁰⁶ *Зач.*: страстна къ веселью,

⁸⁰⁷ *Зач.*: энергическаго, молодцоватаго,

го юноши.

Алексѣй Александровичъ ясно доказывалъ Генералу, что навязыванье классическаго образованія также невозможно, какъ навязываніе танцевальнаго образованія цѣлому народу.⁸⁰⁸ Но онъ видѣлъ, чувствовалъ, ужасался, и въ душѣ его становилось холодно.

Окончивъ разговоръ, онъ всталъ и подошелъ къ угловому столу.

— ⁸⁰⁹Анна, я бы желалъ ѣхать, — сказалъ онъ, не глядя на вставшаго⁸¹⁰ Вронскаго, но видя его, видя выраженіе его лица, умышленно, чтобъ не выказать ни легкости, ни презрѣнія, ни сожалѣнія, ни озлобленія, умышленно безвыразительное. Онъ понималъ все это и небрежно поворачивалъ свою шляпу.

— Ты хотѣла раньше ѣхать домой, да и мнѣ нужно.

— Нѣтъ, я останусь, пришли за мной карету, — сказала она просто и холодно.

«Это онъ, это дьяволъ говорить въ ней», подумалъ Алексѣй Александровичъ, глядя на ея прямо устремленные на него, странно свѣтящіеся между рѣсницъ глаза.

— Нѣтъ, я оставлю карету, я поѣду на извозикѣ.

И, откланявшись хозяйкѣ, Алексѣй Александровичъ вышелъ.

---

⁸⁰⁸ *Зачеркнуто:* онъ мямлилъ, искалъ слова и улыбался.

⁸⁰⁹ *Зач.*: Нана

⁸¹⁰ *Зач.*: Гагина

Истинно хорошее общество только тѣмъ и хорошее общество, что въ немъ до высшей степени развита чуткость ко всѣмъ душевнымъ движеніямъ. Ничего не произошло особеннаго. Молодая дама и знакомый мужчина отошли къ столу и въ продолженіе полчася о чемъ то⁸¹¹ говорили; но всѣ чувствовали, что случилось что то непріятно грубое, неприличное, стыдное. Хотѣлось завѣсить ихъ. И когда Алексѣй Александровичъ вышелъ, Княгиня⁸¹² Нана рѣшилась во что бы то ни стало нарушить уединеніе и перезвала къ ихъ столу двухъ гостей. Но черезъ 5 минутъ⁸¹³ Анна встала и простилась, сіяющей улыбкой пренебреженія отвѣчая на сухость привѣтствій. Вслѣдъ за ней вышелъ и⁸¹⁴ Вронскій.

— Что я вамъ говорила?

— Это становится невозможно, — переговорили хозяйка дома и толстая дама. — Бѣдный дуракъ!

Старый, толстый Татаринъ, кучеръ въ глянцевиномъ кожанѣ, съ трудомъ удерживалъ лѣваго прозябшаго сѣраго, извивавшагося у подъѣзда; лакей стоялъ, отворивъ дверцу. Швейцаръ стоялъ, держа внѣшнюю дверь.⁸¹⁵ Анна Каренина отцѣпляла маленькой бѣлой ручкой кружева рукава отъ

---

⁸¹¹ *Зач.*: горячо

⁸¹² *Зач.*: Мика

⁸¹³ *Зач.*: Нана

⁸¹⁴ *Зач.*: Гагинъ

⁸¹⁵ *Зач.*: Настасья Аркадьевна

крючка шубки и, нагнувши головку, улыбалась.⁸¹⁶ Вронскій говорилъ:

— Вы ничего не сказали, положимъ, я ничего не требую, ничего. Только знайте, что моя жизнь — ваша, что одна возможность счастья — это ваша любовь.⁸¹⁷

— Какъ должно быть ужасно легко мужчинамъ повторять эти слова. Сколько разъ вы говорили это?⁸¹⁸ Я одинъ разъ сказала это... и то неправду. Поэтому я не скажу этаго другой разъ, — повторила она медленно, горловымъ густымъ голосомъ, и вдругъ, въ тоже время какъ отцѣпила кружево,⁸¹⁹ она прибавила: — Я не скажу, но когда скажу... — и она взглянула ему въ лицо. — До свиданья, Алексѣй Кирилычъ.

Она подала ему руку⁸²⁰ и быстрымъ, сильнымъ шагомъ прошла мимо Швейцара и скрылась въ каретѣ. Ея взглядъ, прикосновеніе руки прожгли его. Онъ поцѣловалъ свою ладонь въ томъ мѣстѣ, гдѣ она тронула его, и поѣхалъ домой, безумный отъ счастья.

Вернувшись домой, Алексѣй Александровичъ не прошелъ къ себѣ въ кабинетъ, какъ онъ это дѣлалъ обыкновенно, а, спросивъ, дома ли Марья Александровна (сестра), и,

---

⁸¹⁶ *Зач.*: Гагинъ

⁸¹⁷ *Зачеркнуто*: И скажу больше. Любите ли вы меня, я не знаю, но вы не любите мужа[?]- Да я не сказала, что я люблю васъ.

⁸¹⁸ *Зач.*: Женщины никогда не говорятъ этаго.

⁸¹⁹ *Зач.*: — потому что незачѣмъ говорить. Я люблю тебя. Завтра въ 4 часа.

⁸²⁰ *Зач.*: взглянула

узнавъ, что ея тоже нѣтъ дома, вошелъ на верхъ не раздѣваясь и, заложивъ за спину сцѣпившіяся влажныя руки, сталъ ходить взадъ и впередъ по залѣ, гостиной и диванной. Образъ жизни Алексѣя Александровича, всегда встававшего въ 7 часовъ и всегда лежащагося въ постель въ половинѣ 1, былъ такъ регулярень, что это отступленіе отъ привычки удивило прислугу и удивило самаго Алексѣя Александровича, но онъ не могъ лечь и чувствовать, что ему необходимо объясниться съ женой и рѣшить свою и ея судьбу.

Онъ, не раздѣваясь, ходилъ своимъ⁸²¹ слабымъ шагомъ взадъ и впередъ по звучному паркету освѣщенной одной лампой столовой, по ковру темной гостиной, въ которой свѣтъ отражался только въ большое зеркало надъ диваномъ, и черезъ ея кабинетъ, въ которомъ горѣли двѣ свѣчи,⁸²² освѣщая красивые игрушки, такъ давно близко знакомыя ему, ея письменнаго стола, и до двери спальни, у которой онъ поворачивался.⁸²³

Онъ слышалъ, какъ въ спальню вошла⁸²⁴ Аннушка, горничная, слышалъ, какъ она выглянула на него и потомъ, какъ будто сердясь на то, что онъ такъ непривычно ходить не въ своемъ мѣстѣ, стала бить подушки, трясти какими то про-

---

⁸²¹ *Зач.: неровнымъ*

⁸²² *Зач.: между мелочами ея*

⁸²³ *На полях против этого места и ниже написано: [1] <Встаетъ, отсѣкнулась.>*

[2] <Сестра возвращается и намекаетъ.> [3] <Вспоминаетъ, какъ онъ встрѣтилъ ее съ Гагинымъ на желѣзной дорогѣ и какъ тогда въ глазахъ ея былъ дьяволъ.>

⁸²⁴ *Зачеркнуто: Маша*

стынями.

Всѣ эти столь привычные предметы, звуки⁸²⁵ имѣли теперь значеніе для Алексѣя Александровича и мучали его.

Какъ человѣку съ больнымъ пальцемъ кажется, что какъ нарочно онъ обо все ушибаетъ этотъ самый палецъ, такъ Алексѣю Александровичу казалось, что все, что онъ видѣлъ, слышалъ, ушибало его больное мѣсто въ сердцѣ.

На каждомъ протяженіи въ своей прогулкѣ и большей частью на⁸²⁶ паркетѣ свѣтлой столовой онъ останавливался и говорилъ себѣ: «Да, это необходимо рѣшить и прекратить и высказать свой взглядъ на это и свое рѣшеніе. Но высказать что же и какое рѣшеніе? Что же случилось? Ничего. Она долго говорила съ нимъ. Ну, что же?»⁸²⁷ Можетъ быть, я вижу что то особенное въ самомъ простомъ, и я только подамъ мысль»... и онъ трогался съ мѣста; но какъ только онъ входилъ въ темную гостиную, ему вдругъ представлялось это преобразенное, мелкое, веселое и ужасное выраженіе лица, и онъ понималъ, что дѣйствительно случилось что то⁸²⁸ неожиданное и страшное и такое, чему необходимо положить конецъ, если есть еще время. Онъ входилъ въ кабинетъ и тутъ, глядя на ея столъ съ лежащей наверху малахитоваго бювара начатой запиской, онъ живо вспоминалъ ее тою, какою она

---

⁸²⁵ *Зачеркнуто:* какъ ножомъ рѣзали его въ самое сердце.

⁸²⁶ *Зач.:* срединѣ въ темной гостиной

⁸²⁷ *Зач.:* Вольно же мнѣ видѣть въ этомъ что то особенное.

⁸²⁸ *Зач.:* и холодъ охватывалъ его сердце.

была для него эти 6 лѣтъ – открытою,⁸²⁹ простою и довольно поверхностною натурою, вспоминалъ ея вспыльчивость, ея несправедливыя⁸³⁰ досады на него⁸³¹ и потомъ простое раскаяніе – слезы дѣтскія почти и нѣжность, да, нѣжность. «А теперь? Нѣтъ этаго теперь, рѣже и рѣже я вижу и понимаю ее, и больше и больше выступаетъ что то новое, неизвѣстное. Есть же этому причина». Вспоминалъ онъ тоже свое часто повторявшееся въ отношеніи ея чувство своей недостаточности. Онъ вспоминалъ, что часто она какъ будто чего то требовала отъ него такого, чего онъ не могъ ей дать, и какъ онъ успокоивалъ себя, говоря: нѣтъ, это мнѣ только такъ кажется. А, видно, было что то между ними, и вотъ эта трещина оказалась.

«Все равно, я долженъ объясниться и разрѣшить все это».

Румяное, круглое лицо съ огромнымъ шиньономъ въ бѣлѣйшихъ воротничкахъ высунулось изъ двери спальни.

– Извольте ложиться, Алексѣй Александровичъ, я убралась,⁸³² – сказала Аннушка.

Алексѣй Александровичъ заглянулъ въ спальню, и вдругъ при видѣ этой горничной и при мысли о томъ, что она догадывается⁸³³ или догадается, почему такъ непривычно во 2-

---

⁸²⁹ *Зач.:* до послѣднихъ извивовъ души

⁸³⁰ *Зач.:* почти всегда

⁸³¹ *Зач.:* ея грубые слова, укоризны иногда

⁸³² *Зач.:* сказала голосокъ горничной

⁸³³ *Зачеркнуто:* о чемъ думаетъ баринъ,

мъ часу не ложится спать ея баринь, чувство⁸³⁴ отвращенія⁸³⁵ къ женѣ, къ той, которая ставила его въ унизительное положеніе, стрѣльнуло въ сердце.

— Хорошо, сказалъ онъ⁸³⁶ и, прибавивъ шагу, направился опять къ столовой.

У подъѣзда зашумѣли. Алексѣй Александровичъ вернулся въ ея кабинетъ и, сдвинувъ очки, близко посмотрѣлся въ зеркало. Лицо его,⁸³⁷ желтое и худое, было покрыто красными пятнами и показалось ему самому отвратительно.

«И⁸³⁸ неужели это такія простыя, ничтожныя событія и признаки — вечеръ у Княгини, то, что я не легъ спать въ опредѣленное время, это мое разстроенное лицо, — неужели это начало страшнаго бѣдствія?»

Да, какой то внутренній голосъ говорилъ ему, что это было начало несчастія. Что несчастіе уже совершилось, хотя еще не выразились всѣ его послѣдствія. «Но всетаки я долженъ высказать и высказать слѣдующее», и Алексѣй Александровичъ ясно и отчетливо пробѣжалъ въ головѣ весь конспектъ своей рѣчи къ ней: 1) воззваніе къ ней и попытка вызова на признаніе и вообще откровенность съ ея стороны 2)

---

⁸³⁴ *Зач.:* злости

⁸³⁵ *Зач.:* къ ней, къ себѣ наполнило его душу.

⁸³⁶ *Зач.:* съ своей притворной улыбкой

⁸³⁷ *Зач.:* бѣлое, пухлое, морщинистое

⁸³⁸ *Зач.:* на него нашла робость. Какъ и что скажетъ онъ ей? Она шла тихо черезъ залу

религіозное объясненіе значенія брака 3) ребенокъ и онъ самъ — ихъ несчастье 4) ее собственное несчастье.

На лѣстницу входили женскіе шаги. Алексѣй Александровичъ, готовый къ своей рѣчи, стоялъ, осторожно соединяя кончики пальцевъ обѣихъ [рукъ], и приводилъ въ спокойствіе и порядокъ мысли, которые онъ хотѣлъ передать женѣ. Этотъ жестъ соединенія кончиковъ пальцевъ рукъ всегда успокоивалъ его и приводилъ въ акуратность, которая теперь такъ нужна была ему. Но еще по звуку тонкаго сморканія на серединѣ лѣстницы онъ узналъ, что входила не Анна, а жившая съ нимъ сестра его Мари. Алексѣй Александровичъ гордился своей сестрой Мари, прозванной свѣтскими умниками душой въ турнюрѣ, былъ обязанъ ей большею частью своего успѣха въ свѣтѣ (она имѣла высшія женскія связи, самыя могущественныя), былъ радъ тому, что она жила съ нимъ, придавая характеръ высшей утонченности и какъ будто самостоятельности его дому. Онъ и любилъ ее, какъ онъ могъ любить, но онъ не любилъ разговаривать съ нею съ глаза на глазъ. Онъ зналъ, что она никогда не любила его жены, считая ее⁸³⁹ мелкою и *terre à terre*⁸⁴⁰ и потому не подмо-гою, а помѣхою въ карьерѣ мужа, и потомъ тотъ усвоенный Мари тонъ слишкомъ большаго ума, доходившаго до того, что она ничего не говорила просто, былъ тяжелъ съ глазу на глазъ.

---

⁸³⁹ *Зачеркнуто:* глупою

⁸⁴⁰ [будничной]

Мари была мало похожа на брата, только большіе выпуклые полужакрытые глаза были общіе. Мари была не дурна собой, но она уже пережила лучшую пору красоты женщины, и съ ней сдѣлалось то, что дѣлается съ немного перестоявшейся простоквашей. Она отсикнулась. Та же хорошая простокваша стала слаба, не плотна и подернулась безвкусной, нечисто цвѣтной сывороткой. Тоже сдѣлалось съ ней и физически и нравственно. Мари была чрезвычайно, совершенно искренно религіозна и добродѣтельна. Но съ тѣхъ поръ какъ она отсикнулась, что незамѣтно случилось съ ней года два тому назадъ, религіозность не находила себѣ полного удовлетворенія въ томъ, чтобы молиться и исполнять Божественный законъ, но въ томъ, чтобы судить о справедливости религіозныхъ взглядовъ другихъ и бороться съ ложными ученіями, съ протестантами, съ католиками, съ невѣрующими. Добродѣтельныя наклонности ея точно также съ того времени обратились не на добрыя дѣла, но на борьбу съ тѣми, которые мѣшали добрымъ дѣламъ. И какъ нарочно послѣднее время всѣ не такъ смотрѣли на религію, не то дѣлали для улучшенія духовенства, для распространенія истиннаго взгляда на вещи. И всякое доброе дѣло, въ особенности угнетеннымъ братьямъ Славянамъ, которые были особенно близки сердцу Мари, встрѣчало враговъ, ложныхъ толкователей, съ которыми надо было бороться. Мари изнемогала въ этой борьбѣ, находя утѣшеніе только въ маломъ кружкѣ людей, понимающихъ ее и ея стремленія.

— О, какъ я подрублена нынче, — сказала она по французски, садясь на первый стулъ у двери.

Братъ понялъ, что она хотѣла сказать, что устала.

— Я начинаю уставать отъ тщетнаго ломанія копій за правду. И иногда я совсѣмъ развинчиваюсь. А Анна? — прибавила она, взглянувъ на лицо брата. — Что значить, — сказала она, — это отступленіе отъ порядка? Люди акуратные, какъ ты, выдаютъ себя однимъ отступленіемъ. Что такое?

— Ничего. Мнѣ хотѣлось поговорить съ Анной.

— А она осталась у Нана? — взглянувъ, сказала Мари, и большіе полузакрытые глаза ея подернулись мрачнымъ туманомъ.

— О, какъ много горя на свѣтѣ и какъ неравномѣрно оно распредѣляется, — подразумѣвая подъ этимъ горе Алексѣя Александровича, отражающееся на нее. — Княгиня надѣялась, что ты заглянешь, — продолжала она, чтобъ показать, что понимаетъ горе брата, но не хочетъ о немъ говорить. — Дѣло сестричекъ (это было филантропически-религіозное учрежденіе) подвинулось бы, но съ этими господами ничего не возможно дѣлать, — сказала она съ злой насмѣшливой покорностью судьбѣ. — Они ухватились за мысль, изуродовали ее и потомъ обсуждаютъ такъ мелко и ничтожно.

Она очень огорчена, но и не можетъ быть иначе... Разсказавъ еще нѣкоторыя подробности занимавшаго ее дѣла, она встала.

— Ну, вотъ, кажется, и Анна, — сказала она. — Прощай. По-

могай тебѣ Богъ.

— Въ чемъ? — неожиданно спросилъ онъ.

— Я не хочу понимать тебя и отвѣчать тебѣ. Каждый несетъ свой крестъ, исключая тѣхъ, которые накладываютъ его на другихъ, — сказала она, взглянувъ на входившую Анну. — Ну, прощайте. Я зашла узнать, зачѣмъ онъ не спитъ, — сказала она Аннѣ, — и разговорилась о своемъ горѣ. Доброй ночи.⁸⁴¹

Анна⁸⁴² чуть замѣтно улыбнулась, поцѣловалась съ⁸⁴³ золовкой и обратилась къ мужу.

— Какъ, ты не въ постели? — и, не дожидаясь отвѣта, быстро и легко прошла въ темную гостиную.

Въ гостиной она остановилась, какъ бы задумавшись о чемъ то. Алексѣй Александровичъ вошелъ за ней въ гостиную. Она стояла въ накинутомъ распушенномъ башлыкѣ, играя обѣими руками его кистями и задумчиво опустивъ голову. Увидавъ его, она подняла голову, улыбнулась.

— Ты не въ постели? Вотъ чудо! — И съ этими словами скинула башлыкъ и прошла въ спальню. — Пора, Алексѣй Александровичъ, — проговорила она изъ за двери.

—⁸⁴⁴ Анна, мнѣ нужно переговорить съ тобой!

— Со мной? — Она высунулась изъ двери. — Ну да, давай переговоримъ, если такъ нужно. — Она сѣла на ближайшее

---

⁸⁴¹ *Зачеркнуто:* И она пошла внизъ.

⁸⁴² *Зач.:* быстро и легко вошла въ залу

⁸⁴³ *Зач.:* невѣсткой

⁸⁴⁴ *Зач.:* Нана

кресло. — А лучше бы спать.

— Что съ тобой? — началъ онъ.

— Какъ что со мной?

Она отвѣчала такъ просто, весело, что тотъ, кто не зналъ ее, какъ мужъ, не могъ бы замѣтить ничего неестественнаго ни въ звукахъ, ни въ смыслѣ ея словъ. Но для него, знавшаго, что когда⁸⁴⁵ на лицѣ его видна была тревога, забота, иногда самая легкая, она тотчасъ же замѣчала ее и спрашивала причины; для него, знавшаго, что всякія свои радости, веселье, горе она тотчасъ сообщала ему, для него теперь видѣть, что она не хотѣла замѣчать его состоянія, что не хотѣла ни слова сказать про себя, было ужасно.

— Какъ что со мной? Со мной ничего. Ты уѣхалъ раньше, чтобы спать, и не спишь, не знаю отчего, и я пріѣхала и хочу спать.

— Ты знаешь, что я говорю, — повторилъ онъ тихимъ и строгимъ голосомъ. — У тебя въ душѣ что то дѣлается. Ты *взволнована* и обрадована чѣмъ-то независимо отъ меня, отъ общей спокойной жизни. Ты весела..., — сказалъ онъ, самъ чувствуя всю праздность своихъ словъ, когда онъ говорилъ ихъ и смотрѣлъ на ея смѣющіеся, страшные теперь⁸⁴⁶ для него глаза.

— Ты всегда такъ, — отвѣчала она, какъ будто совершенно не понимая его и изо всего того, что онъ сказалъ, пони-

---

⁸⁴⁵ Зам.: онъ ложился спать позже обыкновеннаго, когда

⁸⁴⁶ *Зачеркнуто*: потому что закрытые отъ

мая только послѣднее. — То тебѣ непріятно, что я скучна, то тебѣ непріятно, что я весела. Мнѣ не скучно было. Это тебя оскорбляетъ.

⁸⁴⁷Онъ вздрогнулъ, какъ будто его кольнуло что то, ⁸⁴⁸чувствуя, что то дьявольское навожденіе, которое было въ ней, не пронзимо ничѣмъ.

— ⁸⁴⁹Анна!⁸⁵⁰ Ты ли это? — сказала онъ также тихо, сдѣлавъ усиліе надъ собой и удержавъ выраженіе отчаянія.

— Да что же это такое, — сказала она съ такимъ искреннимъ и комическимъ всетаки, веселымъ удивленіемъ. — Что тебѣ отъ меня надо?

— Тебя, тебя, какая ты есть, а не это, — говорилъ Алексѣй Александровичу махая рукой, какъ бы разгоняя то, что застилало ее отъ него. И голосъ его задрожалъ слезами.

— Это удивительно, — сказала она, не замѣчая его страданія и пожавъ ⁸⁵¹плечами. — Ты нездоровъ, Алексей Александровичъ.

Она встала и хотѣла⁸⁵² уйти; но онъ схватилъ своей разгоряченной рукой ея тонкую и холодную руку и остановилъ ее. Она бы могла шутя стряхнуть его руку, и въ томъ взглядѣ, ко-

---

⁸⁴⁷ *Зач.:* — Ахъ, это ужасно, — сказалъ, вскрикнувъ

⁸⁴⁸ *Зач.:* Онъ хотѣлъ сказать что-то <но удержался> жестокое

⁸⁴⁹ *Зач.:* — Ахъ; Ахъ это ужасно!

⁸⁵⁰ *Зач.:* Опомнись

⁸⁵¹ *Зач.:* своими холодными бѣлыми

⁸⁵² *Зач.:* затворить дверь

торый она опустила на его костлявую слабую руку и на свою руку, выразилось насмѣшливое презрѣніе, но она не выдержала руки, только съ отвращеніемъ⁸⁵³ дрогнула плечомъ.

– Ну-съ, я слушаю, что будетъ.

–⁸⁵⁴ Анна! – началъ онъ, составляя концы пальцевъ и изрѣдка ударяя на излюбленные слова, – Анна, повѣришь ли ты мнѣ или нѣтъ, это твое дѣло, но я обязанъ передъ тобой, передъ собой и передъ Богомъ высказать всѣ мои опасенія и всѣ мои сомнѣнія. Жизнь наша связана и связана не людьми, а Богомъ. Разорвать эту связь можетъ только преступленіе.⁸⁵⁵ Въ связи нашей есть таинство, и ты и я – мы его чувствуемъ, и оттого я знаю, хотя ничего не случилось, я знаю, что теперь, именно нынче, въ тебя вселился духъ зла и искушаетъ тебя, завладѣлъ тобой. Ничего не случилось, – повторилъ онъ болѣе вопросительно, но она не измѣняла удивленно насмѣшливаго выраженія лица, – но я вижу возможность гибели для тебя и для меня⁸⁵⁶ и прошу, умоляю опомниться, остановиться.

– Что же, это ревность, къ кому? Ахъ, Боже мой, и какъ мнѣ на бѣду спать хочется.

---

⁸⁵³ *Зач.*: дернулась

⁸⁵⁴ *Зачеркнуто*: Еще разъ онъ <видимо> смиренно [?] и умоляющимъ взглядомъ просилъ ее, чтобы она вернулась, она, какая она была прежде; но неприступная черта таже лежала между ними. Онъ все таки началъ говорить:– Наша жизнь связана и связана

⁸⁵⁵ *Зач.*: Бываетъ, что связи эти разрываются, но тогда гибнуть тѣ люди. И

⁸⁵⁶ *Зач.*: Я не буду пугать тебя

— Анна, ради Бога не говори такъ,⁸⁵⁷ — сказалъ онъ кротко.

— Можетъ быть, я ошибаюсь, но повѣрь, что то, что я говорю, я говорю столько же за себя, какъ и за тебя. Я люблю, я люблю тебя, — сказалъ онъ.

При этихъ словахъ на мгновеніе лицо ее опустилось, и потухла насмѣшливая искра во взглядѣ.

— Алексѣй Александровичу⁸⁵⁸ я не понимаю, — сказала она.

— Позволь, дай договорить, да,⁸⁵⁹... я думалъ⁸⁶⁰ иногда прежде о томъ, что бы я сдѣлалъ, если бы⁸⁶¹ моя жена измѣнила мнѣ. Я бы оставилъ ее и постарался⁸⁶² жить одинъ. И я думаю, что я бы не былъ счастливъ, но я могъ бы такъ жить, но не я главное лицо, а ты.⁸⁶³ Женщина, преступившая законъ, погибнетъ, и гибель ее ужасна.

⁸⁶⁴Она молчала, но онъ чувствовалъ, что неприступная черта лежала между нимъ и ею.

---

⁸⁵⁷ *Зач.:* Я не буду тебя пугать собой. Чѣмъ я буду пугать? Я слабый человѣкъ и физически и морально.

⁸⁵⁸ *Зач.:* ты чѣмъ то разстроены, у тебя нервы

⁸⁵⁹ *Зач.:* я слабый человѣкъ; я собой пугать не буду, я ничего не сдѣлаю, не могу, да и не хочу наказывать. Мщеніе у Бога.

⁸⁶⁰ *Зач.:* <въ минуты моей ревности> прежде ужасные

⁸⁶¹ *Зач.:* ты разорвала нашу связь

⁸⁶² *Зач.:* бы умереть

⁸⁶³ *Зач.:* Повѣрь мнѣ ты, теперь торжественная минута.

⁸⁶⁴ *Зач.:* — Что съ вами, я понять не могу, я бы думала, что вы ужинали. [*Такъ в подлиннике.*] — И опять та же

– Если ты дорожишь собой, своей вѣчной душой, отгони отъ себя это холодное, не твое состояніе, вернись сама въ себя, скажи мнѣ все, скажи мнѣ, если даже тебѣ кажется, что ты жалѣешь, что вышла за меня, что ты жалѣешь свою красоту, молодость, что ты боишься полюбить или полюбила, – продолжалъ онъ.

– Мнѣ нечего говорить, – вдругъ быстро выговорила, – да и... пора спать.

– Хорошо, – сказалъ онъ.

⁸⁶⁵Алексѣй Александровичъ⁸⁶⁶ тяжело вздохнулъ и пошелъ раздѣваться.

Когда онъ пришелъ въ спальню, тонкія губы его были строго сжаты, и глаза не смотрѣли на нее. Когда онъ легъ на свою постель, Анна ждала всякую минуту, что онъ еще разъ заговорить съ нею. Она не боялась того, что онъ заговорить, и ей хотѣлось этаго. Но онъ молчалъ. «Ну, такъ я⁸⁶⁷ заговорю съ нимъ, вызову его опять», подумала она, но въ ту же минуту услыхала ровный и спокойный свистъ въ его крупномъ горбатомъ носу.

---

⁸⁶⁵ *Зачеркнуто:* Всю ночь эту Алексѣй Александровичъ не смыкалъ глазъ, и, когда на другой день онъ увидалъ ту же чуждость въ своей женѣ, онъ рѣшилъ самъ съ собой, что одно изъ главныхъ несчастій его жизни свершилось. Какъ, въ какихъ подробностяхъ оно выразится, что онъ будетъ дѣлать, онъ не зналъ, но зналъ, что сущность несчастья совершилась.

⁸⁶⁶ *Зач.*: расплакавшись, <долго> всхлипывалъ <потомъ> еще на постелѣ. Но еще всхлипыванья не прошли, какъ они перешли въ сырое храпѣнье.

⁸⁶⁷ *В подлиннике:* я такъ

Она осторожно поднялась и сверху внимательно разглядывала его спокойное, твердое лицо,⁸⁶⁸ и особенно выпуклые и обтянутые жилистыми вѣками яблоки закрытыхъ глазъ испугали ее. Эти глаза похожи были на мертвые.

— Нѣтъ, ужъ поздно, голубчикъ, поздно, — прошептала она, и ей весело было то, что уже было поздно, и она долго лежала неподвижно съ открытыми глазами, блескъ которыхъ, ей казалось, она сама въ темнотѣ видѣла.

* № 38 (рук. № 22).

Это было очень мило, но разговоръ перервался, и опять надо было затѣвать новое. Хозяйка занялась этимъ дѣломъ раздуванія огня разговора и предложила вопросъ о возможности счастливыхъ браковъ безъ страсти.

— Я думаю, — сказала⁸⁶⁹ одна дама, — что бракъ по разсудку — самый счастливый, потому что видятъ другъ друга, какіе есть, а не какіе кажутся.⁸⁷⁰

— Да, это было бы такъ, если бы дѣйствительно любви не было, — сказалъ кто-то. — Но счастье браковъ по разсудку разлетается именно отъ того, что появляется любовь, та самая, которую не признавали.

---

⁸⁶⁸ *Зачеркнуто:* безъ очковъ

⁸⁶⁹ *Зач.:* Анна

⁸⁷⁰ *Зач.:* — Браки по разсудку были бы самые счастливые, если бы люди не влюблялись, — сказала Анна.

– Но если это такъ, какъ скарлатина, то черезъ это надо пройти. Всякая дѣвушка должна влюбиться, опомниться и выдти замужъ. Тогда надо выучиться прививать любовь, какъ оспу.

– Я была влюблена въ дьячка, – сказала княгиня Мягкая.

– Нѣтъ, я думаю безъ шутокъ, что для того, чтобы узнать любовь, надо ошибиться.

– Вотъ именно, – сказала Анна, – надо ошибиться и поправиться.

Она засмѣялась, перегнулась къ столу, сняла перчатку съ бѣлой руки и взяла чашку.

– Ну, а если ошибка въ женитьбѣ? – сказалъ хозяинъ.

– Все таки надо поправиться.

– Но какъ?

– Я не знаю какъ, – сказала она. – Никогда не поздно раскаяться.

⁸⁷¹Вронской смотрѣлъ на Анну⁸⁷² на столько, на сколько позволяло приличіе, и лицо его сіяло счастьемъ.

*** № 39 (рук. № 31).**

Послѣ объясненія своего съ женою Алексѣй Александровичъ почувствовалъ себя до такой степени несчастнымъ и жалкимъ и сознаніе своей жалкости такъ оскорбляло его, что

---

⁸⁷¹ *Зачеркнуто:* Удашевъ

⁸⁷² *Зач.:* мрачно. «Неужели это бездушная кокетка и только», думаль онъ

онъ съ тѣхъ поръ ни разу не вызывалъ жену на объясненія и избѣгалъ ее, что было такъ легко и естественно при той занятой и свѣтской жизни, которую они оба вели. Онъ съ такимъ усиліемъ началъ это унизительное объясненіе тогда и такъ пристыженъ былъ тѣмъ отпоромъ мнимаго непониманія, который ему дала Анна, что онъ не въ силахъ былъ начать новое. На него нашель столбнякъ гордости. «Не хочешь, — говорилъ онъ, мысленно обращаясь къ ней, — тѣмъ хуже для тебя». Онъ самъ чувствовалъ, что это отношеніе къ женѣ было безумно, что оно было подобно тому, что бы сказалъ человѣкъ, попытавшійся тщетно потушить пожаръ и который, разсердившись бы на тщету своихъ усилій, сказалъ бы: «Такъ на же тебѣ, такъ сгоришь за это».

Онъ чувствовалъ это нѣсколько разъ, хотѣлъ заговорить съ нею, но всякій разъ имъ овладѣвалъ столбнякъ гордости. Онъ, съ трудомъ удерживая слезы, обдумывалъ самъ съ собою, что онъ скажетъ ей; но какъ только онъ подходилъ къ ней, лицо его противъ его воли принимало холодно спокойное выраженіе, и онъ говорилъ не о томъ, что хотѣлъ.

*** № 40 (рук. № 27).**

I.

Левинъ жилъ въ деревнѣ, и стыдъ отказа, привезенный имъ изъ Москвы, все болѣе и болѣе застилался невидными, но значительными для него событіями деревенской жизни.

Съ нимъ свершалось то, что онъ себѣ ставилъ не разъ какъ правило, для утѣшенія въ горестныя минуты, но что, какъ правило, никогда не утѣшало его, но въ дѣйствительности всегда оказывалось. справедливо. Въ то время, когда онъ пріѣхалъ изъ Москвы и вздрагивалъ и краснѣлъ всякій разъ, какъ вспоминалъ свой позоръ, онъ сказалъ себѣ: «Сколько у меня бывало такихъ горестей и стыдовъ, которые казались непереносимы, какъ, напримѣръ, единица за латынь, когда я думалъ, что погибъ отъ этаго; падшая любимая лошадь и другіе, и чтожъ, теперь, когда прошли года, я вспоминаю и удивляюсь, какъ это могло огорчать меня. Тоже будетъ и съ этимъ горемъ. Пройдутъ года, и я буду удивляться, какъ это могло огорчать меня».

Но тогда это разсужденіе не успокоило его, а прошло 3 мѣсяца, и дѣйствительно онъ началъ успокаиваться, но не совсѣмъ. Онъ забывалъ, что, кромѣ времени, прошедшаго послѣ единицы за латынь и гибели лошади, былъ уже выдержанный экзаменъ въ латыни и другія лучшія лошади, но теперь не было другой женщины, которая бы замѣнила ему ту, которую онъ потерялъ безвозвратно. А онъ чувствовалъ самъ, какъ чувствовала любящая его старушка тетушка и всѣ его окружающіе, что нехорошо человѣку одному быть. Онъ помнилъ, какъ онъ, разговорившись шутя, сказалъ разъ своему скотнику Николаю, наивному, милому мужику: «Что, Николай, хочу жениться», и какъ Николай поспѣшно отвѣчалъ, какъ дѣло, въ которомъ не можетъ быть никакого со-

мнѣнія: «И давно пора, Константинъ Дмитричъ».

Но женитьба теперь стала отъ него дальше, чѣмъ когда ли-бо. Мѣсто было занято, и, когда онъ теперь въ воображеніи ставилъ на это мѣсто кого-нибудь изъ тѣхъ дѣвушекъ, кото-рыхъ онъ зналъ, онъ чувствовалъ, что это было совершенно невозможно. Но время дѣлало свое, и съ каждой недѣлей онъ рѣже и рѣже и съ меньшею живостью и болью вспоминалъ о Кити, и, хотя предполагалъ по времени, что теперь она уже замужемъ или выйдетъ на дняхъ, онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ подтвержденія этаго предположенія, зная, что это извѣстіе, какъ выдергиваніе зуба, совсѣмъ вылечить его.

Но еще прежде чѣмъ онъ получилъ это извѣстіе, пришла весна, одна изъ тѣхъ рѣдкихъ весенъ, которыхъ и старики не запомнятъ, и эта прекрасная весна почти совсѣмъ успокоила его.

Не весна съ цвѣточками и соловьями такъ успокоительно подѣйствовала на него, но весна рѣдкая для травъ и хлѣбовъ. Весна долго не открывалась. Днемъ таяло на солнцѣ, а ночью подмороживало. Настъ былъ такой, что на возахъ ѣздили. Такъ тянулось недѣли три; казалось, конца не будетъ. Потомъ вдругъ понесло теплымъ вѣтромъ, тучи полились дождемъ три дня и три ночи теплой бурей. Потомъ сталъ туманъ, и понемногу стали разбираться переломанныя льдины, всплывшіеся потоки, и вдругъ прояснѣло, и въ тотъ же день весь дрожащій теплый воздухъ наполнился звуками жаворонко-въ, на низахъ заплакали чибисы надъ болотами, булькающи-

ми отъ проснувшейся въ нихъ жизни. Мужики откидывали навозъ отъ завалинъ и отдирали примерзшія къ плетню бо-
роны и ладили сохи. Бабы с незагорѣлыми бѣлыми ногами
легко и весело, звонко болтая, шли за водой. Облѣзшая, вы-
линявшая мѣстами только скотина заревѣла на выгонахъ, по-
щипывая старику съ пробивавшейся зеленой травкой; заиг-
рали кривоногіе ягнята вокругъ теряющихъ волны блеющихъ
матерей, запахло землей отъ отошедшихъ полей и огородо-
въ, надулись почки горькой и липкой спиртовой березы, рас-
пушилась верба надъ быстро, на глазахъ тающимъ въ лѣса-
хъ снѣгомъ у корней, и по старымъ [*1 неразобр.*] слѣдамъ
полетѣла выставленная, облетавшаяся пчела, и весело забле-
стѣли озими, всѣ гладкія, ровныя, какъ бархатъ, безъ одной
плѣшины и вымочки.

⁸⁷³ Левинъ надѣлъ большіе сапоги и одну суконную под-
девку и пошелъ по хозяйству. Коровы были выпущены на
варокъ и, сіяя перелинявшей гладкой шерстью, грѣлись на
солнцѣ. Онъ велѣлъ выгнать ихъ на выгонъ. «Ничего, пусть
загрязнятся, обчистятся. А телятъ выпустить на варокъ». При-
плодъ нынѣшняго года былъ хорошъ. Даже полукров-
ные были хороши. Ранніе были съ мужицкую корову. Но
Павина дочь выдавалась изъ всѣхъ. Полюбовавшись скоти-
ной, онъ сдѣлалъ распоряженія о водопое, такъ какъ вода въ
прудѣ была грязна, и замѣтилъ, что на неупотреблявшемся

---

⁸⁷³ *Зачеркнуто:* Въ началѣ этой весны Левинъ вышелъ послѣ чаю въ большихъ сапогахъ

зимой варкѣ рѣшетки были кѣмъ то поломаны. Онѣ послалъ за плотникомъ. Плотникъ ладилъ сохи, которыя должны были быть налажены еще до масляницы. Это было досадно, но это была привычная досада. Какъ ни бился Левинъ въ хозяйствѣ, въ томъ, чтобы дѣлать все впередъ, а не тогда, когда нужно употреблять, и чтобы сдѣланное разъ было спрятано, это повторялось всегда и во всемъ, сколько ни бился онъ. Общій порядокъ бралъ свое. Рѣшетки не нужны были зимой на варкѣ, ихъ снесли въ конюшню и переломали, теперь надо дѣлать новыя. Сохи велѣно чинить зимой, и нарочно взято 3 плотника, но всѣмъ имъ нашлись дѣла всю зиму, и сохи ладили и въ его экономіи, какъ и всѣ мужики, тогда, когда пахать надо было.

— Позовите Василю Ѳедоровича (прикащика).

Василій Ѳедоровичъ, сіяя также, какъ и всѣ и все въ этотъ день, въ обшитомъ мерлушкой тулупчикѣ, пришелъ, шагая черезъ грязь, и доказалъ, что иначе нельзя было. Но въ такой день нельзя было сердиться.

— Ну что, сѣять можно?

— За Туркинымъ верхомъ съ понедѣльника можно.

— Ну, а клеверъ?

— Послалъ-съ, разсѣваютъ. Не знаю только пролѣзутъ ли, тонко.

— На сколько десятинъ?

— На три.

— Отчего?

– Телѣгъ еще не собрали.

– Ахъ, какъ вамъ не стыдно.

– Да не беспокойтесь, все сдѣлаемъ во времени.

Опять это была одна изъ старыхъ досадъ Левина. Клеверъ надо было сѣять чѣмъ раньше, тѣмъ лучше; но это вводилъ Левинъ, и ему не вѣрили, и всякій разъ надо было бороться.

– Игнать, – крикнулъ онъ кучеру, съ засученными руками у колодца обмывавшему коляску – Осѣдай мнѣ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.